

ТАРАС ШЕВЧЕНКО • КОБЗАРЬ

Тарас Григорьевич Шевченко

Кобзарь: Стихотворения и ПОЭМЫ

В сборник вошли поэтические произведения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко (1814–1861).

Большой мир национального и всечеловеческого бытия встает с пламенеющих страниц "Кобзаря". Картины народной жизни, с многообразием ее человеческих типов и лиц, ее драмами и трагедиями, так же как и с ее редкостными поэтически светлыми моментами, с ее горестным настоящим и трудным, но героическим прошлым, с ее обычаями и преданиями, красота родной земли и ее пейзажей — все это художественно дано Шевченко для последующих поколений с той "отцовской" первоначальностью, щедростью и непреложностью, которая роднит его в литературах XIX века прежде всего с Пушкиным и Мицкевичем.

Вступительная статья М. Рыльского.

Примечания И. Айзенштока.

Иллюстрации Т. Шевченко.

Содержание

#1	0018
М. Рыльский Поэзия Тараса Шевченко	0019
Стихотворения и поэмы	0058
Порченая Перевод М. Исаковского	0058
«Ветер буйный, ветер буйный...» Перевод Л. Длигача	0068
Вечной памяти Котляревского Перевод А. Тарковского	0070
«Течет вода в сине море...» Перевод Н. Брауна	0076
Думка Перевод А. Твардовского	0077
«Думы мои, думы мои...» Перевод А. Суркова	0079
Перебендя Перевод П. Карабана	0084
Катерина Перевод М. Исаковского	0088
Тополь Перевод А. Безыменского	0117
Думка Перевод В. Звягинцевой	0127
К Основьяненко Перевод В. Державина	0128
Иван Подкова Перевод М. Михайлова	0132
Тарасова ночь Перевод Б. Турганова	0135
Н. Маркевичу Перевод Т. Волгиной	0141
На память Штернбергу Перевод С. Олендера	0143
Гайдамаки Поэма Перевод А. Твардовского	0143

«Ветер веет, повеваает...» Перевод Н. Асеева	
0250	
Марьяна-черница Перевод Л. Вышеславского	
0252	
Утопленная Перевод М. Зенкевича	0270
Песня караульного у тюрьмы	0278
Слепая поэма	0279
Гамалия Перевод Н. Асеева	0322
Тризна	0330
#24	0331
Разрытая могила Перевод М. Славинского	0353
«Чигрине, Чигрине...» Перевод Л. Длигача	0355
Сова Перевод П. Карабана	0359
Девичьи ночи Перевод Н. Ушакова	0368
Сон Комедия Перевод В. Державина	0370
«В воскресенье не гуляла...» Перевод М. Комиссаровой	0393
«Что же мне так тяжело...» Перевод Е. Благининой	0397
«Зачаруй меня, волшебник...» Перевод П. Семьнина	0398
Гоголю Перевод М. Исаковского	0399
«Не завидуй богатому...» Перевод Е. Нежинцева	0401
«Не женися на богатой...» Перевод Е. Шумской	0402
Еретик Перевод П. Карабана	0403
Слепой Поэма Перевод Н. Асеева	0418

Подземелье Мистерия Перевод Ф. Сологуба	
0446	
«Стоит в селе Субботове...» Перевод Ф. Сологуба	
.	0468
Наймичка Перевод Т. Волгиной	0470
Кавказ Перевод П. Антокольского	0492
И мертвым, и живым, и нерожденным	
землякам моим, на Украине и не на Украине	
сущим, мое дружеское послание Перевод В.	
Державина	0499
Холодный Яр Перевод Ал. Дейча	0510
Псалмы Давида Перевод Л. Вышеславского	
0513	
Маленькой Марьяне Перевод В. Звягинцевой	
0524	
«Проходят дни, проходят ночи ...» Перевод Н.	
Ушакова	0526
Три года Перевод П. Панченко	0527
Завещание Перевод А. Твардовского	0531
Лилея Перевод М. Комиссаровой	0532
Русалка Перевод В. Инбер	0536
Ведьма Поэма Перевод П. Антокольского	0538
В каземате	0559
Княжна Поэма Перевод В. Гиппиуса	0579
N. N. («Солнце заходит, горы чернеют...»)	
Перевод И. Воробьевой	0596
N. N. («Тогда мне лет тринадцать было...»)	
Перевод А. Твардовского	0597

«Не греет солнце на чужбине...» Перевод А. Безыменского	0599
Сон. («Горы мои высокие!..») Перевод А. Суркова	0601
Иржавец Перевод В. Державина	0608
Н. Н. («О думы мои! О слава злая!..») Перевод А. Чачикова	0612
«Когда мы были казаками...» Перевод Н. Брауна	0614
Чернец Перевод Н. Асеева	0616
«Один другого вопрошаем...» Перевод В. Луговского	0621
«Сам удивляюсь. Кто ответит...» Перевод Н. Ушакова	0622
«Ой, строчечку да к строчечке...» Перевод В. Звягинцевой	0623
Платок Перевод М. Комиссаровой	0624
А. О. Козачковскому («Бывало, в школе я когда-то...») Перевод Л. Вьшеславского	0627
Солдатов колодец (Вариант 1847 г.) Перевод А. Суркова	0633
«Вот так и я теперь строчу...» Перевод Л. Пеньковского	0646
«А ну-ка, вновь стихи писать...» Перевод Н. Брауна	0647
«Топор был за дверью у господа бога...» Перевод Н. Ушакова	0648
Варнак Перевод Я. Городского	0651

«Ой, гляну да погляжу я...» Перевод Н. Сидоренко	0659
«Не дай ты никому того же...» Перевод Н. Сидоренко	0660
[Цари] Перевод Л. Вышеславского	0661
«Когда есть дом родной...» Перевод Л. Длигача	0671
Дочка ктитора Перевод С. Липкина	0672
«Ну что, казалось бы, слова...» Перевод Н. Сидоренко	0681
«Как за подушным, правый боже...» Перевод Н. Ушакова	0683
П. С. («Я не досадую на злого...») Перевод В. Звягинцевой	0684
Г. З. («Нет горше доли, чем в неволе...») Перевод В. Звягинцевой	0686
«Когда бы встретились мы снова...» Перевод Н. Брауна	0689
[Марина] Перевод В. Бугаевского	0690
Пророк Перевод Н. Брауна	0703
[Сычи] («На рожь несжатую в ночи...») Перевод А. Суркова	0704
«Меж скалами, подобно вору...» Перевод В. Цвелева	0705
«И сонные волны, и мутное небо...» Перевод Н. Ушакова	0712
«И вырос я в краю чужом...» Перевод М. Комиссаровой	0713

«Не для людей и не для славы...» Перевод Н. Ушакова	0716
«На кургане возле рощи...» Перевод Н. Ушакова	0717
«Мне б сапожки, я бы тоже...» Перевод Н. Ушакова	0719
«И богата я...» Перевод А. Прокофьева	0720
«Повстречалась я...» Перевод В. Инбер	0721
Мать моя была богата... Перевод В. Инбер	0722
«Муженька я дорогого...» Перевод Н. Ушакова	0723
«Ой, наточу товарища...» Перевод Г. Петникова	0725
«На улице снег и ветер...» Перевод В. Звягинцевой	0726
«Присяду я на крылечке...» Перевод В. Инбер	0727
«Куковала кукушечка...» Перевод М. Комиссаровой	0728
Швачка Перевод Д. Длигача	0729
«Ой, не пьются мед и пиво...» Перевод Н. Ушакова	0731
«На улице невесело...» Перевод Л. Елисеева	0732
«Хата Катри-Катерины...» Перевод Н. Ушакова	0733
«Из-за рощи солнце всходит...» Перевод Н. Ушакова	0736

- «Ой, пошла я в овраг за водою...» Перевод Н. Ушакова 0737
- «Не так недруги твои...» Перевод Н. Ушакова 0738
- «Ой, баю-баю, качаю сына...» Перевод В. Звягинцевой 0739
- «Отчего ты почернело...» Перевод Н. Брауна 0740
- «Туман плывет долинами...» Перевод В. Инбер 0741
- «То пасхальное воскресенье...» Перевод А. Тарковского 0742
- «В лес-дуброву я ходила...» Перевод Н. Ушакова 0745
- «В воскресеньице да ранехонько...» Перевод М. Комиссаровой 0747
- «То не буйный ветер в поле...» Перевод Н. Сидоренко 0748
- «Протоптала тропочку...» Перевод Н. Ушакова 0749
- «И широкую долину...» Перевод Н. Брауна 0750
- «В огороде, возле брода...» Перевод А. Суркова 0751
- «Кабы мне монисто, родная...» Перевод П. Панченко 0752
- «Не хочу я обручаться...» Перевод И. Сельвинского 0753
- Чума Перевод М. Комиссаровой 0755

«И снова мне не привезла...» Перевод Н. Брауна	0757
«В неволе я один скучаю...» Перевод Л. Озерова	0759
«Спит отец мой в могиле...» Перевод В. Звягинцевой.....	0760
«Из похода не вернулся...» Перевод Н. Брауна . . . 0761	
«Во граде Вильно достославном...» Перевод В. Бугаевского.....	0762
«Заслонило черной тучей...» Перевод И. Сельвинского.....	0766
«Не домой бредя средь ночи...» Перевод М. Петровых.....	0769
«Как чумаки, тащась в степях...» Перевод М. Петровых.....	0772
[Сотник] Перевод Б. Турганова.....	0773
«За солнцем облачко плывет...» Перевод Н. Брауна.....	0793
«Не стану я печалиться...» Перевод М. Замаховской.....	0794
«Зачем буду я жениться...» Перевод Н. Брауна . . . 0795	
«Ой, серые кричат гуси...» Перевод А. Суркова . . . 0797	
«Если бы тебе досталось...» Перевод Д. Бродского.....	0798
«И тернистый и колючий...» Перевод С.	

Гордеева	0803
«Зацвела в долине...» Перевод Е. Нежинцева . . .	
0805	
«И в самых радостных краях...» Перевод А.	
Твардовского	0806
«В светлый праздник на соломе...» Перевод М.	
Комиссаровой	0810
«Бывало, думаю, гуляю...» Перевод В.	
Бугаевского	0811
«Бывает, иногда старик...» Перевод Н. Ушакова	
.	0812
«Не самому ль мне написать...» Перевод М.	
Матусовского	0813
«Мы чванные, пустые люди...» Перевод А.	
Ойслендера	0816
«Мне золотую, дорогую...» Перевод В.	
Звягинцевой	0818
«Мы вместе некогда росли...» Перевод Н.	
Ушакова	0819
«Готово! Парус распустили...» Перевод Н.	
Ушакова	0822
«Мы все же осенью похожи...» Перевод П.	
Карабана	0823
«Считаю в ссылке дни и ночи...» (Вариант 1850	
г.) Перевод Я. Городского	0825
«Считаю в ссылке дни и ночи...» (Вариант 1858	
г.) Перевод Н. Ушакова	0829
«Запели мы и разошлись...» Перевод Н. Брауна	

.....	0830
«Не молилась мать за сына...» Перевод В. Звягинцевой	0831
Петрусь Поэма Перевод М. Зенкевича	0833
«Мне кажется, — но сам не знаю...» Перевод Е. Долматовского	0843
«Когда б вы знали, барчуки...» Перевод Ал. Дейча	0845
«Бывает, в неволе мечтать начинаю...» Перевод Л. Пеньковского	0849
«И станом гибким, и красою...» Перевод В. Инбер	0856
«Огни горят, оркестр играет...» Перевод Н. Ушакова	0858
«Неволя, или горе злое...» Перевод А. Ойслендера	0859
«Какого дьявола я трачу...» Перевод Н. Сидоренко	0860
«Все снится мне: вот под горою...» Перевод Т. Волгиной	0861
«Опять настало время злое...» Перевод С. Олендера	0862
Солдатов колодец (Вариант 1857 г.) Поэма Перевод Ф. Сологуба	0863
Неофиты Поэма Перевод А. Островского	0879
Юродивый Перевод А. Суркова	0901
Доля Перевод М. Комиссаровой	0905
Муза Перевод М. Рыльского	0906

Слава Перевод М. Голодного	0908
Сон («Она на барском поле жала...»). Перевод А. Плещеева	0909
«Я, чтоб не сглазить, не хвораю...» Перевод Н. Ушакова	0910
Подражание 11 псалму Перевод М. Голодного	0911
Марко Вовчку Перевод И. Воробьевой	0913
Исайя. Глава 35 Перевод П. Антокольского	0914
Н. Н. («Как ты, лилеею такую ж...») Перевод Ф. Сологуба	0916
Федору Ивановичу Черненко («Ой, на горе яр-хмель цветет...») Перевод Б. Турганова	0917
«Ой, мама, мама...» Перевод Н. Ушакова	0918
Сестре Перевод В. Саянова	0919
«Я, глупый, размышлял порою...» Перевод А. Ойслендера	0920
«Во Иудее, во дни оны...» Перевод Г. Владимирского	0921
Мария Поэма Перевод Б. Пастернака	0923
Подражание Эдуарду Сове Перевод М. Фромана	0952
Подражание Иезекиилю. (Глава 19) Перевод А. Безыменского	0953
Осии Перевод М. Зенкевича	0955
«Девушка, мила, красива...» Перевод В. Звягинцевой	0958

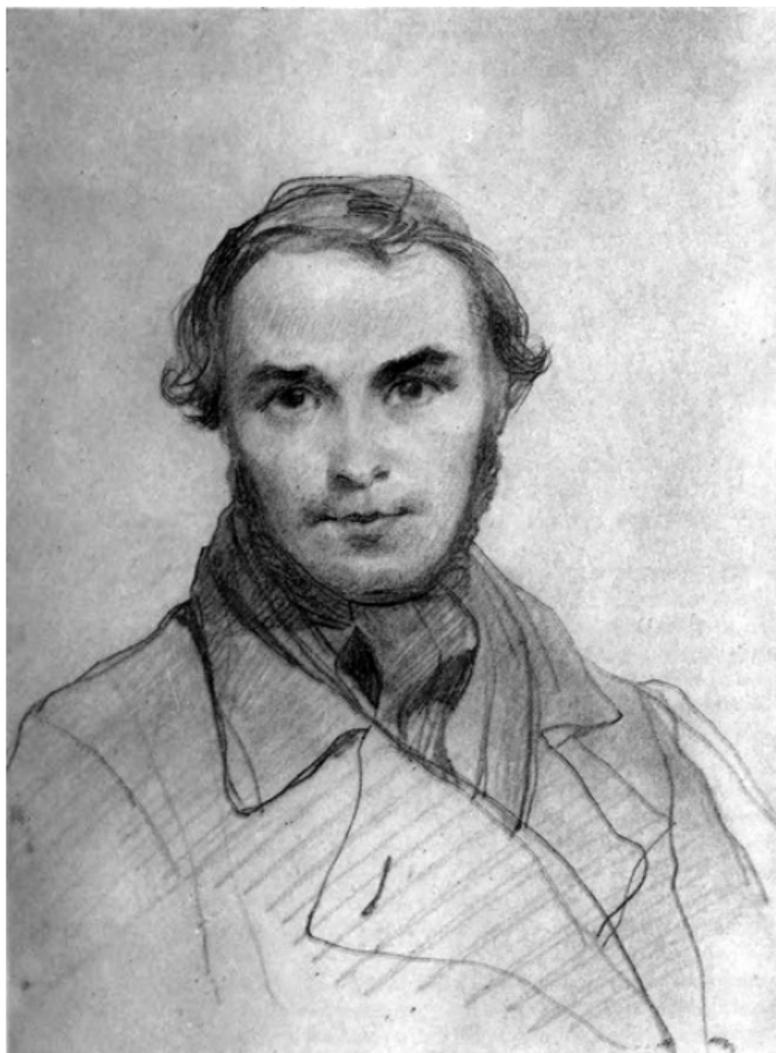
«Ой ты, темная дуброва...» Перевод В. Звягинцевой	0959
Подражание сербскому Перевод И. Сельвинского	0960
Молитва Перевод П. Карабана	0961
«В былые дни, во время оно...» Перевод А. Миниха	0963
«Ненасытным очам...» Перевод П. Карабана	0964
Плач Ярославны Перевод А. Тарковского	0966
«С рассвета и до вечера...» Перевод А. Тарковского	0968
«Умре муж велий в власянице...» Перевод Н. Сидоренко	0970
Гимн черниц Перевод С. Вышеславцевой	0971
«Над днепровскою водою...» Перевод Л. Вышеславского	0972
«Играли вместе, подросли...» Перевод Т. Волгиной	0973
«Свете ясный! Свете тихий...» Перевод А. Безыменского	0974
Ликерии. («Моя голубка! Друг мой милый!..») Перевод М. Фромана	0975
Н. Я. Макарову. («Барвинок цвел и зеленел...») Перевод Н. Сидоренко	0976
«Ни Архимед, ни Галилей...» Перевод С. Липкина	0977
Л. («Поставлю хату — не палаты...») Перевод В.	

Звягинцевой	0978
«Нет, бога я не упрекаю...» Перевод Л. Озерова	0979
Саул Перевод Г. Владимирского	0980
«И молодость моя минула...» Перевод В. Луговского	0985
«Титаривна-Немиривна...» Перевод В. Инбер . . . 0986	
«Хотя лежачего не бьют...» Перевод А. Суркова	0987
«Куда ни глянешь — все постыло...» Перевод В. Звягинцевой	0988
«О люди, вам ли жить во мраке...» Перевод С. Липкина	0989
«Вот если мне бы все же хлеба...» Перевод В. Инбер	0990
«И день идет, и ночь идет...» Перевод С. Гордеева	0991
«Течет вода от явора...» Перевод М. Комиссаровой	0992
«Однажды над Невой иду...» Перевод Н. Брауна	0993
«Сраженья были, распри — все бывало...» Перевод Л. Вышеславского	0994
Н. Т. («Великомученица-дева!..») Перевод А. Безыменского	0996
«И встретились, и обвенчались...» Перевод В. Инбер	0997

«Кума моя и я...» Перевод С. Олендера	0998
«Что ж, не пора ли понемногу...» Перевод К. Симонова	0999
«Покамест то да се, с поклоном...»	1001
АВТОБИОГРАФИЯ	1003
Алфавитный указатель произведений	1010
Иллюстрации Т. Шевченко	1029

Тарас Шевченко
Кобзарь: Стихотворения и
ПОЭМЫ

М. Рыльский Поэзия Тараса Шевченко

Самое употребительное, распространенное, в общем, справедливое определение основоположника новой украинской литературы Тараса Шевченко — народный поэт; стоит, однако, подумать над тем, что в это подчас вкладывается.

Были люди, которые считали Шевченко только грамотным слагателем песен в народном духе, только известным по имени продолжателем безыменных народных певцов. Для этого взгляда были свои основания. Шевченко вырос в народной песенной стихии, хотя, заметим, и очень рано был оторван от нее. Не только из его стихотворного наследия, но и из его написанных по-русски повестей и дневника и из многочисленных свидетельств современников мы видим, что поэт превосходно знал и страстно любил родной фольклор.

В своей творческой практике Шевченко нередко прибегал к народной песенной форме, подчас полностью сберегая ее и даже вкрапывая в свои стихи целые строфы из песен. Шевченко иногда чувствовал себя дей-

ствительно народным певцом-импровизатором. Стихотворение его «Ой не п'ються пива, меди» — о смерти чумака в степи — все выдержано в манере чумацких песен, больше того — может считаться даже вариантом одной из них.

Мы знаем шедевры «женской» лирики Шевченко, стихотворения-песни, написанные от женского или девичьего имени, свидетельствующие о необыкновенной чуткости и нежности как бы перевоплотившегося поэта. Такие вещи, как «Якби мені черевики», «І багата я», «Полюбилася я», «Породила мене мати», «У перетику ходила», конечно, очень похожи на народные песни своим строем, стилевым и языковым ладом, своей эпитетикой и т. п., но они резко отличаются от фольклора ритмическим и строфическим построением. «Дума» в поэме «Слепой» написана действительно в манере народных дум, однако отличается от них стремительностью сюжетного движения.

Вспомним далее такие поэмы Шевченко, как «Сон», «Кавказ», «Мария», «Неофиты», его лирику, и согласимся, что определение Шевченко как поэта народного только в смысле

стиля, стихотворной техники и т. п. приходится отвергнуть. Шевченко — поэт народный в том смысле, в каком мы говорим это о Пушкине, о Мицкевиче, о Беранже, о Петефи. Здесь понятие «народный» сближается с понятиями «национальный» и «великий».

II

Первое дошедшее до нас стихотворное произведение Шевченко — баллада «Порченая» («Причинна») — начинается совершенно в духе романтических баллад начала XIX века — русских, украинских и польских, в духе западноевропейского романтизма:

*Широкий Днепр ревет и стонет,
Сердитый ветер листья рвет,
К земле все ниже вербы клонит
И волны грозные несет.
А бледный месяц той порою
За темной тучею блуждал.
Как челн, настигнутый волною,
То выплывал, то пропадал.*

Здесь — все от традиционного романтизма: и сердитый ветер, и бледный месяц, выглядывающий из-за туч и подобный челну среди моря, и волны, высокие, как горы, и

вербы, гнущиеся до самой земли... Вся баллада построена на фантастическом народном мотиве, что тоже характерно для романтиков и прогрессивного и реакционного направления.

Но за только что приведенными строчками идут такие:

*Еще в селе не просыпались,
Петух зари еще не пел,
Сычи в лесу перекликались,
Да яшень гнулся и скрипел.*

«Сычи в лесу» — это тоже, конечно, от традиции, от романтической поэтики «страшного». Но яшень, время от времени скрипящий под напором ветра, — это уже живое наблюдение над живой природой. Это уже не народно-песенное и не книжное, а свое.

Вскоре за «Порченой» (предположительно 1837 г.) последовала знаменитая поэма «Катерина». По сюжету своему поэма эта имеет ряд предшественниц, с «Бедной Лизой» Карамзина во главе (не говоря уже о гетевском «Фаусте»). Но вчитайтесь в речь ее героев и сравните эту речь с речью карамзинской Лизы и ее обольстителя, приглядитесь к шевченков-

ским описаниям природы, быта, характеров — и вы увидите, насколько Шевченко ближе, чем Карамзин, к земле, и при этом к родной земле. Черты сентиментализма в этой поэме может усматривать только человек, не желающий замечать суровой правдивости ее тона и всего повествования.

Вполне реалистично описание природы, которым открывается четвертая часть поэмы:

*И на горе и под горою,
Как старцы с гордой головою,
Дубы столетние стоят.
Внизу — плотина, вербы в ряд,
И пруд, завянный пургою,
И прорубь в нем, чтоб воду
брать...
Сквозь тучи солнце покраснело,
Как колобок, глядит с небес!*

В оригинале у Шевченко солнце краснеет, как *покотьоло*, — по словарю Гринченко, это кружок, детская игрушка. Вот с чем сравнил молодой романтик солнце! Употребленное М. Исаковским в его новой редакции перевода слово *колобок* кажется мне превосходной находкой.

Лирика Шевченко начиналась такими песнями-романсами, как «На что черные мне брови...», но она все более и более приобретала черты реалистического, беспредельно искреннего разговора о самом заветном, — достаточно вспомнить хотя бы «Мне, право, все равно...», «Огни горят», знаменитое «Как умру, похороните...» (традиционное название — «Завещание»).

Очень характерной чертой шевченковской поэтики являются контрастные словосочетания, которые в свое время подметил еще Франко: «недоля жартуе», «пекло сміється», «лихо сміється», «журба в шинку мед-горшку поставцем кружала» и т. п.

Его поздние поэмы — «Неофиты» (якобы из римской истории) и «Мария» (на евангельский сюжет) — изобилуют реалистическими бытовыми подробностями. Евангельская Мария у него «вовну білую пряде» на праздничный бурнус для старика Иосифа.

*Или на берег поведет
Козу с козленочком болезным
И попасти и напоить.*

А об Иисусе автор одобрительно говорит:

Постиг уже он мастерство.

У Шевченко — проще и теплее:

Малый вже добре майстрував, —

то есть «малыш уже хорошо плотничал».

Кое-где мы видим уже не древнюю Иудею, а современную поэту Украину, украинское село.

И все же это «приземление» высоких предметов уживалось у поэта с торжественным, необыденным, патетическим строем речи, о чем свидетельствует хотя бы начало той же «Марии»:

*Все упование мое,
Пресветлая царица рая,
На милосердие твое,
Все упование мое,
Мать, на тебя я возлагаю.*

Шевченко — лирик по преимуществу, лирик даже в таких эпических своих произведениях, как поэма «Гайдамаки», персонажи которой наполняют петербургскую комнату поэта, и он ведет с ними задушевный разговор о

судьбах родного края, о путях молодой украинской литературы, о праве ее на самостоятельное развитие. И «Катерина», и «Наймичка», и «Марина», и «Мария» — все поэмы Шевченко пронизаны лирической струей. Чисто лирические вещи его предельно искренни и просты. Именно простотой небольшого стихотворения «Садок вишневый коло хати...» восхищался когда-то Тургенев. Простота эта, однако, очень далека от примитивности. Читаем:

*Вишневый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют,
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют дивчата,
А матери их дома ждут.
Все ужинают возле хаты,
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает.
Ворчала б мать, да вот беда-то:
Ей соловейко не дает.
Мать уложила возле хаты
Ребятюк маленьких своих,
Сама заснула возле них.
Затихло все... Одни дивчата
Да соловейко не затих.*

И своеобразное построение строфы, и несомненно сознательное повторение слова «хати» в конце первого стиха каждой строфы, и возникающая из этого рифмовка, и последовательное развитие картины украинского вечера от его начала до той поры, когда все, кроме девушек да соловья, засыпает, — все эти черты свидетельствуют о большом мастерстве поэта, о тонкости и сложности его внешне простого письма.

III

Ведущая черта поэзии Шевченко — музыка, мелос, ритмическая мощь и метрическое разнообразие. Будучи художником-акварелистом, графиком, живописцем, он уделял в своих стихотворениях немалое место краскам видимого мира, хотя и меньшее, чем этого можно было бы ожидать. Колористическое богатство в большей степени свойственно его прозе — русским повестям. Достоянна, однако, внимания образная система поэта, все углублявшаяся, приобретающая на протяжении его поэтической деятельности все больше и больше живых, земных, своих черт.

В ранних произведениях Шевченко мы за-

частую видим традиционные, почерпнутые из фольклорных образцов сравнения типа:

*Кругом хлопці та дівчата —
Як мак процвітає.*

Но скоро на смену этим готовым формулам приходят чисто индивидуальные метафоры, сравнения, уподобления. Гус в его поэме «Еретик» стоит перед своими несправедливыми судьями,

*Как в ливанском поле
Гордый кедр...*

В «Тарасовой ночи» река Альта, обогрившая кровью сражающихся, уподобляется красной змее. В ранней небольшой поэме «Гамалия» находим такое «приземленное» описание разбушевавшегося Босфора:

*Босфор задрожал — потому не
привык
К казацкому плачу: вскипел вели-
чавый
И серую шкуру подернул, как бык.*

Босфор в виде серого быка с содрогающейся шкурой!

Неожиданно, очень выразительно и весьма далеко от внешней красоты...

Конкретность, наглядность шевченковских образов просто поражают:

Пустыня, как цыган, чернела...

Мне не спалось, а ночь как море...

У раннего Шевченко очень часты народные, постоянные эпитеты — *сине море, біле личко, карі очі, темный гай, бистрый Дунай, сизогрилий орел, чорні хмари, вітер буйний, високі могили, дуб зелененький, червона калина*... Не следует понимать слова *постоянный эпитет* в отрицательном смысле, как нечто застывшее, как враждебный подлинному искусству трафарет. Постоянный эпитет — самое простое и обыкновенное определение, раньше всего приходящее в голову, — зачастую бывает самым могучим изобразительным средством. Александр Блок начинает свои «Двенадцать» такими строками:

*Черный вечер.
Белый снег.*

И эпитеты эти — черный и белый — лучше

всего вводят читателя в трагическую атмосферу поэмы.

Но не менее могучи, разумеется, и оригинальные, индивидуальные, неповторимые эпитеты. Они появляются у Шевченко довольно рано и все гуще и гуще заселяют поле его поэзии: *рожева зоря, латаний талан* (буквально — *заплатанная судьба*), *сіроокі скіфи, прескорбная мати, синьо-мундирні часові*, свято *чорнобриве* (*чернобровый* праздник — в обращении к любимой женщине), *очі — голубі аж чорні*. Иногда неожиданное применение общеупотребительного торжественного эпитета к слову «низкой речи» дает яркий сатирический эффект: *святопомазана чуприна*» (*свято-помазанный хохол*) — это о «помазанниках божьих», царях. Начало одного из прекраснейших лирических стихотворений Шевченко построено на неожиданных эпитетах:

*И сонные волны, и мутное небо,
На берегу в далекой мгле
Камыш, как бы навеселе,
Без ветра гнется...*

Первая строка в прозаическом переводе выглядит так: «И неумытое небо, и заспанные

ВОЛНЫ».

Стиховое разнообразие украинского поэта, которое кажется подчас даже прихотливым, происходит от желания возможно точнее передать мысль, картину, чувство, настроение, происходит от того, что Шевченко принадлежал к поэтам, воспринимающим мир в первую очередь музыкально. Неожиданные переходы из размера в размер встречаются и у других больших поэтов, — правда, реже. Вспомним поразительные хореические строки «На воздушном океане» в написанном четырехстопным ямбом «Демоне» Лермонтова, метрическое разнообразие «Фауста» Гете...

Совершенно новым явлением в мировой поэзии следует считать сочетание у Шевченко принятых украинскими и русскими поэтами нового времени силлабо-тонических размеров с размерами силлабическими и народно-песенными, а иногда и со своеобразным, свободным стихом, верлибром.

В метрическом отношении стихотворное наследство Шевченко делится на две основные группы. Первая группа, условно называемая силлабической, — это так называемые

«КОЛОМЫЙКОВЫЕ» стихи по схеме восемь слогов, шесть слогов с общей хорейческой тенденцией, но с очень свободным размещением ударений:

*В таку добу під горою
Біля того гаю,
Що чорніє над водою,
Щось біле блукає.*

И одиннадцати- двенадцатислоговый стих с общей амфибрахической тенденцией, но тоже с весьма свободным расположением ударений по обе стороны обязательной цезуры:

*Дивлюся, сміюся, // дрібні ути-
раю...
Я не одинокий, // є з ким в світі
жить;*

*У моїй хатині, // як в степу
безкраїм,
Козацтво гуляє, // байрак гомо-
нить;
У моїй хатині // синє море грає,
Могила сумує, // тополя шу-
мить...*

Прежние переводчики совершенно обес-

двечивали ритмику Шевченко, переводя стихи первого типа чистыми хорями, второго типа — амфибрахиями. Мне кажется, что ключ к пониманию ритмического секрета Шевченко в целом ряде стихотворений следует искать в песне. Шевченко принадлежит к числу тех поэтов, которые, слагая стихи, внутренне поют их. Это, может быть, самые трудные для перевода поэты.

Вторая стихотворная группа — это четырехстопный ямб пушкинского типа. Шевченко, однако, очень свободно расставляет ударения не только в силлабических, но и в силлабо-тонических стихотворениях. Исследователи говорят об умелом пользовании рифмой — причем часто очень свежей (особенно для того периода развития украинского слова) и глубокой, об ассонансах и диссонансах, о том, что буквально нет ни страницы, где бы не было великолепной игры внутренними рифмами, о мастерстве звукописи:

Неначе ляля в льолі білій...

или:

Гармидер, галас, гам у гаї.

Рифма у поэта подчас небрежна, но, конечно, не небрежностью объясняются такие со-звучия, как «вечеряти — в очереті), как слож-ная «песенная» рифма «калино моя — полива-ная»... Примеры эти свидетельствуют, наобо-рот, о признанном теперь всеми большим, со-знательном мастерстве. Мастерство это было поставлено на службу тому великому делу, каким Шевченко считал дело поэта.

IV

В одном из стихотворений, написанных после ссылки, которая надломила физически, но не поколебала духовно великого поэта Шевченко обращается к своей музе:

*В ночи,
И днем, и в утреннем тумане
Ты надо мной витай, учи,
Учи не лживыми устами
Вещать лишь правду в наши дни.*

Говорить правду — в этом видел Шевченко неотъемлемое право и высокую обязанность поэта. И этому завету он был верен всю жизнь.

Мятежный и страстный дух Шевченко нелегко укладывается в какие бы то ни было

рамки. Нам кажется бесспорным, что между Шевченко до 1847 года (года ссылки), когда вращался он в кругу «кирилло-мефодиевцев» — Кулиша, Костомарова и других, во многом уже тогда ожесточенно споривших с бунтарем Тарасом (он страстно призывал к восстанию во имя освобождения народа), а впоследствии неуклонно отходивших вправо, — и Шевченко 1857–1861 годов, когда состоялось идейное сближение поэта с Добролюбовым, Чернышевским и другими представителями передовой русской мысли, есть большая разница. Впрочем, эволюция мировоззрения Шевченко в сторону последовательной революционности и широкого интернационализма началась, как это отмечал Франко, в начале 40-х годов, когда еще слышались в России отзвуки декабрьского восстания. В годы ссылки революционность Шевченко, все большее внимание его к социальным проблемам не только не притупились, а, наоборот, явно окрепли.

Вся жизнь его и все его творчество подчинены одной центральной идее. Эта идея — верность народу, ненависть ко всякому гнету

и произволу, деятельная любовь к отчизне. Служил Шевченко этой идее своим огненным словом. О силе слова как оружия говорил он ясно и четко:

*Возвеличу
Рабов и малых и немых!
Я стражем верным возле них
Поставлю слово...*

Следует отметить, что Шевченко — один из творцов современного литературного украинского языка — не раз обращался и к языку русскому и что не только количественно большая часть его творческого наследия (проза, две поэмы, отрывок драмы), но и совершенно интимный его дневник («Журнал») написаны по-русски. Мимо этого факта нельзя пройти. Нельзя вместе с тем не заявить со всей решительностью, что поэт сильнее всего выражает себя тогда, когда пишет на родном языке.

Три дара было отпущено Шевченко щедрой природой: дар певца, дар художника, дар писателя — поэта и прозаика.

Именно как художник обратил на себя внимание интеллигентных современников

крепостной ученик малярного дела, сын бедного украинского крестьянина, по воле помещика попавший в Петербург, — именно дар художника открыл ему доступ в круг передовых людей того времени, помогших юноше получить образование и добившихся выкупа его из крепостной зависимости. Значение Шевченко как живописца, рисовальщика, гравера само по себе могло бы обеспечить ему почетное место в истории искусства.

Современники, помнившие шевченковское исполнение народных песен, утверждают, что ничего подобного они не слышали. С этой оценкой, правда, несколько расходится высказывание Тургенева, а тем более впечатление от шевченковского пения, высказанное мракобесом Аскоченским. Однако Тургенев относился к великому поэту доброжелательно, но с некоторой предвзятостью... Про Аскоченского и говорить нечего... Музыковеды наших дней, на основании высказываний Шевченко в его «Дневнике» и повестях и на основании того, как он словесно передает свои ощущения от музыки, говорят, что и в этой области поэт был глубоко одарен и имел об-

ширные, хотя и не систематические познания. Но прежде всего как поэт вошел Тарас Шевченко в историю нашей и мировой культуры, как поэт снискал он себе бессмертие. Вместе с тем надо отметить, что элементы живописи и особенно музыки чрезвычайно сильны в его творчестве. Не назовешь ведь иначе как великолепной живописной панорамой его «Сон» («Горы мои высокие...»).

Певучесть шевченковского стиха изумительна, — недаром творчество его привлекло и привлекает множество композиторов.

В своей поэтике, в своем стиле, в своем мироощущении прошел Шевченко путь, характерный для XIX столетия вообще, — от романтики к реализму. Отмечу, между прочим, что этот тонкий и нежный мастер слова, знавший и употреблявший самые ласковые оттенки его, не скупился на весьма резкие, даже бранные выражения по адресу врагов, шокировавшие многих «эстетов», и выходило это у «мужицкого» поэта вполне естественно и художественно убедительно.

Шевченко рано осознал себя как поэт национальный, избрав своим орудием находив-

шийся в пренебрежении украинский язык, который недруги считали, по выражению поэта, «мертвыми словами». Во вступлении к поэме «Гайдамаки» Шевченко отстаивает не только свое национальное достоинство, но и демократическую свою тематику. «Гайдамаки» — поэма о народном восстании против угнетателей, и «ляхи» в ней — категория не национальная, а социальная, как мы видим это и в народных украинских думах. Что Шевченко во время создания поэмы «Гайдамаки» был далек от призывов к национальной вражде, свидетельствует послесловие к поэме, где автор говорит:

«Весело посмотреть на слепого кобзаря, когда он сидит с хлопцем, слепой, под тыном, и весело послушать его, когда он запоет думу про то, что давно происходило, как боролись ляхи с казаками, весело, а... все-таки скажешь: «Слава богу, что миновало», — а особенно когда вспомнишь, что мы одной матери дети, что все мы славяне. Сердце болит, а рассказывать надо: пусть видят сыновья и внуки, что отцы их ошибались, пусть братаются вновь со своими врагами. Пусть, житом,

пшеницею, как золотом, покрыта, неразмежевана останется навеки от моря и до моря славянская земля».

Этой мыслью о славянском единении проникнуто и посвящение поэмы «Еретик» известному деятелю чешского национально-освободительного движения Шафарику, и обращенное к одному из поляков, товарищей Шевченко по ссылке, стихотворение «Ще як були ми козаками». О благоговейном отношении Шевченко к передовым русским деятелям — к декабристам, к Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Щедрину — и говорить не приходится: оно общеизвестно. Всею душой ненавидя самодержавие и царских чиновников, Шевченко всею душой любил русский народ, прямые доказательства чего мы находим, между прочим, в его «Дневнике». За идеей славянского единения кроется у Шевченко другая, более широкая: идея дружбы всех народов, особенно ярко выраженная в полной сочувствия к угнетенным кавказским народностям поэме «Кавказ». (Термин «поэма» употребляется здесь условно.) Недаром же поэт, как свидетельствуют современники, особен-

но любил читать друзьям стихотворение Пушкина о Мицкевиче («Он между нами жил...»), где идет речь

*...о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.*

Это выражение — «великая семья» — перенес Шевченко и в свое «Завещание» («Как умру, похороните...»):

*И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрым, тихим словом.*

Рано осознав себя как поэта национально-го и столь же рано объявив себя поэтом демократии («мужицким поэтом»), Шевченко всей своей жизнью и всем своим творчеством показал, что он поэт-революционер, беспощадный враг не только национального, но и социального гнета.

Зрелый Шевченко был другом и единомышленником Чернышевского и Добролюбова, причем мы имеем полное право говорить здесь о плодотворном идейном взаимодействии

нии.

Творчество Шевченко делится на три основных периода: до ареста и ссылки, время заключения и ссылки, после ссылки. Это не механическое деление, хотя, конечно, всякая периодизация всегда и всюду — прокрустово ложе, когда речь идет о таком живом и трепетном организме, как поэзия. Все же весьма поучительно взглянуть, как мощный поток поэзии Шевченко, несший на своих волнах и романтические баллады типа баллад Бюргера, Жуковского, Мицкевича, и все более и более земные, здешние, и потрясающую в своей простоте и безыскусственном реализме «Катерину», и жгучих, освещенных пожарами народного восстания, согретых любовью поэта «Гайдамаков», и чудесные картины казацких походов («Гамалия»), — как этот поток, загремев железными проклятиями царско-помещичьей России в «облитых горечью и злостью» «Сне», «Кавказе» и «Послании» («И мертвым, и живым...»), ударяется о каменную стену николаевской неволи и рассыпается сотнями брызг в целом ряде лирических шедевров, где почти впервые, в сущности, Шев-

ченко говорит во весь голос о себе, о субъективных переживаниях, но где сияет все то же непобедимое солнце шевченковского свободолюбия и ненависти к тиранам — «своим» и чужим.

Поучительно наблюдать, как поток этот, выпущенный на призрачную свободу после десяти лет горьких унижений, не идет по уготованному ему руслу покорности и смирения, а еще яростнее бурлит и пенится, все шире и шире выходя из берегов и захватывая мировые темы в «Неофитах», в «Марии», ставя вопросы о свержении тогдашнего общественно-го и политического строя, о революции, о грядущем царстве свободы и справедливости и разрешая эти вопросы с неслыханной прямо-той и суровой резкостью.

V

Мир прекрасен, мир светел, и бесконечно радостной могла бы быть и должна быть жизнь в этом мире. Поэт часто возвращался к мечте об этой радостной жизни, и тогда из-под пера его выходили такие безоблачные идиллии, как окончание поэмы «Слепой», как многие места в «Наймичке», как стихотворе-

ния «Зацвіла в долині», «І досі сниться».

Мир прекрасен, и всего прекраснее в нем та, которую поэт отождествлял с «зорею» («зоря» по-украински — и звезда и заря), всего прекраснее — молодая счастливая мать.

*И в самых радостных краях
Не знаю ничего красивей,
Достойней матери счастливой
С ребенком малым на руках.*

Но затаптывают в грязь эту светлую красоту «злые люди», — причем у Шевченко эта категория не столько моральная, сколько социальная. «Злые люди» — это «царі, всесвितिі шинкарі, паны и панычи, «раби з кокардою на лобъ. Это они оскверняют самое святое, что есть на земле: мать, материнство. Начиная с «Катерины» и кончая «Марией» и «Неофитами», сквозной темой у Шевченко проходит мотив оскорбленного, поруганного материнства, обольщенной и обесчещенной женщины, внебрачного и потому отвергнутого обществом ребенка. Между Катериной и «богоматерью» Марией — самое короткое расстояние, и Иисус у Шевченко — прежде всего «незаконнорожденный ребенок», «байстрюк»,

по выражению тех же «злых людей». Иногда, как в поэме «Марина», оскорбленная и страждущая женщина становится мстительницей, но самый грозный мститель, самый беспощадный обличитель всех «злых», «неситых» (алчных), «лукавых» людей, всех угнетателей и насильников — сам Шевченко. Он поэт гнева и возмездия, возмездия сознательного и справедливого, имя которому — революция.

Шевченко остро ненавидел самодержавие, ненавидел все формы угнетения человека человеком, ненавидел угнетателей. Революционность его умонастроения объясняется не только тем, что он родился крепостным и на себе испытал весь ужас крепостного права, но и тем, что в свои молодые годы вращался он в Петербурге, где еще недавно прозвучали разбудившие Россию голоса декабристов, среди передовой русской интеллигенции, объясняется, наконец, тем, что этот человек был гениален, что он видел на столетия вперед.

И все же не надо думать, что Шевченко родился последовательным революционером с головы до ног. В полном гнева «Послании» поэта есть и строки, в которых он пытается ус-

вестить «просвещенных» земляков своих, «на Украине и не на Украине сущих», призывая их: «Опомнитесь, будьте люди». Он заканчивает свое «дружеское послание» так:

*Обнимите ж меньших братьев,
Как братья родные, —
Мать пусть ваша улыбнется
За века впервые!*

.....
*Обнимитесь, братья мои,
Прошу, умоляю!*

Ясно, что совет «обнять меньших братьев» обращен был к «старшим братьям». Но «просил и умолял» этих старших братьев, то есть представителей господствующих классов, этот недолго. Он вскоре бесповоротно понял всю тщетность таких увещеваний и для изображения помещиков-«народолюбцев» нашел самые беспощадные краски. Вот портрет одного из этих «народолюбцев», данный в поэме «Княжна»:

*Гуляки знай себе кричат:
«И патриот, и брат убогих!
Наш славный князь! Виват! Виват!»*

*А патриот, убогих брат...
И дочь и телку отнимает
У мужика...*

В том же году, что и «Послание», даже месяцем раньше, была написана поэма «Кавказ», где, однако, нет и тени миролюбивого обращения к «старшим братьям». Поэма, начинающаяся образом Прометея, который вдохновлял столько поэтических умов, от Эсхила до Леси Украинки и до наших дней, представляет собою грозный обвинительный акт против царского самодержавия, угнетателя народов. Сарказм поэта достигает здесь самого высшего накала:

*За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось — вплоть до
воли, —
И травим... И легло костьми
Людей муштрованных немало.
А слез, а крови! Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц. А слез девичьих,*

*Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки — море разлилось,
Пылающее море! Слава
Борзым, и гончим, и псарям,
И нашим батюшкам-царям
Слава!*

За этим саркастическим славословием следуют такие вдохновенные строки, являющиеся прямым противопоставлением предыдущему;

*Слава синим горным кручам,
Подо льдами скрытым.
Слава витязям великим,
Богом не забытым.
Вы боритесь — поборете,
Бог вам помогает!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!*

Под «витязями великими» разумел поэт, конечно, борцов против установленного правопорядка, а в сущности — деспотического произвола, — в этом не может быть никакого сомнения.

Крылатым стало на долгие годы ирониче-

ское определение «благоденствующей» под царским скипетром России, которое дано в том же «Кавказе»:

*От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют!*

В творчестве, в мировоззрении Шевченко все крепче и крепче утверждалась мысль о социальных причинах человеческих страданий, которую он четко выразил в стихотворении 1849 года «Якби тобі довелось...» («Если бы тебе досталось...»).

Я не разделяю мнения, согласно которому Шевченко чуть ли не с пеленок был последовательным материалистом и атеистом. Но, выковывая свое мировоззрение, духовно общаясь с передовыми людьми своего времени, с русскими революционерами-демократами, он стал и материалистом и атеистом.

В муках мысли, в непрерывном борении, в жадных поисках правды, вчитываясь в кровью писанные страницы Герцена, Чернышевского, Добролюбова, выковывал Тарас Шевченко свое политическое, социальное, фило-

софское мировоззрение. Конечно, библейский стиль его гениальных перепевов Давида, обращение к темам и мотивам, взятым из Священного писания, — это лишь оболочка, в которую облекал поэт свои самые смелые, самые дерзновенные мысли о современности. Знаменитое «подражание» «Осии. Глава XIV» начинается словами, ничего общего не имеющими с древним пророком, кроме предсказания гибели Украины (у Осии речь идет о Самарии):

Погибнешь, сгинешь, Украина!

Это пророчество у Шевченко переходит в гнев, в страшные проклятия «лукавым чадам», царским рабам и холопам и заканчивается оптимистическим аккордом:

*...правда оживет
И вновь сердца людей зажжет,
Но не растленным ветхим словом,
А словом вдохновенным, новым,
Как громом, грянет и спасет
Весь обокраденный народ
От ласки царской...*

«Молитвы» Шевченко — это далекий от всякой религиозности, тем паче мистики, еще больше — церковности, призыв к справедливому возмездию, которое следует обрушить на головы «царям, всесветным шинкарям», это высокий гимн во славу «работающим умам, работающим рукам».

И все же утверждать, что Шевченко будто бы родился готовым материалистом, готовым атеистом — по меньшей мере антиисторично. Не родился, а стал.

Полное и безоговорочное утверждение атеизма видим мы у Шевченко в уже вполне зрелые его годы. Ярче всего выражено оно в поэме, вернее, отрывке из поэмы «Юродивый»:

*А ты, всевидящее око!
Знать, проглядел твой взор высо-
кий,
Как сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых?
Как истязали, распинали
И вешали?! А ты не знало?
Ты видело мученья их
И не ослепло?! Око, око!
Не очень видишь ты глубоко!
Ты спишь в киоте, а цари...*

Да чур проклятым тем неронам!

Если в ранних произведениях Шевченко можно видеть отзвуки веры в личного бога, «верховное существо», с которым, однако, не замедлил поэт вступить в ожесточенные споры («статьи на прю»), то впоследствии он стал употреблять слово «бог» просто как символ правды, истины, справедливости, добра, грядущей гармонии.

Однако самые смелые, самые дерзновенные, революционные свои мысли, чувства и мечты Шевченко очень часто облакал в библейские по образам и церковно-славянские по языку ризы.

Ясным и страстным революционным призывом звучит, например, окончание шевченковского «переложения» псалма Давида 149, в котором поэт пророчествует, что люди с «обоудоострыми мечами»

*Закуют царей кровавых
В железные пугы,
Им, прославленным, цепями
Крепко руки скрутят,
И осудят губителей
Судом своим правым,*

*И навеки встанет слава,
Преподобным слава.*

Еще определеннее, в приемах шевченковской контрастной иронии, выражено чаяние справедливого возмездия в лишенном уже библейской оболочки стихотворении 1860 года «Хотя лежачего не бьют...»;

*...Люди тихо
Без всякого лихого лиха
Царя на плаху поведут.*

В 1858 году написал Шевченко стихотворение, в котором есть такие очень часто цитируемые строки:

*...Доброго не жди, —
Напрасно воли поджидаем:
Придавленная Николаем,
Заснула. Чтобы разбудить
Беднягу, надо поскорее
Обух всем миром закалить
Да наточить топор острее —
И вот тогда уже будить.*

Были попытки поставить эти строки в зависимость от «Письма из провинции», появившегося в «Колоколе» в 1860 году за под-

писью «Русский человек», где звучат знаменитые слова: «К топору зовите Русь!» Эти попытки несостоятельны, поскольку стихотворение Шевченко написано гораздо раньше, чем «Письмо». «Топор» — это был излюбленный революционерами того времени символ народного восстания.

Шевченко не только верил в светлое обновление человечества, он был в нем твердо уверен:

*Где суд? Где правда? Скоро ль кару,
Цари, низвергнет мир на вас?
Да! Солнце, вдруг остановясь
Над оскверненною землею,
Сожжет ее, сровнит с золою.*

Грядущее рисовалось поэту как царство социальной гармонии.

*На вновь родившейся земле
Врага не будет, властелина,
А счастье матери и сына
И люди будут на земле.*

Прекрасный и светлый мир, которого чаеи и за который борется измученное человечество, воцарится на земле, об этом говорит

Шевченко в таких поистине пророческих образах:

*Оживут озера, степи,
И не столбовые,
А широкие, как воля,
Дороги святыя
Опояшут мир; не сыщут
Тех дорог владыка;
Но рабы на тех дорогах
Без шума и крика
Братски встретятся друг с дру-
гом
В радости веселой, —
И пустыней завладеют
Веселые села.*

Значение Тараса Шевченко для развития украинской литературы, украинской культуры, украинской общественности неизмеримо велико. Однако творения его давно уже перешагнули рубежи родного края, они стали достоянием всех народов Советского Союза. Все более внимательно приглядываются к ним читатели соседних и далеких стран, и имя поэта занимает свое законное место в пантеоне великих певцов и борцов за всемирную правду, за счастье всего человечества.

М. Рыльский

Стихотворения и поэмы

Порченая

Перевод М. Исаковского

{2}

*Широкий Днепр ревет и стонет,
Сердитый ветер листья рвет,
К земле все ниже вербы клонит
И волны грозные несет.
А бледный месяц той порою
За темной тучею блуждал.
Как челн, настигнутый волною,
То выплывал, то пропадал.
Еще в селе не просыпались,
Петух зари еще не пел,
Сычи в лесу перекликались,
Да яшень гнулся и скрипел.*

*В этот час у темной чащи —
Внизу под горою —
Что-то белое мелькает,
Бродит над водою.
То ль русалка мать родную
Ищет среди ночи,
То ли хлопца поджидает, —*

Встретит — защекочет.
Не русалка, нет — дивчина
Порченная бродит
И сама про то не знает,
Что с ней происходит.
Вот что сделала колдунья,
Чтоб не тосковала,
Чтобы сонная бродила,
Ночью поджидала
Казака, что вдаль уехал,
Что ее покинул.
Обещал он возвратиться,
Да, как видно, сгинул!
Не китайкой ему очи
Люди принакрыли,^{3}
И лицо его не слезы
Девичьи омыли:
Черный ворон вынул очи
В том ли чистом поле,
Тело волки разорвали, —
Вот казачья доля.
Видно, зря дивчина бродит,
Бродит, ожидает...
Чернобровый не вернется
И не приласкает,
Косу ей не расплетет он,
Платок не повяжет;
Не в постель, а в домовину

Сиротина ляжет!

Такой ее жребий... О боже мой милый,

За что на беднягу наслал ты беду?

За то, что всем сердцем она любила

Казацкие очи?... Прости сироту!

Кого же любить ей? Она одинока,

Одна, словно пташка в далеком краю.

Пошли ты ей счастье, пошли черноокой,

Не то ее люди совсем засмеют.

Виновна ль голубка, что голубя любит?

Виновен ли голубь, что мертвым упал?

Летает подружка — воркует, тоскует,

Зовет и не знает, где он запропал.

И все же ей легче: она ведь летает, —

Помчится и к богу — о милom узнать.

А та — сирота — у кого распытает,

И кто ей расскажет, и кто о том
знает,
Где милый: поит ли коня на Ду-
нае?
Собрался ли в темном лесу ноче-
вать?
А может, с другой он, другую лас-
кает,
Ее ж, чернобровую, стал забы-
вать?
Когда бы ей птицею стать быст-
рокрылой,
Весь мир облетела б, а друга б на-
шла;
Коль жив он — любила б, а ту за-
душила б,
Коль умер — в могилу б с ним ря-
дом легла.
Не так любит сердце, чтоб с кем-
то делиться,
Не так оно хочет, как богом да-
но:
Дано ему в жизни страдать и то-
миться.
Но жить и томиться не хочет
оно.
Такая твоя уж, о господи, воля,
Такое уж счастье у бедной и доля!

Все бродит — молча, как немая.
Угломонился Днепр ночной;
У моря ветер отдыхает,
Развевая тучи над землей.
Сверкает месяц в небе чистом;
И все — и Днепр, и лес тенистый

—
Полно глубокой тишиной.
И вдруг русалочки над плесом
Поднялись, выплыв из Днепра
(Нагие; из осоки — косы),
Кричат: «Погреться нам пора!»
«Пора! — ушло уж солнце за лес...»

.....
Их мать спросила: «Все собра-
лись?»
Идем же ужин добывать.
Поиграем, погуляем,
Попоем, пораспеваем:
Ух, ух!
Соломенный дух, дух!
Меня мать не окрестила,
Некрещеной положила.
Месяц ясный!
Голубочек наш!
Иди скорей вечерять к нам:
Лежит казак в пещере там,
Он в пещере на песке

И с колечком на руке;
Молодой да чернобровый,
Мы нашли его в дуброве.
Посвети ж нам в чистом поле,
Погулять хотим мы вволю.
Пока ведьмы здесь летают,
Петухи не запевают,
Посвети нам... Кто там бродит?
Что у дуба происходит?
Ух, ух!
Соломенный дух, дух!
Меня мать не окрестила,
Некрещеной положила».

На все лады гогочет нежить...
Лес отозвался; гам и крик, —
Сошли с ума, иль кто их ре-
жет, —
Несутся к дубу напрямик...
Вдруг они остановились,
Смотрят: у опушки
Кто-то лезет вверх по дубу
До самой макушки.
Это ж та, что под горою
Сонная бродила:
Вот какую злую порчу
Ведьма напустила!
Взобралась, на зыбких сучьях

Молча постояла,
На все стороны взглянула
И спускаться стала.
А русалочки у дуба
Ее поджидали;
Слезла — взяли сиротину
И защекотали.
Долго, долго любовались
Девичьей красою...
А запел петух — мгновенно
Скрылись под водою.
Поднялся над полем с песней
Жаворонок ранний,
А ему кукушка с дуба
Вторит кукованьем;
Соловей в кустах защелкал —
Эхо отвечает;
За горой краснеет небо;
Пахарь напевает.
Лес чернеет, где походом
Шли когда-то паны;
В дымке утренней синеют
Дальние курганы;
Зашептались лозы, шелест
Прошел по дуброве.
А дивчина спит под дубом
У большой дороги.
Спит, не слышит кукованья,

Глаз не открывает,
Сколько лет ей жить на свете —
Уже не считает.

Той порою из дубровы
Казак выезжает;
Добрый конь устал в дороге
И едва ступает.
«Притомился, друг мой верный!
Дом уж недалеко,
Где ворота нам дивчина
Распахнет широко.
А быть может, распахнула,
Да не мне — другому...
Поспешай же, мой товарищ,
Торопись до дому!»
Конь шагает через силу, —
Ступит и споткнется.
А на сердце тошно — словно
Там гадюка вьется.
«Вот и дуб знакомый... Боже!
То ж — она, касатка!
Знать, заснула, ожидая,
Было, знать, не сладко!»
Соскочил с коня и — к дубу;
«Боже ж ты мой, боже!»
Он зовет ее, целует...
Нет, уж не поможешь!

«Да за что же разлучили
Люди нас с тобою?»
Разрыдался, разбежался
Да — в дуб головою!

Идут дивчата утром ранним,
Идут с серпами — жито жать;
Поют, как бились басурмане,
Как провожала сына мать.
Идут, знакомый дуб все ближе...
Понурый конь под ним стоит,
В траве казак лежит, недвижим,
Дивчина рядом с ним лежит.
Их, ради шутки, захотели
Дивчата малость поугагать.
Но подошли — и... онемели,
И в страхе бросились бежать.

Как собрались подружки —
Слезы вытирают;
Как товарищи собрались —
Две ямы копают;
А пришли попы с крестами —
В церкви зазвонили.
Их обоих честь по чести
Люди схоронили.
У широкой у дороги,
В поле закопали.

А за что они погибли —
Так и не узнали.
На его могиле явор
И ель посадили,
А червонную калину —
На ее могиле.
Днем кукушка прилетает
Куковать над ними,
А ночами — соловейка
С песнями своими.
Он поет, пока сверкает
Месяц над землею
И пока не выйдут греться
Русалки гурьбою...

Петербург, 1837

«Ветер буйный, ветер буйный...»

Перевод Л. Длигача

* * *

{4}

Ветер буйный, ветер буйный,
С синим морем споришь, —
Встряхни его, взволнуй его,
Поговори с морем.
Оно милого, бывало,
На волне качало;
Далеко ли сине море
Милого умчало?
Если друга утопило —
Разбей сине море;
Пойду искать миленького,
Топить свое горе.
Утоплю свою недолю,
Русалкою стану,
Поищу в пучине черной,
На дно моря кану.
Найду его — прильну к нему,
На груди замлею.
Неси меня, море, с милым,
Куда ветер веет!
Если милый там, за морем, —

Ты, мой буйный, знаешь,
Как живет он, где ночует,
Ты его встречаешь.
Если плачет — и я плачу;
Нет — я распеваю;
Коль погиб мой чернобровый —
И я погибаю.
Тогда носи мою душу
Туда, где мой милый,
И поставь калиной красной
Над его могилой.
Будет легче сиротине
В могиле постылой,
Если милая склонится
Цветком над могилой.
И цветком я и калиной
Цвести над ним буду,
Чтоб не жгло чужбое солнце,
Не топтали люди.
На закате погрузу я,
Всплакну на рассвете;
Взойдет солнце — вытру слезы,
Никто не заметит.

Ветер буйный, ветер буйный,
Ты ведь с морем споришь, —
Встряхни его, взволнуй его,
Поговори с морем...

Петербург, 1838

Вечной памяти Котляревского Перевод А. Тарковского

{5}

Солнце греет, ветер веет
С поля на долину,
Воду тронет, вербу клонит,
Сгибает калину;
На калине одиноким
Гнездышком играет.
Где ж соловушка сокрылся?
Где искать — не знает.
Вспомнишь горе — позабудешь:
Отошло, пропало;
Вспомнишь радость — сердце вя-
нет:
Зачем не осталась?
Погляжу я да припомню:
Как начнет смеркаться,
Запоет он на калине —
Все молчат, дивятся.
Иль богатый да счастливый,
Кто судьбой-судьбиной
Облюбован, избалован,
Станет пред калиной;
Иль сиротка, что работать

Встает до рассвета,
Остановится послушать,
Словно в песне этой
Мать с отцом ведут беседу, —
Сердце бьется; любо...
Все на свете точно пасха,
И люди как люди.
Или девушка, что друга
Долго поджидает,
Вянет, сохнет сиротою,
Как быть ей — не знает,
На дорогу выйдет глянуть
И поплакать в лозы;
Чуть соловушка зальется —
Высыхают слезы;
Послушает, улыбнется,
В лесу погуляет —
Точно с милым говорила,
А он не смолкает,
И кажется, будто он молится бо-
гу.
Пока не выходит злодей погулять
С ножом затаенным, — и эхо над
логом
Пойдет и замолкнет: к чему рас-
певать!
Жестокую душу смягчить ли зло-
дею!

Лишь голос загубит, к добру не
вернет;
Пусть тешится злобный, пока,
холодея,
Не сляжет, коль ворон беду пред-
речет.
Заснет долина. На калине
К утру соловушка заснет,
Повеет ветер по долине,
И эхо по лесу пойдет.
Гуляет эхо — божье слово...
Бедняги примутся за труд.
Стада потянутся в дубровы,
Дивчата по воду пойдут,
И солнце глянет — краше рая,
Смеется верба — свет зари,
Злодей опомнится, рыдая.
Так было прежде... Но смотри:
Солнце греет, ветер веет
С поля на долину;
Воду тронет, вербу клонит,
Сгибает калину;
На калине одиноким
Гнездышком играет.
Где соловушка сокрылся?
Да где ж он? Кто знает.
Недавно, недавно над всей Украи-
ной

Старик Котляревский вот так
распевал;
Замолк он, бедняга, сиротами ки-
нул
И горы и море, где прежде витал,
Где ватагу твой бродяга^[6]
Водил за собою,
Все осталось, все тоскует,
Как руины Трои.
Все тоскует. Только слава
Солнцем засияла.
Жив kobзарь — его навеки
Слава увенчала.
Будешь ты владеть сердцами,
Пока живы люди;
Пока солнце не померкнет,
Тебя не забудем!
Ты душа святая!
Речь сердца простого,
Речь чистого сердца приветливо
встреть!
В сиротстве не брось, как ты бро-
сил дубровы,
Промолви мне вновь хоть единое
слово,
Вернись, чтобы снова о родине
петь.
Пускай улыбнется душа на чуж-

бине,
Хоть раз улыбнется, увидев, как
ты
С единственным словом прино-
сишь и ныне
Казацкую славу в дом сироты.
Орел сизокрылый, вернись! Одино-
ко
Живу сиротою в суровом краю;
Стою пред морскою пучиной глу-
бокой,
Моря переплыл бы — челна не да-
ют.
Припомню я родину, вспомнив
Энея,
Припомню — заплачу; а волны, си-
нея,
На тот дальний берег идут и ре-
вут.
Я света не вижу, я точно незря-
чий,
За морем, быть может, судьба
моя плачет,
А люди повсюду меня осмеют.
Пускай улыбнется душа на чуж-
бине —
Там солнце, там месяц сияет яс-
ней,

Там с ветром в беседу курганы
вступают,
Там с ними мне было бы сердцу
теплей.
Ты душа святая! Речь сердца про-
стого,
Речь чистого сердца приветливо
встреть!
В сиротстве не брось, как ты бро-
сил дубровы,
Промолви мне вновь хоть единое
слово,
Вернись, чтобы снова о родине
петь.

Петербург, 1838

«Течет вода в сине море...»

Перевод Н. Брауна

* * *

*Течет вода в сине море,
Да не вытекает;
Ищет казак свою долю,
Нигде не встречается.
И пошел казак по свету,
Буйно сине море,
Буйно сердце казацкое,
Разум с сердцем спорит:
«Куда пошел, не спросился?
На кого покинул
Отца и мать родимую,
Милую дивчину?
На чужбине не те люди,
С ними жить не сладко;
Не с кем будет слово молвить,
Не с кем и поплакать».
Грустит казак на чужбине,
Буйно сине море,
Думал, счастье где встретит-
ся, —
Повстречалось горе.
А журавли летят себе
К чужедальным странам.*

Плачет казак, — все дороги
Заросли бурьяном.

Петербург, 1838

Думка

Перевод А. Твардовского

Тяжко, тяжело жить на свете
Сироте без роду:
От тоски-печали горькой
Хоть с моста — да в воду!
Утопился б — надоело
По людям скитаться;
Жить нелюбо, неприятно,
Некуда деваться.
Чья-то доля ходит полем,
Колосья собирает;
А моя-то, знать, за морем
Без пути блуждает.
Все богатого встречают,
Кланяясь поспешно,
А меня в лицо не знают,
Словно я не здешний.
Ведь богатый, хоть горбатый, —
Девушка приветит,
На мою ж любовь насмешкой
Свысока ответит.

«Иль тебе не нравлюсь — силой,
Красой не удался?
Иль тебя любил не крепко.
Над тобой смеялся?
Люби, люби кого хочешь,
Может, я не стою.
Но не смейся надо мною,
Как вспомнишь порою.
Я покинул край родимый —
Свет просторен белый.
Найду счастье — либо сгину,
Как лист пожелтелый».
И ушел казак далеко,
Ни с кем не прощался,
Искал доли в чужом поле,
Да там и остался.
Умирал — смотрел, как солнце
За морем садится...
Тяжко, тяжело на чужбине
С жизнью распроститься!

Гатчина,
2 ноября 1838 года

«Думы мои, думы мои...»

Перевод А. Суркова

* * *

{7}

Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял
Пылью на просторе?
Что вас ночью, как ребенка,
Не прислало горе?...
Ведь вас горе на свет на смех по-
родило,
Поливали слезы... Что ж не зато-
пили?
Не вынесли в море, не размыли в
поле?...
Люди не спросили б, что болит в
груди,
Почему, за что я проклиная до-
лю,
Почему томлюся... «Ничего,
иди!» —
Не сказали б на смех...

Цветы мои, дети,
Зачем вас лелеял, зачем охранял?
Заплачет ли сердце одно на всем
свете,
Как я с вами плакал?... Может,
угадал?...
Может, девичье найдется
Сердце, карие очи,
Что заплачут с вами, думы, —
Большого ли хочешь?
Лишь одна б слеза скатилась...
И — пан над панами!
Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!

Ради глаз девичьих карих,
Ради черной брови
Сердце билось и смеялось,
Выливалось в слове.
В слове этом возникали
И темные ночи,
И вишневый сад зеленый,
И ясные очи,
И поля, и те курганы,
Что на Украине...
Сердце млело, не хотело
Песен на чужбине.

На совет казачье войско,
Меж сугробов белых,
С бунчуками, с булавами
Сзывать не хотело...
Пусть же там, на Украине,
Души их витают —
Там веселье, там просторы
От края до края...
Как та воля, что минула,
Днепр широкий — море,
Степь и степь, режут пороги,
И курганы — горы.
Там родилась, красовалась
Казацкая воля;
Там татарами и шляхтой
Засевала поле.
Засевала трупом поле
Воля, опочила,
Отдыхает... Ее давно
Приняла могила.
И над нею орел черный
Сторожем летает.
Кобзари о ней народу
Песни распевают,
Распевают про былое,
Убоги, незрячи, —
Им поется... А я... а я
Только горько плачу.

Только плачу об Украине,
А слов не хватает...
А про горе?... Да чур горю,
Кто его не знает?
А кто пристально посмотрит
На людей душою, —
Ад ему на этом свете.
На том же...

Тоскою
Себе счастья не накличу,
Коль его не знаю;
Пускай злыдни живут три дня —
Я их закопаю.
Закопаю, пусть у сердца
Грусть змеей свернется,
Чтобы ворог мой не слышал,
Как горе смеется.
Дума пусть себе, как ворон,
Летает и кричит,
А сердечко соловейком
И поет и плачет.
Тихо — люди не увидят
И не посмеются...
Слез моих не утирайте,
Пусть ручьями льются,
Пусть они чужое поле
Моют дни и ночи,

Пока попы не засыплют
Чужим песком очи.
Так-то, так-то... Что же делать?
Тоска не поможет.
Кто ж сиротам завидует,
Карай того боже!

Думы мои, думы мои,
Цветы мои, дети!
Я растил вас, я берег вас,
Где ж вам быть на свете?
В край родной идите, дети,
К нам на Украину,
Под плетнями сиротами,
А я здесь уж сгину.
Там найдете сердце друга,
Оно не лукаво,
Чистую найдете правду,
А может, и славу...

Привечай же, мать-отчизна,
Моя Украина,
Моих деток неразумных,
Как родного сына!

[Петербург, 1839]

Перебендя

Перевод П. Карабана

{8}

Перебендя слепой, старый, —
Кто его не знает!
Он повсюду скитается,
На кобзе играет.
Кто ж играет, того люди
Знают, привечают:
Он тоску им разгоняет,
Хоть и сам страдает.
Горемыка, он ночует
И днюет под тыном —
Нет ему угла на свете;
Горькая судьбина
Насмехается над старым,
Что ни день — то хуже!
А ему — ничто: затянет
«Ой, не шуми, луже!..»
Станет петь, да и припомнит,
Что он сиротина;
Погорюет, потоскует,
Прислонившись к тыну.

Вот таков-то Перебендя —
Старый он да странный!

Запоет о Чалом^{9} — кончит
Горлицей^{10} нежданно;
С дивчатами на выгоне —
Гриця да Веснянку^{11};
В шинке, с парубками вместе, —
Сербина, Шинкарку,
С женатыми на пирушке
(Где свекровь презлая) —
О недоле, вербе в поле,
А потом — У гаю^{12};
На базаре — о Лазаре^{13},
Или — чтобы знали —
Тяжко, скорбно запоет он,
Как Сечь разорjali.^{14}
Вот таков-то Перебендя —
Старый он да странный!
Начнет шуткою, а кончит
Слезами нежданно.

Ветер веет, повеваает,
По полю гуляет.
Сидит кобзарь на кургане,
На кобзе играет.
Вкруг, как море широкое,
Зеленеют степи;
За курганами курганы
Вдаль уходят цепью.
Чуб седой, усы седые

Треплет ветер яро;
Вдруг уляжется послушать,
О чем поет старый;
Как сердце смеется, слепой ста-
рик плачет...
Он слушает... веет...
Укрылся вдали
На степном кургане от людей,
незрячий,
Чтоб по полю ветры слова разнес-
ли,
Чтоб людям не слышать — ведь
то божье слово,
То сердце неспешно с богом гово-
рит,
То сердце щебечет господнюю
славу,
А дума по свету на туче летит.
Орлом сизокрылым летает, ши-
ряет,
Небо голубое широкими бьет;
Присядет на солнце, его вопроша-
ет:
Где оно ночует? Как оно встает?
Послушает море, о чем: плещет в
споре,
И гору он спросит: молчишь поче-
му?

И снова на небо — на земле ведь
горе,
Ведь на ней, широкой, нет угла
тому,
Кто сердцем все знает, кто серд-
цем все чувствует:
О чем ропщет море, где солнце
ночует —
Пристанища нету на свете ему!
Один, точно солнце на небе высо-
ком;
О нем молвят люди: «С живы-
ми — живой!»
А если б узнали, что он, одинокий,
Поет на кургане, шепчется с вол-
ной,
То божие слово давно б осмеяли,
Его бы глупцом обозвали, прогна-
ли.
«Пусть бродит, — сказали б, —
над морем, шальной!»
Хорошо, kobзарь, отец мой,
Хорошо, что ходишь
На курган и словом, песней
Душу там отводишь!
И ходи, мой голубь сизый,
До поры, покуда
Не заснуло сердце, — пой там

*Вдалеке от люда.
А чтоб люди не чурались,
Тешь их иногда ты...
Что ж, пляши под дудку пана —
На то он богатый!*

*Вот таков-то Перебендя —
Старый он да странный!
Начнет свадебной, а кончит
Грустною нежданно.*

[**П**етербург, 1839]

Катерина
Перевод М. Исаковского

*Василию Андреевичу Жуковскому
на память 22 апреля 1838 года*

{15}

I

*Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями,
Москали — чужие люди,
Глумятся над вами.
Позабавится и бросит —
Поминай как звали.
А дивчина погибает*

В горе да в печали.
Пусть сама б она погибла,
Кляня долю злую,
Но еще и то бывает —
Губит мать родную.
Если есть за что увянуть —
Сердце с песней вянет,
Люди в сердце не заглянут
И жалеть не станут.
Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями:
Москали — чужие люди,
Смеются над вами.

Ни отца, ни мать родную
Слушать не хотела —
С москалем слюбилась Катря,
Как сердце велело.
Полюбила молодого,
В садик выходила,
Пока там девичью долю
Не запропастила.
Мать звала вечерять дочку —
Дочка не слыхала;
Где встречалась с любимым,
Там и ночевала.
Много ночек кари очи
Крепко целовала,

Пока вдруг не зашумела
Недобрая слава.
Что ж, пускай дивчину судят
Люди в разговоре:
Она любит и не слышит,
Что подкралось горе.
Весть недобрая примчалась —
В поход затрубили.
Уходил москаль, а Катре
Голову покрыли.^{16}
Не заметила позора,
Пропустила мимо:
Словно песня, сладки были
Слезы о любимом.
Обещался чернобровый:
Буду цел — вернуся.
Ожидай его, дивчина,
Ожидай, Катруся!
С москалями породнишься —
Горе позабудешь,
А пока — пускай болтают
Что угодно люди.
Не тоскует Катерина —
Слезы вытирает,
А на улице дивчата
Без нее гуляют.
Не тоскует Катерина,
А ночной порою

Берет ведра молчаливо,
Идет за водою,
Потихоньку, незаметно
Дойдет до криницы,
Тихо станет под калиной,
Запоет о Грице.^{17}
Так зальется, что калина
Плачет от печали.
Возвратится — и довольна,
Что не увидали.
Не тоскует Катерина,
Ничего не знает,
Из окна в платочке новом
Смотрит, ожидает.
Ожидала Катерина,
А время летело,
Захворала Катерина,
Слегла, ослабела.
Занедужила, бедняжка,
Еле-еле дышит...
Отлежалась — и за печкой
Колыбель колышет.
А соседки злые речи
С матерью заводят:
«Мол, не зря в твой дом ночами
Москали приходят.
У тебя родная дочка
Стройна и красива,

И не зря она качает
Солдатского сына:
Что искала — получила...
Уж не ты ль учила?...»
Дай вам боже, цокотухам,
Чтоб вас горе било,
Как беднягу, что вам на смех
Сына породила.

Катерина, мое сердце!
Ой, беда с тобою!
Как ты жить на свете будешь
С малым сиротою?
Кто расспросит, приласкает,
Кто вам даст укрыться?
Мать, отец — чужие люди,
С ними не ужиться!

Отлежалась Катерина,
Встала понемногу,
Под окном ласкает сына,
Смотрит на дорогу.
Смотрит Катря — нету, нету...
Может, и не будет?...
Хоть бы в сад пошла поплакать

—
Так увидят люди.
Сядет солнце — Катерина

В садике гуляет,
К сердцу сына прижимает,
Тихо вспоминает:
«Здесь его я поджидала,
Здесь его встречала,
А вон там... сынок, сыночек!..»
И не досказала.

Зеленеют, зацветают
Черешни и вишни.
В тихий садик Катерина,
Как и прежде, вышла.
Но уже не запекает,
Как тогда бывало,
Когда друга молодого
Ждала-поджидала.
Приумолкла Катерина
От тоски-печали,
А соседи, а соседки
Уши прожужжали.
Пересуды да насмешки
Злобою повиты...
Где ж ты, милый, чернобровый?
В ком искать защиты?
Ой, далеко чернобровый,
И ему не видно,
Как враги над ней смеются
И как ей обидно.

Может, лег он за Дунаем
В могилу сырую?^{18}
Иль в Московщину вернулся
Да нашел другую?
Нет, не лег он за Дунаем
На глухом кладбище,
А бровей таких на свете
Нигде он не сыщет.
Пусть в Московщину поедет,
Пусть плывет за море —
С кем угодно Катерина
Красотой поспорит.
Черны брови, кари очи,
Молодая сила.
Только счастье мать родная
Дать ей позабыла.
А без счастья ты на свете,
Как в поле цветочек:
Гнет его и дождь и ветер,
Рвет его кто хочет.
Умывайся ж, Катерина,
Горькими слезами!
Москали давно вернулись
Другими путями.

II

За столом отец угрюмо
На руки склонился

И на свет смотреть не хочет,
В думу погрузился.
На скамейке, возле мужа,
Села мать-старуха
И, слезами заливаясь,
Вымолвила глухо:
«Что же, доченька, со свадьбой?
Отчего ж одна ты?
Где жених запропастился?
Куда делись сваты?
Все в Московщине.
Ступай же,
Там проси защиты,
А о матери родимой
Людям промолчи ты.
Знать, в несчастную годину
Тебя породила.
Коли б знала, что случится,
Лучше б утопила...
Не увидела б ты горя,
Не была б несчастной...
Дочка, доченька родная,
Мой цветочек ясный!
Словно ягодку на солнце,
Я тебя растила.
Дочка, доченька, голубка,
Что ты натворила?...
Что ж... ступай в Москву к све-

крови!
Так уж, видно, нужно,
Мать послушать не хотела —
Будь хоть ей послушна.
Поищи ее да с нею
Там и оставайся.
Будь довольной, будь счастливой
И не возвращайся,
Не ищи дорог обратных
Из дальнего края...
Только кто ж меня схоронит
Без тебя, родная?
Кто поплачет надо мною,
Над старухой хилой?
И калину кто посадит
Над моей могилой?
Кто молиться будет богу
О душе о грешной?...
Дочка, доченька родная,
Мой цветочек вешний!..
Что ж... иди!»
И пошатнулась,
В путь благословляя:
«Бог с тобою!» — и упала,
Словно неживая...
«Уходи! — прибавил старый. —
Что остановилась?...»
Зарыдала Катерина,

В ноги повалилась:
«Ой, прости ты мне, родимый,
Что я натворила!
Пожалей свою Катрусю,
Голубь сизокрылый!»
«Пусть господь тебя прощает,
Пусть жалеют люди!
Молись богу и — в дорогу!
Отцу легче будет».

Еле встала, поклонилась,
Пошла за ворота;
И остались в старой хате
Старики сироты.
В тихом садике вишневом
Помолилась богу
И взяла щепоть землицы
С собою в дорогу.
«Не вернусь я в край родимый, —
Катря говорила, —
Мне в чужой земле чужие
Выроют могилу.
Но пускай своей хоть малость
Надо мною ляжет
И про горькую судьбину
Людям пусть расскажет...
Не рассказывай, не надо,
Где б ни закопали,

Чтоб меня на этом свете
Злом не поминали.
Ты не скажешь...
Он вот скажет,
Кто его родная!
Где ж мне, где искать приюта,
Мать пресвятая?
Знать, найду приют навеки
Под тихой водою.
Ты мой тяжкий грех замолишь
В людях сиротою,
Без отца!..»

Идет Катруся.
Заплаканы очи;
Голова платком покрыта,
На руках — сыночек.
Вышла в поле — сердце ноет,
Назад оглянулась —
Поклонилась, зарыдала,
В слезах захлебнулась.
Стала в поле, словно тополь
У дороги пыльной.
Как роса ночная, слезы
Полились обильно.
И не видит за слезами
Света Катерина,
Только крепче прижимает

Да целует сына.
А сыночек-несмышленьиш
Не знает заботы:
Ищет пазуху ручонкой
Да лепечет что-то.
За дубровой солнце село.
Наступает вечер.
Повернулась, зашагала
Далеко-далече.
В селе долго говорили,
Долго рассуждали.
Только тех речей родные
Уже не слыхали...

Вот что делают на свете
Людям сами ж люди!
Того вяжут, того режут,
Тот сам себя губит...
А за что? Господь их знает!
Глянешь — свет широкий,
Только негде приютиться
Людям одиноким.
Одному даны просторы
От края до края,
А другому — три аршина,
Могила сырая.
Где ж те добрые, которых
День и ночь искали,

*С кем хотелось жить на свете?
Пропали, пропали!*

*Есть на свете доля,
А кто ее знает?
Есть на свете воля,
Где ж она гуляет?
Есть люди на свете —
В золоте сияют,
Кажется, богаты,
А доли не знают —
Ни доли, ни воли!
С бедой породнятся —
Жупан надевают,
А плакать стыдятся.
Так берите ж злато,
Богачами станьте,
А горькие слезы
Для меня оставьте.
Затоплю недолю
Горькими слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!
Тогда я и весел,
Богат и доволен,
Когда мое сердце
Забьется на воле!*

Кричат совы, спит дуброва,
Звездочки сияют.
У дороги в свежих травах
Суслики шныряют.
Люди добрые заснули,
Ночка всех покрыла —
Кого счастье, кого горе
За день утомило.
Собрала всех, уложила,
Словно мать, колышет...
Где ж Катруся приютилась,
Под какую крышей?
Может, сына забавляет
В поле под копною?
Или прячется от волка
В лесу за сосною?
Брови черные, вам лучше б
Вовсе не родиться,
Коль такое горе с вами
Может приключиться!
Что-то дальше будет с нею?
Горе, горе будет!
Ждет ее песок сыпучий
Да чужие люди.
Ждет ее зима да вьюги...
Если ж тот найдется —
Приласкает ли он сына
Или отвернется?

С ним бы все она забыла,
Всю тоску былую!
Он и встретит и приветит,
Как свою родную...

Что ж, послушаем, посмотрим,
Подождем немного...
А пока что разузнаем,
Где в Москву дорога.
Ой, далекая дорога!
Мне она известна.^{19}
Только вспомню да припомню —
Сердцу станет тесно.
Исходил ее, измерил —
Дай бог век не мерять!..
Рассказать про это горе —
Никто не поверит.
Скажут: «Врет он и признаться
В том, что врет, не хочет.
Слова тратит понапрасну
Да людей морочит...»
Правда, люди, правда ваша!
Вам какое дело
До того, что мое сердце
Выплакать хотело!
Своего у всех немало,
Всем и так тоскливо...
Чур же, хватит! А покамест

Нате-ка огниво
Да табак, чтобы тоскою
Сердце не томилось.
А рассказывать про горе,
Чтобы после снилось, —
Да ну его, братцы, к бесу!
Лучше я прикину,
Что в дороге повстречало
Мою Катерину.

За Днепром, дорогой в Киев,
Чумаки⁽²⁰⁾ шагают,
Пугача в лесу зеленом
Громко распевают.
Им навстречу молодица —
С богомолья, что ли...
Отчего ж печально смотрит,
От какой недоли?
С пустой торбой за плечами
Да в свитке дырявой;
В левой руке палка. Тихо
Спит малыш на правой.
С чумаками поравнялась.
Малыша прикрыла.
«Укажите, где дорога
На Москву?» — спросила.
«На Москву? Вот эта будет.
А идешь далеко?»

«До Москвы я... Христа ради,
Дайте одинокой!»

Попросила, застыдилась:

Ой, как брать ей тяжело!

И не надо б... да ребенок

Голоден, бедняжка!

Обливаясь слезами,

Пошла, заспешила.

В Броварах^[21] медовый пряник

Ивасю купила...

Шла Катруся. У прохожих

Путь разузнавала.

Приходилось — под забором

С сыном ночевала...

Вот на что Катрусе — дивчата,
смотрите,

Глаза пригодились, — слезы про-
ливать!

Кайтесь-зарекайтесь, учитесь,
живите,

Чтоб не довелось москаля ис-
кать,

Чтобы не блуждать вам, как она
блуждает...

Не спрашивать после — за что
осуждают,

За что не пускают в хату ноче-

вать.

Что же спрашивать напрасно,
Люди разве знают;

Когда сам господь карает,
И они карают...

Люди гнутся, словно лозы,
Куда ветер веет.

Сиротине солнце светит
(Светит, да не греет),

Но и солнце б люди скрыли,
Если б сил хватило, —

Чтоб сироте не светило
Да слез не сушило.

А за что, отец небесный,
Такая награда?

В чем бедняга провинилась?
Чего людям надо?

Чтобы плакала, томилась...
Не плачь, Катерина!

Горьких слез не лей при людях,
Терпи, сиротина!

А чтоб личико не блекло
С черными бровями,

До зари в лесу дремучем
Умойся слезами!

Умоешься — не увидят
И не насмеются;

И вздохнет свободней сердце,

Пока слезы льются.

Вот какое горе может повстречаться:

Поиграл и бросил Катрусю москаль.

Недоля не видит, к кому приласкаться,

А люди хоть видят, да людям не жаль:

«Пускай, мол, от горя погибнет дивчина,

Коли не умела себя уважать».

Глядите ж, дивчата, чтоб в злую годину

И вам москаля не пришлось бы искать!

Где же Катря бродит?

Под забором ночевала,

До зари вставала.

До Москвы дойти спешила —

Вдруг зима настала.

Свищет вьюга-завируха,

Тяжко Катерине:

В рваной свитке, в лаптях старых

На морозе стынет.

Идет, смотрит Катерина —

Что-то там мелькает...

Москали, наверно, едут...
Сердце замирает.
Полетела им навстречу:
«Может быть, видали,
Где Иван мой чернобровый?»
«Не знаем!» — сказали.
Насмеваются над нею,
Шутят, озоруют:
«Ай да баба! Ай да наши!
Хоть кого надуют!»
Поглядела Катерина:
«Ой вы, люди, люди!..
Успокойся, мой сыночек!
Что будет, то будет.
Побредем с тобою дальше,
Может, и отыщем.
Я отдам тебя и лягу
В яму на кладбище».

Поднялась навстречу вьюга
С буйными ветрами.
Стала Катря среди поля,
Залилась слезами.
Стихла в поле завируха,
Пронеслась, промчалась.
Поплакала б Катерина,
Да слез не осталось.
Поглядела на сыночка:

Умытый слезою,
Дышит, смотрит, как цветочек
Утренней порою.
Улыбнулась Катерина,
Горько улыбнулась,
Как змея, под самым сердцем
Что-то повернулось.
Огляделась Катерина —
Лес вдали чернеет,
А под лесом чья-то хата
Прямо перед нею.
«Пойдем, сын мой... Скоро вечер...
Пустьят, может статья.
А не пустьят — у порога
Нам всю ночь валяться.
Заночуем возле хаты,
В холоде, в тумане...
Где ж один ты заночуешь,
Коль меня не станет?
На дворе, в собачьей будке,
С собаками вместе!
Злы собаки — покусают,
Да не обесчестят.
Над тобой они не станут
Злобно насмехаться...
Ой ты, горе мое, горе,
Куда ж мне деваться?»

Сирота-собака — и у той есть доля,
И собаку люди могут приласкать;
Бьют ее и держат на цепи в неволе, —
Но, глумясь, не спросят про родную мать.
А этого спросят, грязью забросают,
Не дадут подняться — заключают,
забьют...
На кого собаки на улице лают?
Кто под тыном ночью ищет свой приют?
Кто водит убогих? Подкидыш чернявый...
Красивые брови — одна его слава,
И тем красоваться люди не дают...

IV

И на горе и под горою,
Как старцы с гордой головою,
Дубы столетние стоят.
Внизу — плотина, вербы в ряд,
И пруд, завянный пургою,
И прорубь в нем, чтоб воду

брать...

*Сквозь тучи солнце покраснело,
Как колобок, глядит с небес!
Взметнулась вьюга, налетела,
Ни зги не видно в мути белой,
А слышно только — стонет лес.*

*Воеет, свищет завируха,
Ревет над землею,
В белом поле, словно в море,
Катится волною.
В лес пойти лесник собрался,
Только разве выйдешь!
Так и крутит, так и вертит —
Света не увидишь!
«Вот так вьюга! Вот так за-
меть,
Тут уж не до леса!..
Что такое?... Что за люди?
Там же их до беса!
Знать, нелегкая их носит.
А может, за делом,
Может, москали, Ничипор?
Все от снега белы!»
«Москали? — У Катерины
Руки затряслися. —
Где они, мои родные?»
«Да вон там, взглядыся!»*

Без оглядки Катерина
За дверь полетела.
«Знать, Москва у ней и вправду
В голове засела:
Москаля звала до света,
До света металась...»
Через пни, через сугробы
Катерина мчалась.
На снегу босая стала,
Утерлась руками.
Москали навстречу едут,
Как один, верхами.
«Ой ты, горе, ой ты, доля!»
Как вперед заглянет,
Видит — первый едет старший.
«Мой любимый, Ваня!
Мое сердце, мое счастье!
Словно в воду канул...»
Ухватилась за стремя,
А он и не глянул,
На ходу коня пришпорил...
«Что ж спешишь ты очень?
Позабыл ли Катерину
Иль узнать не хочешь?
Я твоя, твоя Катруся,
Сокол ты мой ясный!
Погляди сюда и стремя
Не рви понапрасну».

А он — будто и не видит,
Погоняет, скачет.
«Пожалей меня, голубчик!
Видишь, я не плачу.
Не узнал меня ты, что ли?
Посмотри, взглядыся!
Видит бог, что я — Катруся!»
«Дура, отвяжися!
Прочь безумную возьмите!»
«Боже ты мой, боже!
И он меня покидает!
А клялся мне кто же?»
«Уведите! Что стоите?»
«Ой, за что ж на муку
Родилась я? На кого ж ты
Подымаешь руку?
На Катрусю, что с тобою
В садике ходила,
На Катрусю, что сыночка
Тебе подарила?
Мой любимый, мой желанный,
Ты хоть не чурайся!
Я тебе батрачкой стану...
С другою встречайся,
С целым светом!.. Я забуду,
Что тебя ласкала,
Народила тебе сына,
Позор принимала...

Принимала-горевал а,
Все переносила...
Брось меня, забудь навеки —
Не покинь хоть сына!
Не покинешь?... Не оставишь,
Как меня когда-то?...
Ты его сейчас увидишь...»
И кинулась в хату.
Возвращается из хаты,
Несет ему сына;
Заплаканный, неповитый,
Смотрит, сиротина.
«Вот он, вот он! Погляди-ка!..
Куда ты девался?...
Нет... уехал... От родного
Сына отказался...
Боже мой, куда ж я денусь
С малым сиротою?
Ой, москалики, возьмите,
Возьмите с собою!
Не чурайтесь, не дайте
Погибнуть родному.
Отвезите сиротину
К своему старшому!
Если сына он покинул,
То и я покину.
Пусть отца не покидают
Горе да кручина.

Сын мой! Я в грехе великом
Тебя породила,
Вырастай же на смех людям! —
И в снег положила. —
Поищи отца родного,
А я — наискалась...»
Да с дороги — прямо в чашу,
А дитя осталось.
Плачет, стынет на дороге,
А те ускакали.
Так и лучше б, да на горе
Люди подобрали.

Бежит по лесу босая
И в сугробах тонет,
То Ивана проклинаяет,
То просит, то стонет.
До опушки добежала —
Да к пруду... Спустилась,
Возле проруби широкой
Вдруг остановилась.
«Прими, боже, мою душу,
А ты — мое тело!..»
И вода над нею глухо,
Глухо прошумела.

Чернобровая Катруся
Нашла, что искала...

Над прудом повеял ветер,
И следов не стало.
То не ветер, то не буйный,
Что дубы ломает,
То не горе, то не злое,
Что мать умирает,
Пусть ее земля сырая
Навек приютила —
Слава добрая осталась,
Осталась могила.
Пусть насмешкой сиротину
Люди в сердце ранят —
Он поплачет над могилой,
Вот и легче станет.
А тому на белом свете —
Что тому осталось,
От кого отец отрекся
И мать отказалась?
Что подкидышу осталось?
Слезы да тревоги,
Да еще песок сыпучий
На большой дороге.
На что ему эти брови —
Чтоб его узнали?
Подарила их, не скрыла...
Лучше б полиняли!

Шел кобзарь в далекий Киев,
Шел и сел дорогой.
Тут же, с нищенской сумою,
Мальчик чернобровый.
Головой на грудь склонился,
Дремлет, засыпает.
А тем временем Исуса
Кобзарь напевает.^{22}
Кто проходит, тот не минет —
Грош иль бублик кинет;
Кто — слепому, а дивчата —
Тому сиротине.
Чернобровые дивятся:
«Голый, босый, хилый.
Мать дала такие брови —
Счастье дать забыла!»
Едет пышная карета
В Киев шестернею,
Господин сидит в карете
Со своей семьей.
Вот она остановилась
Перед бедняками.
Подбежал Ивась к оконцу,
Замахал руками.
Ивасю бросает деньги
Молодая пани.
Глянул пан — и отвернулся
Сразу от Ивана.

Он узнал и эти брови,
Он узнал и очи...
Повстречал родного сына,
Только взять не хочет.
«Как зовут?» — спросила пани.
«Ивась». — «Какой милый!»
Кони тронулись, и пылью
Бедняков покрыло...
Посчитали, что собрали,
Потихоньку встали,
Помолилися на солнце,
Пошли, зашагали.

[Петербург, 1838]

Тополь

Перевод А. Безыменского

В темной роще ветер воеет,
По полю гуляет,
Он на тополь налетает,
К земле пригибает.
Стан высокий, лист широкий
Грустно зеленеет!
Кругом поле, словно море,
Широко синееет.
Поглядит чумака на тополь,
Сердцу грустно станет;

Чабан утром с сопилкою
Сядет на кургане,
Глянет — и душа заночует:
Кругом ни былинки!
Гибнет тополь, как в неволе
Гибнет сиротинка!

Кто же наградил беднягу
Судьбою проклятой?
Погодите, все скажу вам,
Слушайте ж, дивчата!
Полюбила, пригожая,
Казака дивчина,
Полюбила, только милый
Ушел, да и сгинул...
Кабы знала, что покинет,
Его б не любила;
Кабы ведала, что сгинет,
Его б не пустила;
Кабы знала, за водою
Поздно б не ходила,
Не стояла б до полночи
Возле вербы с мылом;
Кабы знала!..

И то горе —
Если знать да ведать,
Впереди какие с нами

Приключатся беды!
Вы не спрашивайте лучше!..
Сердце молодое
Знает, как любить... Пусть лю-
бит!
Пока не зареют!
Ведь недолго ваши брови,
Дивчата, чернеют,
И недолго ваши лица
Нежно розовеют —
Лишь до полдня, — и завянут;
Брови полиняют...
Так не ждите и любите,
Как сердечко знает.

Начнет песню соловейко
В роще на калине,
Запоет казак тихонько,
Идя по долине.
Выйдет из дому дивчина
Повидаться с милым,
А казак дивчину спросит:
«Тебя мать не била?»
Станут рядом, обнимутся,
Соловей зальется;
Послушают, разойдутся,
А сердечко бьется!

И никто их не увидит,
И не спросят люди:
«Где была ты, с кем стояла?»
Она лишь знать будет!
И любила и ласкала,
А сердечко млело.
Сердце чуяло тревогу,
А сказать не смело.
Не сказало, — и трепещет,
Воркует все тише,
Как голубка без голубя;
А никто не слышит...

Не поет уж соловейко
В роще над водою.
Не поет уже дивчина,
Под вербою стоя.
Убивается дивчина,
Не зная, что будет.
Без него ее родные
Как чужие люди;
Без него и солнце светит,
Будто враг смеется;
Без него могила всюду...
А сердечко бьется.

Год прошел, второй промчался,
Не вернулся милый;

Как цветок, дивчина сохнет,
Молчит, как могила.
«Что ты вянешь?» — мать род-
ная
Ее не спросила, —
За старого, богатого
Выдать дочь решила.
«Выйди замуж! — мать сказа-
ла. —
Я тебя пристрою.
Он богатый, одинокий,
Будешь госпожою!»

«Не пойду я за такого,
Не пойду я, мама!
Лучше дочь свою родную
Опусти ты в яму.
Пусть попы свои молитвы
Поют надо мною.
Лучше умереть, чем стать мне
Старика женою!»

Не сдавалась мать-старуха,
Делала, что знала,
Чернобровая дивчина
Сохла и молчала.
Темной ночью ворожею
Расспросить решила:

Долго ль ей на этом свете
Не видаться с милым?
«Бабусенька, голубонька,
Моя дорогая!
Ты скажи мне только правду.
Я узнать желаю:
Жив ли милый? Крепко ль любит?
Иль забыл-покинул?
Ты скажи мне: где мой милый?
Не томи дивчину!
Бабусенька, голубонька,
Скажи, ведь ты знаешь!
Выдают меня родные
За старого замуж.
Никогда его, такого,
Сердцем не полюбишь.
Я давно бы утопилась —
Жалко, душу сгубишь.
Если умер чернобровый,
Сделай, моя пташка,
Чтоб домой я не вернулась...
Тяжко сердцу, тяжело!
Там со сватами тот старый...
Я умру, горюя!»
«Ладно, дочка! Делай только
Все, что прикажу я.
Сама была молодою,
Это горе знаю.

Все минуло — научилась,
Людям помогаю.
Твою долю, моя дочка,
Я давненько знала.
Для тебя давно-давненько
Зелье припасала».
В пузырьек лихое зелье,
Как чернила, льется.
«Ты возьми вот это диво
И встань у колодца.
Петухи пока не пели,
Водюю умойся.
Отхлебни немного зелья,
Ничего не бойся!
Не оглядывайся, дочка,
Что б там ни кричало,
Ты беги туда, где с милым
Своим расставалась,
А на середину неба
Выйдет ясный месяц, —
Выпей снова; не придет он —
В третий раз напейся.
В первый раз — ты прежней ста-
нешь,
Прежнею, былою.
Во второй — в степи далекой
Топнет конь ногою.
Если жив твой чернобровый,

Он тотчас придет.
А на третий... лучше, дочка,
Ты не знай, что будет!
Не крестись. Не то погибнет
Все, что дать могу я...
А теперь иди любуйся
На красу былую».

Взяла зелье, поклонилась:
«Спасибо, бабуся!»
Тихо вышла. «Может, бросить?
Нет уж, не вернуся!»
Умылася, напилася,
Тихо усмехнулась,
Выпила еще два раза
И не оглянулась, —
Поднялась, как бы на крыльях,
И в степь полетела,
И упала, заплакала,
А потом... запела;
«Ты плыви по морю, лебедь,
Далеко, далеко.
Ты расти, расти, мой тополь,
Высоко, высоко.
Тонким вырастай, высоким —
До туч головою,
Спроси бога: чернобровый
Будет ли со мною?»

Ты взгляни, взгляни, мой тополь,
За синее море.
Ведь на той сторонке — радость,
А на этой — горе.
Где-то там мой чернобровый
По полю гуляет,
А я плачу, годы трачу,
Его поджидаю.
Ты скажи ему, что люди
Надо мной смеются;
Я погибну, если милый
Не сможет вернуться!
Закопать меня в могилу
Матери охота...
Кто ж теперь тебя, родная,
Окружит заботой?
Кто утешит, приласкает,
Старухе поможет?
Мама моя!.. Радость моя!..
Боже милый, боже!..

Если милого, мой тополь,
И за морем нету, —
Ночью, чтоб никто не видел,
Поплачь до рассвета!
Ты расти, мой милый тополь,
Высоко, высоко.
Ты плыви по морю, лебедь,

Далеко, далеко!»
Вот такую песню пела,
Так она томилась
И, на удивленье людям,
В тополь превратилась.
В дом родимый не вернулась,
Счастья не узнала —
Стала тоненькой, высокой,
До тучи достала.

В темной роще ветер воеет,
По полю гуляет.
Он на тополь налетает,
К земле пригибает.

[Петербург, 1839]

Думка

Перевод В. Звягинцевой

{23}

На что черные мне брови
Да карие очи,
На что юность мне девичья —
Нет ее короче.
Годы мои молодые
Даром пропадают,
Брови черные, густые
От ветра линяют.
Сердце вянет и томится,
Как птица в неволе...
На что же мне краса моя
Без счастливой доли?
Тяжко жить мне сиротою
Без родного крова,
И родные — что чужие,
Не с кем молвить слова,
Никто меня не расспросит,
О чем плачут очи.
Сказать некому дивчине,
Чего сердце хочет,
Отчего оно, как голубь,
Воркует, чуть дышит;
Никто знать того не знает,

Не знает, не слышит.
Ни о чем не спросят люди,
Да на что и знать им —
Пускай плачет сиротина,
Пускай годы тратит...
Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Пока свет вам светит,
Громче, жалобнее плачьте,
Чтоб услышал ветер
И унес бы мои слезы
За синее море,
Пригожему, неверному
На лютую горе.

[Петербург, 1839]

К Основьяненко
Перевод В. Державина

{24}

Бьют пороги; всходит месяц,
Как в древнее время.
Нет у Сечи; нет того, кто
Верховодил всеми.
Нет у Сечи! Очереты
Над Днепром вздыхают:
«Куда наши дети делись?
Где они гуляют?»

Чайка с криком реет, словно
Мать над сыном стонет,
Солнце греет, ветер веет,
Пыль по степи гонит.
А над степью той курганы
Стоят и тоскуют,
У буйного спрашивают:
«Где ж наши пануют?
Где пануют, где пируют?
Где запропастились?
Воротитесь, гляньте: в поле
Колосья склонились
Там, где ржали ваши кони,
Где трава шумела,
Там, где кровь татар и ляхов
Морем багровела...
Воротитесь!»
«Не вернутся! —
Грянули, сказали
Волны в море. — Не вернутся,
Навеки пропали».
Правда, море, правда, волны:
Такая их доля!
Не дождемся долгожданных,
Не дождемся воли,
Схоронили казачество
Седые курганы,
Не покроют Украину

Красные жупаны.
Убогая, сиротою
Над Днепром рыдает;
Мук ее никто не видит,
Слез не замечает.
Видит недруг и смеется...
Смейся, враг лукавый,
Да не очень: знай — все гибнет,
Но не гибнет слава!
Встанет слава и расскажет,
Что было на свете,
И где — правда и где — кривда,
Скажет — чьи мы дети.
Наша дума, наша песня
Не умрет, не сгинет...
Вот в чем, люди, наша слава,
Слава Украины!
Не украшена ни золотом,
Ни хвастливой ложью,
Громозвучна и правдива,
Будто слово божье:
Правда ль, батько-атамане?
Правда ль — песня эта?
Эх, если бы!., да что скажешь,
Коль уменья нету.
А к тому же здесь мне люди
Враждебны и чужды.
Скажешь ты: «Не уступай им!» —

Да что в этом нужды?
Посмеются над псалмами,
Что вылью слезами;
Посмеются... Тяжко, батько,
Тяжко жить с врагами!
Поборолся бы я с ними,
Если б сил хватило;
И запел бы я, да песню
Нужда задушила.
Таково-то мое горе!
Я зимой суровой
По снегам брожу, и трудно
Не шуми, дуброва,^{25}
Мне запеть... А ты, как прежде,
С песней неразлучен!
Тебя люди уважают
За голос могучий.
Пой про Сечь им и степные
Курганы-могилы,
Где какой курган насыпан,
Кого схоронили;
Пой про диво, что пропало
В минувшие лета!
Батько! Грянь же, чтобы стало
Слышно всему свету:
Как рубилась Украина
За волю и право,
Как по свету полетела

Казацкая слава:
Батько, грянь, орел наш сизый!
Пусть хоть раз единый
Нагляжуся я сквозь слезы
На мать-Украину;
Пусть хоть раз еще услышу,
Как море играет,
Как девушка под вербою
Гриця запевае^{26};
Пусть я вспомню на чужбине
Радость молодую,
Пока в гроб чужой не лягу
И в землю чужую!

[Петербург, 1839]

Иван Подкова
Перевод М. Михайлова

В. И. Штернбергу^{27}

{28}

I

Было время — на Украине
Пушки грохотали.
Было время — запорожцы
Жили-пировали.
Пировали, добывали

Славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
Лишь курганы в поле.
Те высокие курганы,
Где лежит зарыто
Тело белое казачье,
Саваном повито.
И чернеют те курганы,
Словно горы в поле,
И лишь с ветром перелетным
Шепчутся про волю.
Славу дедовскую ветер
По полю разносит...
Внук услышит — песню сложит
И с той песней косит.

Было время — на Украине
В пляску шло и горе:
Как вина да меду вдоволь —
По колено море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь —
Как-то легче станет сердцу,
Веселее взглянешь.

II

Встала туча над Лиманом^{29},
Солнце заслоняет:

Лютым зверем сине море
Стонет, завывает.
Днепр надулся. «Что ж, ребята,
Время мы теряем?
В лодки! Море расходилось...
То-то погуляем!»

Высыпают запорожцы,
Вот Лиман покрыли
Их ладьи. «Играй же, море!»
Волны заходили...
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноет; казаки же
Веселее стали.
Плещут весла, песня льется,
Чайка вокруг летает...
Атаман в передней лодке —
Путь-дорогу знает.
Сам все ходит вдоль по лодке,
Трубку сжал зубами;
Взглянет вправо, взглянет влево

—
Где б сойтись с врагами?
Закрутил он ус свой черный,
Вскинул чуб косматый,
Поднял шапку — лодки стали.
«Сгинь ты, враг проклятый!

Поплывемте не к Синопу^{30},
Братцы атамань,
А в Царьград^{31} поедем — в гости
К самому султану!»
«Ладно, батько!» — загремело,
«Ну, спасибо, братцы!» —
И накрылся. Вновь горами
Волны громоздятся...
И опять он вдоль по лодке
Ходит, не садится;
Только молча, исподлобья,
На волну косится.

[Петербург, 1839]

Тарасова ночь

Перевод Б. Турганова

{32}

Сидит кобзарь у дороги,
На кобзе играет;
Кругом хлопцы да дивчата,
Как жар-цвет, сияют.
Поет кобзарь, струной вторит,
Говорит словами,
Как соседи — орда, ляхи —
Бились с казаками;
Как сходились запорожцы

Поутру в кручине,
Хоронили товарища
В зеленой лощине.
Поет кобзарь, струны вторят,
И горе смеется...
«Была пора гетманщины,
Назад не вернется;
Была пора — пановали,
Да больше не будем,
Только славы казачества
Вовек не забудем!
Идет туча от Лимана,
А другая с поля;
Затужила Украина —
Такая уж доля!
Затужила, зарыдала,
Как младенец малый.
Никто больше не поможет...
Казачество пало;
Слава пала, отцовщина —
Все гибнет на свете;
Вырастают, некрещены,
Казацкие дети;
Милуются, невенчаны;
Без попа хоронят;
Запродана врагам вера —
Печать на иконе!..
Как вороны, черной стаей

Ляхи, униаты
Налетают — не дождемся
Поньне расплаты!
Поднимался Наливайко^{33} —
Не стало Кравчины.
Поднялся казак Павлюга^{34} —
Пропал, неповинный!
Поднялся Тарас Трясило
С горькими слезами:
«Бедная ты Украина,
Сломлена врагами!
Украина, Украина!
Мать моя родная!
Только вспомню твою долю,
Душой зарыдаю!
Куда делось казачество,
Жупаны цветные?
Куда делась доля-воля,
Гетманы седые?
Где все это? Ушло с дымом?
Или затопило
Сине море твои горы,
Курганы-могилы?
Молчат горы, шумит море,
Курганы тоскуют,
Гнутя дети казацкие
Под вражьей рукою!
Спите, горы! Шуми, море!

Гуляй, ветер, в поле!
Плачьте, дети казацкие, —
Такая вам доля!»
Поднялся Тарас Трясило:
За веру родную,
Поднялся он, сизокрылый,
Час расплаты чуя!
Поднялся Тарас Трясило:
«Довольно томиться!
А пойдем-ка, паны братья,
С поляками биться!»
Уж не три дня, не три ночи
Бьется наш Трясило.
От Лимана до Трубайла^[35]
Поле кровь покрыла.
Ослабел тут казачина,
Духом омрачился.
А проклятый Конецпольский^[36]
Вмиг возвеселился;
Собрал шляхту воедино
И всех угощает.
На ту пору свое войско
Тарас созывает:
«Товарищи атаманы —
Братья мои, дети!
По совести мне скажите —
Как быть нам на свете?
Упились вражьи ляхи

Казацкою кровью».
«Что ж, пускай они пируют
Себе на здоровье!
Пускай ляхи веселятся
Нынче до заката,
А ночь-матерь нам поможет —
Найдем супостата».
Легло солнце за горою,
Звезды засияли,
А казаки, словно туча,
Ляхов обступали.
Как стал месяц среди неба,
Пушки заревели;
Пробудились ляшки-панки —
Бежать не успели!
Пробудились ляшки-панки,
А встать — и не встали:
Взошло солнце — ляшки-панки
Вповалку лежали.

Гадюкою багровою
Несет Альта^{37} вести, —
Воронье чтоб налетало
Вельможных наестся.
Воронье и налетело
Панами кормиться.
Тут сходилось казачество
Богу помолиться.

Как закаркал черный ворон,
Выпивая очи;
Как запели казаченьки
Песню о той ночи —
Ночи грозной и кровавой,
Что славой покрыла
И Тараса и казаков,
А ляхов сгубила.

Над речкою, в чистом поле
Курганы чернеют;
Где казачья кровь алела —
Трава зеленеет.
Сидит ворон на кургане —
Каркает, голодный...
Казак вспомнит и заплачет
О жизни свободной».
Умолк кобзарь, потупился:
Руки не играют.
Кругом хлопцы да дивчата
Слезы утирают.

Пошел кобзарь по улице —
Да с горя как грянет!
Кругом хлопцы в пляс пустились,
А он подпевает:
«Коли сталось — значит, ста-
лось!»

*Погодите, детки, малость,
А я в корчме погуляю,
Свою женку повстречаю,
Вместе с нею пьян напьюся,
Над врагами посмеюся».*

[Петербург, 1838]

Н. Маркевичу
Перевод Т. Волгиной

{38}

*Хорошо тебе, орел мой,
Бандурист мой милый:
Есть и крылья для полета,
И досуг, и силы.
Так лети ж на Украину —
Там ждут тебя, любят.
Полетел бы за тобою,
Да кто приголубит?
Одинок и тут я, брат мой,
И на Украине,
Голубь мой, я сиротина,
Как и на чужбине.
Что же сердце бьется, рвется,
Что же сердце ноет? Сиротина...
А Украина — Раздолье степное!
Там, как брат, обнимет ветер*

В степи на просторе;
Там в широком поле воля;
Там синее море
Шумит, плещет, славит бога,
Тоску разгоняет;
Там курганы с буйным ветром
В беседу вступают.
Вот такая между ними
Беседа ведется:
«Было время — миновало,
Назад не вернется...»
Полетел бы, послушал бы,
Поплакал бы с ними...
Где там! Силу потерял я
Меж людьми чужими.

С.-Петербург, 9 мая 1840 года

На память Штернбергу
Перевод С. Олендера

{39}

*Поедешь далеко,
На многое взглянешь.
Насмотришься, соскучишься,
Меня, брат, вспомянешь!*

[Петербург, 1840]

Гайдамаки

Поэма

Перевод А. Твардовского

{40}

*Василию Ивановичу Григоровичу^{41}
в память 22 апреля 1838 года*

*Все в мире проходит.
Живет — умирает...
Куда ж оно делось?
Откуда взялось?
Ни глупый, ни мудрый про это не
знает.
Извечно ведется: одно зацвело —*

Другое увяло, навеки увяло...
И ветры сухую листву разнесли.
А солнце встает, как и прежде
вставало,
И звезды плывут, как, бывало,
плыли
И плыть всегда будут, и ты, бело-
лицый,
По синему небу ты будешь гулять
И будешь смотреться в болотце,
в криницу,
В бескрайнее море — и будешь си-
ять,
Как над Вавилоном, над его сада-
ми
И над тем, что будет с нашими
сынами.
Конца ты не знаешь! Люблю тол-
ковать,
Делиться с тобою, как с братом,
с сестрою,
И петь тебе песни твои же спро-
ста...
Скажи ты мне ныне: как быть
мне с тоскою?
Я не одинокий, я не сирота:
Есть у меня дети, да куда мне
деть их?

Закопать с собою? Грех: душа жи-
ва!

Может быть, ей легче будет на
том свете,
Как прочтет кто-либо те сле-
зы-слова,
Что так бескорыстно она излива-
ла
И ночью украдкой над ними рыда-
ла.

Нет, не закопаю. Душа-то жива!
Как синему небу, как белому све-
ту —

Ни конца, ни края душе моей
нету.

А где она будет? Чудные слова!
Пускай ее вспомнят хоть на
этом свете, —

Бесславному тяжело его поки-
дать.

Дивчата, вам надо ее вспоми-
нать,

Она вас имела всегда на примете
И песни любила про вас напевать.
Пока солнце встанет — отдохни-
те, дети!

Вожаса вам, дети, хочу подыс-
кать.

Сыны мои, гайдамаки!
Волен свет широкий.
Погуляйте, поищите
По себе дороги.
Сыны мои молодые,
Несчастные дети,
Кто без матери родимой
Встретит вас на свете?...
Сыны мои, на Украину
Летите орлами.
Пусть хоть горе приключится
Не в чужбине с вами.
Там и ласковую душу
Повстречать не чудо.
Там помогут, там наставят,
А тут... А тут — худо.
Пустьят в хату — насмеются,
Дурачком считают.
До того умны-учены —
Солнце осуждают:
Мол, зошло, да не оттуда,
Да не так и село.
Мол, вот так-то лучше было б...
Что тут будешь делать?!
Надо слушать, может, вправду
Не так солнце светит.
Потому — народ ученый:
Знают всё на свете.

А уж вам-то к ним явиться —
Как зовут — не спросят.
Поглядят, поведя носом —
И под лавку бросят.
Дескать, ладно, подождите,
Найдется писака,
Он по-нашему расскажет
И про гайдамаков,
А то вышел дурачина
С мертвыми словами
Да какого-то Ярему
Ведет перед нами.
Неуч, неуч, дурачина!
Видно, били мало.
От казачества — курганы
(Что еще осталось?),
Да и те давно разрыты,
Ветер пыль разносит.
А он думал, слушать станем,
Как слепцы гундосят.
Понапрасну ты старался,
Человек хороший.
Хочешь славы, денег хочешь —
Так пой про Матрешу,
Про Парашу, радость нашу,
Султан, паркет, шпоры.
Вот где слава! А то тянешь —
Шумит сине море...

А сам плачешь. Да с тобою
Весь твой люд сермяжный...
Вот спасибо умным людям,
Рассудили важно!
Только жаль, что кожух теплый

На другого шитый.
Очень умны ваши речи,
Да брехней подбиты.
Не прогневайтесь, а слушать
Я вас не желаю.
Вы разумны, а я глупый...
И я вас не знаю.
Я один в родимой хате
Запою украдкой,
Запою про то, что любо,
И заплачу сладко.
Запою — играет море,
Ветер в поле ходит,
Степь темнеет, и курганы
С ветром речь заводят.
Вот раскрылись, развернулись
Курганы глухие.
И покрыли степь до моря
Казачьи лихие.
Атаманы с бунчуками
Войско озирают.
Пляшут кони. А пороги

Ревут, завывают;
Ревут, стонут, негодуя,
Сурово бушуют.
«Чем вы, батьки, недовольны?» —
У старых спрошу я.
И ответят мне седые:
«Молчи, сиротина!
Днепр сердитый негодует,
Плачет Украина...»
И я плачу. А тем часом
В жупанах богатых
Идут, идут атаманы
С гетманами в хату.
Входят разом в мою хату
Ради доброй встречи
И со мной про Украину
Начинают речи.
Рассуждают, вспоминают,
Как Сечь собирали,
Как через пороги к морю
Лихо проплывали.
Как гуляли в Черном море,
Грелися в Скутари^[42],
Как закуривали люльки
В Польше на пожаре,
Как в отчизну возвращались,
Как они гуляли.
«Жарь, кобзарик, лей, шинкарик!»

—

Бывало, кричали.
Шинкарь мечется, летает,
Шинкарь так и вьется.
Кобзарь жарит, а казаки —
Аж Хортица⁽⁴³⁾ гнется —
Гопака дают такого,
Метелицу разом.
Кухоль ходит, высыхает —
Не моргнешь и глазом!
«Гуляй, паны, без жупанов,
Гуляй, ветер, в поле!
Жарь, кобзарик, лей, шинкарик,
Пока встанет доля!»
Друг за другом ходят кругом
Парубки с дедами.
«Так-то, хлопцы! Добре, хлопцы!
Будете панами».
Пир горою. А старшины
На совете вроде:
Меж собою речь заводят,
По рядам проходят.
Не стерпели, не сдержали
Лихости казачьей —
Припустили каблуками...
Я смеюсь и плачу.
От радости плачу, что в хате
убогой,

Что в мире великом я не одинок.
И в хате убогой, как в степи широкой,
Казачи гуляют, гомонит лесок.
В хате предо мною сине море ходит,
Темнеют курганы и тополь шумит,
Тихо-тихо Гриця дивчина заводит.
Я не одинокий, людьми не забыт.
Вот где они, мои деньги,
Вот где моя слава!
А за ваш совет спасибо,
За совет лукавый.
Пока жив, с меня довольно
И мертвого слова,
Чтобы вылить горе, слезы...
Бывайте здоровы!
Пойду сынов-гайдамаков
В путь отправлю снова.
Может быть, найдут какого
Казача седого.
Может, он их встретит лаской,
Теплыми слезами.
И того с меня довольно —
Пан я над панами.

Так-то, сидя в своей хате,
Думаю в тревоге:
«С кем пойду и кто им будет
Вожяком в дороге?»
На дворе давно светает,
Встали гайдамаки.
Помолились, снарядились
Добрые казаки.
Поклонились, как сироты,
Печально и строго.
«Благослови, — молвят, — бать-
ко,
В дальнюю дорогу,
Пожелай нам доброй доли,
Радости на свете».
«Стойте, хлопцы, свет — не хата,
А вы точно дети Неразумные.
Кто будет Вожяком надежным?
Кто наставит? Тяжело мне,
На душе тревожно.
Сам растил вас, мои дети,
На ноги поставил.
В свет идете, а теперь там
Все книжные стали.
Не судите, что в науках
Помочь не пытался.
Самого учили — били.
Какой был — остался!

Тма, мна знаю, а оксию
Не знаю доньне...^{44}
Ладно, дети, погодите:
Есть возжак — не кинет.
Есть у меня батько славный^{45}
(Родного-то нету!).
У него пойдём попросим
Доброго совета.
Сам он знает, что не сладко
Сироте без роду;
Сам — казак, душа простая,
Казацкого роду,
И простое наше слово
Он любит и знает,
Что певала мать родная,
Сына пеленая;
Не чурался того слова,
Что слепец под тыном
Напевает, пригорюнясь,
Про мать-Украину.
Любит батько песню-правду
О казацкой славе.
Любит крепко. Идем, хлопцы,
Он нас не оставит.
Кабы он меня не встретил,
То, наверно б, ныне
Я лежал бы под снегами
На дальней чужбине,

Схоронили б меня люди,
Забьли б то место...
Тяжело страдать и гибнуть...
За что — неизвестно.
Но минуло... Чтоб не снилось!
Идемте-ка, дети.
Коли мне не дал погибнуть,
Запропасть на свете,
То и вас любого примет,
Как родного сына.
Там помолимся — и гайда
В путь на Украину!»
Принимай поклон наш, батько!
С твоего порога
Благослови моих деток
В дальнюю дорогу!

С.-Петербург
1841, апреля 7

Интродукция

Было время, гордо шляхта
Голову носила,
С москалями и с ордою
Мерялася силой,
С турком, с немцем...
Было время —
Мало ль что бывало!
Шляхта Польшей управляла,

Чванилась, гуляла.
Королем играла шляхта.
И король тот — горе! —
Так скажу: не Ян Собеский^{46},
Не Стефан Баторий^{47}!
Все другие перед шляхтой
В рот воды набрали.
Сеймы, сеймики ревели,
Соседи молчали.
Да смотрели, как из Польни
Короли сбегают^{48},
Да слушали, как шляхетство
Глотки надрывает.
«Nie pozwalam! Nie pozwalam!»[1]^{49}

Шляхта завывает.
А магнаты палят хаты,
Сабли закаляют.
Испокон дела такие
Творились в державе,
Да уселся Понятовский^{50}
На престол в Варшаве.
Решил он с шляхтой быть по-
строже,
Прибрать к рукам — да не сумел!

Добра хотел ей, а быть может,
Еще чего-нибудь хотел.

Одно лишь слово «*nie rozwalat*»
Отнять у шляхты думал он Сперва...

Но Польша запылала,
Паны взбесились. Крик и стон...
«Гонору слово, дарма праця!
Пся крев! Прислужник москаля!»
На клич Пулавского и Паца^{51}
Встает шляхетская земля...
И — разом сто конфедераций^{52}.
Разбрелись конфедераты
По Литве, Волыни,
По Молдавии, по Польше
И по Украине.
Разбрелись — и позабыли
О воле, о чести.
Сговорились с торгашами.
Чтобы грабить вместе.
Что хотели, то творили,
Церкви осквернили...
А в ту пору гайдамаки
Ножи освятили^{53}.

Галайда

«Ярема, герш-ту[2], хам ленивый,
Веди кобылу, да сперва
Поддай хозяйке туфли живо,
Неси воды, руби дрова.

Корове подстели соломы,
Посыпь индейкам и гусям.
Да хату вымети, Ярема.
Ярема, эй! Да стой же, хам!
Как справишься, беги в Олышану^{54}

Хозяйке надо. Да бегом!»
Ярема слушает молчком^{55}. Олышан
Так измывался утром рано
Шинкарь над бедным казаком.
Не знал Ярема о другом...
Не знал горемычный, что зрела в
нем сила
Что сможет высоко над небом
парить,
Не знал, покорялся...
О, боже мой милый,
Трудно жить на свете, а хочется
жить!
Любо видеть солнце, как оно сияет,
Хорошо послушать, как море играет,
Хорошо весною по лесу ходить,
Знать, что сердце чье-то по тебе
томится...
О, боже мой милый, как радостно

жить!

Сирота Ярема, сирота убогий,
Ни сестры, ни брата — никого не
знал.

Вырос у хозяйских, у чужих поро-
гов,

Но не проклял доли, людей не ру-
гал.

И за что ругать их? Разве они зна-
ют,

Кого встретить лаской, кого ис-
тязать?

При готовой доле пусть себе гуля-
ют,

А сиротам долю самим добы-
вать.

Бывает, заплачет Ярема украд-
кой

И то не о том, что невесело
жить,

Что-нибудь припомнит, помеч-
тает сладко...

Да и за работу. Живи — не тужи.

Мать, отец не в радость, светлые
палаты,

Если не с кем сердце сердцу пове-
рять.

Сирота Ярема — сирота богатый:

Есть ему с кем плакать, кого утешать.

Есть карие очи — звездами сияют,

Есть белые руки — нежно обнимают,

Есть девичье сердце — согрето любовью,

Что плачет, смеется, стучит, за-
тихает.

Над сиротским изголовьем
Средь ночи витает.

Вот такой-то мой Ярема,
Сирота богатый.

Был и я таким когда-то,
Да прошло, дивчата.

Поразвеялось, минуло,
И следа не видно.

Плачет сердце, как припомню...
Горько и обидно.

Куда все девалось, куда запропа-
ло?

Легче было б слезы, тоску выли-
вать.

Люди увидали, ведь им было мало:
«Зачем ему доля? Лучше

отобрать.
Он и так богатый!..»

Богат на заплаты
Да еще на слезы — кому утирать?
Доля моя, доля! Где тебя искать?
Вернись, моя доля, вернись в мою
хату,
Приснись мне хотя бы... Не хочется
спать!..

Люди добрые, простите,
Что не к ряду начал.
Про свою запел недолю...
Да не мог иначе.
Может, встретимся, покамест
Еще ковыляю За Яремою по свету,
А может... не знаю.
Худо, люди! Всюду — худо!
Нет нигде отрады.
Куда гнут, как говорится,
Туда гнуться надо.
Гнуться молча, улыбаться,
Не подавать виду,
Чтобы люди не узнали
Про твою обиду.
Пусть их ласка... достается
Тому, кто доволен,

Пусть во сне ее не видит
Сиротская доля!
И рассказывать постыло,
И молчать нет силы.
Лейся ж, слово! Лейтесь, слезы,
Чтобы легче было.
Я поплачу, поделюсь
Моими слезами —
Да не с братом, не с сестрою, —
С глухими стенами
На чужбине. А покамест
Корчму приоткроем:
Что там делается?
Лейба
Согнулся дугою,
У постели над светильней
Считает монеты.
А в постели — вся раскрыта
И полураздета —
Спит еврейка молодая
На жарких подушках,
Разметалась, раскидалась,
Томно ей и душно.
Спит тревожно, беспокойно, —
Одинокой тяжело,
Ночью словом обменяться
Не с кем ей, бедняжке,
Хороша, бела еврейка!

Что-то шепчет пылко!
Это — дочь. Отец же — рядом.
Чертова копилка.
Дальше — Хайка, спит хозяйка
В перинах поганых.
Где ж Ярема? Тот шагает
Ольшан Ольшану.

Конфедераты

«Открывай живей, Иуда,
Пока не битый ты у нас!
Ломайте двери, ждате докуда,
Прокуда старый!»
«Я сейчас!
Сейчас, постойте!..»
«Или с нами
Шутить задумал? Что там
ждать!
Ломайте двери!»
«Я? С панами?
Как можно? Дайте только
встать!
(А сам: «Вот свиньи-то!») Как
можно?»
«Ломайте двери, что смотреть!»
«Прошу панов ясновельможных...»
Упала дверь, взвилася плетень,
Метнулся Лейба с перепугу.

«На, лукавый, на, поганый,
На, свиное ухо!»
За ударами удары
Посыпались глухо.
«Не шутите, ваша милость!
Прошу, прошу в хату!»
«На еще раз! На еще раз!
Получай, проклятый».
Поздоровались. «Где дочка?»
«Померла, панове...»
«Лжешь, Иуда!»
Снова плети.
«Носи на здоровье!..»
«Ой, паночки-голубочки,
В живых ее нету!»
«Брешешь, шельма».
«Провались я
На месте на этом».
«Признавайся, куда спрятал.
Поганая рожка!»
«Померла. Не стал бы прятать.
Карай меня, боже!»
«Ха, ха, ха, ха! Литанию^{56}
Читает, лукавый,
А не крестится!»
«Панове,
Не умею, право».
«Вот так!» Лях перекрестился,

А за ним Иуда.
«Браво, браво, окрестили!
За такое чудо
Магарыч с тебя придется,
Слышишь, окрещенный, Мага-
рыч!»
«Сейчас! Минутку!»
Ревут оглашенно.
Поставец, горилки полный,
По столу гуляет.
«Еще Польшка не згинела»^{57}, —
Не в лад запевают.
А хозяин окрещенный
Из погреба в хату
Знай шныряет, наливает,
А конфедераты
Знай кричат:
«Горилки! Меду!»
Лейба суетится.
«Эй, собака, где цимбалы?! —
Ходят половицы. —
Краковяк играй, мазурку,
Давай по порядку!»
Лейба служит, хоть бормочет:
«Панская ухватка!..»
«Ладно, будет. Запевай-ка».
«Не могу, не стану».
«Запоешь, да будет поздно!»

«Что же петь вам? Ганну?..

Жила-была Ганна
В хате при дороге,
Божилася
И клялася,
Что не служат ноги;
На панщину не ходила,
Охала, стонала,
Только к хлопцам,
Что ни вечер,
В потемках шныряла».

«Будет, будет. Не годится,
Схизматская^[58] песня!
Пой другую!» — «А какую?
Вот такую если:
Перед паном Федором,
Ходит жид ходором,
И задком
И передком —
Перед паном Федорком».

«Ладно, хватит! Плати деньги!»
«Как? За что же плата?»
«А ты думал, даром слушать
Будем мы, проклятый?...
Думал, шутим? Доставай-ка

Да плати, небитый».
«Где же взять мне? Ласка ваша —
Вот весь мой прибыток».
«Лжешь, собака! Плати деньги!
Доставай — да быстро!»
И пошли гулять нагайки
По спине со свистом.
Вдоль и поперек стегали,
Аж ключье летело.
«Нету, нету ни копейки,
Режьте мое тело!
Ни копейки! Гвалт! Спасите! —
Кричит Лейба криком. —
Погодите... Я скажу вам...»
«Скажи-ка, скажи-ка!
Да опять брехать не вздумай,
Брехня не поможет».
«Нет... В Ольшане...»
«Твои деньги?»
«Мои? Спаси, боже!..
Я хотел сказать... В Ольшане,
Там живут схизматы...»
«Да! Живут по три семейства
На каждую хату?
Знаем, знаем! Мы их сами
Туда посогнали».
«Нет, не то... Прошу прощенья, —
Чтоб беды не знали,

Чтоб вам только деньги снились!
Ктитор^{59} там в Ольшане.
Может, слышали, есть дочка
У него, Оксана.
Спаси, боже, как красива,
Да и деньги тоже...
Не его, а все же деньги,
Хоть они и божьи...»
«Лишь бы деньги! Правда, Лейба,
Лучше и не скажешь.
А чтоб справдилась та правда,
Дорогу покажешь.
Собирайся!»
Поскакали
Прямиком в Ольшану.
Лишь один в корчме под лавкой
Конфедерат пьяный.
Встать не может, распростерся,
Как мертвое тело:
«Му żyjęту, ту żyjęту,
Polska nie zginęła»[3]

Ктитор

«В лесу, в лесочке
Не веет ветер;
Высоко месяца,
И звезды светят.
Выйди, голубка,

Я поджидаю.
Хоть на часок ты
Приди, родная!
Хоть погорюем
Да поворкуем.
Сегодня ночью
Уйду далеко.
Прощусь, расстанусь
С тобой до срока.
Выгляни, пташка,
Моя отрада.
Проститься надо...
Ох, тяжело, тяжело».
Так поет себе Ярема
В роще той затишной,
Поджидает, но Оксаны
Не видно, не слышно.
Светят звезды. Среди неба —
Месяц белолицый;
Соловей поет, и верба
Никнет над криницей.
Соловей над речкой песню
Так и разливает,
Словно знает, что дивчину
Казак поджидает.
А Ярема ходит-бродит,
Все ему не мило.
«Зачем меня мать родная

Красой наделила?...
—

Доля да удача ко мне не идут.
Годы молодые даром пропадут.
Один я на свете, без роду, а доля

Сиротская доля, что былинка в поле,
Холодные ветры ее унесут, —

И меня вот люди не хотят приветить.
За что ж отвернулись? Что я сирота?

Одно было сердце, одна на всем свете
Душа — моя радость — да, видно,
и та —

И та отвернулась...»
Заплакал убогий,
Заплакал и слезы утер рукавом:

«Бывай же здорова! В далекой дороге
Найду либо долю, либо за Днепром
Голову сложу я. А ты не заплачешь,
А ты не увидишь, как буду лежать,
Как выключет ворон те очи каза-

—

—

—

—

—

—

—

чьи,
Те, что ты любила нежно целовать.
Забудь же про слезы сироты-бедняги,
Забудь, что клялася. Найдется
другой!
Я тебе не пара, я хожу в сермяге,
Ктиторовой дочке нужен не такой.
Люби кого хочешь. Что себя нево-
лнить!
Забудь меня, пташка, забудь обо
всем.
А коли услышишь, что в далеком
поле
Голову сложил я, помолись тай-
ком,
Хоть одна ты, мое сердце,
Вспомни добрым словом».
И заплакал, подпершия
Посошком дубовым.
Плачет тихо, одиноко...
Обернулся, глянул:
Осторожно по опушке
Крадется Оксана.
Все забыл... Бежит навстречу...
Друг к другу припали.

«Сердце!» Долго одно это
Слово повторяли.

«Будет, сердце!» — «Нет, немножко...»

Еще, сизокрылый!
Возьми душу! Еще, милый!
Как я истомилась!»

«Звездочка моя, ты с неба,
Ясная слетела!»

Стелет свитку. Улыбнулась,
На ту свитку села.

«Сам садись со мною рядом,
Обними же, милый!»

«Где ж ты, звездочка, так долго
И кому светила?»

«Я сегодня запоздала:
Отец занедужил,
До сих пор за ним смотрела...»

«А я и не нужен?»

«Ну, какой ты, вот, ей-богу!»
И слеза блеснула.

«Я шучу, шучу, голубка».

«Шутки!»
Улыбнулась.

И склонилась головкой,
Будто бы уснула.

«Слышь, Оксана, пошутил я,
Не думал обидеть».

Глянь же, глянь же на меня ты:
Не скоро увидишь.
Завтра буду я далеко,
Далеко, Оксана...
Завтра ночью нож свяченный
В Чигрине достану.
С тем ножом себе добуду
Золото и славу,
Привезу тебе наряды,
Богатую справу.
Как гетманша, сядешь в кресло,
Завидуйте, люди!
Стану тобой любоваться...»
«А может, забудешь?...
Будешь в Киеве с панами
Ходить важным паном,
Найдешь панну-белоручку,
Забудешь Оксану».
«Разве ж есть тебя красивей?...»
«Может быть... Не знаю...»
«Не грехи! На белом свете
Краше нет, родная!
Ни на небе, ни за небом,
Ни за синим морем...»
«Перестань же, что ты, милый,
Нашел о чем спорить
По-пустому!»
«Нет, родная...»

И снова и снова
Целовались, обнимались
Они что ни слово,
Обнимались крепко-крепко,
То вместе молчали,
То плакали, то клялися
И вновь начинали.
Говорил он ей, как вместе
Славно жить им будет,
Как он долю и богатство
Сам себе добудет.
Как вырежут панов-ляхов
Всех на Украине,
Как он будет красоваться,
Если сам не сгинет.
Говорил... Дивчата, слушать
Противно, ей-богу!..
Не противно, говорите?
Зато отец строгий
Либо мать, когда застанет
Вас за книжкой этой,
Тут греха не оберешься —
Сживут вас со света.
Ну, да что про то и думать,
Занятно же, право!
А еще бы рассказать вам,
Как казак чернявый
Над водою, под ветлою,

Прощаясь, тоскует,
А Оксана, как голубка,
Воркует, целует.
Вот заплакала, сомлела,
Голову склонила:
«Мое сердце! Моя радость!
Соколик мой милый!»
Даже вербы нагибались
Послушать те речи.
Нет, довольно с вас, дивчата,
А то близко вечер...
Не годится против ночи:
Приснится такое...
Пусть их тихо разойдутся,
Как сошлись, двое.
Пусть еще раз обнимутся
И разнимут руки,
Чтоб никто их слез не видел,
Горькой их разлуки.
Пусть... Кто знает, приведется
ль
Им на этом свете Вновь увидеться.
Посмотрим... Мудрено отве-
тить.

А у ктитора в окошках
Свет. Не спит, похоже.

Надо глянуть, но и видеть
Не дай того, боже!..
Не дай того видеть среди мирной
хаты,
За людей от срама сердцу не
страдать.
Гляньте, посмотрите: то конфе-
дераты,
Люди, что собрались волю защи-
щать!^{60}
Вот и защищают. Да падет про-
клятье
На их мать родную, что их зача-
ла,
На день тот, в который собак ро-
дила.
Гляньте, что творится у ктито-
ра в хате...
Адские творятся на свете дела!

В печи — огонь. Огнем вся хата
Освещена. В углу дрожит,
Как пес, шинкаръ. Конфедераты
Терзают ктитора:
«Скажи,
Где деньги, если хочешь жить!»
Но тот молчит. Скрутили руки,
Об землю грохнули. Молчит,

Ни слова ктитор...
«Мало муки!
Смолы сюда! Заговорит!
Кропи его! Вот так! Что — сты-
нет?
А ну — горячею золой!
И рта, проклятый, не разинет!
Однако, bestия! Постой!
Давай еще побольше жару!
Да в темя — гвоздик! Что смо-
ла!»
Старик не вынес адской кары,
Упал бедняга. Отошла
Душа его без отпущенья...
«Оксана... дочь!» И все слова...
И палачи в недоуменье:
«Что делать дальше? Ничего,
Панове, бросимте его,
Запалим церковь!»
«Помогите,
Кто в бога верует! Спасите!»
С надворья крик. Стучатся в две-
ри.
В смятенье ляхи: кто такой?
Оксана вдруг: «Убили! Звери!»
И падает. А лях старшой
Уже махнул рукою своре —
И та понуро вышла вон,

И сам за ней выходит вскоре
С Оксаной на руках...
Где ж он,
Ярема? Что не заступился?
Не оглянулся? Он идет
И песню старую поет,
Как Наливайко с ляхом бился.

И ляхи тронулись вперед,
С собою захватив Оксану.
И снова стихнула Ольшана.
Собаки гавкнут, замолчат.
Сияет месяц. Люди спят.
И ктитор опит. Вовек не встанет;
Он не проснется поутру.
Светец мигает через силу...
Погас... И как бы вздрогнул труп...
И темень в хате наступила^{61}.

Праздник в Чигирине

{62}

Гетманы седые, если бы вы встали,
Встали, посмотрели на свой Чигирин,
Что вы создали, где вы управляли, —

Заплакали б горько и вы — не
узнали
Умолкнувшей славы убогих руин.

Базары — где строилось войско
шумливо,
Где оно, бывало, морем гомонит,
Где ясновельможный на коне ре-
тивом...
Взмахнет булавою — море заки-
пит.

Закипело — разлилося
Степями, ярами.
Вражьи силы отступают
Перед казаками.
Ну, да что там! Все минуло!
О том не вздыхайте,
Не вздыхайте, Мои друзья,
И не поминайте.
Что с того, что вспомнишь сла-
ву?
Вспомнишь и заплачешь.
А каков он нынче, город,
Чигирин казачий?

Из-за леса, из тумана
Месяц выплывает,
Багровеет, круглолицый,

Горит, не сияет,
Не иначе, что не хочет
Свет свой тратить даром:
Нынче ночью Украину
Осветят пожары.
Потемнело — и в Чигрине
Мрачно, как в могиле.
(В эту ночь по всей Украине
Огни не светили,
В ночь под праздник Маковея^{63},
Как ножи святили.)
Только совы за заставой
На выгоне выли.
Только тень летучей мыши
Прошмыгнет случайно.
Где же люди? Над Тясмином^{64},
В темной роще, тайно
Собралися. Старый, малый,
Босой и обутый —
Все сошлись, ожидают
Великой минуты.
Средь темного леса, зеленой дуб-
ровы
Стреноженны кони отаву жуют.
Оседланы кони, к походу готовы,
Куда-то поскачут? Кого повезут?
А что там за люди в затишье до-
лины

Лежат, притаившись? Лежат себе, ждут.

Лежат гайдамаки... На зов Украины

*Орлы прилетели. Они разнесут
Врагам своим кару,
За кровь и пожары
Жестокую кару они воздадут!*

*Оружье на возах лежит,
Ножки — железною таранью —
Императрицын дар восстанью.
Дарила — знала — угодит!
Пускай царицу на том свете
Не оскорбят намеки эти!
Среди возов народ стоит,
Казачья сила налетела —
Со всей округи казаки;
И юноши и старики
На доброе собрались дело.
И ходят меж возов старшины,
В киреях черных, как один,
Беседуют спокойно, чинно,
Поглядывая на Чигрин.*

Старшина первый. Старый Головатый⁽⁶⁵⁾
что-то мудрит слишком.

Старшина второй. Умная голова! Сидит се-

бе на хуторе, будто не знает ничего, а посмотришь — везде Головатый. «Если сам, говорит, не покончу дело — сыну передам!»

Старшина третий. Да и сын — тоже штука! Я вчера встретился с Зализняком; такое рассказывает про него, что ну его! «Кошевым, говорит, будет, да и только; а может, еще и гетманом, ежели...»

Старшина второй. А Гонта на что? А Зализняк? Гонте сама... сама писала: «Если говорит...»

Старшина первый. Тише! Сдаётся, звонят!

Старшина второй. Да нет, это люди гомонят...

Старшина первый. Догомонятся, что ляхи услышат. Ох, старые головы да разумные! Чудят, чудят, да и сделают из лемеха шило. Где можно с мешком, там торбы не надо. Купили хрену — надо съесть; плачьте, глаза, хоть вон повылазьте: видели, что покупали, — деньгам не пропадать! А то думают, думают, ни вслух, ни молча, а ляхи догадаются — вот тебе и пшик! Что там за сходка? Почему они не звонят? Чем народ остановишь, чтоб не шумел? Не десять душ, а, слава богу, вся Смелян-

щина, коли не вся Украина. Вой, слышите, поют.

Старшина третий. Правда, поет кто-то. Пойду остановлю.

Старшина первый. Не надо. Пусть себе поют, лишь бы не громко.

Второй старшина. Это, должно быть, Валах^[66]. Не утерпел-таки, старый дурень: поет — да и только.

Третий старшина. А славно поет. Когда ни послушаешь — все другую. Подкрадемся, братцы, да послушаем. А тем временем зазвонят.

Старшина первый и второй. А что ж? И пойдем!

Старшина третий. Добре, пойдем!

*Старшины тихо стали за дубом, а под дубом сидит слепой кобзарь, вокруг него запорожцы и гайдамаки.
Кобзарь поет медленно и негромко.*

*«Ой, валахи!»^[67] Как мало
Вас на свете осталось!
И вы, молдаваны,
Теперь вы не пань.
Господари недаром*

*Служат верно татарам
Да турецким султанам.
Вы в цепях, молдаваны!
Ладно! Будет журиться,
Время богу молиться.
Поднимайтесь-ка с нами,
С нами — с казаками.
Помянем, молдаваны,
Гетмана Богдана.
Будете панами —
Поднимайтесь с ножами,
Как мы, со святыми,
При батьке Максиме.
Мы ночь погуляем.
Ляхов погоняем,
Да так погуляем,
Что ад содрогнется,
Земля затрясется,
Небо запылает.
Добре погуляем!..»*

Запорожец. Добре погуляем! Правду старый поет, коли не врет. А что б из него за кобзарь был, кабы он не валах!

Кобзарь. Да я и не валах, — так только: был когда-то в Валахии, а люди и зовут Валахом, сам не знаю за что.

Запорожец. Ну да все равно. Затяни еще

какую-нибудь. А ну-ка, про батька Максима
ахни!

Гайдамак. Да не громко, чтоб не услышали старшины.

Запорожец. А что нам ваши старшины? Услышат — так послушают, коли есть чем слушать, вот и всё. У нас один старшой — батько Максим; а он как услышит, то еще рубль даст. Пой, старче божий, не слушай его.

Гайдамак. Да оно так, дружок; я это и сам знаю, да вот что: не так паны, как подпанки, а еще: пока солнце взойдет, роса глаза выест.

Запорожец. Брехня! Пой, старче божий, какую знаешь, а то и звона не дождемся — заснем.

Все вместе. Правда, заснем; спой нам что-нибудь.

Кобзарь

(поет)

*«Летит орел, летит сизый
Да под небесами.
Зализняк гуляет батько
Степами, лесами.
Ой, летает сизокрылый,*

А за ним орлята.
Ой, гуляет славный батько,
А за ним — ребята.
Те ребята — запорожцы,
Сыновья Максима.
Обо всем толкует с ними
Батько их родимый.
Он запляшет — все запляшут,
Земля затрясется.
Запоет он — все подтянут,
Горе засмеется.
Поставцом горилку тянет,
Чаркою не любит,
А врага в бою, не глядя,
Найдет и загубит...
Вот таков-то у нас батько,
Орел сизокрылый,
И воюет и танцует
Со всей мочи-силы.
Нет ни хутора, ни хаты,
Ни стада, ни сада.
Степь да море — на просторе.
Богатство и слава.
Берегитесь нынче, ляхи,
Горе вам, собаки!
Зализняк идет к вам в гости,
А с ним гайдамаки».

Запорожец. Вот это — да! Отколол, ничего

не скажешь: и складно и правда. Хорошо, право, хорошо. Что захочет — то так и режет. Спасибо, спасибо!

Гайдамак. Я что-то не раскусил, что он пел про гайдамаков.

Запорожец. Какой же ты бестолковый, право! Видишь, вот что он пел; чтоб ляхи поганые, бешеные собаки, каялись, потому идет Зализняк Черным шляхом⁽⁶⁸⁾ с гайдамаками, чтоб ляхов, видишь, резать...

Гайдамак. И вешать и мучить! Хорошо, ей-богу, хорошо! Ну, так! Право, дал бы рубль, если б не пропил вчера. Жаль! Ну, пускай старая вязнет — больше мяса будет. Сделай одолжение, будь ласков, — завтра отдам. Хвати еще что-нибудь про гайдамаков.

Кобзарь. До денег я не очень жаден. Была б ваша ласка слушать, — пока не охрип, буду петь; а охрипну — чарочку-другую той «ледащицы-живицы», как это говорится, да снова. Слушайте ж, панове-громада!

*«Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве,
На лугу ходили кони
В седлах наготове...»*

Ночевали паны-ляхи
В шинках с шинкарями,
Напились, растянулись,
Да и...»

Все. Стой-ка. Кажется, звонят. Слышишь?
Еще раз... о!..

«Зазвонили, зазвонили!» —
Покатилось эхо.
«Поднимайтесь-ка, а песня —
Делу не помеха».

Повалили гайдамаки,
Аж стон по дуброве.
На плечах возы до церкви
Понесли воловьи.
А Валах за ними следом
Затянул суровой:
«Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве...»
Ковыляет, напевает
Потихоньку старый.
«Дай другую, старче божий,
Поддай, поддай жару!»
И с возами в пляс пустились.
Плясовую грянул:
«Так-то, хлопцы, добре, хлопцы,
А я не отстану.

Ахнем, хлопцы!»
Заходила
Земля под ногами.
А Валах на кобзе режет,
Додает словами:

«Ой, гоп таки-так!
Кличет Ганну казак:
«Иди, Ганна, побалую,
Иди, Ганна, поцелую.
Пойдем, Ганна, до попа
Богу помолиться.
Нету жита ни снопа —
Бурьян колосится».
Оженился, зажурился,
Нужда одолела.
Дети голы, а их батько
Поет то и дело:
«И по хате ты-ны-ны,
И по сеням ты-ны-ны,
Пеки, жинка, блины,
Ты-ны-ны, ты-ны-ны!..»

«Добре, добре! Дай еще раз!» —
Кричат гайдамаки.

«Ой, гоп, диво, диво,
Наварили ляхи пива,
А мы будем пировать,

Панов-ляхов угощать,
Панов-ляхов угощая,
С панянками поиграем,
Ой, гоп таки-так!
Кличет панну казак:
«Панна, пташка моя,
Панна, доля моя!
Не стыдися, дай мне ручку, —
Нечего стыдиться!
Пускай людям горе снится, —
Будем веселиться!
Запоем, затянем,
Друг на дружку глянем.
Панна, пташка моя,
Панна, доля моя!»

«Еще! Еще!»

«Кабы если б или так, или сяк,
Кабы если б запорожский казак!
Кабы если б молодой, молодой,
Хоть по хате походил бы со мной.
Страх как мне не хочется
Да со старым морочиться!
Кабы если б...»

«Цыц! Ошалели! Что за погань!
Поете здесь, да в час такой,
Да где! — у божьего порога!

Все ты затеял, пес слепой!» —
Так атаман кричит. И встали
У церкви хлопцы. Клир поет.
Попы с кадилами, с крестами
Идут, идут. Затих народ.
Кропя оружие, меж возами
Попы торжественно прошли.
Хоругви следом пронесли,
Как на святой над куличами.
«Молитесь, братия, молитесь! —
Так благочинный возгласил. —
Восстанет стража из могил
На помощь. Духом укрепитесь!
Не даст господь Чигрин распять,
А вы Украину охраняйте,
Не дайте матери, не дайте
В руках у палача стенать.
От Конашевича⁽⁶⁹⁾ доныне
Пожар не гаснет, люди мрут,
Томятся в тюрьмах, на чужби-
не...

А дети в нехристях растут,
Казачьи дети. А дивчата —
Земли украинской краса —
Посрамлены, в руках у катов.
И непокрытая коса
Сечется с горя. Кари очи
В неволе гаснут: расковать

Казак сестру свою не хочет
И не стыдится сам стонать
В ярме у ляха. Горе, горе!
Молитесь, дети! Страшный суд
Нам ляхи-палачи несут!
И разольется крови море...
А вспомним гетманов своих:
Богдана вспомним, Острицу.
Кто знает, где могилы их,
Где их священный прах хранится?
Где Наливайка славный прах?
Кто плакал на его могиле?^{70}
Кошунственно в глухих степях
Враги их пепел распылили.
Они поруганы. Не встанут.
Не встанет праведник Богун,
Чтоб зимний запрудить Ингул
Телами шляхты^{71}. Нет Богдана,
Чтоб Воды Желтые^{72} и Рось
Окрасить кровью, как бывало.
И Корсунь — город древней славы

Тоскует нынче. Довелось
Угаснуть в забытьи на свете.
А Альта плачет: «Где Тарас^{73}?
Не слышно... Нет. Не в батька де-
ти!»
Не плачьте, братия: за нас

*И души праведных, и сила
Архистратига Михаила, —
Не за горами кары час.
Молитесь, братия!..»*

*Молились,
Молились с верой казаки
По-детски чисто. Не журились
И не гадали, чтоб спустились
Над их могилами платки^{74}.
Вся и слава — что платочек
На кресте накинут...
А диакон возглашает:
«Враги да погинут!..
Братия, ножи берите!
Благослови, боже...»
«Освятили! Освятили!»
Аж мороз по коже.
«Освятили, освятили!
Шляхта да погинет!..
И ножи те заблестели
По всей Украине^{75}».*

Третьи петухи

*И день еще под игом катов
Стонал народ. Еще один
Земля носила их, проклятых,
И плакал древний Чигирин.*

Тот день прошел, день Маковея,
Что многих праздников святее,
Прошел, — и лях и жидовин
Горилкой, кровью упивались,
Кляли схизмата, распинали,
Кляли, что нечего и взять.
А гайдамаки молча ждали,
Покуда ляхи лягут спать.
Легли, поганые, не знали,
Что завтра им уже не встать.
Заснули ляхи, а Иуды
Еще не спят в ночной тиши,
Впотьмах считают барыши,
Над золотой склонившись грудой.
И так, на золоте своем,
Нечистым задремали сном.

Заснули — навеки, даст бог, улег-
лися...
А в ту пору месяц плывет ози-
рать
И небо, и звезды, и землю, и море,
И счастье людское, и горькое го-
ре, —
Чтоб господу богу про все расска-
зать.
Светит белолицый на всю Украи-
ну...

Видит ли он с неба мою сиротину,
Видит ли Оксану, мою сироту?
Кто ее терзает, где она страдает,
Знает ли Ярема? Или знать не
знает, —
Мы после увидим, а нынче не ту,
Не ту, а другую я песню сыграю.
Горе — не дивчата — будет тан-
цевать;
Спою про неволю, казацкую до-
лю, —
Слушайте, чтоб детям после рас-
сказать.
Чтобы дети знали, внукам рас-
сказали,
Как казаки шляхту мукам преда-
вали
За все, что от шляхты пришлось
испытать.

Испокон веков Украина
Не знала покоя,
По степям ее широким
Кровь текла рекою.
Текла, текла — пересохла.
Степи зеленеют.
Спят казаки, спят вояки, —

Курганы синеют.
Да кому о дедах вспомнить,
Поплакать над ними?
Не горька их доля внукам,
Не дорого имя.
Только ветер тихо-тихо
Повеет порою,
Только росы, будто слезы,
Окропят, омоют.
Солнце ласковое встанет,
Осушит, прогреет.
Что же внуки? Все равно им —
Панам жито сеют.
Много их, а кто укажет,
Где Гонты могила?
Где легла его святая
Праведная сила?
Зализняк, душа родная,
Где лежит зарытый?
Тяжело! Палач на троне,
А они забыты.

Испокон веков Украина
Не знала покоя,
По степям ее широким
Кровь текла рекою.
День и ночь — пальба, сраженья,
Земля стонет, гнется.

Жутко, больно, а как вспомнишь
—

Сердце усмехнется...

Месяц яснокрылый, брат мой оди-
нокий,

Укройся за тучей, за горой высо-
кой.

Не гляди на землю, хоть и видел
Рось,

И Альту, и Сену⁽⁷⁶⁾, хоть и проли-
лось

Там не мало крови людской пона-
прасну —

То ли нынче будет! Закатися, яс-
ный,

Спрячься, друг любимый, чтоб не
довелось

На старости плакать...

Грустно, грустно среди неба

Светит месяц смутный.

Вдоль Днепра казак шагает —

С вечеринки будто.

Он шагает невеселый,

Еле служат ноги.

Не дивчина ль осмеяла

За жупан убогий?

Нет, дивчина его любит,

Хоть жупан залатан.
Добрый хлопец, а не сгинет —
Будет и богатый.
Что ж идет он невеселый,
Идет, чуть не плачет?
Что поникнул молодую
Головой казачьей?
Чует сердце, да не скажет,
Что за горе встретит...
А вокруг — как будто люди
Вымерли на свете.
Петухов еще не слышно,
Собаки замолкли,
Заунывно в отдаленье
Завывают волки.
Хоть бы что! Идет Ярема,
Спешит не в Олылану,
Не к своей зазнобе милой, —
На ляхов поганых,
На Черкассы. Скоро третьих
Петухов^[77] заслышит...
Ну, а там... Глядит Ярема,
Волны Днепр колышет...

«Ой, Днепр мой могучий, стремя-
ся к низовью,
От крови казацкой бывал ты баг-
рян,

И море ты красил казацкою кровью,

Да сам еще не был от крови той пьян.

А нынче упьешься. Кромешное пламя

Над всей Украиной в ночи заревет,

И хлынет ручьями, волнами, реками

Кровь шляхты поганой; казак оживет.

Гетманы воскреснут в жупанах старинных,

Вольной песней станут грозные слова:

«Врагов мы прогнали!» И над Украиной,

О, боже великий, блеснет булава!»

*Так думал Ярема в одежде убогой,
С ножом освященным идя на врагов.*

А Днепр — он подслушал — могучий, широкий,

Поднял волны-горы, и у берегов

Грозно волны завывают,

Лозы нагибают.

Гром грохочет, а молнии

Тучи рассекают.
Напрямик идет Ярема,
Головы не прячет.
Одна дума улыбнется,
Другая заплачет...
«Там Оксана, там весело
И в худой одежде.
А тут, а тут — сам не знаю —
Пропадут, быть может!»
Вдруг — недалёкий из-за леса
Петух: кукареку!!!
«А! Черкасы! Боже правый,
Не убавь мне веку!»

Кровавый пир

Зазвонили по Украине
Со всех колоколен.
Загуляли гайдамаки
Да на вольной воле.
«Смерть шляхетству!
Погуляем,
Тучи разогреем!»
Запылала Смеляница
И Корсунь за нею.
А Медведевка давно уж
Небо подпекает.
Горит Смела; Смеляница
Кровью подплывает.

Полыхают разом Канев,
Чигирин, Черкассы.
Черный шлях окутан дымом,
И кровь полилася
До Волыни. На Полесье
Гонта пир справляет.
Зализняк же в Смелянице
Саблю закаляет
Да в Черкассах, где Ярема
Поспевает рядом.
«Добре, хлопцы, режьте ляхов,
Никому пощады!»
Зализняк своих казаков
В дыму окликает.
Ад кромешный, а по аду
Казаки гуляют.
А Ярема губит ляхов
С Максимом бок о бок.
Так и косит! «Добре, хлопец,
Тряси их хвороба!»
Валяй, хлопец! В раю будешь,
А то есаулом.
Нуте, детки!» Переполнен
Город криком, гулом.
В лавках, в каменных палатах
Души не осталось.
«Подсчитаю! Добре, хлопцы,
Отдохните малость».

Город трупами завален,
Улицы, базары
Черной кровью подплывают.
«Мало ляхам кары!..»
Недорезанных кончали:
Не встанут, собаки!
Собралися, запрудили
Площадь гайдамаки.
Зализняк зовет Ярему,
Тот идет, смущаясь.
Батько снова: «Поди, хлопец,
Не бойсь, не кусаюсь».
«Не боюсь». Снимает шапку
Перед атаманом.
«Кто ты будешь и откуда?»
«Я-то? Из Олышаны».
«Это где конфедераты
Ктитора убили?»
«Где? Какого?...»
«Там, в Ольшане.
И дочь захватили.
Дочь, дивчину, может, знаешь?»
«Дочку?! Из Олышаны?»
«Да, у ктитора. Не помнишь?»
«Оксана! Оксана!» —
Только вымолвил Ярема,
Как сноп повалился.
«Эге!.. Вон что! Жалко хлопца,

Славно хлопец бился!»
Отдышался. «Батько, брат мой!
Что я не сторукий?
Дайте нож мне, дайте силу,
Муки ляхам, муки!
Да такой, чтоб под землю
Пекло занемело!»
«Добре, сынок. Ножей хватит
На святое дело.
Гайда с нами до Лысянки,
Там ножи наточим».
«Иду, батько, иду, милый,
Веди куда хочешь.
Хоть за море, на край света
Пойду с атаманом.
Палача, злодея-ляха,
Под землей достану
С того света... Только, батько,
Найду ли Оксану?...»
«Там увидим... Как зовут-то?»
«Яремою звали».
«Так. А прозвище какое?»
«Прозвища не дали».
«Что, безродный? Ну, да ладно.
Запиши, Микола,
Хлопца в список. Пускай будет...
Пускай будет... Гольый.
Пиши Гольым...»

«Не годится».
«Ну, пиши... Бедою».
«Тожже худо».
«Тьфу ты, черт вас!
Пиши Галайдою»[4]^{78}.
Записали.
«Ну, Галайда,
С нами в путь-дорогу.
Найдешь долю, а быть может...
Нуте, хлопцы, трогай!»
Конь нашелся для Яремы —
Дали из обоза.
Рад бедняга; улыбнулся
Да и снова в слезы.
Выехали за ворота
В зареве Черкасы.
«В сборе, детки?»
«В сборе, батько!»
«Гайда!»
Понеслася
Правым берегом днепровским
Казачья ватага.
И кобзарь за нею следом, —
Где трюшком, где шагом, —
Поспевает на лошадке,
Песню запеваает:
«Гайдамаки, гайдамаки!
Зализняк гуляет!..»

Едут, едут... А Черкасы
Позади пылают.
Ну, и ладно! И не смотрят,
Шляхту проклинаят.
Кому шутки, кому песни —
Кобзарь наготове.
Зализняк же едет молча,
Нахмуривши брови.
Курит люльку, смотрит зорко
Вдаль перед собою.
А за ним Ярема едет,
Поник головою.
Темный лес, днепровский берег,
Горы, звезды, небо,
Счастье, доля и недоля,
Люди, быль и небыль —
Все пропало, отступило,
Не видит, не знает.
Как убитый. Только тяжело
Изредка вздыхает,
Но не плачет, нет, не плачет,
Хотя слезы душат, —
Злоба лютою змеєю
Охватила душу...
«Ой вы, слезы, мои слезы,
Смойте мое горе!
Тяжко, больно! Только знаю —
Ни синего моря,

Ни Днепра не хватит нынче,
Чтобы горю кануть.
Душу, что ли, загубить мне?...
Оксана! Оксана!..
Где ты, где ты, моя радость,
Что жизни дороже?
Хоть приснися, покажися...
Где ты? Гибнешь, может?
Может, горькую судьбину
Клянешь ты, Оксана?
Может, мученица, стонешь
В застенке у пана
Да Ярему вспоминаешь,
Родную Олышану...
Сердце мое! Лети, сердце!
Обними Оксану!
Обоймемся, позабудем
Все на белом свете.
Пускай ляхи жгут, пытаются —
Не услышим!.. Ветер,
Ветер веет от Лимана,
Гнется тополь в поле,
И дивчина туда гнется,
Куда гнет недоля.
Потоскует, погорюет,
Забудет... и, может...«
Станет панной, гордой, чванной...
А лях... Боже, боже!..

Карай пеклом мою душу,
Сожги адским жаром,
Карай, боже, мукой вечной,
Но не тою карой!
Будь хоть каменное сердце —
Не вынесет раны.
Моя доля, моя радость,
Оксана! Оксана!
Куда скрылась-удалилась,
Приди покажися!»
Вдруг — и слезы полилися, —
Откуда взялися!
Не велит казакам батько
Нынче ехать дале.
«К лесу, хлопцы! Вон светает,
И кони устали.
Покормить бы!» Своротили.
И в лесу пропали.

Гупаливщина

Встало солнце. Украина
Дымилась, пылала.
Где в живых осталась шляхта, —
Запершишь дрожала.
А по виселицам в селах
Ляхи в ряд висели
Чином старшие. На прочих
Веревоч жалели.

По улицам, по дорогам —
Груды трупов с ночи.
Псы грызут их, а вороны
Выклевали очи...
По дворам везде остались
Дети да собаки.
Даже бабы, взяв ухваты,
Ушли в гайдамаки.

И творилось такое
По родным округам...
Хуже ада... За что ж люди
Губили друг друга?...
Поглядеть — такие ж люди,
Жить, водить бы дружбу.
Не умели, не хотели —
Разделиться нужно!
Захотели братской крова, —
Потому — у брата
И скотина, и холстина,
И светлая хата.
«Убьем брата, спалим хату!»
И пошла работа.
Ну, убили! А на муки
Остались сироты.
Подросли в слезах, в неволе,
Развязали руки,
Ножки взяли. И зуб за зуб,

И муки за муки!
Сердцу больно, как помыслишь:
Что людей побито!
Столько крови! Кто ж виновен?
Ксендзы, езуиты...^{79}

Проносились гайдамаки
Степями, лесами.
А за ними и Ярема
С горем да слезами.
Вот минули Вороновку,
Вербовку; в Ольшану
Прискакали. «Не спросить ли
Кого про Оксану?
Нет, не надо, пусть не знают,
За что пропадаю».
Кони скачут. Гайдамаки
Село покидают.
Наклоняется к мальчонке:
«Ктитора убили?»
«Да нет, дядька, не убили —
На огне спалили
И Оксану, дочку, взяли.
А ты кого ищешь?
Коли ктитора, то даром:
Лежит на кладбище...»
Не дослушал и галопом
Вороного кинул.

«Лучше б я вчера, не зная,
Не ведая, сгинул,
А сегодня я и мертвый
Из могилы встану
Ляхов мучить. Сердце мое!
Оксана! Оксана!
Где ты?...»
Стихнул, зажурился.
Сдержал вороного.
Горе тяжкое, немое
Охватило снова.
Поравнялся со своими
За хутором старым.
Где корчма была — огнище,
И Лейбы не стало.
Усмехнулся мой Ярема.
Грустно усмехнулся.
«Вот где, вот где я недавно
Перед Лейбой гнулся!
А сегодня...» И взгрустнулось
О том, что минуло.
А ватага у оврага
С дороги свернула.
Догоняют мальчугана;
На спине котомка,
Лапти, рваная сермяга...
Окликнули громко:
«Эй, убогий, погоди-ка!»

«Я не нищий, пане».
«Ну, а кто ж ты?»
«Гайдамака!»
«Ишь ты как, поганец!..»
«Сам-то дальний?»
«Кирилловский»^{80}.
«А Будища»^{81} слышал?»
«Знаю, как же!»
«А озеро?»
«Озеро повыше,
Вон где озеро. Езжайте
Тропинкой вот этой».
«Много ляхов нынче видел?»
«То-то вот что нету!
А вчера их было пропасть!
Венков не святили»^{82}
Из-за них, собак проклятых, —
За то ж их и били!..
И мы с батькой их карали,
А мать все хворает, —
А то б тоже...»
«Добре, хлопец! —
Зализняк кивает. —
Вот возьми себе на память
Об этой дороге Золотой».
«Спасибо, пане!..»
«Ну, казаки, трогай!
Да без гомону, потише!

Галайда, за мною!
Там вон озеро в долине
И лес под горою.
А в лесу добро зарыто, —
Как подъедем, скажешь,
Чтобы хлопцы окружили,
Может, кто на страже
Там остался».
Подъезжают,
Встали вокруг леса.
Смотрят, смотрят — нету ля-
хов...
«Да тут их до беса!
Гляньте, хлопцы, на деревья,
Сшибайте проклятых!» —
И посыпались, как груши,
Вниз конфедераты.
«Поживей сшибайте, хлопцы,
Будут знать, как лазить!
Вот так славная потеха —
Как бы да не сглазить!»
Отыскали гайдамаки
Потайные ямы,
Все забрали, что годилось,
И в Лысянку прямо
Поскакали...

Пир в Лысянке

Над Лысянкой⁽⁸³⁾ клубы дыма
К небу повалили:
Зализняк да Гонта люльки
На ночь закурили.
Страшно, страшно закурили,
Земля пламенеет.
Вряд ли даже в преисподней
Так курить умеют!
Багровеет Тикич кровью
Евреев да ляхов.
Горят хаты и палаты, —
Заодно — все прахом...
И богачи с голытьбою...
А среди базара
Зализняк гуляет с Гонтой:
«Кара ляхам, кара!»
Чтоб покаялись собаки —
Всех подряд карают.
Стоны, слезы. Один молит,
Другой проклинаят,
Третий кается напрасно
Перед мертвым братом.
Старикам пощады нету
И малым ребятам.
Не милуют гайдамаки,
Не щадят, зверея,
Ни красу, ни возраст юный
Шляхтянок, евреек.

Ни убогих, ни здоровых,
Ни калек горбатых
Не осталось, — не спаслися
От грозной расплаты.
Ни души — легли все, пали,
Свершилася кара.
Трупы стынут, багровеет
Небо от пожара.
Разгорелся, распылался
Под самые тучи.
А Галайда всюду слышен:
«Мучить ляхов, мучить!»
Как безумный, мертвых режет,
Рубит как попало.
«Дайте ляха, дайте пана,
Мало крови, мало!
Дайте ляха, дайте крови
Тех собак поганых!
Море крови!.. Мало моря!
Оксана! Оксана!
Где ты?» — крикнет, пропадает
В полыме пожара.
А тем часом гайдамаки
Столы средь базара
Расставили. Отовсюду
Несут, несут блюда.
Собирают, накрывают, —
Тешат свою удаль.

«Пейте, лейте!» Загуляли.
А вокруг что было:
Трупы панские, качаясь,
Висят на стропилах
Обгорелых. Вдруг стропила
Пламенем обнимет —
Треск да искры!
«Пейте, детки,
С панами такими,
Может, встретимся еще раз —
Авось не сплосшаем!»
И черпак единым духом
Батько осушает.
«За собачьи эти трупы,
За собачьи души
Пью, казаки! Пейте, детки!
Выпьем, Гонта, друже!
Выпьем, выпьем, погуляем
Заедино, вместе!
Где Валах наш? Запевай-ка
Веселую песню!
Не про дедов — сами шляхту
Караем не хуже!
Не про горе, потому что
Живем, а не тужим.
Грянь веселую такую,
Чтоб земля ломилась!
Про вдовицу-молодицу,

Как она журилась!»

Кобзарь

(играет и припевает)

«От села до села
Праздник, пир великий.
Я курицу продала,
Ношу черевики.
От села до села
Танцевать пойду я.
Ни коровы, ни вола, —
В хате ветер дует.
Я отдам, я продам
Куму свою хатку.
На виду, на ходу
Поставлю палатку.
Стану я торговать
Горилкою горькой
Да гулять, танцевать
С молодыми только!
Ох вы, детки мои,
Я вас пожалею.
Поглядите, как танцую, —
Станет веселее.
Я в батрачки пойду,
Деток в школу отдам,
Своим новым черевичкам
Таки дам, таки дам!»

«Славно! Славно! Плясовую!
Поддай жару в ноги!»
Заиграл кобзарь, пустились
Посреди дороги.
Ходит площадь. «Ну-ка, Гонта,
Тряхнем стариною,
Пока живы — погуляем,
Притопнем ногою!»

«Не смотрите вы, дивчата,
Что я обтрепался...
Родной батько делал гладко, —
Я в него удался».
«Добре, братец! Ей-же-богу!»
«Дорогу Максиму!»
«Погодите ж!»
«Даром, что ли, так поется:
Люблю дочку, чью придется, —
Хоть попову, хоть дьячкову,
Хоть и просто мужикову».

Все танцуют, а Галайда
На гулянье плачет.
У стола сидит печальный,
Слез своих не прячет.
А с чего бы ему плакать?
Сидит себе паном:
Есть и деньги, есть и слава,

Да нету Оксаны;
Не с кем долей поделиться,
Не с кем веселиться,
Сиротою довелось
На свете томиться.
И не знает, не гадает,
Что его Оксана
За рекой, в плену у ляхов,
У панов тех самых,
Что отца ее убили.
Над нею глумились,
Хвост поджали — убежали,
В страхе притаились.
Только слушаете, сидя
За стеной надежной,
Стоны братьев! А Оксана
В окошко тревожно
Смотрит, смотрит на пожары.
«Где-то ты, мой сокол?»
А того она не знает,
Что он недалеко,
Здесь, в Лысянке, да не в прежней
Старой свитке рваной.
В жупане сидит, горюет:
«Где моя Оксана?
Где она, моя голубка,
Томится да плачет?...»
А в потемках вдоль заборов,

В кирее казачьей
Идет кто-то...
«Что за люди?» —
Казак окликает.
«Я посыльный пана Гонты,
Пускай он гуляет,
Подожду я».
«Ловок, Лейба,
Ловок, жид, однако!»
«Спаси, боже, — не был жидом.
Видишь — гайдамака.
Вот копейка — знак имею»^{84}.
«Да напрасно ищешь...»
И свяченный вынимает
Из-за голенища.
«Признавайся, пес лукавый,
Ты привел в Ольшану
В дом ктитора ляхов пьяных?
Я шутить не стану.
Я батрак твой. Я Ярема.
Узнаешь, поганый?
Говори же, признавайся:
Где моя Оксана?»
Замахнулся.

«Спаси, боже...
За рекой... у пана...»
«Выручай же, а иначе —

Протянешь ты ноги».
«Добре, добре...
Ах, какой вы,
Пан Ярема, строгий!..
Тотчас все исполню. Деньги
И стену ломают.
Скажу ляхам: вместо Паца...»
«Ладно. Понимаю.
Лети духом».

«Добре, пане,
Вы себе гуляйте,
Да часок-другой... покамест
Гонту забавляйте.
А куда везти Оксану?»
«В Лебедин...^{85} к монашкам».
С Гонтой весело танцует.
Жупан нараспашку.
Зализняк же берет кобзу:
«Потанцуй-ка, старый!
Я сыграю!»
И вприсядку
Слепец средь базара
Чешет рваными лаптями,
Говорит словами:

«В огороде пастернак, пастернак;
Чем я тебе не казак, не казак?»

Иль я тебя не люблю, не люблю?
Иль я тебе черевичков не куплю?
Куплю, куплю, черноброва,
Куплю, куплю пару новых.
Буду часто ходить,
Буду крепко любить».

Ой, гоп-гопака!
Полюбила казака,
Некрасивого, рябого
Да седого старика.
Иди, доля, за бедою,
А ты, старый, за водою,
А я сбегая в шинок.
Выпью чарку да другую,
Выпью пятую, шестую,
Да и хватит мне, ей-ей!
Пляшет баба, а за ней
Выбегают воробей,
Так и чешет — людей тешит.
Веселей, воробей!
Рябой, старый бабу кличет,
А та ему дулю тычет:
«Оженился, сатана,
Нет ни хлеба, ни пшена!
Надо деток воспитать,
Обувать, одевать.
А я буду добывать,

А ты, старый, не греши,
А ты зыбку колыши,
Да замри — не дыши!»
«Как была я молодою, жила весе-
ло я,
По-над ставней новый фартучек
повесила я.
Кто идет — не минет,
То кивнет, то моргнет,
А я шелком вышиваю
И в окошечко киваю.
Надевайте, хлопцы, свитки,
Ожидая у калитки.
Погуляем, хлопцы, вместе,
Заиграем, хлопцы, песни».

«Загоняйте квочку в бочку,
А цыпляток в вершу!..

.....

.....

И... Гу!..
Взялся батька за дугу,
А старая — за гужи.
Дочка, повод подвяжи!»

«Хватит, что ли?»
«Еще! Еще!
Сами ноги носят!»

«В миску хлеба накроши
Да побольше квасу.
Дед да баба — оба рады, —
Тюрька задалася!

Квасу, квасу подливай
Да кроши петрушку...

.....

.....

Квасу, квасу подливай,
Кроши больше хрену.
А дед бабе...

.....

.....

Ой, лей воду, воду,
Поищи-ка броду, броду!..»

«Будет, будет! — крикнул Гон-
та. —

Хватит! Погуляли!
Поздно, хлопцы. А где Лейба,
Лейбу не видали?

Найти Лейбу и повесить!
Где он, сын собачий?

Гайда, хлопцы! Погасает
Каганец казачий!»

А Галайда атаману:

«Погуляем, батько!

При пожаре на базаре
И светло и гладко!
Потанцуем! Играй, старый!»
«Нет, конец пирушке!
Огня, хлопцы! Дегтю! Пакли!
Волоките пушки!
Наведите на тот берег.
Думают — шучу я!»
Заревели гайдамаки:
«Добре, батько, чуем!»
Через греблю повалили,
Орут, запевают.
А Галайда: «Батько, батько,
Стойте, погибаю!
Погодите, не палите, —
Там моя Оксана!
Хоть немного погодите,
Я ее достану!»
«Ладно, ладно!
Максим, братик,
Приступаем, друже!
Что возиться! А ты, хлопец,
Другую, не хуже
Облюбуеть...»
Оглянулся:
Где он? Был иль не был?...
Взрыв гремучий. Стены вражьи
Взметнулись под небо

Вместе с ляхами. Что было —
Пеклом запылало.
«Где ж Галайда?» — Максим кли-
чет.
Следа не осталось...

Покамест хлопцы снаряжались,
Ярема с Лейбою пробрались
В подвалы к ляхам, и казак
Оксану вынес, чуть живую,
И поскакал напропалую
На Лебедин...

Лебедин

«Сирота я из Ольшаны,
Сирота, бабуся...
Отца ляхи замучили,
А меня... боюсь
Даже вспомнить, мое сердце,
Увезли с собою.
Не спрашивай, родная,
Что было со мною.
Сколько плакала, молилась,
Сердце надрывала!
Не хватало слез, голубка,
Душа замирала.
Кабы знала, что увижу
Друга дорогого, —

Молча б вытерпела муки
За одно то слово.
Ты прости, прости, голубка,
Может, согрешила,
Может, бог меня карает,
Что я полюбила,
Полюбила молодого.
И что тут поделатъ?
Полюбила, как умела,
Как сердце велело.
Не за себя, не за батька
Молилась в неволе, —
За него молилась богу,
Чтоб дал ему долю.
Карай, боже, карай, правый,
Все скажу, что было:
Страшно молвить, чуть я душу
Свою не сгубила.
И наверно б, на себя я
Руки наложила,
Да как вспомню сиротину, —
Боже ты мой милый!
Кто ж его на белом свете
Приветит, не бросит?
Кто про долю, про недолю,
Как я, порасспросит?
Кто обнимет крепко-крепко,
Как я, горевого,

Кто подарит сиротине
Ласковое слово?
Так я думала, бабуся,
И сердце смеялось:
Я сама на свете круглой
Сиротой осталась.
Только он один на свете,
Один меня любит.
Как узнает, что решилась, —
И себя загубит.
Так я думала, молилась,
Ждала, поджидала.
Нет и нету — не приходит,
Одна я осталась!»
И заплакала. Черница
Склонилась над нею,
Опечалилась.
«Бабуся,
Скажи ты мне, где я?»
«В Лебедине, моя пташка,
Ты лежишь больная».
«В Лебедине? А давно ли?»
«Третий день, родная».
«Третий, третий... Погоди-ка...
Пожар над водою...
Лейба... Вечер...
Майдановка...^{86}
Зовут Галайдою...»

«Галайдой себя, Яремой
Называл, родная,
Тот, что спас тебя...»
«Где? Где он?!
Теперь все я знаю!..»
«На неделе обещался
За тобой явиться».
«На неделе!
Близко! Близко!
Будет мне томиться!
Вышел, вышел срок, бабуся,
Несчастной судьбине!
Тот Галайда — мой Ярема!..
По всей Украине
Его знают! Я видала,
Как села пылали!
Я видала — каты-ляхи
Все дрожмя дрожали,
Как услышат про Галайду!
Знают они, знают,
Кто такой он и откуда,
За что их карает.
Отыскал меня в неволе,
Орел сизокрылый!
Прилетай же, мой соколик,
Голубочек милый!
Ах, как весело на свете,
Как весело стало!

Сколько дней прошло, бабуся?
Еще три осталось?
Ах, как долго!..
«Загребай, мама, жар, жар, —
Будет тебе дочки жаль, жаль...»
Ах, как весело на свете!
А тебе, бабуся?»
«На тебя гляжу я, пташка,
Гляжу, веселюся».
«Что ж, бабуся, не поешь ты?»
«Бывало, певала...»
Тут к вечерне зазвонили,
Оксана осталась.
А черница, помолившись,
В храм заковыляла.

Через три дня там Исая,
Ликуй!^{87} возглашали:
Утром рано там Оксану
С Яремой венчали.
А под вечер мой Ярема,
Хлопец аккуратный,
Чтоб не сердить атамана,
Поскакал обратно
Ляхов резать.
И с Максимом
В Умани справляет
Пир кровавый. А Оксана

Сидит поджидает,
Поджидает, не едет ли
С дружками Ярема:
Чтоб из кельи взять Оксану
И ехать до дому.
Не тоскуй, молися богу,
Подждидай, Оксана.
А покамест — на пожары,
На Умань^{88} я гляну.

Гонта в Умани

Похвалялись гайдамаки,
На Умань идучи:
«Из китайки да из шелка
Будем драть онучи».

I

Проходят дни, проходит лето^{89},
А Украина знай горит;
Сироты плачут. Старших нету,
Пустуют хаты. Шелестит
Листва опавшая в дубровах,
Гуляют тучи, солнце спит;
И слова не слышать людского,
Лишь воют волки у села,
Останки панские таская:
Кормились ими серых стаи,
Пока метель не занесла

Объедки волчи...
Но и вьюга не укрыла
Палачей от кары.
Ляхи мерзли, а казаки
Грелись на пожарах.
Землю, спавшую под снегом,
Весна разбудила,
Муравой-травой одела,
Цветами покрывала.
В поле жаворонок звонкий,
Соловей на вербе
Пробужденную встречают
Землю песней первой.
Рай цветущий! Для кого же?
Для людей? А люди?...
Ходят мимо — и не смотрят,
Посмотрят — осудят.
Кровью надобно подкрасить,
Осветить пожаром
Рай земной — тогда и будет
Хорошо, пожалуй...
Чего нужно? Люди, люди,
Когда же вам будет
То, что есть на свете, мило?
Чудные вы, люди.

Не смирила весна злобы,
Не уняла крови.

Страшно видеть, а как вспом-
нишь, —
Так было и с Троей.
Было, будет.
Гайдамаки
Гуляют, карают,
Где пройдут — земля пылает,
Кровью подплывает.
Не родной хоть он, не кровный
Сынок у Максима —
Поискать такого надо
Хорошего сына.
Батько режет, а Ярема
Не режет — лютует,
Со свяченым на пожарах
Днюет и ночует,
Не милует, не минует —
Карает сурово,
За ктитора платит ляхам,
За отца святого,
За Оксану... холодеет,
Вспомнив об Оксане...
А Максим: «Гуляй, Ярема!
Пока доля встанет,
Погуляем!»
Погуляли
Казаки до срока.
От Киева до Умани

Легли ляхи впокот.

Словно туча, гайдамаки
Умань обступили,
До рассвета, до восхода
Умань подпалили.
Подпалили, закричали:
«Карай ляхов снова!»
Покатились, отступая,
Бойцы пародові^[90].
Побежали старцы, дети,
Хворые, калеки.
«Гвалт! Ратуйте!» Полилися
Кровавые реки.
Море крови. Атаманы,
Стоя средь базара,
Кричат разом: «Добре, хлопцы!
Кара ляхам, кара!»
Но вот ведут гайдамаки
С езуитом рядом
Двух подростков. «Гонта! Гонта!
Твои, Гонта, чада.
Раз католиков ты режешь,
То зарежь и этих.
Что же смотришь? Твои, Гонта,
Католики-дети.
Подрастут, тебя зарежут —
И не пожалеют...»

«Пса убейте! А щенят я —
Рукою своею.
Признавайтесь перед всеми,
Что веру продали!»
«Признаемся... Мать учила...
Мать... А мы не знали!..»
«Замолчите! Боже правый!..»
Собрались казаки.
«Мои дети — вражьей веры...
Чтобы видел всякий,
Чтоб меня не осудили
Братья гайдамаки, —
Не напрасно присягал я
Резать ляхов-катов.
Сыны мои! Мои дети!
Малые ребята!
Что ж не режете вы ляхов?»
«Будем резать, будем!..»
«Нет, не будете, не верю:
Проклятою грудью
Вы кормились. Католичка
Вас на свет родила.^{91}
Лучше б ночью вас приспала,
В реке б утопила!
Греха б меньше. Умерли бы,
Сыны, не врагами,
А сегодня, сыны мои,
Отцу горе с вами!

Поцелуйте ж меня, дети,
Не я убиваю,
А присяга». И свяченный
На них подымает!^[92]
Повалились, захлебнулись.
Кровь, слова глотали:
«Тату... Тату... Мы — не ляхи!
Мы...» И замолчали.
«Закопать бы?...» — «Нет, не нуж-
но —
Католики были.
Сыны мои! Мои дети,
Что вы не убили
Мать родную, католичку,
Что вас породила,
Ту, проклятую, что грудью
Своей вас кормила!
Идем, друже!»
Взял Максима,
Побрели базаром.
Снова вместе закричали:
«Кара ляхам, кара!»
И карали: страшно-страшно
Умань запылала.
Ни в палатах, ни в костеле
Ляхов не осталось,
Все легли. Такое видеть
Прежде не случалось.

Пламя в небо полыхает,
Умань освещает.
Католическую школу
Гонта разрушает.
«Ты моих детей учила
На позор, измену!
Ты учила неразумных, —
Разносите стены!
Бейте! Жгите!»

Гайдамаки

Стены развалили.
Головами об каменя
Езуитов били,
А школяров — тех в колодцах
Живьем утопили.
До ночи глубокой палили и били;
Души не осталось, кого бы каз-
нить.

«Где вы, — кричит Гонта, — лю-
доеды, скрылись?
Детей моих съели, постыло мне
жить!
Тяжело мне плакать, не с кем го-
ворить!
Сынов моих милых навеки не ста-
ло;
Где вы, мои дети? Крови, крови
мало!

Шляхетской мне крови хочется
испить!
Хочу, хочу видеть, как она темне-
ет,
Как она густеет... Что ветер не
веет,
Ляхов не навеет! Постыло мне
жить!
Тяжело мне плакать! Звезды в
небе ясном!
Сокройтесь за тучу — не нужен
мне свет!
Я детей зарезал! Горький я, зло-
счастный,
Куда притулиться? Нигде места
нет!»
Так метался Гонта.
А среди базара
Столы гайдамаки накрывают в
ряд.
Мед несут, горилку, с яствами
спешат.
Над лужами крови, в зареве пожа-
ров
Пир идет последний.
«Гуляйте, сыны!
Пейте — пока пьется! Бейте —
пока бьется! —

Максим возглашает. — А ну-ка,
кобзарь,
Ахни плясовую — пусть земля
трясется
От гульбы казачьей, — такую
ударь!»
И кобзарь ударил;
«А мой батько был шинкарь,
Чеботарь;
А мать была пряха
Да сваха.
Братья-соколы росли,
Привели
И корову из дубровы
И мониста принесли.
А я себе — Христа
В монисте;
На паневе листья
Да листья,
Черевики да подковы.
Пойду утром я к корове,
И корову напою,
Подую,
Да с хлопцами постою,
Постою».

«Ой, гоп среди круга!
Не журишь, моя старуха,

*Закрывают, дети, дверь,
Стелы, старая, постель!»*

*Все гуляют. Где же Гонта?
Что он не гуляет?
Что не пьет он с казаками?
Что не подпевает?
Нету Гонты. Не до песен
Ему — не иначе...
А кто поздно по Умани
В кирее казачьей
Ходит-бродит одиноко,
Как тень на кладбище,
Груды мертвых разрывает,
Все кого-то ищет?
Отыскал два детских тела
И пустым базаром,
Пробираясь через трупы,
В зареве пожаров,
Их уносит. Это Гонта,
Горем удрученный,
Сыновей несет, укрывши
Киреею черной,
Чтоб предать земле казачье
Тело по порядку.
Переулками проходит
Темными украдкой.
Пусть никто того не видит*

И никто не знает,
Как сынов хоронит Гонта
И как он рыдает.
Вынес в поле, от дороги
В сторону шагает.
И ножом копает яму.
А Умань пылает,
Озаряет степь, могилу,
Детям в лица светит...
Будто спят в одежде мирно,
Набегавшись, дети.
Что же Гонту в дрожь кидает,
Будто клад скрывает
Гонта ночью? По Умани
Его окликают.
Как не слышит — роет Гонта
Ножом, что лопатой.
Сыновьям в степи готовит
Просторную хату.
Приготовил. Кладет рядом
Сыновей в ту хату.
Слышит Гонта, снова слышит:
«Мы не ляхи, тату!»
Кумачовый из кармана
Платок вынимает.
Крестит их, целует в очи,
Платком покрывает.
Покрывает по закону

Головы казачьи.
Приоткрыл, взглянул еще раз...
Горько-горько плачет...
«Сыны мои! Поглядите
На мать-Украину.
За нее и вы погибли,
И я тоже сгину.
А кто меня похоронит?
В чужедальнем поле
Кто заплачет надо мною?
Доля моя, доля!
Несчастливая, лихая,
Горькая судьбина,
Для чего детей послала,
Меня не убила?
Лучше б меня проводили,
Как я провожаю».
Осенил крестом последним,
Землей засыпает:
«Почивайте, мои дети,
В могиле унылой.
Для сынов другой постели
Мать не постелила.
Без цветов в земле холодной
Почивайте, дети.
За меня молитесь бога:
Пусть на этом свете
Покарает страшной карой —

Иного не чаю.
Только вы меня простите,
Я вам все прощаю».
Закопал, сровнял с землею,
Чтоб не видно было,
Чтоб никто не знал на свете
Сыновей могилы.
«Почивайте. Поджидайте:
Скоро поступуся.
Не дал вам дожить я веку —
Сам не заживуся.
И меня убьют. Скорей бы!
Да кто закопает?
Гайдамаки! Напоследок
С ними погуляю!»

И пошел понуро Гонта,
Идет, спотыкнется,
Глянет Гонта на пожары,
Глянет, усмехнется.
Страшно, страшно усмехался,
На степь озирался...
Вытер слезы... Будто канул —
В дыму затерялся...

Эпилог

Давно это было, как я, босоногий,
В одежде убогой, ребенком блуж-

дал
По родной Украине, по тем по до-
рогам,
Где Гонта когда-то с Максимом
гулял.^{93}
Давно это было, как теми путя-
ми,
Где шли гайдамаки, и я со слезами
Бродил сиротою, годами был мал,
Добру поучиться людей я искал.
Припомнил — и жалко, что горе
минуло,
А с горем и юность. Когда б ты
вернулась,
Нынешнюю б отдал за тебя судь-
бу.
Вспоминаю детство, хату, степь
без края,
Вспоминаю батька, деда вспоми-
наю.
Дед еще гуляет, а батько в гробу.
^{94}
Как в праздник, Минеи закрывши,
бывало,
И выпив с соседом по чарке по ма-
лой,
Попросит он деда, чтоб тот рас-
сказал

Про то, как Украина пожаром пы-
лала,
Про Гонту, Максима, про все, что
застал.
Столетние очи, как звезды, сияли,
Слова находились, текли в тиши-
не:
Как Смела пылала, как ляхов ка-
рали...
И слезы соседи порой утирали,
Мальчонкою плакать случалось и
мне
О ктиторе бедном. В ту пору, од-
нако,
Никто и не видел, как маленький
плакал.
Спасибо, дедуся, что ты приберег
В памяти столетней славу гайда-
маков —
А я ее внукам передал, как мог.

Не судите меня, люди,
Кому не по нраву,
Что писал я не по книгам
Про казачью славу.
Дед рассказывал когда-то
Я за дедом следом.
Не знал старьей и не ведал,

Что его беседу
Люди книжные услышат.
Ученые люди.
Прости, дедусь! Ну, да пусть их
Как хотят, так судят.
Я к своим вернусь покамест,
Доведу — не кину,
Да хотя б во сне увижу
Свою Украину,
Где гуляли гайдамаки
С святыми ножами;
Те дороги, где ходил я
Босыми ногами.

Погуляли гайдамаки,
Славно погуляли:
Чуть не целый год шляхетской
Кровью заливали Украину.
Да и стихли,
Ножи притупили.
Нету Гонты^{195}}, и креста нет
На его могиле.
Поразвеял буйный ветер
Степью прах казачий.
Кто о нем молиться станет,
Кто о нем поплачет?
Только брат, хоть не родной он,
Не кровный, да лучший,

Услыхал, какою мукой Гонта был
замучен, —
В первый раз, быть может, сроду
Никто б не подумал!
Зализняк заплакал горько
И от горя умер.
Доконала весть лихая
В чужедальнем поле.
В чужом поле схоронили —
Такая уж доля!
Грустно, грустно гайдамаки
Батька схоронили.
Холм насыпали высокий,
Навеки простились.
Поплакали — разошлись,
Кто откуда взялся...

Лишь Ярема, опершись
На посох, остался
У могилы. «Спи, мой батько,
Средь чужого поля!
В родном поле нету места,
Нету нашей воли.
Почивай, казак, далеко
От родного края».

И пошел Ярема степью,
Слезы утирая.

Все оглядывался хлопец,
Пока видно было.
А потом — одна осталась
Средь степи могила.

Посеяли гайдамаки
На Украине жито.
Только жито вражьем коням
Легло под копыта...
Кривда выросла, а правда
Не выросла — нету.
Разошлись гайдамаки
Кто куда по свету.
Под мостами на дорогах
Засели иные,
А про всех такая слава^{96}
Живет и доньне.
Той порой и Сечь былую
Дотла разорили.
На Кубани, на Дунае
Казаки укрылись.
А днепровские пороги
В степи завывают:
«Схоронили сынов наших
И нас разрывают».
Ревут себе, вспоминают
Про то, что минуло.
И навеки Украина,

Навеки уснула.

*С той поры в степях широких
Жито зеленеет,
Ни пальбы, ни криков бранных, —
Только ветер веет.*

*Низко вербы нагибает,
Ковыль в чистом поле.
Все затихло, замолчало, —
На то божья воля.*

*Только деды-гайдамаки
Под вечер проходят
Над Днепром-рекой и песню
Давнюю заводят:*

*«У нашего Галайды — богатая ха-
та!
Гей, море! Славно, море!
Славно будет, Галайда!»*

Предисловие

После слова — предисловие. Можно бы и без него. Так вот, видите ли: все, что я видел напечатанного, — только видел, а прочитал очень немного, — все имеет предисловие, а у меня нет. Если бы я не печатал своих «Гай-

дамаков», то было бы не нужно и предисловие. А если уж выпускаю в свет, то надо с чем-нибудь, чтоб не смеялись над оборванцами, чтоб не сказали: «Вот какой! Разве деды да отцы глупее были, что не выпускали в свет даже букваря без предисловия!» Да, ей-богу, да, извините, надобно предисловие. Только как же его скомпоновать? Чтобы, знаете, не было ни неправды, ни правды, а так, как все предисловия komponуются. Хоть убей, не умею: надо бы хвалить, — да стыдно, а хулить не хочется.

Начнем же уже начало книги сице: весело посмотреть на слепого кобзаря, когда он сидит с хлопцем, слепой, под тыном, и весело послушать его, когда он запоеет думу про то, что давно происходило, как боролись ляхи с казаками, весело, а... все-таки скажешь: «Слава богу, что миновало», — а особенно когда вспомнишь, что мы одной матери дети, что все мы славяне. Сердце болит, а рассказывать надо: пусть видят сыновья и внуки, что отцы их ошибались, пусть братаются вновь со своими врагами. Пусть, житом, пшеницею, как золотом покрыта, не размежевана останется

навекы от моря и до моря славянская земля.

О том, что происходило на Украине в 1768 году, рассказываю так, как слышал от старых людей, напечатанного и критикованного ничего не читал, ведь, кажется, и нет ничего. Гайда наполовину выдуман, а смерть ольшанского ктитора правдива, — ведь есть еще люди, которые его знали. Гонта и Зализняк — атаманьы этого кровавого дела, может, выведены у меня не такими, какими они были, — за это не ручаюсь. Дед мой, доброго ему здоровья, когда начинает рассказывать что-нибудь такое, что не сам видел, а слышал, то сперва скажет: «Если старые люди врут, то и я с ними».

ГОСПОДА СУБСКРИБЕНТЫ

«Видим, видим, что надул, да еще и хочет отбрехаться!» Вот так вы вслух подумаете, прочитав моих «Гайдамаков». Господа почтеннейшие, ей-ей, не брешу. Вот видите что! Я думал, и очень хотелось мне напечатать ваши казацкие имена рядышком, хорошенько; уже было и нашлось их десятка два, три. Слушаю, выходит разноречиво: один говорит — «надо», другой говорит — «не надо», третий

ничего не говорит. Я думал: «Как тут быть?»
Взял да и протрынькал хорошенько те деньги, что надо было заплатить за листок напечатанного, а вам и ну писать эту цидулу! Все бы это ничего! Что не случается на веку! Всякое бывает, как на долгой ниве. Да вот — горе мое! Есть еще и такие паньчи, что стыдились свою благородную фамилию (Кирпа-Гнучко-шиенко — *въ*) и напечатать в мужицкой книжке. Ей-ей, правда!

Т. Шевченко
[Петербург, 1841]

«Ветер веет, повеваает...»

Перевод Н. Асеева

* * *

*Ветер веет, повеваает,
Шепчется с травой;
Плывет челнок по Дунаю,
Гонимый волною.
Плывет в волны, водой полный,
Никто не приметит;
Кому глядеть? Хозяина
Давно нет на свете.
Поплыл челнок в сине море,*

*А оно взыграло...
Поднялися волны-горы —
И щепок не стало.*

*Короткий путь, что челноку
До синего моря, —
Сиротине до чужбины,
А там — и до горя.
Словно волны, поиграют
С ним добрые люди;
Потом станут удивляться,
На что он в обиде;
Потом спроси, где сирота, —
Никто и не видел...*

[Петербург, 1841]

Марьяна-черница

Перевод Л. Вышеславского

Оксане К...ко^{98}. На память
о том, что давно минуло

{97}

Ветер стонет, долу клонит
Лозу на просторе,
Дуб ломает, катит полем
Перекасти-поле.
Так и доля: того согнет,
Иного сломает;
Меня катит, а где бросит —
И сама не знает,
В какой стране бедняка закопа-
ют?
Где я успокоюсь, навеки засну?
Коль знаешь на свете лишь бед-
ность одну,
То жизни не жалко. Никто не
узнает,
Не скажет хоть в шутку: «Пускай
почивает!
В одном его счастье, что рано за-
снул».
Не правда ль, Оксана? голубка чу-

жая!

Ты тоже не вспомнишь того си-
роту,

Что счастлив был, в свитке по
свету блуждая,

Когда видел чудо — твою красо-
ту.

Кого ты без речи, без слов научи-
ла

Очами, душою, сердцем говорить,

С кем пела Петруся,^{99} чтоб горе
забыть,

С кем в песнях всю душу умела
раскрыть.

Ты тоже не вспомнишь. Оксана!
Оксана!

Поньне я плачу, тоскую, том-
люсь,

Проливаю слезы над моей Марья-
ной,

Тобою люблюсь, за тебя молюсь.

Припомни ж, Оксана, голубка чу-
жая,

Украсть же сестрицу Марьяну вен-
ком,

Взгляни на Петруся, печали не
зная,

И хоть невзначай помяни о бы-

лом.

Санкт-Петербург,
Ноября 22 1841 года

I

В воскресенье на выгоне
Дивчата гуляли,
Танцевали с парубками,
Песни распевали,
Вспоминали вечерницы,
Как мать дочку била,
Чтоб с казаком не стояла.
Ясно, молодые...
Каждая и напевает
О своем, что знает...
Вот кобзарь с сумой своею
В село ковыляет.
Сапоги в руках, а рядом
С ним — поводыренок
Семенит едва... ребенок!
Несчастный ребенок!
Ободранный; не рубаха,
А одни заплаты...
(Ну, точь-в-точь — сынок Катру-
си^{100}.)
Всмотрелись дивчата...
«Кобзарь идет! Кобзарь идет!»
По слову такому,

Хлопцев бросив, побежали
Навстречу слепому!
«Дедушка, сыграй, голубчик, —
Закричали дружно. —
Я дам грошик». — «Я — черешен».
«Все дадим, что нужно, —
Все, что хочешь... Мы станцуем,
А ты нам сыграешь...
Заиграй нам, что придется...»
«Знаю, дочки, знаю...
Вам спасибо, благодарен
За ласку премного.
Я б сыграл вам, да, признаться,
Не на чем, ей-богу...
Я вчера был на базаре,
Кобза поломалась...
Разладилась...» — «А струны
есть?»
«Только три осталось».
«Хоть на трех сыграй, что хо-
чешь».
«На трех... Ох, дивчата!
Я и на одной, бывало,
Игрывал когда-то...
Погодите, дорогие,
Отдохну немного.
Сядем, хлопчик». Опустились
В траву при дороге.

Вынул кобзу, два-три раза
Ударил по рваным.
«Что б сыграть вам?
Погодите. Черницу Марьяну
Вы слышали?» — «Не слышали».
«Так слушайте, дети,
Да кайтесе!.. Давным-давно
Жила мать на свете,
И отец был, да не стало;
Осталась вдовою,
Да не молодою,
И с волами,
И с возами,
И с дочкой родною.
Росла ее Марьяна,
Как панночка румяна,
Горделива
И красива, —
Хоть за гетмана-пана!
Мать о дочке хлопочет,
За богатого прочит.
А Марьяна
Ждет не пана
И гулять с ним не хочет, —
С тем усатым, пузатым
Богатеем проклятым,
А к родному,
Молодому

Хлопцу Петру из хаты
Убегала,
С ним гуляла,
Обнимала, млела...
А порою улыбалась,
Плакала, робела...
Спросит Петр ее:
«Что плачешь?
Поведай, родная...»
Она взглянет, усмехнется:
«И сама не знаю...»
«Или, думаешь, покину?
Нет, моя дивчина,
Буду холить, буду любить,
Покуда не сгину!..»
«Разве было так на свете,
Чтоб жарко любили,
А потом вдруг разлучились
И в разлуке жили?
Нет, такого не бывало...
Только сочиняют
Кобзари об этом песни...
Слепые не знают
И не видят, что на свете
Есть ты, черноокий,
Что есть гибкий стан девичий,
Казацкий высокий.
Что есть косы, чудо-косы,

И твой чуб, мой милый,
Что на слово на Петрово
И в глухой могиле
Улыбнуса; скажу ему:
«Орел сизокрылый,
Люблю тебя и по смерти,
Как в жизни любила.
Пусть нас вместе, мое сердце,
В землю закопают!
Обниму вот так, покрепче...
Умру... Не узнаю.
Не узнаю... Обнялися,
Обнялись, замлели...
Вот любовь была какая!
На тот свет хотели,
Обнимаясь, удалиться;
По-иному случилось!
Каждый вечер сходилися,
А мать и не знала,
Где Марьяна до полночи
Играет-гуляет?
«Дочь моя еще ребенок,
Ничего не знает».
Угадала мать, да только
Не все угадала,
Знать, забыла, что когда-то
И сама гуляла.
Она угадала: ее молодая

Марьяна не знает, как надобно
жить.

Думала — ни люди, ни доленька
злая

Петра не похитят... Умела лю-
бить.

Думала, что только кобзари иг-
рают,

Не видят, слепые, тех карих очей,
Что попусту только пугают лю-
дей...

Пугают, дивчата, правдою пуга-
ют!

И я вас пугаю, того, что я знаю,
Пускай никому не придется

узнать —

Изведал я горе... Прошли мои лё-
та!

Сердце не заснуло, я вас не забыл.
Люблю вас, дивчата, как мать
своих деток,

Играть я вам буду, пока хватит
сил.

Когда же меня, мои дети, не ста-
нет,

Добром помяните меня и Марья-
ну, —

Я вам с того света тогда улыб-

нусь,
Улыбнуса... И заплакал.
Дивчата смотрели,
Отчего кобзарь заплакал,
Спрашивать не смели.
Все минуло. Помогало
В годы молодые
Слово девичье, простое...
И глаза слепые
Вытер старец... «Вы простите
Меня, ради бога.
Так вот, видите, Марьяна
С убогим Петрусем
До полуночи гуляла,
А мать и не знала,
Удивлялась: что такое
С Марьяною стало?
Сглазил кто? Бывало, сядет —
И не вышивает;
Лишь Петруся вместо Гриця
Тихо напевает.
По ночам во сне подушку
К груди прижимает...
Мать смеялась поначалу,
Думала — играет;
Потом видит, что не шутки.
Говорит: «Марьяна!
Ждать пора уже нам сватов,

И, может, от пана!
Выросла ты, чтоб не сглазить,
Уже погуляла:
Думаю, сама ты видишь...»
Насилу сказала:
«Уж пора б и замуж, что ли...»
«А за кого, мама?»
«За того, кто тебе пара».
Запела Марьяна:

«Отдай меня, моя мама,
Да не за седого,
Отдай меня, мое сердце,
Да за молодого.
Пускай старый бобылюет,
Гребет денег вволю,
А молодой меня любит,
Не ждет лучшей доли.
Он не ищет, он не рыщет
Чужими степями:
Свои волы, свои возы,
А меж парубками,
Точно мак между цветами,
Цветет, расцветает.
Есть и поле, есть и воля,
Лишь доли не знает.
Его счастье, его доля —
Мои очи, брови,

Длинные мои ресницы,
Ласковое слово.
Отдай меня, моя мама,
Да не за седого, —
Отдай меня, мое сердце,
Да за молодого».

«Дочка моя, Марьяна!
Отдам тебя за пана,
За знатного, богатого —
За сотника Ивана».
«Умру, сердце-мама,
За сотником Иваном».
«В дом его войдешь по праву,
Деток вырастишь на славу».
«Пойду внаймы, пойду в люди,
Женой сотника не буду».
«Пойдешь, дочка Марьяна,
За сотника Ивана».
Заплакала, зарыдала
Бедная Марьяна.
«За старого... богатого...
За сотника Ивана... —
Сама себе повторяла,
А потом сказала: —
Срок положенный девичий
Я не отгуляла.
Ты ходить мне не давала

Поутру к кринице,
Ни жито жать, ни лен трепать,
Ни на вечерниці,
Где и хлопцы и дивчата
Смеются, гуляют,
Обо мне, о чернобровой,
Шепотком болтают:
«Богатого отца дочка,
Шляхетского рода».
Горько жить мне. Горько, мама!
Горше год от года!
Ты мне брови подарила
И карие очи,
Все дала мне, только счастья,
Счастья дать не хочешь!
Зачем меня пеленала?
Кормила, ласкала?
Пока горя я не знала,
В землю б закопала!»
Отмахнулась мать седая,
Слушать не желая;
Дочка, вся в слезах, из хаты
Вышла, как слепая.

II

«Ой, гоп! Не пила,
Я на свадьбе была,
К себе домой не попала,

А к соседу зашла,
У соседа
До обеда
Спать в чулане легла,

Потом со всех ног
С неженатым — в горох,
И в чулане, и в бурьяне,
Там, где яр, там, где лог,
Целовались,
Обнимались,
Потоптали горох.

Ой, гоп! Не сама —
Напоила кума,
Помогла домой добраться,
Не увидел Фома.
С кем пью брагу,
С тем и лягу,
Мне не надо ярма!

Поразило б тебя громом!
Я, Фома, не буду дома,
А у кума,
У Наума
Выплюсь в клуне на соломе.
Ну-ка, ну-ка, весела!
Наша с нами в пляс пошла!

*Фартук-фартучек алеет, —
Нету девушки честнее!»*

*Так гости шли и пели рьяно
Ордою пьяной; а Марьяна
На них из сада своего
Смотрела, у плетня упала
И тяжело, тяжело зарыдала.
Беда! А все из-за того,
Что любит. Тяжело на свете
Век одинокому прожить,
Еще страшнее, мои дети,
Себе неравного любить.
Смотрите: живу без очей, среди
ночи,
Давно я их выплакал, мне их не
жаль.
Мне нечего видеть. Те девичьи
очи...
Что давно... Когда-то... Думы и
печаль —
Вот все, чем владел и владею на
свете,
С богатством таким мне невесе-
ло жить.
Под тыном ночью, беседую с вет-
ром,*

Хозяева в хату стыдятся впу-
стить
И словом приветить седого кале-
ку.
Долго жить не стоит тому чело-
веку,
Кому не судилось счастливо лю-
бить.
Уж лучше со света уйти поскорее,
Чем видеть, как старый, скупой
богачей
Целует за деньги, венчается с
нею...
О боже, мой боже! волею своею
Разбей мое тело и душу разбей».
Зарыдал кобзарь, заплакал
Слепыми очами.
Удивляются дивчата:
Смерть уж за плечами,
А он, слепой, сивоусый,
Про былое плачет.
Вы, дивчата, не дивитесь
Тем старым, казачьим
Святым слезам. То не утром
Выпавшие росы
При дороге и не ваши
Бисерные слезы.
Наплакался. К струнам рваным

Припал головою.
«Вплоть до вечера Марьяна
В роще под вербою
Проплакала; пришел Петрусь, —
Все ему сказала,
Что от матери слыхала
И что сама знала.
Не сдержалась, рассказала,
Как ордою пьяной
Гости шли и пели песни.
«Марьяна! Марьяна!
Скажи, почему я убог, ты бога-
та?
Скажи, почему нет коней у меня?
Меня бы насильно никто не сосва-
тал,
Молчала бы мать. Ты, судьбу не
кляня,
Спросила б лишь сердце, дала б
ему волю
Любить, кого знает. Тебя б я
умчал
Далеко! Далеко! Никто чтоб не
знал,
Никто чтоб не видел, где светлая
доля,
Моя доля, мое счастье —
Ты, моя Марьяна!

Почему же ты не в свитке.
А я не в жупане?»
Плачет девушка, — так дети
Плачут от обиды.
Петро ее обнимает,
Ничего не видит,
Кроме частых слез Марьяны;
Коль девушка плачет —
И средь бела дня тоскливо,
А ночью — тем паче!
«Не плачь, сердце, у меня есть
И сила и воля,
Люби меня, мое сердце,
Найду свою долю.
За высокими горами,
За широкими степями,
На далеком поле По воле-неволе
Найду счастье-долю!
И не в свитке, а сотником
Я к тебе вернусь,
Не в бурьяне, — среди церкви
Обнимешь Петруся.
Обнимемся, поцелую —
Завидуйте, люди!
А ты стоишь, покраснелась...»
«Когда ж это будет?»
«Скоро, скоро, моя рыбка!
Только веру в это

Храни свято, ступай в хату,
А я до рассвета
В чистом поле помолюся
Звездам яснооким,
Чтобы без меня светили
Тебе, одинокой.
Я глазами степь окину...»
«Ты меня покинешь
Этой ночью?» — «Нет, я в шутку,
Теперь Украине
Солдат царских и татарвы
Нечего бояться».
«Слышно, ляхи нападают».
«Они лишь грозятся.
Разойдемся, мое сердце,
Пока не светает.
Что ж ты снова заплакала?»
«И сама не знаю».

[Петербург, 1841]

Утопленная

Перевод М. Зенкевича

Дремлет ветер до рассвета
В дуброве высокой,
А проснется — потихоньку
Шепчется с осокой:
«Кто здесь, кто здесь ночью че-
шет
Косу под откосом?...
Кто там, кто там в страшной
злобе
Рвет на себе косы?...
Кто же? Кто же?» — тихонечко
Спрашивает-веет
И задремлет, пока неба
Край не заалееет.

«Кто же, кто же?» — вы, дивча-
та,
Спросите, я знаю.
Дочка здесь, а там, поодаль,
Мать ее родная.

Было то на Украине
В старину когда-то.
Посреди села вдовица

Жила в новой хате.
Белолица, черноока,
Гибок стан высокий,
И в жупане, кругом пани, —
Спереди и сбоку.
Молодая — чтоб не сглазить.
А за молодую,
Да к тому ж еще вдовою,
Казаки ордою
Так и ходят. Всё ходили,
Коротали ночку,
И беспутная вдовица
Родила вдруг дочку.
Родила — и горя мало,
И, забот не зная,
Отдала чужим ребенка.
Вот ведь мать какая!
Подождите, то ли будет!
Выкормили люди
Дочку малую, вдова же
В праздники и в будни
С женатыми, с холостыми
Пила да гуляла,
Пока горя не узнала.
Пока не та стала.
Незаметно пролетела
Пора молодая...
Горе, горе! Мать все вянет,

Дочка, расцветая,
Подрастает... Вырастает
Ганной черноокой,
Словно тополь в чистом поле,
Стройной да высокой.
«Я Ганнуси не боюсь!» —
Хвалится мамуся;
А казаки хмелем вьются,
Вьются вокруг Ганнуси.
Пуще всех рыбак кудрявый,
Ему не до лова,
Все забудет, повстречавшись
С Ганной чернобровой.
Увидала мать-старуха
И рассвирепела:
«Ишь нищенка приبلудная,
Мало тебе дела!
Подросла уже, невеста,
С хлопцами гуляешь...
Погоди же! Вот я тебе!..
Мать не уважаешь?!
Нет, голубка...»
И от злости
Скрежещет зубами.
Вот такая мать. Не сердце
У нее, а камень, —
Сердце матери! Ох, горе,
Красотой своею

Похваляться да кичиться,
Сердца не имея!
Он согнется — стан высокий,
Полиняют брови,
Не заметите... А люди
После позлословят,
Вспомнят годы молодые,
Скажут: «Потаскуха!»
Ганна плакала, не зная,
За что мать-старуха
Измывается над нею,
Ее проклинает,
Дочь — страдалицу — приبلудной
Зовет, называет
Приبلудною... Кого ж, кого,
Палач, истязаеть?!
За что, за что дитя свое
Юное терзаешь?

Била Ганну мать немало, —
Да не помогало.
Словно мак на огороде,
Ганна расцветала.
Как калина при долине
Утром под росойю,
Так Ганнуся хорошела,
Умывшись слезою.
«Заколдована!.. Постой же, —

Мать-злодейка шепчет. —
Видно, надо сходить к ведьме
Да яду покрепче
Раздобыть...»
Сходила к ведьме,
Яду раздобыла
И тем ядом на рассвете
Дочку напоила.
Да не вышло...
Мать с досады,
Что не отравила,
Проклинает час рожденья
Дочери постылой.
«Жарко мне!
Пойдем-ка, дочка,
К пруду искупаться!»
«Пойдем, мама».
И вот Ганна
Стала раздеваться.
Разделася, раскинулась
На сорочке белой;
Молодой рыбак кудрявый
Смотрит, оробелый...
Так и я следил когда-то
Тоже не за рыбкой...
Ганна, как дитя, калиной
Тешится с улыбкой.
Разгибает стан высокий,

На солнышке греет...
Мать родная перед нею,
От злости немая,
То желтеет, то синееет;
Страшная, босая,
Пена изо рта, и космы
Рвет, в песок бросаю.
Кинулася на Ганнусю,
Вцепилась ей в косы.
«Мама! Мама! Что с тобою?!»
Волны у откоса
Закипели, застонали
И обеих скрыли...
Бросился рыбак кудрявый
И, что было силы,
Поплыл к ним; плывет он быстро,
Волны рассекает.
Плывет, плывет... вот доплыл
он!..
Нырнул, выплывает
И бесчувственную Ганну
На берег выносит.
Из рук матери застывших
Вырывает косы.
«Сердце мое! Счастье мое!
Раскрой свои очи!
Погляди же! Улыбнись же!
Не хочешь... Не хочешь?! —

Опустился рядом с нею,
Поцелуем дышит
В очи мертвые. —
Взгляни же! Не слышит!..
Не слышит!»
Руки белые раскинув,
Лежит на песочке
Голая, а там, поодаль,
Мать в одной сорочке,
С вылупленными глазами,
Как от страшной муки;
Запустила в песок желтый
Скрюченные руки.
Долго плакал рыбацк бедный:
«Нет мне, видно, доли,
Счастья нет на этом свете,
Жить в воде мне, что ли?...»
И, целуя, поднял Ганну...
Застонали волны,
Разомкнулись и сомкнулись
Без следа безмолвно...

Заросли с тех пор осокой
Голубые воды,
Не купаются дивчата, —
Пруд горой обходят.
Крестятся, когда увидят.
И зовут заклятым...

Грустно, грустно стало в роще...
Ночью же, дивчата,
Выплывает мать-злодейка,
Садится на кочке,
Страшно синяя, босая
И в мокрой сорочке,
Все глядит сюда, на берег,
Рвет на себе косы...
Волны синие тихонько
Ганнусю выносят:
Она сразу встрепенется,
Сядет на песочке...
Тут рыбак плывет на берег,
Кладет на сорочку
Водоросли да кувшинки...
Поцелует в очи —
Да и в воду: он стыдится
Даже и средь ночи
Наготой ее прельститься...
И никто не знает,
Что в дуброве той творится.
Только повеваает,
Только замолчать не может
Ветер под откосом
И все шепчет:
«Кто здесь, кто же
Ночью чешет косы?»

С.-Петербург, декабря 8 1841 года
[1860]

Песня караульного у тюрьмы

Из драмы «Невеста»[5]

Старый гордый воевода
Ровно на четыре года
Ушел на войну.
И дубовыми дверями,
И тяжелыми замками
Запер он жену.
Старый, стало быть, ревнивый,
Бьется долго и ретиво.
Кончилась война,
И прошли четыре года.
Возвратился воевода.
А жена? Она
Погрустила — и решила:
Окна в двери превратила.
И проходит год, —
Пеленает сына Яна
Да про старого про пана
Песенку поет:

«Ой, баю, баю, сын мой, Ян мой
милый!
Когда б воеводу татары убили,

*Татары убили или волки съели!
Ой, баю, баю, на мягкой постели».*

[Петербург, декабрь, 1841]

Слепая поэма

[6]

*«Кого, рыдая, призову я
Делить тоску, печаль мою?
В чужом краю кому, тоскуя,
Родную песню пропою?
Угасну, бедный, я в неволе!
Тоску мою, печаль мою
О прежней воле, прежней доле
Немым стенам передаю.
О, если б стон моей печали
И звук заржавленных цепей,
Святые ветры, вы домчали
На лоно родины моей
И в мирной куще повторили,
Где мой отец и мать моя
Меня лелеяли, любили!
А братья? Грешная семья!
Иноплеменникам за злато
От стад, еляя и вина
Родного продали вы брата,*

Как на закланье овна.
О боже, боже Иудеи,
Благой творителю земли,
Не наказуй родных злодеев,
А мне смирение пошли!»
Такую песню тихо пела,
Сердечной грусти предана,
Слепая нищая; она
У барского двора сидела
У незатворенных ворот.
Но из ворот никто не идет,
Никто не едет, опустели
Хоромы барские давно;
Широкий двор порос травой;
Село забвенью предано;
С патриархальной простотою,
С отцовской славою святою
Забыто все. Село молчит;
Никто села не посетит,
Не оживит его молвою.
Как у кладбища, у ворот
Сидит скорбящая слепая
И псалму грустную поет.
Она поет, а молодая
Дочь несчастливщицы моей
Головкой смуглою прильнула
К коленям матери своей;
Тоски не ведая, заснула

Сном непорочной простоты.
В одежде грубой нищеты
Она прекрасна; полдень ясный
Моей Украины прекрасной
Позолотил, любя, лелея,
Свое прекрасное дитя.
Ужели тщетно пролетят
Дни упоения над нею
И светлой радостью своею
Ее тоски не усладят?
Она прекрасна, мать калека —
Кто будет ей руководить?
Придет пора, пора любить,
И злое сердце человека
Ее любви не пощадит.

.....
..... невинным сном
Оксана спит, а мать слепая,
Уныло-тихо напевая,
И каждый шорох сторожит.
И если ветер, пролетая,
Упавший лист пошевелит,
Она немеет, и дрожит,
И робко к сердцу прижимает
Свое единое дитя,
Свою единую отраду,
Незрящей памятью следя
Давно минувших дней усладу

Печальной юности своей.
Она изведала людей!
И у забытой сей ограды
Они ее не пощадят;
Они готовы растерзать
Ее дряхлеющие руки...
Для них невнятен стон разлуки,
Чужда им матери любовь.
Они твердят — закон таков:
«Не должно в прахе пресмыкаться
И подаянием питаться
Прекрасной юной сироте;
И мы ее оденем золотом,
Внесем в высокие палаты
И поклонимся красоте,
Раскроем мир иных видений,
Иных страстей высокий мир.
Потом... потом...»
И ваш кумир,
Богиня ваших поклонений,
От фимиама упиалась
И закоптела от курений;
А ваша мудрость отреклась
От обещанья; горстью золота,
Великодушно бросив ей,
Затмили блеск ее очей.
И вот она в грязи разврата,

Во славу дряхлых ваших дней,
Перед толпою черни пьяной
Пьет кубок.

.
И запивает сердца раны.
Не вы виновны, но она!
Вы дали все, что должно было
Наложнице презренной дать.
А сон девичий обновили,
А возвратили ль благодать
Ее невинных помышлений?
Ее невинную любовь,
И радость тихих упоений,
И целомудренную кровь
Вы обновили ль? Не могли!
Но, чада грешные земли!
Вы дали ль ей восторг объятий
Родного, милого дитяти,
Кому бы, бедная, она
Себя в сей мир переливала
И тайну жизни открывала,
Сердечной грусти предана?
Развратной, бедной вашей кровью
Вы не могли ей повторить
Восторги девственной любви;
Ее пустили вы влачить
Остаток дней в мирской пусты-
не;

И о родном, едином сыне
Ей не придется получить
Отрадной весточки сдалека.
Чужие дети напоят
Ее в предсмертный час жестокий,
И одинокий гроб с упреком
Чужие дети понесут.
Но если ей судьба судила,
Чтобы родимая рука
Очи уснувшие закрыла,
Тесна ее тогда могила,
Постеля вечная жестка!
Ее малютка за позором
Безмолвно по миру пойдет,
И в светлый праздник у забора
Яичко красное возьмет,
И со слезами и укором
Свою родную помянет.
Осенний полдень, полдень ясный
Родимой, милой той земли,
Мои где годы расцвели,
Где так напрасно, так несчастно
В недоле бедной протекли, —
Осенний полдень, полдень ясный,
Как друга юности, любя,
Чужими звуками тебя
Позволь приветствовать, пре-
красный!

Ты тот же тихий, так же милый,
Не знаешь времени, — а я!
Не то я стал, что прежде было,
И путь унылый бытия,
И ноша тяжкая моя
Меня ужасно изменили.
Я тайну жизни разгадал,
Раскрыл я сердце человека,
И не страдаю, как страдал,
И не люблю я: я калека!
Я трепет сердца навсегда
Оледенил в снегах чужбины,
И только звуки Украины
Его тревожат иногда.
Как эхо памяти невинной,
В них узнаю мою весну,
Мои унылые досуги,
И в них я таю, в них тону.
И сердца тяжкие недуги,
Как благодатною росой,
Врачую ими, и молюся,
И непритворною слезой
С моей Украиной делюся.
Но глухо все в родном краю!
Я тщетно голос подаю,
Мне эха нету из дубровы
Моей казачки чернобровой.

Там все уснуло! Пустота
Растлила сердце человека,
И я на смех покинут веком —
Я одинокий сирота!
Осенний полдень, догорая,
Поля нагие освещал,
И лист увядший, опадая,
Уныло грустное шептал
О здешней жизни человеку.
Такой порой моя калека,
Слепая нищая моя,
И дочь-красавица ея —
Она спала, а мать сидела
И тихо, грустно-тихо пела,
Как пел Иосиф про свой род,
Сидя в египетской темнице.
А в поднебесье вереницей
С дубров украинской земли
На юг летели журавли.
Чему ж бы ей, как вольной птице,
Туда, где лучше, не лететь
И веселее не запеть?
Какая тайна приковала
К жилищу мрачной тишины?
Своей сердечной глубины
Она еще не открывала
Ни даже дочери своей;
Она лишь пела и грустила,

Но звуки дочерних речей
В ней радость тихую будили,
Быть может, прежних светлых
дней.

Или ограда и тополи,
Что грустно шепчут меж собой,
Свидетели минувшей доли,
Или дубовый пенёк сухой,
Плющом увянувшим повитый,
Как будто временем забытый,
Ее свидетель? Все молчит!
Она поет, она грустит
И в глубине души рыдает,
Как будто память отпевает
О днях минувших, молодых,
О прошлых радостях святых.
И эти звуки выходили
Из сердца бедного ея,
И в этих звуках много было
Ее земного бытия.
И в сотый раз она кончала
Псалом невольничий, глухой,
Поникла смуглой головой,
Вздохнула тяжело и сказала:

«Ах, песня, песня, песня горя,
Ты неразлучная моя,
В моем житейском бурном море

Одна ты тихая струя!
Тебя, и день и ночь рыдая,
Я всякий час пою, пою
И в край далекий посылаю
Тебя, унылую мою!
Но ветер буйный, мягкокрылый,
Что прежде весело летал,
Теперь так тихо, так уныло,
Как будто друга потерял,
Как будто люди научили,
Чтобы не слушал он меня
И не домчал он в край далекий
Тебя, унылая моя!
Не видя вас, не зная дня
В моей печали одинокой,
Чем оскорбить я вас могла?
Что я вам сделала? Любила,
За ваши грешные дела
Творца небесного молила,
Молила, плакала... А вы
В моей тоске, в моей печали,
Как кровожаждущие львы,
Упреком сердце растерзали,
Растлили ядом мою кровь,
И за молитвы, за любовь
Мое дитя, мое родное,
Тяжелым словом понесли
И непотребницей слепою

Меня со смехом нарекли!
Я вам простила, я забыла,
Я вашей славы не взяла,
Я подаянием кормила
Мое дитя!» И залилась
Слезами, горькими слезами.
Она рыдает, а Оксана
Раскрыла черные глаза:
Скорбящей матери слеза
Прервала сон отроковицы;
С улыбкой черные ресницы
Она закрыла. «Какой сон,
Смешной и глупый, и как живо!..»
И покраснелась стыдливо,
Сама не зная отчего.
«Как холодно, а ты все плачешь!
Уж скоро вечер; для чего
Ты мне печали не расскажешь?
И я бы плакала с тобою.
А то...» И хлынули рекою
Слезы невинной красоты.
«И ты заплакала... Прости,
Что о моих сердечных ранах
Я не беседую с тобой.
Я скоро плакать перестану,
Моею тяжкою слезой
Я не прерву твой сон прекрасный,
И о судьбе моей несчастной

Узнаешь ты не от меня.
Тебе расскажут злые люди,
Они тебя не пощадят,
И много, много горя будет.
А горе даром не пройдет.
Озlobят сердце пустотою,
Оно возьмет любовь с собою
И все наилучшее возьмет.
Не плачь, Оксано!» И, рыдая,
Она Оксану утешает:
«Не плачь, дитя мое, усни!
Ты рано плакать начинаешь;
Придет пора твоей весны,
И тайну слез моих узнаешь;
Свои прольешь, прольешь одна,
Одна бездомной сиротою,
И будет то моя вина,
Что не поделишь...» —
«А с тобою? Разве тебя я не люблю!
Ах, мне с тобой и горе любо,
Я все с тобою разделю.
Не понесу я чужим людям
Мою сердечную слезу, —
К тебе на грудь я принесу.
Только не плачь!
Делись со мною
Своею тяжкою тоскою.

Не плачь одна, откройся мне,
И будет легче. Ах, послушай
О том, что видела во сне, —
Я расскажу тебе.

Чаще, гуще
Как будто лес, а мы вдвоем
Так наобум себе идем.
Потом темно, потом светло.
Потом гляжу — тебя не стало;
Я — ну бежать, кричать, устала,
Села и плачу. Вдруг село;
Большая улица, большая,
И я по улице иду.

Мне грустно так, тоска такая,
Я спотыкаюсь, упаду,
Мне тяжело, мне давит грудь,
А люди смотрят и смеются.
Мне больно стало, а взглянуть
Я будто на людей боюсь.
Потом отаман мне кричит:
«Вот я тебя!» Я испугалась,
И ну бежать... Бегу... упала.
А сын отамана стоит
Как будто, грустный, над водою
И тихо машет мне рукою.
Вот я к нему и подошла,
А он схватил меня руками.
Зачем в лесу ты не жила?

Зачем ты в поле не росла? —
Такими он сказал словами. —
И мне нельзя тебя любить,
Нельзя с тобою мне венчаться:
Над нами будут все смеяться,
А без тебя мне скучно жить.
Я утоплюся», — он сказал
И так меня поцеловал!
Не так, как ты... И я проснулась.
Не правда ли, мудреный сон?
Должно быть, худо значит он.
Или не худо — ты не знаешь?
Мне страх как хочется узнать.
О чем же снова ты вздыхаешь?
Или боишься рассказать,
Что значит сон? Ах, расскажи!
Ну, что же делать? Если худо —
Мы в лес уйдем и будем жить
С тобою вдвоем, и будет любо
С тобою вместе мне грустить.
Ну, что ж? Расскажешь?» —
«Да, — сказала,
Вздыхнув, слепая, — рассказать
Тебе должна я. Я устала.
Устала горе выливать
Неразделенными слезами.
Тебе уже пятнадцать лет.
Твой сон зловеющий, сон ужасный.

Ты встретишь горестный привет
Своей весне, своей несчастной!
Не вспоминай меня, прости —
И на просторе и на воле
С унылым ветром погрузи,
Как я грустила, тосковала,
Мою вседневную печаль
Как я лишь ветру поверяла.
Но и ему меня не жаль;
Он даже слез сушить не хочет,
А их так много сердце точит.
Оксано, выслушай меня
И помолись душой незлобной
Пречистой деве в час прискорбный
И за него и за меня.
Неправдой люди все живут,
Ты их не слушай! Сказкой злою
Они мой жребий понесут
И посмеются над тобою.
И ты не будешь правды знать;
На суд ты будешь призывать
Свою родную, — а ты знаешь,
Что слезы горько проливать,
Коли вины своей не знаешь.
Узнай же все: всю жизнь мою
Я расскажу, не потаю,
С ее весельями и мукой,
Да будет для тебя наукой!

Своих родных не знала я,
В чужой семье я выросла,
Чужая добрая семья
Меня любила. Я слыхала,
Когда я стала вырастать,
Что мать родная, умирая,
Просила их не покидать —
Меня, малютку, покидая.
Но кто она, ее как звали,
Потом узнать я не могла.
И я росла себе, росла;
Меня сироткой называли,
Потом красавицей слыла;
Меня любили, и ласкали,
И даже сватали! Но я...
Ах, знать, моя такая доля!
Перед людьми гордилась я
Своей красою. Свою волю,
Девичью волю, берегла.
Как тяжело люди отплатили!
Недолго косу я плела —
Ее накрыли. Вот как было.
Весною умер дидыч[7] старый,
А летом дидыч молодой
В село приехал. Злые чары
Он из Московщины с собой
Привез, красавец, для меня;
И я веселье разлюбила,

И Маковеевого дня
Я не забуду до могилы.
Как ясно солнышко светило,
Как закатилось... и ночь!..
Мое дитя! Моя ты дочь!
Не обвиняй меня, несчастной, —
Я стыд и горе понесла!
И Маковеев день ужасный,
И день рожденья прокляла.
Мы были в поле, жито жали;
Окончив жатву, шли домой;
Подруги пели и плясали,
А я с распущенной косой,
В венке из жита и пшеницы
Вела перед[8], была царица.
Нас встретил дидыч молодой.
Никто так мной не любовался.
Я трепетала, тихо шла,
А он смотрел и улыбался.
О, как я счастлива была!
Какою сладкою мечтою
Забилось сердце у меня...
На третий день... О мой покою!
Зачем покинул ты меня?
На третий день... и я в палатах
Была, как пани на пиру.
Недолго я была богата.
Зимою рано поутру

Проснулась я, — все пусто было,
И сердце холодом заныло.
А слуги... бог им судия!
С насмешкой выгнали меня
И двери заперли за мною.
Я села здесь, под этим пнем,
И долго плакала... Потом
Едва протоптанной тропею
В село забытое пошла,
И долю горшкую нашла:
Меня и в хату не пустили,
Все посмеялись надо мной
И хусткой[9] черною, простой
Косу шелковую накрыли.
И я, рыдая, из села
Иной дорогою пошла
В село чужое. Ах, Оксано!
И в шитом шелковом жупане,
И в серой свите люди злы!
Я из села в село ходила,
А горе шло передо мной.
Я горько плакала, молилась,
И все смеялись надо мной.
Покрыткой, дурой называли,
И даже нищие чуждались.
Во всей Украине родной
Мне места не было одной.
В лесу дремучем, в чистом поле

Я не боялась ночевать:
Там без свидетелей, на воле
Могла свободно петь, рыдать.
А песня горе облегчает,
Хоть и унылая она.
Спасибо, нищая одна,
Такая же, как я, слепая,
Меня учила песню петь;
И я пою ее, рыдая,
И до могилы буду петь.
Дитя мое! Моя Оксано!
Я скоро плакать перестану,
Запомни песню ты мою
И пой ее, как я пою,
Она умалит сердца рану.
Пришла и красная весна,
Запели пташки, все проснулось,
Все засмеялось — я одна
Святой весне не улыбнулась...
Она мне слезы принесла.
Занемогла я на дороге,
Кой-как до хутора дошла...
И ты на хуторе убогом
Узрела милый божий свет.
О, сколько радостей у бога
Для наших слез, для наших бед!
Твой первый звук... Ах, нет, не ста-
ну...

Нет... Поцелуй меня, Оксано!
Я не умею рассказать
Про ту святую благодать,
Что только матери избранной
Душою можно понимать —
То выше счастья людского.
И как несчастлива, убога
Жена бесплодная... С тобой
Мне снова счастье возвратилось,
Я любовалась весной,
Цветы я снова полюбила,
Цветы я снова берегла.
С восходом солнца я вставала.
Ты на груди моей спала.
Никем не видима, бывало,
Прокрадусь в лес, найду цветок
И сяду у цветка с тобою.
Ты тихо спишь, а он цветет,
И я гордилась тобою
Пред распускаявшимся цветком.
Бывало, я сорву тайком
Листочек розовый, румяный,
И тихо, тихо положу
Тебе на щечку... погляжу
И оболью тебя слезами.
Была ты розовой цветка
И утренней зари румяней.
Так мне господь добро творил

В тебе и розовых листках.
Но... как тебя ни забавляла,
Какие песни ни певала,
Как ни играла я с тобой,
А злая доля шла за мной.
Я не могла тобой гордиться:
Мне было не с кем поделиться
Твоею детскою красой.
Ты слово «мамо» лепетала,
Но слова лучшего не знала,
Как и теперь не знаешь ты.
Я не могла с тобой идти
Через село; я не стыдилась —
Пусть люди смотрят как хотят!
Я стыд любовью заменила.
Тебе боялась показать,
Как дети меж собой играют,
Боялась видеть, как дитя
Отца усталого ласкает.
Так время шло; ты вырастала,
И любо было мне смотреть,
Когда ходить ты начинала.
Но горе горькое терпеть
Судил господь мне до могилы
За юность грешную мою.
Свет гаснуть стал...
О боже милый!
Я над могилою стою,

Пошли мне мудростью своею
Взглянуть на милый божий свет,
Проститься с грешною землею,
Хотя на место посмотреть,
Где я усну, усну навеки!

.....
И я ослепла. Слезы-реки,
Молитвы теплые — ничто,
Ничто творца не умолило,
И все, что душу веселило,
Как будто в гробе заперто.
Потом что было, я не знают
Смеялись люди или нет.
Мои беды вспоминая,
Мне только жаль, что божий
свет
Не скрылся в юности беспечной;
Тогда б не знала ничего:
Ни сладкой доли скоротечной,
Ни даже сердца своего.
Теперь к печали бесконечной
Присталла горшая печаль.
Ты хороша собой, Оксано,
Я это знаю, и мне жаль —
Твой сон недобрый очень рано
Тебе приснился».

Оксана

*Разве он
Какое зло нам предвещает?*

Слепая

*Он для меня всех бед страшнее,
А для тебя еще ужасней.
И ты погибнешь от людей,
Как я погибла. Ты не знаешь,
Что скоро встретишь между ни-
ми
Змею, ужасную змею!
И ты пойдешь за нею следом,
Покинешь голову мою,
Как я покинула, забыла
Меня вскормившую семью.*

Оксана

*Ведь ты не знала, что так будет,
Что насмеются злые люди,
Что он недобрый человек,
Что он покинет. Мамо, мамо!
Ты говорила все такое,
Что страшно стало. Где же он,
Мой злой отец? Ты говорила,
Что здесь увижу я его.
И сколько лет уже с тобою
Сижусь я здесь — его все нет.
Он не придет, он покинул:*

Тебя он, видно, не любил.
Зачем же ты его любила?
Уйдем из этого села —
Мне страшно стало...

Слепая

Ах, Оксано!
Куда уйдем мы от людей?
Где твою молодость укрою?
А он придет... и тогда,
Тогда спокойно я умру.

Слепая грустно замолчала.
Оксана с детскою тоской
К ней на колени тихо клала
Головку смуглую свою.
«Усни, Оксано! — говорила. —
Я тихо песенку спою,
Спою любимую твою,
Как братья брата продавали
В чужую, дальнюю страну».
И отходящую ко сну,
Лелея, нежно целовала,
Читая тихо ей псалом:

«Храни тебя святая дева
От злых напастей, бурь земных!
Да будет сон твой сладок, тих,

Как непорочные напевы
Небесных ангелов святых!

Да не дерзает искуститель
В сердечну храмину войти,
И по терновому пути
Да волит ангел-охранитель
На лоно рая привести.

Храни тебя святая дева
От злых напастей, вражских оков,
Свой набожественный покров
Пошли тебе святая дева,
Мое дитя, моя любовь!»

Наутро юная Оксана,
Как утро осени в тумане,
Скорбя невинною душой,
У ног страдальцы слепой
Уныла, бледная сидела.
Слепая ту же песню пела,
И тот же в сердце непокой!
Не скоро дни текут над ними,
Не ясно солнышко горит.
Пришла весна, и двор пустынный
Вдруг оживился, все кипит
Веселой жизнью, как бывало.
Приехал дидыч на покой.

Чету страдалниц, разлучили:
Оксана в доме заперта,
А одинокую слепую
Одеть велели и прогнать
С наказом строгим: не шататься
Вокруг господского двора.
И рада, бедная, была,
Что так сбылося, как мечтала.
«Теперь, — так думала слепая, —
Теперь Оксаночка моя
Укрылася от непогоды,
Будет счастливою...» И шла
С любимой песнью из села,
Из обновленного села,
Моля небесную царицу,
Да благо дщерино хранит.

.....
Оксана грустная сидит
В роскошно убранной светлице,
Одева бархатом, парчой,
И не любит себя собой
Перед большими зеркалами.
Проходят месяцы за днями;
Как панне, все готово ей,
И ходит сторож у дверей.
Сам дидыч сласти ей приносит,
Дарит алмазом, жемчугом
И на коленях ее просит

Не звать ни паном, ни отцом.

.....
Зачем все это?! И рыдала...
Запел весною соловей,
Запел не так, как он, бывало,
Поет пред утренней зарей,
Когда малюточка Оксана,
Пока покоилось село,
Шалашик делает с бурьяну,
Чтоб маму солнце не пекло, —
Когда ходила умываться
Она в долину и потом
Барвинком, рутрой наряжаться,
И ненароком повстречаться
С черночупринным казаком.
Печальный вечер ночь сменила
Еще печальней. Тяжко ей,
Она сидела и грустила
О прошлой бедности своей.
И слышит песню за оградой,
Знакомый голос ей поет
Печально, тихо:

«Текла речка в чистом поле,
Орлы воду пили;
Росла дочка у матери,
Казаки любили.
Все любили, все ходили,

И все сватать стали,
И одного между ними
Казака не стало.
Куда скрылся, дивилися,
И никто не знает.
Поселился в темной хатке
За тихим Дунаем».

Оксана молча трепетала,
Ей каждый звук рождает мечту.
«Он не забыл, — она шептала, —
Он не покинет сироту...»
За каждым звуком вылетает
Из сердца черная тоска,
Она себя воображает
Уже в объятьях казака.
Уже за садом, за оградой,
Уже на поле... воля... рай...

.....
«Держи, держи! Лови, стреляй!» —
Раздался хриплый голос пана,
И выстрел поле огласил.
«Убили!! — вскрикнула Оксана. —
Убили!! Он меня любил.
Любил!!» — и замертво упала.
То был не сон. То пел казак,
Удалый, вольный гайдамак.
Оксана долго дожидала

Любимца сердца своего
И не дождалась его.
Отрадный звук не повторился,
Надежды вновь не прошептал,
Он только снился, часто снился
И юный разум разрушал
Мечтой бесплодною.

«Птицы вольные, сестрицы,
Полетите в край далекий,
Где мой милый, кареокый,
Где родная край дороги!
Болят руки, болят ноги,
А я долю проклиная,
С поля воли дожидая!»
Так пела бедная Оксана
Зимой в светлице у окна.
Неволя стерла цвет румяный,
Слезой смылась белизна.
«Быть может, здесь, — она шеп-
тала, —
Зимой проснулась мать моя,
А я... дитя ее... а я...» —
И, содрогаясь, замолчала.
Темнело поле, из тумана
Луна кровавая взошла;
Взглянула с трепетом Оксана
И быстро молча отошла

От неприветного окна,
Страшась кровавого светила.

.....
Завыли псы, рога трубили,
И шум и хохот у ворот —
Охота с поля возвратилась,
И пан к страдалнице идет
Бесстыдно пьяный...

.....
Слепая, бедная, не знала
Недоли дочери своей,
С чужим вожатым спотыкалась
Меж неприязненных людей.
Ходила в Киев и Почаев
Святых угодников молить
И душу страстную, рыдая,
Молитвой думала смирить.
И возвратилась зимою
В село страдания тайком.
Сердце недобрым чем-то ныло,
Вещало тайным языком
Весть злополучия и горя.
Со страхом в сердце и тоскою
Тихонько крадется она
Давно изведанной тропюю;
Кругом, как в гробе, тишина;
Печально бледная луна
С глубокой вышины сияла

И белый саван озаряла
На мертвой грешнице земле.
И вдруг открылася вдали
Картина страшная пожара.
Слепая, бедная, идет,
Не видя наших зол и кары,
И очутилась у ворот,
Весною кинутых. О, боже!
Что она слышит? Треск, и гром,
И визг, и крик, и гул протяжный,
И жаром хлынуло в лицо.
Она трепещет. Недалеко
Вдруг слышит голос... Боже мой!
Чей это голос ты узнала?
Узнала... страшно... то Оксана!
На месте том, где столько лет
Они вдвоем, грустя, сидели,
Она, несчастная, сидит;
Едва одетая, худая,
И на руках, как бы дитя,
Широкий нож в крови качает.
И страшно шепчет:
«Молчи, дитя мое, молчи,
Пока спекутся калачи;
Будем медом запивать,
Будем пана поминать».

(Поэт.)

«А у пана два жупана,
А третья свита,
За то пана
Утром рано
В дуброве убито.
А убили гайдамаки,
Жупаны делили:
Тому жупан, тому жупан,
А третьему свита,
И остался без свиты пан,
В снег белый зарытый.
Ай да й гайдамаки!»

Слепая

Оксано! Где ты?

Оксана

*Ах, молчи!
Дай убаяюкать мне сынка!*

(Поет.)

*«Баю, баю, дитя мое,
В дремучем лесу,
А я тебе с поля волю,
Долю принесу.*

*Баю, баю, дитя мое,
Во сыром бору,*

*А я пойду погуляю,
Ягод наберу.*

*Баю, баю, дитя мое,
Край битой дороги,
Переломят люди руки
И белые ноги.*

*Баю, баю, дитя мое,
У гробу дубовом,
Полиняют кари очи
И черные брови.*

*Усни, дитя, усни, дитя,
Усни ты навеки,
А я одна на базар пойду,
У жида бублик украду
И тебя полечу».
А... уснул! Теперь возьми.
У! Какой черный... Посмотри!*

Слепая

Оксано! Где ты? Что с тобою?

Оксана

(быстро подходит к ней)

*А ты где ходишь? Посмотри,
Какой веселый пир у пана!*

Да пан не будет пировать —
Я уложила его спать.
Тебя одной недоставало.
Я подожгла, пойдём плясать.

(Поет и медленно пляшет.)

«Гой, гой, не беда!
Слезы тоже вода,
Слезы гасят печаль,
А печали мне жаль,

Жаль мне грусти моей,
Жаль подруги моей,
Моей черной тоски».

Моей... моей...
Ах, нет, не то...
Теперь так весело, светло,
А я как будто на поклонах.

(Поет и пляшет.)

«Посеяла лебеду на беду,
А долина калиною поросла;
А у меня, красавицы,
Змеи-серьги в ушах.
Через плечи висят,
И шипят, и шипят.
Казак верно любил,

Казак серьги дарил.
Мать в могиле спала,
А я знай себе шла.
Шла дорогой большой,
А за мной, все за мной
По четыре, по три
Косари, косари
Бурьян косят, поют...»

Слепая

Оксано бедная, молися,
Молися богу, ты поешь
Все песни страшные такие!

Оксана

А ты смеяться, мамо, хочешь?
Э, полно, мамо, столько лет
Ты хохотала, я смеялась, —
Поплакать можно одну ночь.

Слепая

Дитя мое, моя ты дочь!
Опомнись, грех тебе, Оксано,
Ты насмеялася.

Оксана

Кто? Я?
Не насмеялася! Смотри,

Смотри, как падают стропила.
Гу!., гу!.. гу!..
Ха, ха, ха, ха!
Пойдем плясать, его уж нет,
Он не разлучит нас с тобою.

(Поет и пляшет.)

«По дороге осока,
А в болоте груши,
Полюбила казака,
Запродала душу.
А казак
Так и сяк,
Не любил,
Задушил,
В сыру землю зарыл.
В темной хате сырой
Спать ложилась со мной
Ведьма черная.
И смеялася,
Обнималася.
Ела, грызла меня,
Подложила огня,
И запела, заплясала,
И скакала, и кричала:
Жар, жар, жар!
Через яр
На пожар.

Все слетались,
Любовались
И смеялись:
Хи, хи, хи, тра, ла, ла, ла,
Не осталось ни кола.
Смоляная черту свечка!
Через яр идет овечка.
Не ходи, казак, в дуброву,
Не ходи, Ивашечко,
Торною дорожкой,
Не носи гостинчики
Змее, черной гадине!
Чародейка лютая
Сотрет брови черные,
Выжжет очи карие».

Слепая

Опомнись, дочь моя, Оксано!
Ты все недоброе поешь;
Пойдем в село: здесь страшно
стало!

Оксана

Пойдем в село: здесь душно мне,
Я босиком, как на огне,
На розовом снегу танцую.
Пойдем в село, переночуем.
А кто нас пустит ночевать?

Ведь люди, знаешь, нас боятся;
Пойдем мы в лес волков ласкать;
Ведь люди врут, что волки злые,
Волки нас любят — право, так!
А помнишь, ты мне говорила...
Ах, нет... не то... постой, забыла!
Я все забыла... Мой казак,
Мой кареокий... Я любила,
И он, казак, меня любил,
И темной ночью он ходил
В зеленый сад, где я гуляла.
Ах, как там весело бывало!
Как он, лаская, целовал,
Какие речи он шептал!
Ты так меня не целовала,
Как он, мой милый, дорогой,
Мой ненаглядный, мой сердечный!

.....
Ты говорила, он не злой;
А он, твой пан бесчеловечный,
Твой пан-палач его убил
За то, что я его любила,
За то, что он меня любил.
Злодей, в железа заковал.
Об этом я не говорила
С тобою даже. Он пропал...
Пропал без вести, как пропала
Моя девичья краса.

*А ты слыхала чудеса...
Он в гайдамаках отаманом,
И этот нож мне подарил.
Он приходил...*

Слепая

*Пойдем скорее!
Веди меня!*

Оксана

*Куда вести?
В болото, в лес? Постой, постой!
Я поведу тебя в село,
Где все бурьяном поросло,
Где вместо хат — кресты, моги-
лы,
Где поселился друг мой милый
В светелке темной и сырой.*

Слепая

*Пойдем скорее. Бог с тобой!
Перекрестися!*

Оксана

*Я крестилась,
Я горько плакала, молилась,
Но бог отверг мои кресты,
Мои сердечные молитвы.*

Да, он отверг. А помнишь ты?
Нет, ты не помнишь, ты забыла.
А я так помню, ты учила
Меня, малютку, кровь сосать
Да «Отче наш» еще читать.

Слепая

Оксано, боже мой, молись,
Ты страшно говоришь!

Оксана

Да, да.
Я страшно говорю, так что же?
Ты не боялся сидеть
Осенней ночью у забора
И просидела двадцать лет, —
Пойдем опять туда сидеть.
Пойдем же, мамо, будем петь,
Пока народ не пробудился.
И будем петь, как снаряжился
Казак с ордою воевать,
И как покинул он дивчину,
И как другую полюбил.
Ведь это весело — покинуть
В чужой далекой стороне
Листок с любистка на огне.

(Поет тихо.)

«Плыви, плыви, лодочка, за Дунай;
За Дунаем погуляю, молода,
С казаками, молодцами мертвы-
ми,
С казаками-мертвецами».

Чур меня! Чур меня! Чур меня!
Пойдем скорее. Ах, постой!
Я потеряла башмаки.
А башмаки ведь дорогие,
Да ноги жгли мне, все равно
Мне их не жаль, и босиком
Дойдем до гроба...

(Поет.)

«Полетела пташечка
Через поле в гай,
Уронила перышко
На тихий Дунай.
Плыви, плыви, перышко,
Плыви за водой!..»[10]

Я все молчала, все молчала,
А он шептал и целовал.
Сулил манисто с дукачами.
Зачем ты не велела брать?
Ведь им бы можно удавиться.
А знаешь что? Пойдем к реке

Купаться просто, и утонем,
И будем жуками в воде.
И пташкам воля в чистом поле,
И пташкам весело летать;
А мне так весело в неволе
Девичью молодость терять.
Я разве грешница какая?
Отраву, что ли, я варю?
Нет, я не грешница; ты знаешь,
Всему я верила, всему!
Но кто поверил моей вере?
Теперь не то. Летит, летит!
Нет, ты не вылетишь, прокля-
тый.
Я задушу тебя! Держите —
Красный змий! Красный змий!
Он рассыплется... Потом...
Га! га! ги!..

И, будто мщение живое,
Она с распущенной косой,
С ножом в руках, крича, летела
И с визгом скрылася в огне.
Вдруг крик пронзительный.
Вздрыгнула
Слепая молча и, крестясь:
«Аминь, аминь, аминь!» — шепта-
ла.

И крик сменил протяжный гул,
Стена упала, гул ревел
И смолк в долине безучастной,
Как в глубине души бесстрастной.
Пожар, лютея, пламенел.
Слепая, бедная, стояла
В дыму и пыли снеговой,
Она Оксаны дожидала
И «со святыми упокой»
Невольно с трепетом шептала.
И не дождалася слепая
Своей Оксаночки; ушла
Из погорелого села,
Псалом любимый напевая:
«Кого, рыдая, призову я
Делить тоску, печаль мою?
В чужом краю кому, тоскуя,
Родную песню пропою?»

[Петербург, 1842]

Гамалия

Перевод Н. Асеева

{101}

«Ой, все нет и нет ни волны, ни
ветра
От матери-Украины;
Там идут ли речи про поход на
турок —
Не слышно нам на чужбине.
Ой, подуй, подуй, ветер, через мо-
ре
Да с казацкого поля,
Высуши нам слезы, утоли печали,
Облегчи неволю.
Ой, взыграй, взыграй синевою, мо-
ре,
Колоти в борт волнами...
Лишь мелькают шлыки^{102} — то
плывут казаки
К султану за нами.
Ой, боже наш, боже, хоть и не за
нами — неси ты их с Украины:
Услышим про славу, казацкую
славу,
Услышим и свет покинем».

Вот этак в Скутари казаки сто-
нали,
Стонали, бедняги, а слезы лились,
Казацкие слезы тоску разжигали...
Босфор задрожал — потому не
привык
К казацкому плачу: вскипел вели-
чайый
И серую шкуру подернул, как бык,
И дрожь пробежала далеко, дале-
ко,
И рев его к синему морю дошел,
И море отгрянуло голос Босфора,
В Лиман покатило и дальше в
просторы,
И в Днепр этот голос волной до-
несло.
Загрохотал старик, вскипая,
Аж ус от пены побелел:
«Ты спишь? Ты слышишь? Сечь
родная!»
И Луг Великий^[103] загудел
За Хортицею: «Слышу! Слышу!»
И Днепр покрыли челноки,
И так запели казаки:

«У турчанки — высок терем,

Богата светлица.
Гей, гей! Море, бей!
Выше скал волны взвей! —
Едем веселиться!

У турчанки-басурманки
Дукаты в кармане.
Не дукаты считать,
Едем вас выручать,
Братья христиане!

У турчанки — янычары
Со своим пашою...
Гей, ги! Эй, враги!
Свою жизнь береги —
Мы смелы душою!»

Плывут себе, поют они,
А ветер крепчает...
Впереди их Гамалия
Дубом управляет.^{104}
Гамалия, водяные
Взыграли просторы.
Ничего! И лодки скрылись.
Одни волны-горы.

Спит, дремлет в гареме в раю Ви-
зантия,

И дремлет Скутари. Босфор же
не спит,
Он, точно безумный, гнет волны
крутые,
Он сон их встревожить желает,
кипит.
«Не тебе, Босфору, вступить со
мною в ссору! —
Шумит ему море. — Я твою красу
Песками закрою, коль дойдет до
спору.
Разве ты не видишь, каких я несу
Посланцев к султану?...» Так море
сказало.
(Любило отважных чубатых сла-
вян.)
Босфор усмирился. Турчанка дре-
мала.
Ленивый, в гареме дремал и сул-
тан.
И только в Скутари очей не смы-
кают
Казаки-бедняги. Чего они ждут?
По-своему богу мольбы посыла-
ют,
А волны на берег бегут и режут.

«О милый боже Украины!

Не дай погибнуть на чужбине
В неволе вольным казакам!
И тут позор, позор и там —
Встать из чужих гробов с повин-
ной,

На суд твой праведный прийти,
В железях руки принести,
В цепях-оковах перед всеми
Предстать казакам...»

«Жги и бей,

Режь нечестивца-басурмана!» —
Крик за стеною. Голос чей?

Гамалия, глянь, какие
Янычары злые!

«Режьте! Бейте!» — над Скутари
Голос Гамалии.

Ревет Скутари, воеет яро,

Все яростнее пушек рев;

Но страха нет у казаков,

И покатались янычары.

Гамалия по Скутари

В пламени гуляет,

Сам темницу разбивает,

Сам цепи сбивает.

«Птицы серые, слетайтесь

В родимую стаю!»

Встрепенулись соколята,

Распрямили плечи,
Давным-давно не слышали
Христианской речи.
Испугалась ночь глухая,
Тот пир наблюдая.
Не пугайся, полюбуйся,
Наша мать родная!
Темно всюду, точно в будни,
А праздник не малый:
Что ж, не воры у Босфора
Едят молча сало
Без шашлыка! Осветим пир!
До облак из гари —
С кораблями, с парусами
Пылают Скутари.
Византия пробудилась,
Глазищами блещет,
Плывет своим на подмогу —
Зубами скрежещет.

Ревет, ярится Византия,
Руками берег достает;
Достала, гикнула, встает —
И — на ножи валится злые.
Скутари, словно ад, пылают;
Через базары кровь течет,
Босфор широкий доливает.
Как птиц разбуженная стая,

В дыму казачество летает:
Никто от хлопцев не уйдет,
Их даже пламя не печет!
Ломают стены. Золотыми
До верху шапки их полны,
Ссыпают золото в челны...
Горит Скутари. В сизом дыме
Казачи сходятся. Сошлись,
От жара трубки закурили,
На челноки — и понеслись,
Меж волн багровых заскользили.
Плывут себе как из дому,
Будто бы гуляют.
И — конечно — запорожцы,
Плывя, распевают:

«Атаман Гамалия
Стал недаром зваться,
Собрал он нас и поехал
В море прогуляться;
В море прогуляться,
Славы добиваться,
За свободу наших братьев
С турками сражаться.
Ой, добрался Гамалия
Да самой Скутари,
Сидят братья запорожцы,
Ожидают кары.

Ой, как крикнул Гамалия:
«Братья! Будем здоровы!
Будем здоровы, хлебнем славы,
Разметем оравы,
Рытым бархатом покроем
Курени дырявы!»
Вылетало Запорожьє
Жать жито на поле,
Жито жали, в копны клали,
Дружно запевали:
«Слава тебе, Гамалия,
На весь мир великий,
На весь мир великий,
По всей Украине,
Что не дал ты запорожцам
Пропасть на чужбине!»

Плывут они, поют, плывет
В челне последнем Гамалия,
Своих орлят он стережет;
Догнать не смеет Византия
Казачьи лодки удалые;
Она боится, чтоб Монах^{105}
Не подпалил Галату^{106} снова,
Не вызвал чтоб Иван Подкова
На поединок на волнах.
Встает волна за волною,
Солнце на волне горит;

Перед ними их родное
Море плещет и шумит.
Гамалия, вот родные
Пред нами просторы...
И не видно лодок, только
Волн живые горы.

[Октябрь — первая половина ноября 1842]

Тризна

*На память 9 ноября 1843 года
княжне Варваре Николаевне Репниной*

[11]

ПОСВЯЩЕНИЕ

Душе с прекрасным назначеньем
Должно любить, терпеть, стра-
дать;
И дар господний, вдохновенье,
Должно слезами поливать.
Для вас понятно это слово!..
Для вас я радостно сложил
Свои житейские оковы,
Священнодействовал я снова
И слезы в звуки перелил.
Баш добрый ангел осенил
Меня бессмертными крылами

И тихостройными речами
Мечты о рае пробудил.

Яготин

11 ноября 1843

Души ваши очистившие в послушании истины духом, в братолюбии нелицемерно, от чиста сердца друг друга любите прилежно: порождени не от семени нетленна, но не нетленна, словом живаго бога и пребывающего вовеки. Зане всяка плоть, яко трава, и всяка слава человека, яко цвет травный: изеше трава и цвет ея отпаде. Глагол же господень пребывает вовеки. Се же есть глагол, благовествованный в вас. Соборное послание первое святого апостола Петра; I, 22, 25

*Двенадцать приборов на круглом
столе,
Двенадцать бокалов высоких сто-
ят;
И час уж проходит,
Никто не приходит;
Должно быть, друзьями
Забыты они.*

Они не забыты, — в урочную пору,
Обет исполняя, друзья собрались
И «вечную память» пропели собо-
ром,
Отправили тризну — и все разо-
шлись.
Двенадцать их было; все молоды
были,
Прекрасны и сильны; в прошед-
шем году
Наилучшего друга они схоронили
И другу поминки в тот день учре-
дили,
Пока на свиданье к нему не сой-
дут.
«Счастливое братство! Единство
любви
Почтили вы свято на грешной
земле;
Сходитесь, друзья, как ныне со-
шлись,
Сходитесь долго и песнею новой
Воспойте свободу на рабской зем-
ле!»

Благословен твой малый путь,
Пришелец убогий, неизвестный!

Ты силой господа чудесной
Возмог в сердца людей вдохнуть
Огонь любви, огонь небесный.
Благословен! Ты божью волю
Короткой жизнью освятил;
В юдоли рабства радость воли
Безмолвно ты провозгласил.
Когда брат брата алчет крови —
Ты сочетал любовь в чужих;
Свободу людям — в братстве их
Ты проявил великим словом:
Ты миру мир благовестил;
И, отходя, благословил
Свободу мысли, дух любви!
Душа избранная, зачем
Ты мало так у нас гостила?
Тебе здесь тесно, трудно было!
Но ты любила здешний плен,
Ты, непорочная, взирала,
Скорбя, на суетных людей.
Но ангела недоставало
У вечного царя царей;
И ты на небе в вечной славе
У трона божия стоишь,
На мир наш, темный и лукавый,
С тоской невинною глядишь.
Благоговею пред тобою,
В безмолвном трепете дивлюсь;

Молюсь тоскующей душою,
Как перед ангелом молюсь!
Сниди, пошли мне исцеленье!
Внуши, навей на хладный ум
Хоть мало светлых, чистых дум;
Хоть на единое мгновенье
Темницу сердца озари
И мрак строптивых помышлений
И разгони и усмири.
Правдиво, тихими речами,
Ты расскажи мне все свое
Земное благо-житие
И научи владеть сердцами
Людей кичливых и своим,
Уже растленным, уже злым...
Скажи мне тайное ученье
Любить гордящихся людей
И речью кроткой и смиреньем
Смягчат народных палачей,
Да провещаю гимн пророчий,
И долу правду низведу,
И погасающие очи
Без страха к небу возведу.
И в этот час последней муки
Пошли мне истинных друзей
Сложит хладающие руки
И бескорыстия елей
Пролить из дружеских очей.

Благословлю мои страданья,
Отраднo смерти улыбнусь
И к вечной жизни с упованьем
К тебе на небо вознесусь.

Благословен твой малый путь,
Пришелец неславленный, чудес-
ный!

В семье убогой, неизвестной
Он выростал; и жизни труд,
Как сирота, он встретил рано;
Упреки злые встретил он
За хлеб насущный... В сердце рану
Змея прогрызла... Детский сон
Исчез, как голубь боязливый;
Тоска, как вор, нетерпеливо
В разбитом сердце притаясь,
Губами жадными впилаась
И кровь невинную сосала...
Душа рвалась, душа рыдала,
Просила воли... ум горел,
В крови гордыня клокотала...
Он трепетал... он цепенел...
Рука, сжимаясь, дрожала...
О, если бы мог он шар земной
Схватить озлобленной рукой
Со всеми гадами земными;

Схватить, измять и бросить в ад!..

Он был бы счастлив, был бы рад.
Он хохотал, как демон лютый,
И длилась страшная минута,
И мир пылал со всех сторон;
Рыдал, немел он в исступленье,
Душа терзалась страшным сном;
Душа мертвела, — а кругом
Земля, господнее творенье,
В зеленой ризе и цветах,
Весну встречая, ликовала.
Душа отрадно пробуждалась,
И пробудилась... Он в слезах
Упал и землю лобызает,
Как перси матери родной!..
Он снова чистый ангел рая,
И на земле он всем чужой.
Взглянул на небо: «О, как ясно,
Как упоительно-прекрасно!
О, как там вольно будет мне!..»
И очи в чудном полусне
На свод небесный устремляет
И в беспредельной глубине
Душой невинной утопает.

По высоте святой, широкой
Платочком белым, одинока,

Прозрачна тучка вдаль плывет.
«Ах, тучка, тучка, кто несет
Тебя так плавно, так высоко?
Ты что такое? И зачем
Так пышно, мило нарядилась?
Куда ты послана и кем?...»
И тучка тихо растопилась
На небе светлом. Взор унылый
Он опустил на темный лес...
«А где край света, край небес,
Концы земли?...» И вздох глубо-
кий,
Не детский вздох, он испустил;
Как будто в сердце одиноком
Надежду он похоронил.

В ком веры нет — надежды нет!
Надежда — бог, а вера — свет.

«Не погасай, мое светило!
Туман душевный разгоняй,
Живи меня твоею силой
И путь тернистый, путь унылый
Небесным светом озаряй.
Пошли на ум твою святыню,
Святым наитием напой,
Да провещаю благостыню,
Что заповедана тобой!..»

Надежды он не схоронил,
Воспрянул дух, как голубь горный,
И мрак сердечный, мрак юдоль-
ный

Небесным светом озарил;
Пошел искать он в жизни доли,
Уже прошел родное поле.

Уже скрывалось село...

Чего-то жаль внезапно стало,
Слеза ресницы пробивала,
Сжималось сердце и рвалось.

Чего-то жаль нам в прошлом на-
шем,

И что-то есть в земле родной...

Но он бедняк, он всем не свой

И тут и там. Планета наша,

Прекрасный мир наш, рай земной,

Во всех концах ему — чужой.

Припал он молча к персти милой

И, как родную, лобызал,

Рыдая, тихо и уныло

На путь молитву прочитал...

И твердой, вольною стопою

Пошел... и скрылся за горою.

За рубежом родной земли,

Скитаясь нищим, сиротою,

Какие слезы не лились!

Какой ужасною ценою
Уму познания купил
И девство сердца сохранил.

Без малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной
жизни,
Измерить пропасти страстей,
Понять на деле жизнь людей,
Прочесть все черные страницы,
Все незаконные дела...
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы!
Се человек!.. Без крова жить
(Сирот и солнышко не греет),
Людей изведать — и любить!
Незлобным сердцем сожалея
О недостойных их делах
И не кощунствуя впотьмах,
Как царь ума. Убогим, нищим,
Из-за куска насущной пищи
Глупцу могучему годить,
И мыслить, чувствовать и
жить!..
Вот драма страшная, святая!..
И он прошел ее, рыдая,
Ее он строго разыграл
Без слова; он не толковал

Своих вседневных приключений,
Как назидательный роман;
Не раскрывал сердечных ран,
И тьму различных сновидений
И байронический туман
Он не пускал; толпой ничтожной
Своих друзей не поносил;
Чинов и власти не казнил,
Как Н., глашатай осторожный,
И тот, кто мыслит без конца
О мыслях Канта, Галилея,
Космополита-мудреца,
И судит люди, не жалея
Родного брата и отца;
Тот лжепророк! Его сужденья —
Полуидеи, полувздор!..

Провидя жизни назначенье,
Великий божий приговор,
В самопытливом размышленьи
Он подымал слезящий взор
На красоты святой природы.
«Как все согласно!» — он шептал
И край родной воспоминал;
У бога правды и свободы
Всему живущему молил
И кроткой мыслию следил
Дела минувшие народов,

Дела страны своей родной,
И горько плакал...
«О святая! Святая родина моя!
Чем помогу тебе, рыдая?
И ты закована и я.
Великим словом божью волю
Сказать тиранам — не поймут!
И на родном прекрасном поле
Пророка камнем побьют!
Сотрут высокие могилы
И понесут их словом зла!
Тебя убили, раздавили;
И славословить запретили
Твои великие дела!
О боже! Сильный и правдивый!
Тебе возможны чудеса.
Исполни славой небеса
И сотвори святое диво:
Воскреснуть мертвым повели,
Благослови всемогущим словом
На подвиг новый и суровый,
На искупление земли,
Земли поруганной, забытой,
Чистейшей кровию политой,
Когда-то счастливой земли».
Как тучи, мысли расходились,
И слезы капали, как дождь!..

Блажен тот на свете, кто малую
долю,
Кроху от трапезы волен уделить
Голодному брату и злобного волю
Хоть властью суровой возмог
укротить!
Блажен и свободен! но тот, кто
не оком,
А смотрит душою на козни лю-
дей
И может лишь плакать в тоске
одинокой —
О боже правдивый, лиши ты
очей!..
Твои горы, твое море,
Все красы природы Не искупят его
горя,
Не дадут свободы.
И он, страдалец жизни краткой,
Все видел, чувствовал и жил,
Людей, изведавши, любил
И тосковал о них украдкой.
Его и люди полюбили[12],
И он их братьями звал;
Нашел друзей и тайной силой
К себе друзей причаровал;
Между друзьями молодыми
Порой задумчивый... порой

Как волхв, вещатель молодой,
Речами звучными, живыми
Друзей внезапно изумлял;
И силу дружбы между ними,
Благословляя, укреплял.
Он говорил, что общее благо
Должно любовью купить;
И с благородною отвагой
Стать за народ и зло казнить.
Он говорил, что праздник жизни,
Великий праздник, божий дар,
Должно пожертвовать отчизне,
Должно поставить под удар.
Он говорил о страсти нежной;
Он тихо, грустно говорил —
И умолкал!.. В тоске мятежной
Из-за стола он выходил
И горько плакал. Грусти тайной,
Тоски глубокой, не случайной,
Ни с кем страдалец не делил.
Друзья любили всей душою
Его, как кровного; но он
Непостижимою тоскою
Был постоянно удручен,
И между ними вольной речью
Он пламенел. Но меж гостей,
Когда при тысяче огней
Мелькали мраморные плечи,

О чем-то тяжело он вздыхал
И думой мрачною летал
В стране родной, в стране пре-
красной,
Там, где никто его не ждал,
Никто об нем не вспоминал,
Ни о судьбе его неясной.
И думал он: «Зачем я тут?
И что мне делать между ними?
Они все пляшут и поют,
Они родня между родными,
Они все равны меж собой.
А я!..» И тихо он выходит,
Идет, задумавшись, домой;
Никто из дому не выходит
Его встречать; никто не ждет,
Везде один... тоска, томленье!..
И светлый праздник Воскресенья
Тоску сторичную несет.
И вянет он, вянет, как в поле бы-
лина.
Тоскою томимый в чужой сторо-
не;
И вянет он молча... Какая кручи-
на
Запала в сердечной его глубине?
«О, горе мне, горе! Зачем я поки-
нул

Невинности счастье, родную
страну?

Зачем я скитался, чего я достиг-
нул?

Утехи познаний?... Клянупу их, клянупу!

Они-то мне, черви, мой ум исто-
чили,

С моим тихим счастьем они раз-
лучили!

Кому я тоску и любовь расскажу?
Кому сердца раны в слезах пока-
жу?

Здесь нету мне пары, я нищий
меж ними,

Я бедный поденщик, работник
простой;

Что дам я подруге моими мечта-
ми?

Любовь... Ах, любви, любви од-
ной!

С нее на три века, на вечность бы
стало!

В своих бы объятьях ее растопил!
О, как бы я нежно, как нежно лю-
бил!»

И крупные слезы, как искры, низа-
лись,

И бледные щеки и слабую грудь
Росили и сохли. «О, дайте вздох-
нуть,
Разбейте мне череп и грудь разо-
рвите,
Там черви, там змея, — на волю
пустите!
О, дайте мне тихо, навеки за-
снуть!»

Страдал несчастный сирота
Вдали от родины счастливой
И ждал конца нетерпеливо.
Его любимая мечта —
Полезным быть родному краю, —
Как цвет, с ним вместе увядает!
Страдал он. Жизни пустота
Пред ним могилой раскрывалась;
Приязни братской было мало,
Не грела теплота друзей:
Небесных солнечных лучей
Душа парящая алкала.
Огня любви, что бог зажжет
В стыдливом сердце голубином
Невинной женщины, где б мог
Полет превыспренный, орлиный
Остановить и соединить
Пожар любви, любви невинной;

Кого бы мог он приютить
В светлице сердца и рассудка,
Как беззащитную голубку,
От жизни горестей укрыть;
И к персям юным, изнывая,
Главой усталую прильнуть;
И, цепenea и рыдая,
На лоне жизни, лоне рая,
Хотя минуту отдохнуть.
В ее очах, в ее томленьe
И ум и душу утопить,
И сердце в сердце растопить,
И утонуть в самозабвенье.

Но было некого любить;
Сочетаваться не с кем было;
А сердце плакало и ныло,
И замирало в пустоте.
Его тоскующей мечте
В грядущем что-то открывалось,
И в беспредельной высоте
Святое небо улыбалось.
Как воску ярого свеча,
Он таял тихо, молчаливо,
И на задумчивых очах
Туман ложился. Взор стыдливый
На нем красавица порой
Покою, тайно волновалась;

И симпатической красой
Украдкой долго любовалась.
И может, многие грустили
Сердца девичие о нем,
Но тайной волей, высшей силой
Путь одинокий до могилы
На камнях острых проведен.
Изнемогал он, грудь болела,
Темнели очи, за крестом
Граница вечности чернела
В пространстве мрачном и пу-
стом.
Уже в постеле предмогильной
Лежит он тих, и — гаснет свет.
Друзей тоскующий совет
Тревожит дух его бессильный.
Поочередно ночевали
У друга верные друзья;
И всякий вечер собиралась
Его прекрасная семья.
В последний вечер собрались
Вокруг предсмертного одра
И просидели до утра.
Уже рассвет смыкал ресницы,
Друзей унылых сон клонил,
И он внезапно оживил
Их грустный сон огнем бывалым
Последних пламенных речей;

И други друга утешали,
Что через семь иль восемь дней
Он будет петь между друзей.
«Не пропою вам песни новой
О славе родины моей.
Сложите вы псалом суровый
Про сонм народных палачей;
И вольным гимном помяните
Предтечу, друга своего.
И за грехи... грехи его
Усердно богу помолитесь...
И «со святыми упокой»
Пропойте, други, надо мной!»

Друзья вокруг его стояли,
Он отходил, они рыдали,
Как дети... Тихо он вздыхал,
Вздыхнул, вздыхнул... Его не ста-
ло!
И мир пророка потерял,
И слава сына потеряла.

Печально други понесли
Наутро в церковь гроб дубовый,
Рыдая, предали земли
Остатки друга; и лавровый
Венок зеленый, молодой
Слезами дружбы оросили

И на могиле положили;
И «со святыми упокой»
Запели тихо и уныло.

В трактире за круглым, за брат-
ским столом
Уж под вечер други сидели кру-
гом:
Печально и тихо двенадцать сиде-
ло:
Их сердце одною тоскою болело.
Печальная тризна, печальны дру-
зья!..
Ах, тризну такую отправил и я.

Согласьем общим положили,
Чтобы каждый год был стол на-
крыт
В день смерти друга; чтоб забыт
Не мог быть друг за их могилой.
И всякий год они сходились
В день смерти друга поминать.

Уж многих стало не видать:
Приборы каждый год пустели,
Друзья все больше сиротели —
И вот, один уж, сколько лет,
К пустым приборам на обед

Старик печальный приезжает;
Печаль и радость юных лет
Один, грустя, воспоминает.
Сидит он долго; мрачен, тих,
И поджидает: «Нет ли брата
Хоть одного еще в живых?»
И, одинокий, в путь обратный
Идет он молча... И теперь,
Где круглый стол стоит накры-
тый,
Тихонько отворилась дверь,
И брат, что временем забытый,
Вошел согбенный!.. Грустно он
Окинул стол потухшим взором
И молвил с дружеским укором:
«Лентяи! Видишь, как закон
Священный братский исполняют!
Вот и сегодня не пришли,
Как будто за море ушли!»
И слезы молча утирает,
Садясь за братский круглый стол.
«Хоть бы один тебе пришел!»
Старик сидит и поджидает...

Проходит час, прошел другой,
Уж старику пора домой.
Старик встает. «Да, изменили!
Послушай, выпей, брат, вино, —

Сказал слуге он, — все равно
Я не могу; прошло, что было,
Да поминай за упокой;
А мне пора уже — домой!»
И слезы снова покатались.
Слуга вино, дивясь, выпил.
«Дай шляпу мне... какая лень
Идти домой!..» — и тихо вышел.

И через год в урочный день
Двенадцать приборов на круглом
столе,
Двенадцать бокалов высоких сто-
ят.
И день уж проходит,
Никто не приходит, —
Навеки, навеки забыты они.

[Яготин, 1843]

Разрытая могила

Перевод М. Славинского

Край мой тихий, мать Украина,
Чем ты искупаешь
Грех великий, за кого ты
В муках погибаешь?
Или ты молитвы ранней
Богу не творила?
Иль детей своих ты честно
Жить не научила?
«Я молилась, я трудилась,
Я глаз не смыкала,
И детей своих я в добрых
Нравах наставляла.
Как цветочки в чистом поле,
Вырастали дети,
Знала власть я, знала волю
На широком свете.
О Богдан мой⁽¹⁰⁷⁾, сын мой милый!
Горе мне с тобою,
Что ты сделал, неразумный,
С матерью родною?
Над твоею колыбелью
Песни злой неволи
Пела я и со слезами
Ожидала воли.

О Богдан, когда б я знала,
Что мне жизнь сулила,
Я тебя бы в колыбели
Насмерть задушила
Овладели чужеземцы
Моими степями^{108},
Дети мои на чужбине
Бродят батраками.
Днепр мой, брат мой, высыхает
Средь степей унылых,
А москаль по степи бродит,
Роется в могилах.
Не свое он роет, ищет,
Могилы тревожит;
Но растет уж перевертень...
Вырастет, поможет
Он хозяйничать в отчизне
Чужаку... Спешите
И рубаху вы с матери
Худую снимите!
Звери, звери, мать родную
Терзать помогите!»

Вся раскопана, разрыта
Старая могила...
Что нашли в ней? Что отцами
Закопано было?
Эх, когда бы отыскать нам...

Отыскать нам клады, что земля
сокрыла,
Не плакали б дети, мать бы не
тужила!..

9 октября 1843
Березань

«Чигрине, Чигрине...»
Перевод Л. Длигача

{109}

* * *

Чигрине, Чигрине,
Все на свете минет!
И святая твоя слава,
Как пылинка, сгинет.
Мчит слава с буйным ветром,
В тучах пропадает...
Над землею летят годы,
А Днепр высыхает.
Рассыпаются курганы —
Гордые могилы —
Твоя слава... Не сберег ты,
Старче, прежней силы,
И никто не молвит слова,
Никто не покажет,
Где ты стоял, зачем стоял,

И в шутку не скажет!

*За что же мы панов рубили?
Орду бесчисленную били
И ребра пикой боронили
Царевым слугам?... Засевали,
Жаркой кровью поливали
И саблями боронили.
Что ж мы сжали, что скосили??!
Злые травы... злые травы...
Воли горькую отраву.*

*А я, горемыка, на твоих руинах
Даром слезы трачу; дремлет
Украина,
Бурьяном покрылась, цвелью за-
цвела,
Сердце молодое в сырости сгнои-
ла.
И в дупле холодном гадюк при-
ютила,
А детям надежду в степи отда-
ла.
А надежду эту...
Ветер гнал по свету,
Сила моря разнесла.
Пускай же ветер все разносит*

На трепетном своем крыле.
Пусть же сердце плачет, просит
Священной правды на земле.

Чигрине, Чигрине,
Друг ты мой единый!
Проспал простор степей и гор
И всю Украину.
Спи, опутанный корчмами,
Пока день не встанет,
Пока гетманам подняться
Время не настанет.
Помолившись, и я б заснул...
Так думы мешают,
Думы душу мне сжигают,
Сердце разрывают.
Ой, не жгите, подождите,
Может быть, я снова
Найду правду горестную,
Ласковое слово.
Может, выкую из слова
Для старого плуга
Лемех новый, лемех крепкий.
Взрежу пласт упругий...
Целину вспашу, быть может,
Загрущу над нею...
И посею мои слезы,

Слезы я посею.
Пусть ножей взойдет побольше
Обоюдоострых,
Чтобы вскрыть гнилое сердце
В язвах и коросте.
Пусть выцедят сукровицу,
А нальют горячей,
Светлой, свежей, чистой крови
Молодой — казачьей!!!

Может... может... А пока что
Меж ножами снова
Рута-мята расцветает,
И тихое слово,
Мое слово, слово песни Богобояз-
ливой
Вспомнят люди, и девушка
С сердцем боязливым
Встрепенется, будто рыбка,
Слыша это слово...
Слово мое, слезы мои,
Рай мой, рай суровый!

Спи, Чигрине! Пусть погибнут
Вражеские дети.
Гетман, спи, пока не встанет
Истина на свете.

19 февраля 1844

Сова

Перевод П. Карабана

Родила казачка сына
В зеленой дуброве;
Дала ему карие очи
И черные брови.
Китайкою повивала,
Святых умоляла,
Чтобы их святая воля
Сыну долю слала.
«Пошли тебе мать божья
Своей благодати —
Всего, чего мать не может
Дать сама дитяти!»
Брала воду до восхода,
В барвинке купала,
До полночи колыхала,
До зари невала:

«Спи, мой милый...
Я в рощу ходила,
Кукушку слыхала.
Она предсказала:
Сто лет любоваться
Я буду тобою,

В шелка наряжаться
И жить госпожою.
Не замечу даже,
Как промчатся сроки —
Станешь, словно княжич,
Как яшень высокий,
Стройный и красивый,
Веселый, счастливый
И не одинокий.
Хоть со дна морского
Сыну я достану
Сотничью, купцову
Дочку черноброву —
Ианну так уж панну!
Ходит в красных черевичках,
В зеленом уборе
По светлице павой-панной,
С ласкою во взоре
Да с тобой ведет беседу;
В хате — словно в храме.
Я ж сижу в углу почетном
Да люблюсь вами.

Ты, дитяtko, сын мой,
Любимый, единый, —
Есть ли лучше в целом свете,
По всей Украине?
Нету лучше и не будет —

Полюбуйтесь, люди!
Нету лучшего!.. А счастье —
Счастье он добудет!»
Ой, кукушка, кукушечка,
Зачем куковала?
Долгие зачем ей годы —
Сто лет предсказала?
Разве есть на этом свете
Счастливая доля?
Эх, когда бы... мать смогла бы
С далекого поля
Приманить для своих деток
И долю и волю...
Где там... Ведь беда-злосчастье
Встретит, не забудет...
На дороге ль, без дороги —
Всюду, где есть люда!
Как цветок под ясным солнцем,
Сына мать растила,
Любовалась... Той порою
Лег отец в могилу.
Мать осталась вдовою —
Хоть и молодою
И с сыночком, а все тяжело...
С горем да тоскою
Пошла она у соседей
Попросить совета;
А они совет — батрачить —

Дали ей на это...
Извелась и обнищала,
Бросила подворье
И пошла в батрачки... Злое
Не минуло горе.
Дни и ночи надрывалась,
Подати платила...
И за три полтины сыну
Жупанчик купила,
Чтоб и ее, вдовье, в школу
Дитяtko ходило!
Ой вы, беды-напасти,
Вдовье горькое счастье!
Где гуляешь ты с ватагой
Ясным днем и в ненастье
Оборванцем бродягой?
Богатому и на гору
Вода потечь рада,
А бедному и в овраге
Рыть колодец надо.
У богатых растут дети —
Вербьы на раздолье.
У вдовы ж один — и этот
Чтобылинка в поле!

Дождалась батрачка счастья,
Вырастила сына:
И грамотный и красивый,

Хлопец — что картина.
Безмятежно и привольно
Жизнь катилась вдовья;
И засматривались девки,
Рушники готовя.
Полюбила богатая —
Не поцеловала,
Только зря ему платочек
Шелком вышивала.
Кралось горе из-за моря
Чрез леса и степи —
И подкралось...
Стали хлопцев
Заковывать в цепи^{110};
И по тракту потащились
К городу обозы.
Шла вдова меж матерями,
Проливая слезы.
Ночью на привале
Стражу выставляли,
Старую вдову к обозу
И не подпускали.
Ой, к приему привезли их —
Забривать в солдаты.
Все-то мелки, недомерки,
Все сынки богатых:
Тот калека спокон века,
Этот грудью шире,

Тот горбатый, тот богатый,
Тех в дому четыре.
И всех долой, и всех домой,
Всем удача в мире.
У вдовы один лишь сын,
И тот как раз под аршин!
Снова бросила хозяйство,
Сыновнюю хату.
Работала у евреев
За жалкую плату —
Ведь крещеные не взяли:
«Стара, молвят, больно,
Не справится!» И огрызок
Кинут недовольно,
Христа ради... Не дай боже,
Лучше б не родиться,
Не дай боже, чтоб богатый
Дал глоток водицы!
По копейке получала —
Полтинник собрала,
Письмо сыну написала
Да в войско послала.
Полегче стало. Год прошел,
И второй, и третий,
И четвертый, и десятый,
А ответа нет ей.
Нет весточки. Как тут быть?
Суму нужно брать ей,

Идти... идти собак дразнить —
В путь, от хаты к хате.
Взяла суму, прошла селом,
На выгоне села
И в село не возвращалась...
День и ночь сидела
За околицей. А годы
Пролетают глухо.
Сгорбилась да почернела —
Не узнать старуху.
Да кому и узнавать-то!
Нищенкой убогой
Все сидит себе да смотрит
В поле, на дорогу.
Дни за днями, ночь за ночью,
От ночей к рассвету...
А солдата — ее сына —
Нету, нету, нету!..

В час вечерний над озером
Буйный ветер лозы гнет.
К ужину родная сына
До зари напрасно ждет.
В час вечерний над озером
Шелестит камыш слегка.
Поджидает подруженька
В темной роще казака.
В час вечерний ветер веет,

Клонит кустик тощий;
Плачет мать родная в хате,
А девушка — в роще.
Поплакала молодая —
Запела на зорьке;
Поплакала мать седая —
Зарыдала горько.
И молилась, и рыдала,
Кляла все на свете.
Ох, для матери вы тяжки,
Несчастные дети!
Искалеченные руки
К небу подымала,
Свою долю проклинала,
Сына призывала
Иль, оставив причитанья,
Смолкнет — и с тревогой,
Удрученная, сквозь слезы
Смотрит на дорогу.
День и ночь глядит. И стала
Всех встречать вопросом:
Может, где-нибудь солдата
Видеть довелось им —
Ее сына? Нет, не знают, —
И проходят мимо.
Сидит она, уж не плачет,
Тиха, недвижима,
Помешалась с горя! Камень

К сердцу прижимает,
То ругает, то ласкает,
Сыном называет
И сквозь слезы тихонечко
Песню напевает:

«Змея хату подпалила,
Детям каши наварила,
Расстелила белый плат,
Гуси серые летят;
Разлетелись гуси шире,
По четыре, по четыре.
Полетели в дол, в дол!
На кургане — орел.
На кургане среди ночи
Он клюет казачьи очи,
А дивчина до восхода
Ждет дружочка из похода».
Днем на свалках по задворкам
Черепки сбирала,
Бормотала, что гостинец
Сыну припасала.
А ночами — растерзана
И простоволоса —
Бродит, песни распевает
Дико, безголосо.
Люди злились... Она, видишь,
Спать им не давала

И крапиву под их тыном
Да бурьян топтала.
Дети с палками гонялись
Утром за вдовою
По улицам; и в насмешку
Дразнили Совою.

6 мая 1844
С.П.Б.

Девичьи ночи
Перевод Н. Ушакова

Высушили кари очи
Девичьи ночи...
«Черница Марьяна»

Расплелася коса-краса
Вся до пояса;
Грудь открылась, словно в море
Волны на просторе;
Карие сверкнули очи —
Звезды среди ночи;
Руки в муке потянулись,
Взяли б — прикоснулись,
Обвили бы, — вокруг подушки
Холодной сомкнулись,
И застыли, и замерли,

Без сил разомкнулись.

«Для чего мне коса-краса,
Зачем очи эти,
Стан мой гибкий... коль друга
нет
У меня на свете.
Ведь не с кем мне полюбиться,
Сердцем поделиться...
Сердце мое, сердце мое!
Трудно тебе биться
Одинокому. С кем жить мне,
С кем жить, мир лукавый,
Ты мне скажи. Зачем, скажи,
Эта слава... слава.
Я любить, я жить желаю
Сердцем — не красую!
А мне еще завидуют,
Гордою и злою
Злые люди называют,
А того не знают,
Что я в сердце затаила...
Пускай называют —
Грех им будет... боже правый!
Почему не хочешь
Укоротить жестокие,
Тяжелые ночи...
Днем не так я одинока —

С полем говорю я,
Говорю — недолю в поле
Забываю злую.
А в ночи...» — да и замолкла,
Слезы навернулись...
Руки в муке протянулись,
Напрасно сомкнулись.

18 мая 1844
С.П.Б.

Сон
Комедия
Перевод В. Державина

*Дух истины, егоже мир
не может прияти, яко
не видит его, ниже знает его.
Иоанна, глава 14, стих 17*

{111}

*У всякого своя доля
И свой путь широкий:
Этот строит, тот ломает,
Этот жадным оком
Высматривает повсюду
Землю, чтобы силой*

Заграбастать и с собою
Утащить в могилу.
Третий в карты, словно липку,
Обдирает свата,
Тот тихонько в уголочке
Точит нож на брата.
А тот, тихонький да трезвый,
Богобоязливый,
Как кошечка, подкрадется,
Выждет несчастливый
День для вас, да как запустит
Когтища в печенку, —
Не разжалобят злодея
И слезы ребенка!
А тот, щедрый, храмы строит.
Тысяч не жалеет,
А уж родину так любит,
Так душой болеет
За нее, так из сердешной
Кровь, что воду, точит!..
Молчат люди, как ягнята,
Вытаращив очи!
Пускай: «Может, так и надо?» —
Скажет люд убогий.
Так и надо! Потому что
Нет на небе бога!
Под ярмом вы падаете,
Ждете, умирая,

Райских радостей за гробом —
Нет за гробом рая!
Образумьтесь! Поглядите;
Все на этом свете —
И нищие и царята —
Адамовы дети!
Тот... и тот... А что же я-то?
Я, добрые люди,
Лишь гуляю да пирую
И в праздник и в будень.
Вам досадно? Сетуете?
Слушать не хочу я!
Не бранитесь! Я свою пью,
А не кровь людскую!
Так, вдоль плетней тропой знако-
мой
Идя с пирушки в час ночной,
Болтал я пьяный сам с собой,
Покуда не добрел до дому.
Нет у меня детей; жена
Не бранит, встречая.
Дом отрадней рая, —
Кругом такая тишина
И в сердце и в хате...
Вот и лег поспать я...
А если пьяный да заснет,
Пусть хоть орудья катят, —
Он усом не моргнет.

И сон же, сон на диво дивный
В ту ночь мне снился.
Тут и непьющий бы напился,
Последний скряга дал бы гривну,
Чтоб глянуть, хоть едва-едва...
Да — черта с два!
Вот вижу: вроде как сова
Летит над балками, прудами и
лугами,
Над оврагами и рвами,
Над широкими степями
И пустырями.
А я за нею поднимаюсь,
Лечу, лечу, с землей прощаюсь.
«Ты прощай, земля родная,
Край скорби и плача!
Мои муки, злые муки
В облаках я спрячу.
Ты ли стонешь, Украина,
Вдовой бесталанной!
Прилетать к тебе я стану
Полночью туманной.
Для печально-тихой речи
На совет с тобою
Буду падать в полуночи
Свежею росой.
Побеседуем, покамест
Утро не настанет,

Пока твои малолетки
На врага не встанут.
Так прощай, земля родная,
Отчий край убогий!..
Расти деток: жива правда
У господа бога!»

Летим... Гляжу — уже светает,
Край неба пылает,
Соловейко в темной роще
Солнышко встречает.
Видно — степи голубеют,
Тихо ветер веет;
Меж ярами над прудами
Вербы зеленеют.
Разрослись сады густые.
Тополя на воле
Встали, словно часовые,
Беседуют с полем.
Вся страна моя родная
Сияет красою,
Зеленеет, умываясь
Чистой росой.
Хорошеет, умываясь,
Солнышко встречая,
Не видать ее просторам
Ни конца, ни края!
Не убьет ее, не сломит

Никакая сила...
Душа моя! Ты о чем же
Снова загрустила?
Душа моя! Ты о чем же
Горько зарыдала?
Чего тебе жалко?
Иль ты не видала,
Иль ты не слыхала рыданий люд-
ских?
Гляди же! А я — улечу я от них
За синие тучи высоко, высоко;
Там нету ни власти, ни кары же-
стокой,
Ни горя, ни радости там не ви-
дать,
А здесь — в этом рае, что ты по-
кидаешь
Сермягу в заплатах с калеки сни-
мают,
Со шкурой дерут, — одевать, обу-
вать
Княжат малолетних. А вон —
распинают
Вдову за оброки; а сына берут, —
Любимого сына, единого сына, —
В солдаты отраду ее отдают.
А вон умирает в бурьяне под ты-
ном

Опухший, голодный ребенок! А
мать
Угнали пшеницу на барщине
жать.
А вон видишь? Очи, очи!
Куда деться с вами?
Лучше бы вас высушило,
Выжгло бы слезами!
То покрытка вдоль забора
С ребенком плетется, —
Мать прогнала, и все гонят,
Куда ни толкнется!..
Нищий даже сторонится!..
А барчук не знает:
Он, щенок, уже с двадцатой
Души пропивает!

Видит ли господь сквозь тучи
Наши слезы, горе?
Видит он да помогает,
Как и эти горы
Вековые, облитые
Кровию людскою!
Душа моя мученица,
Горе мне с тобою!
Так уьемся горьким ядом,
Уснем под снегами,
Пошлем думу прямо к богу;

Там, за облаками,
Спросим: долго ль кровопийцам
Царствовать над нами?
Лети ж, моя дума, моя злая му-
ка!
Возьми эту ношу мучений и зла —
Друзей своих верных! Ты с ними
росла,
Ты с ними сроднилась; их тяжкие
руки
Тебя пеленали. Бери ж их, лети
И по небу всю их орду распусти!
Пускай чернеет, багровеет,
Пламенем повеет,
Пускай лютый змей всю землю
Трупами усеет!
А пока ты не вернешься, —
Я, сердце скрывая,
Белый свет пройду до края,
Не найду ли рая.

И вновь я над землею рею,
И вновь прощаюся я с нею.
Тяжко бросить мать-старуху
Без крова, без хаты,
Но страшнее видеть всюду
Слезы да заплаты.

Лечу, лечу, а ветер веет,
Передо мною снег белеет;
Глухие, топкие места,
Туман, туман и пустота.
Безлюдье, глушь, не знать и следу
Злой человеческой ноги.
Враги мои и не враги,
Прощайте! В гости не приеду.
Упивайтесь и пируйте,
Не услышу боле, —
Я один себе навеки
Заночую в поле...
И пока вы не узнали
О крае далеком,
Где не льются кровь и слезы,
Я усну глубоко.
Я усну...
Но вдруг я слышу —
Под землей неясно
Цепи звякнули... Я глянул...
О народ несчастный!
Ты откуда, чем ты занят?
Чего ищешь, роясь
Под землю?... Нет, должно
быть,
Я от вас не скроюсь
Даже на небе!.. За что же
Мне такие муки?

Кому что я сделал злое?
Чьи тяжкие руки
В теле душу заковали,
Грудь испепелили
И, как тучи галок,
Думы распустили?
За что, не знаю, а карают,
И тяжело карают,
Иль не будет этим мукам
Ни конца, ни краю?
Не вижу, не знаю!

Пустыня вдруг зашевелилась...
Земля, как тесный гроб, раскры-
лась,
И из земли на Страшный суд
За правдой мертвецы встают...
Не мертвы они, не просят
Жалости у судей!
То идут, гремя цепями,
Все живые люди,^{112}
Золото из нор выносят,
Чтоб жадности лютой
Заткнуть глотку. А за что ж их
В рудники сослали?
Знает бог... Хотя и сам-то
Знает он едва ли!
Вон — вор, клеймом отмеченный,

Гремит кандалами,
Другой, кнутами сеченный,
Скрежещет зубами —
Друга он зарезать хочет
Своими руками.
А меж ними, злодеями,
Вон — в одежде рваной
Царь всемирный, царь свободы,
Царь, клеймом венчанный!
Цепи носит и не стонет
В муке бесконечной!
Сердце, что добром согрето —
Не остынет вечно!

А где же твои думы в их вешнем
расцвете?
Любовно взращенные, смелые де-
ти?
В чьи руки ты, друг мой, судьбу их
вручил?
Иль, может быть, в сердце навек
схоронил?
Не прячь! Разбросай их, рассыпь их
повсюду!
Взойдут, разрастутся, могучими
будут!

Еще мытарство? Иль уж будет?

Будет, будет, тут холодно!
Мороз разум будит.
И вновь лечу. Земля чернеет.
И дремлет ум, и сердце млеет.
Гляжу: дома стоят рядами,
Кресты сверкают над церквами,
По площадям, как журавли,
Солдаты на муштру пошли,
Хорошо обуты, сыты,
В цепи накрепко забиты,
Маршируют... Дальше глянул;
Вот в низине, словно в яме,
Город средь болот дымится.
Над ними тучами клубится
Мгла густая. Долетаю...
То город без края!
То ли турецкий,
То ли немецкий,
А быть может, даже русский?
Господа пузаты,
Церкви да палаты
И ни одной мужицкой хаты!

Смеркалося... Огнем, огнем
Кругом запылало —
Тут я струхнул... «Ура! ура!» —
Толпа закричала.
«Цыц вы, дурни! Образумьтесь!

Чему сдуру рады,
Что горите?» — «Экой хохол!
Не знает парада!
У нас парад! Сам изволит
Делать смотр солдатам!»
«Где ж найти мне эту цацу?»
«Иди к тем палатам».
Я пошел. Тут мне, спасибо,
Землячок попался
С казенными пуговками.^{113}
«Ты откуда взялся?»
«С Украины». — «Ты ж ни слова
Молвить не умеешь
По-здешнему!» — «Э, нет, братец,
Говорить умею,
Да не хочу!» — «Вот чудак-то!
Я все входы знаю.
Я служу здесь... Если хочешь,
Вести попытаюсь
Во дворец тебя, но только
Здесь, братец, столица —
Просвещенье! Дай полтинку!»
«Тьфу тебе, мокрица
Чернильная!..» Стал я снова,
Как дух бестелесный,
Невидим. Вошел в палаты.
Царь ты мой небесный,
Вот где рай-то! Блюдолизы

Золотом обшиты!
Сам по залам выступает,
Высокий, сердитый.
Прохаживается важно
С тощей, тонконогой,
Словно высохший опенок,
Царицей убогой^{114},
А к тому ж она, бедняжка,
Трясет головою.
Это ты и есть богиня?
Горюшко с тобою!
Не видал тебя ни разу
И попал впросак я, —
Тупорылому поверил
Твоему писаке!
Как дурак, бумаге верил
И лакейским перьям
Виршенлетов. Вот теперь их
И читай, и верь им!
За богами — бары, бары
Выступают гордо.
Все, как свиньи, толстопузы
И все толстоморды!
Норовят, пыхтя, потея,
Стать к самим поближе:
Может быть, получают в морду,
Может быть, облизнут
Царский кукиш!

Хоть — вот столько!
Хоть полфиги! Лишь бы только
Под самое рыло.
В ряд построились вельможи,
В зале все застыло,
Смолкло... Только царь бормочет,
А чудо-царица
Голенастой, тощей цаплей
Прыгает, бодрится.
Долго так они ходили,
Как сычи, надуты
Что-то тихо говорили,
Слышалось: как будто,
Об отечестве, о новых
Кантах и петлицах
О муштре и маршировке,
А потом царица
Отошла и села в кресло.
К главному вельможе
Царь подходит да как треснет
Кулачищем в рожу.
Облизнулся тут бедняга
Да — младшего в брюхо!
Только звон пошел. А этот
Как заедет в ухо
Меньшему, а тот утюжит
Тех, что чином хуже,
А те — мелюзгу, а мелочь —

В двери! И снаружи
Как кинется по улицам
И — ну колошматить
Недобитых православных!
А те благим матом
Заорали да как рывкнут:
«Гуляй, царь-батюшка, гуляй!
Ура!.. Ура!.. Ура-а-а!»
Посмеялся я и — хватит;
И меня дагнули
Все же здорово. Под утро
Битые заснули...
Православные все тише
По углам скулили
И за батюшкино здравье
Господа молили.
Смех и слезы! Вот смотрю я
На город богатый.
Ночь как день! Куда ни глянешь —
Палаты, палаты...
А над тихою рекою
Весь каменный берег.
Я гляжу, как полоумный,
И глазам не верю, —
Не пойму, не разумею, —
Откуда взялося
Это диво?... Вот где крови
Много пролилося

Без ножа! А за рекою
Крепость с колокольней^{115}, —
Шпиль как шило — как посмотришь,
Жуть берет невольно.
И куранты теленькают...
Кругом озираюсь,
Вот — конь летит^{116}, копытами
Скалу разбивает.
Всадник — в свитке и не в свитке,
Без седла, как влитый,
И без шапки, только листом
Голова повита.
Конь ярится — вот-вот реку,
Вот... вот... перескочит!
Всадник руку простирает,
Будто мир весь хочет
Заграбастать. Кто ж такой он?
Подхожу, читаю,
Что написано на камне:
«Первому — вторая»
Поставила это диво.
О! Теперь я знаю:
Этот — первый, распинал он
Нашу Украину.^{117}
А вторая доконала
Вдову-сиротину.^{118}
Кровопийцы! Людоеды!

Напились живою
Нашей кровью! А что взяли
На тот свет с собою?
Так мне тяжело, трудно стало,
Словно я читаю
Историю Украины!
Стою, замираю...
В это время — тихо, тихо
Кто-то запекает
Невидимый надо мною:

«Из города из Глухова
Полки выступали
С заступами на линию^{119},
Наказным послали
Гетманом меня в столицу,
Вместе с казаками.
О боже наш милосердный!
О изверг поганый!
Царь проклятый, царь лукавый!
Здесь, в земле пустынной,
Что ты сделал с казаками?
Засыпал трясины
Благородными костями;
Поставил столицу
Ты на их кровавых трупах!
И в темной темнице
Умер я голодной смертью,

Тобою замучен,
В кандалах!^{120} .. О царь! Навеки
Буду неразлучен Я с тобою!
Кандалами Скovan я с тобою
На века веков! Мне тяжело
Витать над Невою!
Может быть, уж Украины
Вовсе нет. Кто знает!..
Полетел бы, поглядел бы,
Да бог не пускает.
Может, всю ее спалили,
В море Днепр спустили,
Насмеялись и разрыли
Старые могилы —
Нашу славу. Боже милый,
Сжался, боже милый».
Все замолкло. Вот я вижу;
Туча снегом кроет
Небо серое. А в туче
Зверь как будто воеет.
То не туча — птица тучей
Белой закружила
Над тем медным исполином
И заголосила:
«Кровопийца! Мы навеки
Скованы с тобою.
На суде последнем, Страшном
Мы бога закроем

От глазниц твоих несытых.
Ты нас с Украины
Гнал, холодных и голодных,
В снега, на чужбину!
Погубил нас, а из кожи
Нашей багряницу
Сшил ты жилами погибших,
Заложил столицу
В новой мантии! Любуйся ж
На свои палаты!
Веселись, палач свирепый,
Проклятый! Проклятый!»

Рассыпались, разлетелись.
Солнышко вставало.
Я стоял и удивлялся
Так, что жутко стало.
Вот уж голь закопошилась,
На труд поспешая,
Уж построились солдаты,
Муштру начиная.
Заспанные, проходили
Девушки устало,
Но — домой, а не из дому!..
Мать их посылала
На ночь целую работать,
На хлеб заработать.
Я стою, молчу, понурясь,

Думаю, гадаю:
Ох, как трудно хлеб насущный
Люди добывают.
Вот и братия рысцою
Сылет в дверь сената,
Скрипеть перьями да шкуру
Драть с отца и брата.
Землячки мои меж ними
Шустро пробегают;
По-московски так и режут,
Смеются, ругают
На чем свет отца, что с детства
Трещать не учил их
По-немецки, — мол, теперь вот
Прокисай в чернилах!
Эх ты, пьявка! Может, батько
Продавал корову
Последнюю, чтоб выучил
Ты столичный говор!
Украина! Украина!
Твои ль то родные,
Чернилами политые
Цветы молодые,
Царевую беленою
В немецких теплицах
Заглушены!.. Плачь, Украина,
Сирая вдовица!

Глянуть, что ли, что творится
В царевых палатах?
Как-то там у них? Вхожу я, —
Множество пузатых
Ждет царя. Сопят спросонья,
Все понадувались
Индюками да на двери
Косо озирались.
Вот и двери отворились.
Словно из берлоги
Медведь вылез, еле-еле
Подымает ноги.
Весь опухший, страшный, синий:
Похмельем проклятым
Мучился он. Да как крикнет
На самых пузатых.
Все пузатые мгновенно
В землю провалились!
Тут он выпучил глазищи —
Затряслись, забились
Уцелевшие. На меньших
Тут как заорал он —
И те в землю. Он на мелочь —
И мелочь пропала.
Он — на челядь, и челяди
Словно не бывало.
На солдат, и солдатики —
Только застонали,

Ушли в землю!.. Вот так чудо
Увидал я, люди!
Я гляжу, что дальше будет,
Что же делать будет
Медвежонок мой? Стоит он,
Печальный, понурый.
Эх, бедняжка!.. Куда делась
Медвежья натура?
Тихий стал, ну — как котенок!..
Я расхохотался.
Он услышал да как зыкнет —
Я перепугался
И проснулся...
Вот какой мне
Привиделся странный,
Дикий сон. Такое снится
Разве только пьяным
Да юродивым. Простите,
Сделайте мне милость,
Что не свое рассказал вам,
А то, что приснилось.

8 июня 1844. С.-Петербург

«В воскресенье не гуляла...»
Перевод М. Комиссаровой

{121}

* * *

*В воскресенье не гуляла,
Ниток-шёлку покупала
Да платочек вышивала.
Вышивая, напевала:*

*«Платочек ты мой вышитый,
Узорчатый мой!
Вышиваю для подарка,
Поцелует милый жарко,
Платочек ты мой,
Раскрашенный мой!
Пусть увидят утром люди —
Сироте платочек будет
Узорчатый мой,
Раскрашенный мой!
А я косу расплетаю,
С милым-суженым гуляю,
Долюшка моя,
Матушка моя!»*

Так вот шила, вышивала

И в оконце взгляд бросала:
Что, не слышно круторогих?
Не идет чумаки с дороги?
Он идет из-за Лимана
С чужим добром, бесталанный,
Чужих волов погоняет,
Погоняя, напевает:
«Доля моя, доля!
Что ж ты не такая,
Как вон та, чужая?
Пью ли я, гуляю?
Силы ль не хватает,
Или к тебе дороженьки
Я в степи не знаю?
Иль тебе своих подарков
Я не посылаю?
Одарю дарами —
Карими очами.
Молодую мою силу
Богачи купили;
Может, без меня невесту
С другим обручили...
Научи же меня, доля,
Гулять научи!»

И заплакал горемыка,
Степью идучи...
Ой, заухал серый филин

В степи на могиле.
Загрустили чумаченьки,
Тяжко загрустили:
«Атаман, дай позволение
Здесь остановиться
И товарища снести нам
В село причаститься!»
Грех простили, причастили,
Гадалку спросили, —
Все напрасно! С горемыкой
В дорогу пустились.
То ль работа задавила
Молодую силу?
Неусыпная ль кручина
С ног его свалила?
То ли люди так хотели,
Чтобы молодому
На возу приехать с Дона^{122}
Мертвой кладью к дому?
Думал хоть бы повидаться
С невестой своею,
Да не вышло. Схоронили —
И кто пожалеет?

Поставили товарищи
Крест над сиротою,
Разошлись...
И, как былинка,

Как лист за волною,
Ушел казак прочь со света,
Все забрал с собою...
А где же тот узорчатый
Вышитый платочек?
Где ж веселая такая
Девушка-цветочек?

На кресте могильном ветер
Платок развевает,
А невеста в темной келье
Косу расплетает.

18 октября 1844
С.-Петербург

«Что же мне так тяжело...»

Перевод Е. Благининой

* * *

*Что же мне так тяжело?
Отчего так больно?
Что бедное сердце рыдает, кри-
чит,
Как дитя?... О сердце, перестань,
довольно!
Что тебя тревожит, гложет и
томит?
Голод, или жажда, или спать ты
хочешь?
Засни, успокойся, замолкни на-
век!..
Открыто, разбито... А злой чело-
век
Пускай сатанеет. Закрой, сердце,
очи!..*

13 ноября 1844
С. П. Б.

«Зачаруй меня, волшебник...»

Перевод П. Семынина

{123}

* * *

Зачаруй меня, волшебник,
Друг мой седоусый!
Ты закрыл для мира сердце,
Я ж еще боюсь, —
Страшно мне дотла разрушить
Дом свой обгорелый,
Без мечты остаться страшно
С сердцем опустелым.
Может, явится надежда
С той живой водою,
С той целительной отрадой —
Светлою слезою.
Может, сжалится, вернется
Вновь на пепелище,
И хотя б внутри побелит
Темное жилище,
И натопит, обогреет,
И огонь засветит;
Может, раз еще проснутся
Мои думы-дети.
Может, с ними, как бывало,

Помолюсь, рыдая,
И увижу солнце правды
Хоть во сне, хоть краем!..
Обмани, но посоветуй,
Научи, как друга,
Что мне, плакать, иль молиться,
Иль виском об угол??!

13 декабря 1844
С.-Петербург

Гоголю
Перевод М. Исаковского

{124}

За думою дума летит, вылета-
ет;
Одна давит сердце, другая терза-
ет,
А третья тихонечко плачет в
обиде
У самого сердца — и бог не уви-
дит!
Кому ж ее покажу я,
Где найду такого,
Кто бы понял и приветил
Великое слово?
Все оглохли, все ослепли,

В кандалах... поникли...
Ты смеешься, а я плачу,
Друже мой великий,
Что ж из плача уродится?
Лишь трава дурная...
Не услышит вольных пушек
Сторона родная.
Не зарежет старый батько
Любимого сына
За свободу, честь и славу
Своей Украины.
Не зарежет, а выкормит
Да царю на бойню
И отправит. Скажет: это
Наша лепта вдовья;
Дань отечеству, престолу,
Чужеземцам плата...
Что же, пусть их. Мы же будем
Смеяться и плакать.

30 декабря 1844
С.-Петербург

«Не завидуй богатому...»

Перевод Е. Нежинцева

* * *

Не завидуй богатому:
Богатый не знает
Ни любви, ни уваженья, —
Он их покупает.
Не завидуй могучему:
Тот всех угнетает;
Не завидуй и славному.
Хорошо он знает,
Что не люди его любят,
А тяжкую славу,
Что добыл он со слезами
Людям на забаву.
А сойдутся молодые —
Любовно, не споря,
Как в раю, а присмотреться
Шевелится горе...
Никому ты не завидуй,
Приглядись ты к свету:
На земле не видно рая,
И на небе нету!

4 октября 1845
Миргород

«Не женися на богатой...»

Перевод Е. Шумской

* * *

Не женися на богатой —
Выгонит из хаты.
И на бедной не женися —
Знать не будешь сна ты.
А женись на вольной воле,
На казацкой доле.
Не богата, но зато уж
И простора вволю.
Но зато никто не лезет:
«Что ты, друг, невесел
Да отчего да почему
Голову повесил?»
Вдвоем, дескать, как-то легче,
Если кто обидит,
Ты не верь им: легче плакать,
Коль никто не видит.

4 октября 1845
Миргород

Еретик

Перевод П. Карабана

{125}

Шафарику^{126}

Подожгли соседи злые
У соседа хату,
И лежат они, погревшись,
Мирным сном объаты.
Да забыли серый пепел
По ветру развеять.
Лежит пепел на распутье,
А в том пепле тлеет
Искра пламени большого
И не погасает,
Ждет поджога, точно мститель
Часа ожидает,
Злого часа! Тлела искра,
Тлела — ожидала
На широком раздорожье,
Да и гаснуть стала.

Так и неметчина спалила
Большую хату и семью,
Семью славян разъединила^{127}
И тихо-тихо к ним впустила

Усобиц лютую змею.

Полилися реки крови,
Пожар потушили,
А сирот и пепелище
Немцы поделили.
И в оковах выростали
Славянские дети
И в неволе позабыли,
Кто они на свете.
А на старом пепелище
Искра братства тлела,
Дотлевала, ожидала
Крепких рук и смелых —
И дождалась!.. Ты увидел
Под пеплом глубоко
Огонь добрый смелым сердцем
И орлиным оком!
И зажег ты яркий светоч —
Светоч правды, воли,
И славян семью большую
Во тьме и неволе
Сосчитал ты до едина —
Сосчитал лишь трупы,^{128}
А не славян. И восстал ты
На крутых уступах —
На всемирном раздорожье —
Иезекиилем.

И — о, чудо! — трупы встали
И глаза раскрыли;
Обняли друг друга братья
И заговорили
Языком любви сердечной,
Подружась навеки!
И слились в едином море
Славянские реки!

Слава тебе, ученому,
Чеху-славянину,
Что не дал ты уничтожить
Немецкой пучине
Нашу правду! И родное
Славянское море
Снова станет многоводным,
И в его просторе,
С верным кормчим, под ветри-
лом,
Свежим ветром полным,
Поплывет наш челн по морю,
По широким волнам.
Будь же славен ты, Шафарик,
Вовеки и веки,
Что в одно собрал ты море
Славянские реки!

Так прими же в своей славе,

Повстречай приветно
Эту думу немудрую,
Дар мой неприметный,
Про того святого чеха,
Мученика Гуса!
Прими, отче! А я тихо
Богу помолюся,
Чтобы стали все славяне
Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды
И еретиками,
Вот такими, как Констанцский

—
Муж великий, правый^{129}!
Принесут они навеки
Миру мир и славу!

22 ноября 1845
в Переяславе

Камень егоже небрегоша
зиждущий, сей бысть во главу
угла: от господа бысть сей и
есть дивен во очесех наших.
Псалом 117, стих 22

«Кругом неправда и неволя^{130},
Народ замученный молчит,
А на апостольском престоле

Монах раскормленный сидит.
Он кровью, как в шинке, торгует,
{131}

Твой светлый рай сдает внаем!
О царь небесный! Суд твой всуе,
И всуе царствие твое.
Разбойники, людоеды
Правду побороли,
Осмеяли твою славу,
И силу, и волю!
Земля скованная плачет,
Словно мать по детям:
Кто собьет оковы эти,
Встанет в лихолетье
За Евангелие правды,
За народ забитый?
Некому! Неужто ж, боже,
И не ждать защиты?
Нет! Настанет час великий,
Час небесной кары!
Распадутся три короны
Высокой тиары^{132} ...
Распадутся! Благослови
На смерть и на муки,
Благослови мои, боже,
Нетвердые руки!..»

Так в келье Гус с неправдой злою

Решил бороться — разорвать
Оковы ада... и святое,
Святое чудо показать
Очам незрячим.

«Поборюсь...
Со мной всевышний!
Да свершится!»

И в Вифлеемскую каплицу^[133]
Пошел молиться добрый Гус.

«Во имя господи Христа,
За нас распятого на древе,
И всех апостолов святых,
Петра и Павла особливо,
Мы отпускаем все грехи
Вот этой буллою... святою
Рабыне божьей...»

«Этой самой,
Что позавчера водили
По улицам Праги.
Этой самой, что шаталась,
Упившись хмелем,
По шинкам да по казармам,
По монашьим кельям.
Она деньги раздобыла
Да буллу купила —
И теперь свята... О боже!
Великая сила!
Великая слава! Помилуй людей!

Отдохни от гнева в светлых се-
нях рая!
За что погибают? За что ты ка-
раешь
Своих и покорных и добрых детей?
За что ты ослепил им очи
И вольный разум их сковал
Оковами кромешной ночи?...
Прозрейте, люди, день настал!
Глаза раскройте, шире груди!
Проснитесь, чехи! Вы же люди,
А не потеха чернецам!
Злодеи, палачи в тиарах
Все обратили в прах и дым,
Как там, в Московии, татары,
И догматы свои слепым —
Нам навязали!.. Кровь, пожары,
Все зло на свете, войны, свары,
Мученья адские, а Рим
Распутством одержим.
Вот все их догматы и слава!
Чего славней!.. А нынче — вот
Установление конклава^[134]:
Кто, буллы не купив, умрет,
Тот — прямо в ад. А если плату
Ты внес двойную — режь хоть бра-
та.
Всех, кроме пап и чернецов,

И в рай ступай в конце концов!
И вор у вора без пощады
Ворует... тут же, в церкви. Гады!
Насытились ли вы вполне
Людскою кровью?... Нет, не мне,
Великий господи, простому
Рабу, судить твои дела
Великие: ведь людям зла
Не причинишь ты по-пустому!
Молю я, господи, помилуй,
Спаси ты нас, святая сила!
Язык мой язвами клейми,
Но язвы мира изыми!
Не дай глумиться ты лукавым
Над вечною твоею славой
И над смиренными людьми!..»

И плакал Гус, творя молитву,
Слезами тяжкими... Народ
Дивился молча: что творит он?
И на кого он восстает?

«Глядите, люди! Вот вам булла,
Что я читал!»
И показал Ее народу. Всколыхнуло
Толпу: он буллу разорвал!
Из Вифлеемской той каплицы

До самой мировой столицы
Грозами эхо понеслось.
Монахи скрылись... Грозной карой
В конклаве эхо отдалось —
И дрогнула, кренясь, тиара!

Зашипели в Ватикане
Змеями монахи.
Авиньон с монашьям Римом
Зашептался в страхе,
Зашептались антипапы^{135} —
Потолки трясутся
От шепота. Кардиналы
Гадюками вьются
Вкруг тиары. И украдкой
Меж собой грызутся,
Что коты за мышшь... И как же!
Тут ведь меху, кожи
Горы целые... А мяса!!!
Даже стены тоже
Вдрогнули при вести: в Праге
Уж гогочут гуси^{136}
И летят с орлами биться...
Всполошился, струсив,
Собрался конклав... Решили:
Меж собой не споря,
Встать на Гуса и в Констанце
Воронью быть в сборе!

Да стеречь везде позорче,
Глядеть сверху, снизу,
Чтоб не дать в славянском поле
Скрыться птахе сизой.

То не воронье слеталось —
Монахи толпою
Повалили. Степь, дороги
Точно саранчою
Покрылись: герцоги, бароны,
Псарь, герольды, шинкари
И трубадуры-кобзари...
Змеятся латников колонны.
За герцогинями без счета
Все немцы: соколов несут,
Те едут, те пешком идут...
Кишат! Всяк рвется на охоту,
Как гад на солнышко спеша!
О чех! Жива ль твоя душа?
Глянь, сколько силы повалило,
Как бы на сарацина, в бой
Иль на великого Аттилу!

А в Праге ропот, гул глухой,
И кесаря, и Вячеслава,^{137}
И весь собор тысячеглавый
Там вслух бранят наперебой,
В Констанц не отпуская Гуса.

*«Жив бог! Жива душа моя!
Я смерти, братья, не боюсь!
Я докажу тем змеям! Я
У ненасытных вырву жала!..»
И Гуса Прага провожала,
Как дочь — отца...*

*На заре Констанц проснулся
В колокольном звоне.
Собирались кардиналы,
Как быки в загоне,
И румяны и дородны;
Прелатов орава,
Трое пап, князья, баронство,
Венчаные главы
Собрались, как иуды
На суд нечестивый
Над Христом. И брань и ссоры,
Вой и крик визгливый,
Будто в лагере татарском
Иль в еврейской школе,
И вдруг разом онемели!..*

*Как в ливанском поле
Гордый кедр — так Гус, в оковах,
Встал перед собором,
И окинул нечестивых
Он орлиным взором.*

Задрожали, побледнели,
Молча взор вперили
В мученика. «Что ж, меня вы
Спорить звали или
Любоваться оковами?»
«Стой, предерзкий, молча! —
Гадюками зашипели,
Завыли по-волчьи. —
Еретик ты! Еретик ты!
Ты погряз в расколе!
Ты усобицы лишь сеешь,
Ты святейшей воли
Не приемлешь!» —
«Одно слово!..»
«Господом проклятый,
Еретик ты! Еретик ты! —
Ревели прелаты. —
Ты усобник!» —
«Одно слово!..»
«Замолчи, проклятый!»
Гус взглянул на пап и молча
Вышел из палаты.
«Победили! Победили!..»
Словно озверели.
«Аутодафе! Аутодафе!..» —
Разом заревели.

И всласть монашеская братья

Всю ночь с баронами пила.
На Гуса сыпались проклятья...
Но вот гудят колокола,
Идут молиться в церковь божью
За грешника монахи в ряд.
Горит багровая заря —
И солнце хочет видеть тоже,
Что с Гусом праведным творят?!

Загудел Констанц от звона.
В кандалах, под стражей,
На Голгофу ведут Гуса...
И не дрогнул даже
Пред костром, ступил на пламя
Он с молитвой смело:
«О господи милосердный,
Что, скажи, я сделал
Этим людям, твоим людям?
За что меня судят?
За что меня распинают?
О, молитесь, люди
Неповинные! И с вами
То же, то же будет!
Лютый зверь пришел, овечьей
Шкурою покрытый!
Точит когти... Горы, стены
От него защиты
Не дадут вам!.. Разольется

Багряное море
Крови, крови детей ваших...
О, горе! О, горе!
Вон те звери! В светлых ризах,
Злостью полон каждый...
Жаждают крови...»
«Жги! Пожарче!»
Крови! Крови жаждут!
Вашей, вашей крови!..»
Дымом Праведника скрыло.
«О, молитесь же! Молитесь!
Господи! Помилуй,
Прости ты им — ведь не зна-
ют...»
И не слышно стало.
Вкруг огня, как псы на страже,
Цепь монахов встала —
Все боялись, чтоб не выполз
Он змеей из жара,
Не обвинил кольцом корону
Или же тиару.

Погас костер; дунул ветер,
Всюду пепел сея.
Видели простые люди
Огненного змея
На тиаре. Расходились
И Те Деум[13]^[138] пели,

И за трапезой монахи,
Вкушая, сидели
День и ночь — опухли даже.
Малою семьею
Сошлись чехи. Из-под пепла
Горсть земли с собою
Взяли в Прагу. Так монахи
Гуса осудили
И сожгли. Но божье слово
С ним не умертвили, —
Не думали, что ринется
После гуся яро
Орел с неба и расклюет
Гордую тиару.
Да и что им! Разлетелись
Монахи, бароны,
Точно с пира кровавого
Черные вороны.

Разгулялись по хоромам,
Даже не вспомнят!
Знай пируют да порою
Те Деум затянут.
С корнем вырвали... Постойте!
Вон над головою
Старый Жижка^{139} из Табора
Взмахнул булавою.

10 октября 1845
с. Марьинское

Слепой

Поэма

Перевод Н. Асеева

Думы мои молодые,
Те, что в небе реют,
Не вернутся с того света,
Стен не обогреют.
Покинули сиротою,
С тобою одною —
Сердцем моим, светом моим,
Раем, тишиною!
Никому мой рай не ведом,
Ты сама не знала,
Что звездою путеводной
Надо мной сверкала.
Я гляжу, не налюбуюсь...
Вот сверкнула снова,
Вот склонилась, уронила
Ласковое слово,
Вот мелькнула, улыбнулась.
Гляжу — и не вижу;
А проснусь — и плачет сердце.
Из глаз — слезы брызжут.

Спасибо, звездочка! Темнеет
Мой день печальный. Вечереет.
Над головой уже трясет
Косою смерть. Срок подоспеет, —
Умру, и след мой занесет
Холодный ветер. Все стареет.
Быть может, и тебя овеет,
Брызнувши слезами,
Моя дума. И тихими,
Тихими речами
Ты промолвишь:
«Я любила, Я его любила,
А он не знал!»
Звезда моя! Над моей могилой
Гори, звезда... А я буду,
Святая, родная,
Петь о тебе, с того света
К тебе прилетая.

Этот — бродит за морями
По белому свету,
Ищет счастья — не находит,
Нигде его нету.
Как вымерло! Другой рвется
Из последней силы
За удачей... Вот-вот догнал
И — сразу в могилу!
А третьему — как нищему;

Ни хаты, ни поля,
Одна сума, а из сумы
Глядит его доля,
Как ребенок. А он ее
Хает, проклиная,
Продает и пропивает —
Нет, не покидает!
Как репей, что прицепится
К нищенской заплате
И с чужого урожая
Колосья прихватит.
А там снопы, а там скирды.
Глядишь — и в палате
Сидит себе побирушка,
Словно в своей хате.
Вот оно — какое счастье!
Не догнать — упрямо,
А полюбит — дастся в руки
С колыбели самой.

В рубахе чистой, отбеленной,
Веселый, в новых сапогах,
Сидел на троицын день зеленый
Старик с бандурою в руках,
Седой казак.
«И так и сяк...
И нужно бы, да неохота...
А все же нужно. Хоть два года

Пускай по свету он порыщет
И сам судьбу свою поищет,
Как я искал ее... Ярина!
А где Степан?» — «А вон под ты-
ном,
Как в землю вкопан, нем и глух!»
«А мне и невдомек... Эй, друг,
Иди сюда! Идите оба!
Как вам такая дробь на пробу?»
И грянул по струнам.
Он играет, а Ярина
Со Степаном в пару.
Он играет, подбавляет
Каблуками жару:

«Кабы мне такого бы горя:
Со свекровью жить, да не споря,
Кабы мне молодой муженек,
От меня б не отходил весь денек!
Ой, гоп, чики-чики,
Кабы новы черевики,
Еще бубен да цимбалы,
Я бы только то и знала —
Молодого обнимала!
Ой, гоп гопака,
Оженили казака!
Он и печь затопил,
И борща наварил!»

«А ну, дети, еще так!»
Разобрало старика.
Как ударит, как ушкварит,
Кулаки упер в бока...

«А и то не беда,
Что выросла лебеда!
Кроши густо,
На капусту —
Будет добрая еда!
А вот это — так беда,
Что женили смолода,
Оженили,
Не спросили —
Не осталось и следа!»

«Нет, не то уж — подкосилась
Бывалая сила!
Утомился. А это вы
Подбавили пыла.
А, чтоб вам! Года-годочки
К земле клонят низко...
Состарился. Иди, дочка,
Готовь чашки, миски.
Сказать правду — я голоден,
Солнце над стеною.
А ты, сынок, до полудень
Останься со мною.

Садись, браток. Как отец твой
В Польше пал убитым,
Ты после него остался
Сиротой забытым...»
«Так я, значит, не родной вам,
Я не сын ваш? Боже!..»
«Слушай, милый! Вот вскорости
Мать умерла тоже.
Остался ты, я и сказал
Покойной Марине,
Жене своей: «Возьмем его
Себе вместо сына», —
Тебя, значит. Она рада.
Вот вы близнецами
С Яриною и выросли...
А что дальше — сами
Посудите. Ты в возрасте,
Она взрослей стала.
Надо думать, как жить дальше
Вам бы подобало.
Что скажешь ты?» — «Я не
знаю...
Я думал, что это...»
«Что Ярина сестра твоя?
А глядишь, не это...
Дело просто: если любя,
Можно повенчаться.
Только вот что: нужно раньше

В людях потолкаться,
Приглядеться, как живут,
То ль пашут,
То ль по непаханому сеют,
И прямо жнут,
И немолоченое веют,
А что размелют — прямо в
рот, —
Узнай народ!
Так вот что, милый: нужно в лю-
ди
Тебе пойти на год, на два.
Чужая выучит братва!
Тогда и порешим, как будет.
Тому, чья не крепка спина,
И в жизни будет грош цена.
А ты как думаешь, дружище?
Но если хочешь точно знать,
Где легче горем торговать,
То в Сечь иди: там хватит пищи.
Поможет бог — найдешь свой кус.
А мне на вкус
До сей поры тот хлеб не сладок.
Добра добудешь — принесешь,
А не добудешь — проживешь
Мной нажитым. Да повадок
Запорожских наберешься,
Увидишь широкий

Свет совсем иным, чем в Братстве
{140}

Ты живые строки
В синем море прочитаешь;
В честном рукопашье
Богу выучат молиться,
А не по-монашьи
Бормотать под нос.
Вот так-то! Помолимся богу
Да сивого оседлаем —
И айда в дорогу!
Идем, дружок, полудновать...
Ну, как там? Готово,
Яриночка?» — «Уже, отец!»
«Вот, сын, мое слово!»
Не естся, не пьется, и сердце не
бьется,
И разум затмился, и взор не гля-
дит,
Как будто глухой и незрячий си-
дит,
Замест куска хлеба за кружку бе-
рется...
Ярина глядит и тихонько смеет-
ся:
«Что это с ним случилось? Не ест
и не пьет!
Уж не разболелся ль? То бледен,

то красен!»

Она его взгляда ответного
ждет —

Глаза он отводит. Старик же бес-
страстен,

Как будто не видит. «Что жать,
что не жать,

А сеять-то нужно, — в усы рас-
суждает

Отец про себя. — Ну, пора и вста-
вать.

А я, может, в церкви еще побы-
ваю.

А ты, Степан, ложись-ка спать —
Ведь завтра рано нам вставать
Да коня седлать».

«Степаночко, голубчик мой,
На что ты в обиде?

Улыбнись мне, усмехнись мне...

Разве ты не видишь,

Как горько мне? Растревожил

Тебя насмерть кто-то,

И на меня глядишь так, что

Заплакать охота.

Я убегу, вот увидишь!

Ответь мне, Степанко!

Может, болен? Я достану

С настоями склянку,
Я побегу за бабкою...
Может, глаз нечистый?»
«Нет, Ярина, мое сердце,
Цветок мой душистый!
Я не брат тебе, Ярина,
Я завтра покину
Тебя с отцом сиротами
И навеки сгину.
А ты меня и не вспомнишь,
Забудешь, Ярина,
Какой я был!..» —
«Перекрестись!
То с дурного глазу!
Я — не сестра?... Кто ж тогда
я?..
Он потерял разум!
Что тут делать? Отца нету,
Кого пойду звать я?
А он, видно, в лихорадке —
Совсем без понятия...
Или ты меня дурачишь?
Разве ты не знаешь,
Что умрешь ты — и нас с отцом
В землю закопаешь?»
«Нет, Ярина, не умру я,
Я уеду далеко...
И вернуться раньше года

Мне не будет срока.
Возвращусь я с Запорожья
Женихом — не братом.
Пойдешь замуж?» — «Да ну тебя
Со свахой и сватом!
Шути еще». — «Не шучу я!
Ей-богу, Ярина,
Не шучу я!» — «Значит, правда?
Ты завтра покинешь
Меня с отцом... Отвечай же —
Это все не шутка!
Значит, правда — не сестра я?»
«Нет, моя голубка,
Сердце мое!» — «Боже ты мой!
Как же я не знала!
Разве б я тебя любила,
Разве б целовала?...
Ой, стыд какой! Отойди же,
Пусти мои руки!
Ты не брат мне... Ты не брат
мне...
Муки мои, муки!»

И расплакалась Ярина,
Как дитя, рыдает.
«Он уедет! Он забудет!..» —
Плачет, причитает.
Словно явор, наклоняясь

Над речною кручей,
Сердце свое Степан выжжет
Слезой горючей,
Как смолою. А Ярина
Молит, попрекает,
То замолкнет, поцелует,
То вновь зарыдает.
Не видели, как стемнело.
И сестру и брата,
Словно скованных друг с другом,
Застал старый в хате.

И день настал. А Ярина
Не знает покою.
Вот уже Степан выводит
Коня к водопою.
Подхватила ведра, мчится,
Будто бы не тужит,
Хозяйствует. В это время
Старое оружие
Отец вынес из чулана,
Глянул, веселеет,
Примеряет... Будто снова
Старый молодеет!
Прослезился. «Сабля моя,
Сабля боевая,
Годы мои молодые,
Сила молодая!

Послужи, мое оружие,
Юношеской силе
Той же верной той же службой,
Что и мне служила!..»

И Ярина держит саблю,
А Степан седлает
Коня — друга боевого,
Жупан надевает;
Он берет кривую саблю,
Копье боевое,
Самопал семипядевый
Повис за спиною.
Как взглянула — обомлела,
И старик заплакал,
Оглядевши верхового
Доброго вояку.

Ведет коня за уздечку
И плачет Ярина.
Седой отец идет рядом,
Наставляет сына:
«Нужно честно отслужиться,
Правила держаться,
С побратимами дружить,
В обозе не жаться...
Пушкой бог тебе поможет!»
Напоследок стоя,

При словах этих прощальных
Зарыдали трое.
Степан свистнул — пыль вздыми-
лась,
Закрыла дорогу...
«Возвращайся, сын, скорее
К родному порогу!» —
Закричал отец сквозь слезы...
Как елка в долине,
Пошатнулась, наклонилась
Без слова Ярина.
Только слезы утирает
Да путь озирает —
Там лишь тень в пыли мелькает
И вновь пропадает.
Будто перекасти-поле
Катится, чернеет,
Будто мошка исчезает,
Только пыль над нею...
И пропала. Долго-долго
Вдаль, на ту дорожку
Устремляла взор Ярина —
А уже той мошки
Нет, исчезла. И дивчина
Тяжело вздохнула
И с отцом своим печально
К дому повернула.

Проходят дни, проходит лето;
Настала осень, шелестит
Сухой листвой. Не видя света,
Старик на приступке сидит.
Ярина не слышно смеха —
Отца единая утеха
Больна. С кем будет век дожит?
Чем старость обогреть? И снова
Он вспомнил сына молодого,
Свои цветущие лета.
Припомнив, заплакал
Седой богатый сирота.
Заплату к заплате
На плечи нашили лета.
«В твоих руках все на свете,
Свята твоя воля.
Что случится — тому и быть.
Знать, такая доля!»

И барвинком и мятою,
Травой повиликой
Весна землю одевает
В радости великой,
И солнышко среди неба
Засияло смело,
Землю, как жених невесту,
Взглядом обогрело.
И Ярина на свет божий,

Хату покидая,
Выползает, улыбаясь,
Слабая такая.
Все ей ново, все ей мило,
Все свежо, как в юность;
Но ножом беда лихая
В сердце повернулась
И свет заслонила,
И подкошенной травой
Ярина склонилась;
Словно листья под росой,
Побелели губы.
И отец над ней склонился
Подсеченным дубом.

Ко всем киевским святыням
С мольбой обращалась,
У Межигорского Спаса^{141}
Трижды причащалась
И в Почаеве^{142} священном
Рыдала, молилась,
Чтобы счастье со Степаном
Хоть во сне приснилось.
Нет, не снилось!
Возвратилась. Снова забелела
Зима снегом. Новой весной
Степь зазеленела.
Вновь Ярина, кинув хату,

Вышла, хорошея,
Но уже не к святым молиться —
Гадать к ворожее.

Ворожея ворожила,
Заговоры клала,
За три деньга судьбу-счастье
Воском выливала:
«Вон видишь: конь оседланный
Машет головою.
А вот казак. А вот идет
Старик с бороною.
Это к деньгам.
Глянь — сопливый! Вот бы дога-
дался
Пугнуть деда! А и пугнул!
За курган забрался,
Видишь, вон считает деньга.
Вот он вновь, по склону,
Закрыв глаза, идет с сумой,
Чтоб никто не тронул,
Чтоб за ним погоня вражья
Следом не метнулась...»
И веселая с гаданья
Ярина вернулась.

Уже третье, четвертое
И пятое лето

Кончается — немалый срок,
А Степана нету.
И тропочки-дороженьки
Яром да горою,
Что хожены, ворожены,
Заросли травой.
И Ярина в монашенки
Постричься решает.
Старый отец на коленях
Просит, умоляет —
Хоть годочек, хоть леточко,
Хоть тройцы б дождались!..
Дождались — и стены хаты
Зеленью убрали,
И мятою, и цветами
И в рубахах белых
Тихонечко перед хатой,
Как сироты, сели.
Сидят они печальные —
Вдруг, слышат, играет
И под тихий ропот кобзы
Кто-то напевает:
«В воскресенье раным-рано^{143}
Сине море выло;
Казачество кошевого
На кругу просило:
«Разреши ты, атамане,
Парусам подняться,

Чтоб за Тендер прогуляться^{144},
С турком потягаться».
Чайки и челны спускали,
Пушками их уставляли.
Из широкого устья днепровского
выплывали.
Среди ночи темная,
Среди моря синего
За островом Тендером утопали,
Погибали...
Один утопает,
Другой выплывает,
К казакам-товарищам из волны
тяжелой
Руку подымает, окликает:
«Пускай вам, товарищи, господь
помогает!»
И в волне тяжелой, утопает,
Погибает.
Лишь три челна, слава богу,
Атамана куренного,
Сироты Степана молодого
Сине море не разбило,
В турецкую землю, к нечестив-
цам,
Без рулей и весел относило.
Тогда сироту Степана,
Казака реестрового,

Атамана честного,
Турки-янычары^{145} ловили,
Из пушки стреляли,
В кандалы ковали,
В Царьградскую башню заключа-
ли,
Тяжелой работой изнуряли.
Ой, Спасе наш чудотворный,
Межигорский Спасе!
И лютому врагу
Не дозволь попасться
В турецкую землю, в тяжкую
неволю!
Кандалы там по три пуда,
Атаманам по четыре.
И света божьего не видят, не зна-
ют,
Под землю камень ломают,
Без напутствия святого умира-
ют,
Погибают.
Вспомнил сирота Степан в неволе
Матерь свою Украину,
Неродного отца седого,
И коника вороного,
И сестру Ярину, —
Плачет, рыдает,
Руки к небу подымает,

Кандалы ломает,
Убегает на вольную волю!..
На третий день в поле
Турки-янычары его догоняли,
К столбу вязали,
Глаза вырывали,
Горячим железом выжигали,
В кандалы забивали,
В тюрьму сажали
И замуровали».

Вот так, на улице, под тыном,
Еще не стар кобзарь стоял
И про неволю распевал.
За тыном слушала Ярина —
Не дослушала, упала.
«Степаночко! Степаночко! —
Рыдала, кричала. —
Степаночко, сердешный мой,
Что ж ты затаился?...
Отец! Это же Степан наш
Там остановился!»
Вышел отец за ворота,
Насилу, насилу
Признает его: так горе
Хлопца подкосило.
«Сыночек мой бесталанный,
Дитя дорогое,

Где скитался ты по свету,
Гонимый бедою?»
Плачет старый, обнимает,
И слепой заплакал,
Точно солнце он увидел
Из вечного мрака.
И берут его под руки,
И приводят в хату,
И Ярина ему служит,
Как родному брату,
Голову ему помыла
И ноги обмыла.
И в сорочке тонкой, белой
За стол усадила.
Накормила, напоила
И спать уложила,
Вышла с отцом из горницы
И двери прикрыла.

«Нет, не надо, отец милый,
Милая Ярина!
Я уже навек пропащий
И вновь вас покину.
За что ты свой век девичий
Со мною загубишь,
С калекою?... Нет, Ярина!
Засмеют нас люди.
Видно, счастье этой хаты

Неугодно богу.
Он от нас его прогонит
К чужому порогу.
Нет, Ярина! Бог не бросит.
Ты найдешь другого,
А я уйду в Запорожье
Петь под кобзу снова,
Меня любят...» — «Нет, Степан
мой,
Ты мне ближе сына!
И бог тебя покарает,
Если нас покинешь».
«Оставайся, Степаночко!
Не хочешь венчаться —
Станем жить как брат с сест-
рою
И не разлучаться.
Будем радостью, опорой
Старика седого.
Сердце мое, Степаночко,
Не бросай нас снова!..
Не покинешь?» — «Нет, Ярина!»
И Степан остался.
Весел старый, как ребенок,
И за кобзу взялся —
Хотел струнным перебором
Возвратить веселье.
На завалинке у хаты

Втроем они сели.
«Расскажи теперь, Степан мой,
Как беда случилась.
Ведь и мне в плену турецком
Бывать приходилось».

«Вот меня, уже слепого,
Турки выпускали
С казаками. Товарищи
На Сечь отбывали,
И меня с собой забрали,
И через Балканы
Торопились на родину
Вольными ногами.
И на тихом на Дунае
Нас перегоняют
Сечевики-запорожцы
И в Сечь возвращают.
И рассказывают, плача,
Как Сечь разоряли,
По церквам оклады-ризы,
Свечи забирали.
Как казаки-запорожцы
Ночью отступали
И на тихом на Дунае
Новой Сечью стали^{146}.
Как царица по Киеву
С Нечосом гуляла,^{147}

Как Спас она Межигорский
Ночью поджигала,
Как с Днепра на это пламя
Тайно любовалась,
В золотой своей галере
Плыла, улыбалась.
И как степи запорожьи
Тогда поделили,
За панами запорожский
Народ закрепили.
Как Кирилл^{148} со старшинами
В парики влезали
И царицыны сапожки,
Словно псы, лизали.
Вот так, батько!
Я и счастлив,
Что слепцом блуждаю,
Что всего того на свете
Не вижу, не знаю.
Как шляхтичи все забрали,
Кровь повыпивали,
А царя и самый воздух
В цепи заковали.
Вот что было.
Тяжко, отец,
От своего дому
Уходить просить защиты
К нехристю, к чужому!

Теперь будто Головатый^{149}
Остатки собирает,
На Кубань их подбивает,
Черкеса пугает.
Пускай ему бог поможет!
А что с того будет,
Святой знает: послушаем,
Что расскажут люди».
Вот так они каждодневно
Вдвоем до полночи
Рассуждают. А Ярина
Хозяйкой хлопочет.
Вспоминают Запорожья
Прошедшую славу
И тихонько напевают^{150}
Про Чалого Савву,
Про Хмельницкого Богдана,
Злосчастливого сына,
И про Гонту-мученика,
Про славу Максима^{151}.
А Ярина их слушала
Да святым молилась.
Умолила. Перед постом
Они поженились.

Вот и конец моей песне.
Не дивитесь, люди!
Что бывало — миновало

И снова не будет.
Позабыты мои слезы,
Не бьется, в обиде,
Сердце старое, черствеет,
И очи не видят...
Ни хатенки этой белой
Под синью небесной,
Ни долины приветливой,
Ни темного леса,
Ни девической улыбки,
Ни красы ребячьей
Я веселыми не вижу:
Все гибнет, все плачет.
Я и рад бы где укрыться,
Только где — не знаю.
Всюду горе, всюду стонут,
Бога проклинаят.
Сердце вянет, каменеет,
И не носят ноги,
И устал я, одинокий,
На своей дороге.
Оттого кричу, как ворон,
На злую примету:
Солнце тучею покрылось,
И не видно свету.
Еле-еле к полуночи
Сердцем прозреваю,
Свою немощную песню

Людам посылаю.
За живой водой и мертвой
Ворон улетает,
Иногда, ее добывши,
Сердце окропляет.
И зажжется огонечек,
С темнотою споря,
И начну рассказ про счастье,
А сверну на горе.
Вот и нынче про слепого
Я рассказ кончаю,
А свести концы с концами
Как складней — не знаю.
Так как не было на свете
Этакого дива,
Чтоб жена с незрячим мужем
Прожила счастливо.
А вот — случилось это диво:
Год, другой на убыль,
Вот они в саду друг с дружкой,
Радостны и любви.
И старик — отец счастливый —
Перед светлым домом
Учит маленького внука
Вежливым поклонам.

16 октября 1845
с. Марьинское

Подземелье
Мистерия
Перевод Ф. Сологуба

{152}

*Положил еси нас [поношение]
соседом нашим, раздражение
и поругание сущим окрест нас.
Положил еси нас в притчу во языцех,
покиванию главы в людех.
Псалом 43, ст. 14 и 15*

ТРИ ДУШИ

*Как снег, три пташечки летели
Через Субботово^{153} и сели
На крест, который чуть стоит
На старой церкви. «Бог простит:
Мы — пташки-души, а не люди.
Отсюда нам виднее будет,
Как разрывать начнут подвал.
Хоть бы скорей уж начинали,
Тогда б и в рай нас повпускали, —
Ведь так господь Петру сказал:
«Тогда ты в рай их повпускаешь,
Когда начальство раскопает
И славный обкрадет подвал».*

Первая душа

Как была я человеком,
То Присею звалась;
Здесь-то вот и родилась я,
Здесь и выростала.
Здесь, бывало, на погосте
Я с детьми гуляю,
Да с Юрусем-гетманичем⁽¹⁵⁴⁾
В жмурки я играю.
Гетманша, бывало, выйдет,
Позовет, бывало,
В дом — вон там, где клуня нынче,
И всего немало
Даст — инжиру да изюму
И на руках носит.
Если ж к гетману приедут
Из Чигрина гости,
Так вот и шлют вновь за мною.
Оденут, обуют,
На руки берет сам гетман,
Носит и целует.
Вот так-то я в Субботове
Росла-выростала!
Как цветочек; и меня все
Любили, ласкали.
Не сказала я вовеки
Даже слова злого

Никому. Была красива,
Да и черноброва.
Все-то мною любовались,
Уж и сватать стали;
У меня ведь в это время
Полотенца ткались.
Вот-вот скоро б подавала,
Да вдруг наважденье!
Ранним-рано, в пост Филиппов^{155},
Как раз в воскресенье,
Я шла за водою...
Уж давно криница
Обвалилась и высохла,
А я-то — все птица!..
Вижу: гетман и старшины.
Я воды набрала,
С полными прошла пред ними^{156};
А того не знала,
Что все царю в Переяслав
Присягать летели!..
И уж как, сама не знаю,
Воду еле-еле
Донесла до хаты. Что ж я
Ведер не разбила!
Мать, отца, себя и брата,
Собак отравила
Этою водой проклятой!
Вот за что терзаюсь,

*Вот за что меня, сестрички,
И в рай не пускают.*

Вторая душа

*А меня, мои сестрички,
За то не пустили,
Что московскому царю я
Коня напоила —
Там, в Батурине; как ехал
В Москву из Полтавы^{157}.
Я была еще подросток,
Как Батурин славный
Рать царева подпалила,
Чечеля убила,^{158}
И малого и старого
В Сейме потопила.
Я валялась среди трупов,
И рядом со мною
Тут же, во дворце Мазепы,
Моя мать с сестрою
(Их зарезали обеих),
Обнявшись, лежали;
И насилу-то, насилу
Меня оторвали
От покойной, от родимой.
Уж как я просила
Московского капитана,
Чтоб меня убили!*

Не убили, на забаву
Солдатам пустили!
И насилу я спряталась,
И меня забыли.
А в Батуристине один лишь
Домик сохранился.
В этой хате уцелевшей
Царь остановился,
Едучи из-под Полтавы.
Я шла от криницы
По задворкам, и он меня
Поманил рукою,
Просит дать коню напиться.
А я — напоила!..
И не знала, что я тяжко,
Тяжко согрешила!
Я едва дошла до хаты,
Замертво упала.
А как только царь уехал,
Бабка, что осталась
После этого пожара,
Та, что приютила
Меня в хате непокрытой,
Меня же зарыла
И умерла на другой день
И в хате истлела,
Никого-то из народа
Там не уцелело.

Уж их хату раскидали,
И пожрало пламя
Бревна, балки и стропила!..
А я над ярами
И степями казацкими
И досель летаю!
А за что меня карают,
И сама не знаю!
Может быть, за то, что всем я
С радостью служила..
Что московскому царю я
Коня напоила!

Третья душа

Я же в Каневе, сестрицы,
На свет народилась.
Я была еще в пеленках,
И не говорила
Я еще, когда царица
В Канев проезжала^{159}.
С матерью мы над Славутой^{160}
Были, я кричала,
Плакала, сама не знаю, —
Есть ли мне хотелось,
Иль, быть может, у малютки
Что-нибудь болело?
Мать, чтобы меня забавить,
Реку озирала, —

Мне галеру золотую
Она показала,
Словно домик; на галере
Вельможы сидели,
Воеводы... и меж ними
Царица сидела.
Я взглянула, засмеялась, —
Дух перехватило!
Умерла и мать! В могиле
Одной схоронили.
Вот за что, мои сестрицы,
Я теперь терзаюсь!
Вот за что меня на тот свет
Досель не пускают.
Разве знала я, ребенок,
Что это царица —
Лютый враг Украины,
Алчная волчица!..
Скажите, сестрицы?

«Вечереет. Полетим-ка,
Заночуем в Чуте^[161],
Если будет что твориться,
Близко нам вернуться».
Беленькие встрепенулись,
В рощу полетели
И на ветке на дубовой
Ночевать присели.

ТРИ ВОРОНЫ

Первая ворона

*Кар! Кар! Кар!
Крал Богдан товар,
Да в Киев собрался,
С ворами связался,
Продад, что накрал.*

Вторая ворона

*Я в Париже была
Да три злота с Радзивиллом
Да с Потоцким^{162} пропила.*

Третья ворона

*Через мост идет черт,
А коза по воде:
Быть беде! Быть беде!*

*Вот так кричали и летели
Вороны с трех сторон и сели
Средь леса на холме крутом,
На дереве сторожевом.
Как на мороз понадувались
И друг за другом наблюдали,
Как три сестры, что встарь цве-
ли,
Но в девках век провековали,*

Доколе мхом не поросли.

Первая ворона

*Вот так тебе, а так тебе!
Я в Сибирь летала,
Далеконько и немного
Желчи я ukrала
Там у декабриста. Гляньте —
Есть чем разговляться!
А в твоей земле царевой
Есть ли чем питаться?
Иль черт знает, как убого?*

Третья ворона

*Э... сестрица, много!
Три указа накаркала
На одну дорогу^{163}...*

Первая ворона

*На какую? На чугунку?
Ну уж натворила...*

Третья ворона

*Да шесть тысяч в одной версте
Душ передушила...*

Первая ворона

Да ты не лги, ведь только пять,

Да и то с фон Корфом!^{164}
Еще чванится чужою —
Не своей работой!..
Капустница несчастная!
Ваша ж милость, пани,
Угощается в Париже
У панов поганых?
Пролили вы реки крови^{165}
Да в Сибирь загнали
Свою шляхту, и уж как же
Тем гордиться стали!
Вишь, какая пани-пава...

Вторая и третья вороны

Ну, а ты что скажешь?

Первая ворона

Мне ль вам отвечать!
На свете Вас не было даже,
Как я здесь шинок держала
Да кровь проливала!
Посмотрите! Карамзина,
Видишь, прочитали^{166}
И думают: какие мы!
Нет, уж помолчите!
Мне, бесперые калеки,
В ровню не спешите!..

Вторая ворона

*Ишь какая! Вовсе не та
Рано встать поспела,
Что до света упилася...
Та, что протрезвела!*

Первая ворона

*Без меня ты б упилася
С твоими ксендзами?
Где тебе уж! Я свалила
Польшу с королями;
При тебе же, щебетуха,
Польша бы стояла.
А с вольными казаками
Что я вытворяла?
Кому их не выдавала
И не продавала?
Нет, проклятые живучи!
Думала, с Богданом
Я уже их схоронила, —
Встали ведь с поганым,
С этим шведским проходимцем
{167} ...
Что тогда творилось!
Злюсь, как вспомню, что Батурин
Сожгла, разорила,
Сулу в Ромнах запрудила
Только старшинами^{168}
Казацкими... а такими,*

Просто казаками,
Финляндию засеяла^{169},
Сыпала буграми
На Орели... Выгоняла
Толпы за толпами
Я на Ладогу, царю там
Болота мостила.
И гетмана Полуботка
В тюрьме задушила.^{170}
Вот тогда-то был мне праздник!
Пекло испугалось,
А в Иржавце мать божья
Ночью зарыдала.^{171}

Третья ворона

И я таки пожила.
С татарами помутила,
С Мучителем покутила,
С Петрухою попила^{172}
Да немцам запродала.

Первая ворона

Да, ты славно начудила:
Так народ свой закрепила —
Немцы так им занялись,
Что хоть помирать ложисьь,
У меня же, враг их знает,
Все кого-то поджидают.

Я и в рабство их сдала,
И дворян я расплодила,
И в мундиры нарядила,
Словно вшей, их развела;
Все вельможные щенята!
Уж и Сечь, хоть бесновата,
Корчмарями обросла.
Русские царевы слуги
Тоже греть умеют руки!
Хоть люта я, а все-таки
Сделать не сумею,
Что те слуги на Украине
С казаками делают!
Напечатать им не трудно:
«Милостию божьей
И вы — наши, и все — наше,
Гоже ли, не гоже!»
В хатах стало уже пусто,
Вот они и рыщут
В степи, роют все курганы,
Древностей там ищут.
Все любёхонько забрали,
Да лихой их знает,
Для чего с подвалом этим
Гадким поспешают:
Чуть бы, чуть бы подождали,
Церковь бы упала...
И тогда бы две руины

В «Пчеле» описали^{173}.

Вторая и третья вороны

*Для чего ж ты нас позвала?
Что глядеть в подвале?*

Первая ворона

*Что ж подвал! Два дива будет,
Их вы и не ждали.
В эту ночь на Украине
Близнецы родятся.
Будет первый, словно Гонта,
С панством расправляться!
Другой будет... этот уж наш!
С этим панством знаться.
Наш кусается и в чреве...
Сестры, я читала,
Что, как вырастет тот Гонта,
Все наше пропало!
Все разрушит, уничтожит,
Брата не покинет!
Даст он правду и свободу
По всей Украине!
Так смотрите же, сестрицы,
Что тут замышляют!
Палачам и всем, кто с ними,
Цепь готовят.*

Вторая ворона

*Я золотом расплавленным
Залью ему очи!..*

Первая ворона

*А золота он — проклятый
Ирод — не захочет.*

Третья ворона

*Я царевыми чинами
Скручу ему руки!..*

Вторая ворона

*Со всего сберу я света
Все зло и все муки!..*

Первая ворона

*Нет, сестрицы. Не так надо.
Пока слепы люди,
Похоронить его надо,
А то плохо будет!
Гляньте-ка вы: над Киевом
Вон метла взвилася,
Над Днепром и над Тясмином
Земля затряслася.
Слышите ли? Застонала
Гора над Чигрином.
Чу!.. Смеется и рыдает
Наша Украина!*

*Близнецы уж народились.
Станет мать смеяться,
Обезумев, что обоим
Иванами зваться.
Полетим-ка!..*

*Полетели,
На лету запели:*

Первая ворона

*Поплывет наш Иван
По Днепру на Лиман
С кумою.*

Вторая ворона

*Побежит наш ярчук⁽¹⁷⁴⁾
В теплый край есть гадюк
За мною.*

Третья ворона

*Как хвачу да помчу,
В самый ад полечу
Стрелюю.*

ТРИ ЛИРИКА

*Шли слепой, хромой, горбатый —
Нищие к мирянам,*

*Путь держали в Субботово,
Чтоб петь про Богдана.*

Первый нищий

*Вот-то, сказано, вороны —
Нашли себе место.
Москали для них как будто
Сделали насесты.*

Второй нищий

*А для кого ж?
Человека,
Верно, не посадят
Числить звезды...*

Первый нищий

*Ты уж скажешь!
Может, и посадят
Пана, москаля иль немца;
Пан, москаль и немец
И там найдут хлебец.*

Третий нищий

*Что болтаете пустое?
Что там за вороны?
Да москали да насесты?
Бог нам оборона.
Иль еще нестись заставят, —*

*Солдат им рожай-ка!
Полонить весь мир царь хочет,
Есть такая байка.*

Второй нищий

*Что ж, быть может!
Так на черта ж
На горах их ставить?
Да высокие такие,
Что до туч достанешь,
Если взлезешь...*

Третий нищий

*А для того:
Вот потоп настанет,
Все паны туда полезут,
Да и смотреть станут,
Как мужики тонуть пойдут.*

Первый нищий

*Умные вы люди,
А ничего не знаете!
Там понаставляли
Для того насесты эти,
Чтоб воды не крали
Люди в речке да чтоб тайно
Песку не пахали,
Что лежит вот, за Тясмином.*

Второй нищий

*Потерял ты разум!
Раз не знаешь, помолчал бы.
Что как под тем вязом
Мы, приятели, присядем
Отдохнуть немного!
В торбу две краюхи хлеба
Взял я на дорогу, —
Вот и поедим мы кстати,
До солнышка, рано... —
И уселись. — А кто ж, братцы,
Споет про Богдана?*

Третий нищий

*Я петь буду. И про Яссы,
И Желтые Воды,
И местечко Берестечко^{175}.*

Второй нищий

*Славные доходы
Нам дадут они сегодня!
Там ведь у подвала,
Как на торг, сошлись люди,
И панства немало.
Вот где нам нажива будет!
Что же, запоем-ка
Пробы ради...*

Первый нищий

*Ну их, песни!
Лучше отдохнем-ка,
День велик: мы напоемся,
А ты — петь, туда же...*

Третий нищий

*Это верно. Помолимся,
Да и спать заляжем.*

*Певцы под деревом заснули,
Спит солнце, пташечки молчат,
А у подвала уж проснулись
И раскопать его спешат.
Копают день, копают два,
На третий едва лишь
Докопались до стенки,
Ночку переспали,
Караул везде поставив,
А исправник просит,
Никого чтоб не пускали,
В Чигирин доносит
По начальству. И начальство,
Прибыв, посмотрело
И сказало: «Ломай стены!
Так вернее дело!»*

Послушали. Разломали —
И перепугались!
Всё скелеты там лежали,
Словно ухмылялись,
Что опять им видно солнце.
Вот богатство это:
Черепок, корыто, тут же
В кандалах скелеты!
Если б в форменных, тогда бы
Хотя пригодились...
Засмеялись... А исправник
Чуть-чуть не взбесился,
Нечем ему, вишь, разжиться;
А уж как трудился!
Он и день и ночь старался, —
В дураках остался.
Уж ему бы только в руки
Тот Богдан попался, —
В рекруты его забрил бы,
Не мани обманом
Правительство!! Рвет и мечет.
Словно одурманен.
Яременка[14] в рыло тычет,
Бранью осыпает
Весь народ, да и на нищих
Моих налетает.
«Вы что делаете, плуты!»
«Мы, смотрите, пане,

Распеваем о Богдане...»
«Я вам дам Богдана!
Мошенники, дармоеды!
И песню сложили
Про такого ж мошенника...»
«Да нас так учили...»
«Я научу! Эй, всыпать им!»
Взяли, разложили
Да попарили в царевой,
Непрохладной бане.
Вот какой дала барыш им
Песня о Богдане!!
Так подвал Богданов малый
Тогда раскопали,
А большого подземелья
И не доискались.

[Миргород, 1845]

«Стоит в селе Субботове...»

Перевод Ф. Сологуба

{176}

* * *

Стоит в селе Субботове
На горе высокой
Надмогильник Украины,
Широкий, глубокий.
Это церковь Богданова;
Там-то он молился,
Чтоб москаль добром и лихом
С казаком делился.
Мир душе твой, Богдане!
Не так оно случилось:
Царских слуг объяла зависть,
Всё поразоряли, —
Вкруг курганов наших рыщут,
Роют, деньги ищут,
Погреба твои разрыли,
Да тебя ж ругают,
Что они трудились даром!
Так-то вот, Богдане!
И тоскует Украина
Сиротой бессильной!
Вот тебе и благодарность:

Церковь-надмогильник
Даже некому поправить!
Вот ту Украину,
Что в былые дни с тобою
Шляхту задавила, —
Байстрюки Екатерины^{177}
Саранчой покрыли.
Так-то ста лося, Зиновий,
С Алексеем дружный!^{178}
Всё приятелям ты отдал,
Им-то что же нужды!
Говорят, слышь, что все наше
Искони здесь было,
Только мы сдавали, чтобы
Татарва кормилась
Да поляки!.. Так, быть может!
Пускай и так будет!
Так смеются ж над Украиной
И чужие люди!
Нет, чужие, вы не смейтесь!
Церковь-надмогильник
Рухнет, и тогда над нею,
И доброй и сильной,
Вновь восстанет Украина,
Свет правды засветит,
И помолются на воле
Невольничьи дети!..

21 октября 1845

Наймичка
Перевод Т. Волгиной

{179}

ПРОЛОГ

*Воскресенье утром рано
Поле крылося туманом,
И склонилась в тумане,
Словно тополь, на кургане
Молодица молодая.
Что-то к сердцу прижимает,
Горько плачет, причитает:*

*«Ой, туман мой, ненастье!
Мое горе-злосчастье!
Отчего меня не скроешь
От беды-напасти?
Что меня ты не задавишь
И в землю не вдавишь?
Отчего мне тяжелой доли,
Веку не убавишь?
Нет, не дави, туман белый!
Укрой только в поле,
Чтоб не знал никто, не видел
Горькой моей доли!..*

Я не одна: есть у меня
Отец и мать в хате...
Есть у меня... туман белый,
Туман милый, братец!..
Есть сыночек некрещеный,
Сынок мой родимый!
Не я тебя крестить буду
На горе, любимый.
А чужие крестить будут,
Я и не узнаю,
Как звать сына... Дитя мое!
Богатой была я...
Не брани! Молиться стану,
Слезами своими
Счастья вымолю у неба
Для тебя, родимый!»

Пошла полем, рыдаючи,
В тумане таилась,
И сквозь слезы тихонечко
Запела уныло,
Как вдова в Дунае синем
Детей схоронила:

«У кургана-могилы
Вдова в поле ходила,
Там ходила, гуляла,
Яду-зелья искала.

Яду-зелья не нашла,
Двух сыночков родила,
Китаечкой повила
И на Дунай отнесла:
«Тихий-тихий Дунай!
Моих деток забавляй.
Ты, песочек, их прими,
Моих деток накорми!
Накорми, успокой
И собою укрой!»

I

Жили себе дед да баба.
В роще кудрявой на хуторе ста-
ром
Вдвоем весь век свой долгий про-
вел и
В тишине, в покое,
Как деточек двое.
Вдвоем ягнят пасли детьми ко-
гда-то,
А там обвенчались,
Скотины дождались,
И хуторок приобрели,
И сад и пчельник завели,
И мельницу купили —
В достатке жили.
Лишь деток не дал бог,

А смерть с косою у порога.

*Кто же старость их пригреет,
Для них сыном станет,
Похоронит, пожалеет,
Кто душу помянет?
Кто на счастье добро примет,
Трудом нажитое,
Будет помнить благодарно,
Как дитя родное?...
Трудно вырастить ребяток
В непокрытой хате.
А еще труднее в белых
Стариться палатах,
Стариться и дом богатый,
Угол непочатый,
Умирая, чужим детям
Отдать на растрату!*

II

*Раз в воскресенье, в день погожий,
У хаты в праздничной одежде
Сидели старики вдвоем.
Ни тучки на небе; кругом,
Как бы в раю, так славно было,
На небесах ни тучки!
А в сердце горе затаилось,
Как зверь в лесу дремучем.*

В таком раю отчего бы
Старикам грустилось?
Горе ль давнее какое
В хате пробудилось?
Иль загдохшее недавно
Вновь зашевелилось?
Или новое рай светлый
Огнем охватило?
О чем же, сидя у порога,
Они задумались? Как знать,
Уж собрались, быть может, к бо-
гу,
Но кто в далекую дорогу
Коней им станет запрягать?

«А кто нас, Настя, в гроб поло-
жит,
Когда помрем?»
«Великий боже!
Я о том же размышляла,
Да так горько стало:
В одиночестве старели...
Для кого держали
Добро наше?...»
«Погоди-ка!
Словно плачет, слышишь,
За воротами ребенок!
Побежим-ка!.. Видишь,

Так и знал я, что-то будет!»

И оба вскочили,
Да к воротам... Прибегают —
И оба застыли.
Перед самым перелазом
Младенец повитый —
Но не туго; и новенькой
Свиткою прикрытый.
Видно, мать запеленала.
Хоть лето — укрыла
Последнюю одежду!..
Глядели, молились
Дед да баба. А младенец
Словно умоляет:
Ручки выпростал, бедняжка,
И к ним простирает,
Крохотные... и притихнул,
Как будто не плачет,
А чуть хнычет.

«Ну что, Настя? Видишь!
Теперь, значит,
Мы с тобой не одиноки!
Вот судьба, вот счастье!
Ишь какое, чтоб не сглазить!
Бери ж дитя, Настя,
Неси в хату, а я съезжу

Сам за кумовьями
В Городище^[180] ...»

Чудно, право,
Бывает меж нами!
Один сына прокликает
И прочь выгоняет.
Другой свечечку, сердешный
Потом добывает
И, рыдая, ее ставит
Перед образами —
Нету детей!..
Чудно, право,
Бывает меж нами!

III

Вот три пары на радостях
Кумовьев набрали,
И мальчика окрестили,
И Марком назвали.
Растет Марко: старики же
Души в нем не чают,
Где усадить, где уложить,
Хлопочут — не знают.
Год проходит. Растет Марко,
Дойная корова
Живет в холе, в роскошестве.
Но вот, черноброва,

Молода и белолица,
Пришла молодица
На тот хутор благодатный
Работать проситься.
«Что ж? — дед молвит. —
Возьмем, Настя!»
«Возьмем, Трофим, — нужно ж,
Ведь стары мы и хвораем,
И дитя к тому же.
Хоть подрос Марко немножко,
Но все ж таки надо
Заботиться о ребенке».
«Твоя правда, надо;
Век, мне данный, слава богу,
И я прожил, знаю, —
Уходилсь. Ну, так как же,
Что возьмешь, родная,
За труды?»
«Да что дадите».
«Э, нет, дочка, что ты!
Это ж плата за работу,
За твою работу.
Говорят: кто не считает,
Тот не наживает.
Вот уж разве так, голубка,
Ни ты нас не знаешь,
Ни мы тебя. А поживешь,
Оглядишься в хате,

Да тогда и сговоримся
С тобою о плате.
Так ли, дочка?»
«Ну что ж, ладно!»
«Так входи же в хату».

Сговорились. Молодица
День встречает песней;
Словно с паном обвенчалась,
Купила поместье.
От рассвета до заката
И в поле, и в хате,
И за скотом ходит Ганна;
А вокруг дитяти
Так и вьется; в воскресенье
И в будни ребенку,
Словно мать, головку моет,
Ему рубашонку
Каждый божий день меняет,
Вместе с ним катает
Повозочки, а уж в праздник
И с рук не спускает.
Старики мои дивятся,
Богу бьют поклоны...
Наймичка же сна не знает,
По ночам со стоном
Свою долю проклинаят,
Плачет горько, тяжело;

Да никто того не знает,
Не слышит бедняжки,
Кроме Марка маленького.
Да и он не знает,
Отчего слезами Ганна
Его умывает;
Отчего его целует
И молится жарко,
Сама не съест и не допьет,
А накормит Марка.
Не знает он. Когда в люльке
Порой среди ночи
Пробудится, шевельнется,
Она сразу вскочит,
Крестит его, баюкает, —
За стеною слышит,
Спит спокойно ли ребенок,
Как во сне он дышит.
Утром Марко к своей Ганне
Ручки простирает —
И наймичку с улыбкою
Мамой величает...
Не знает он. Растет себе,
Растет, подрастает.

IV

Немало лет уже минуло,
Воды немало утекло.

На хутор горе завернуло
И слез немало принесло.
Бабусю Настю схоронили
И еле-еле отходили
Трофима-деда. Пронеслось
Несчастье злое и уснуло —
На хутор снова благодать
Из-за лесов седых вернулась
К Трофиму в хату отдыхать.

Уже Марко чумакует
И осенью не ночует
Ни у хаты и не в хате, —
Кого-нибудь нужно сватать!
Задумался Трофим старый,
Спросить Ганну надо б!
Да к работнице. А Ганна
К королевне б рада
Сватов слать:
«Марка спросить бы,
Ему лучше знать-то».
«Ладно, дочка, Марка спросим,
Да и станем сватать».

Расспросили, столковались,
Сватов снарядили.
С рушниками к Марку в хату
Люди воротились,

С хлебом святым, обмененным^{181}

В жупане богатом
Кралечку нашли такую —
Хоть гетману сватай,
Так не стыдно. Вот какое
Выискали диво.

«Спасибо вам! — старик мол-
вит. —
А теперь счастливо
Довести нам нужно дело
До конца бы, люди, —
Обвенчать их. Да еще вот:
Кто ж матерью будет
Посаженой? Нет ведь Настя!..»
И заплакал тяжко.
Только наймишка у двери
За косяк, бедняжка,
Ухватилась и застыла.
Смолкли в хате люди,
Горько наймишка шептала:
«Кто ж матерью будет?...»

V

Время шло. Уж молодицы
Каравай месили
На хуторе. Отец старый,

Не жалея силы,
С молодницами танцует,
И двор подметает,
Да прохожих да проезжих
К себе зазывает,
Варенухой угощает
И на свадьбу просит.
Знай бегают — а самого
Еле ноги носят.
Во дворе и в хате хохот
И шум небывалый,
И бочонки выкатили
С громом из подвала.
Прибирают, пекут, варят...
Да только чужие.
Где же Ганна? На святое
Богомолье в Киев
Пошла она. Молил старый.
Просил Марко слезно
Матерью быть посаженной.
«Нет, Марко! Как можно!
Я же наймичка, — неловко
Сидеть-величатся
Мне на свадьбе... Станут люди
Над тобой смеяться.
Пусть господь вам помогает!
Пойду помолюсь я
Святым в Киеве, а там уж

Домой ворочуся
В вашу хату, коль примете.
Пока будут силы,
Потружусь я...»
С чистым сердцем
Крестом осенила Марка
Ганна... Заплакала
И вышла в ворота.

Зашумела свадьба в доме,
И пошла работа
Музыкантам и подковкам,
Столы поливают Варенухою. А
Ганна
Бредет, ковыляет.
Пришла в Киев, у мещанки
Стала, поселилась,
Нанялась носить ей воду —
Денег не хватило,
Чтобы отслужить молебен.
Носила, носила,
Заработала немного
И в лавре купила
Марку шапочку святую
С Ивана святого,
Чтоб голова не болела
У Марка родного.
И колечко от Варвары

Невестке достала
И, всем святым поклонившись,
Домой возвращалась.

Возвратилась. Катерина
И Марко встречают
За калиткой, ведут в хату
И за стол сажают;
Напоили, накормили,
Про путь расспросили,
Ей в горнице Катерина
Постель постелила.

«За что они меня любят?
За что почитают?
О боже мой милосердный,
Может, они знают...
Может, они догадались...
Нет, не догадались —
Они добрые...»
И Ганна
Тяжко зарыдала.

VI

Трижды речка замерзала
И трижды вскрывалась;
Трижды в Киев работницу
Катря провожала,

Как мать свою. И в четвертый
Ее проводила
До кургана в поле чистом
И бога молила,
Чтоб скорее возвращалась,
А то пусто в хате,
Словно мать ушла куда-то,
Покинула хату.

В воскресный день после пречи-
стой —
После успенья, дед Трофим,
Надевши брыль, в сорочке чистой
Сидел у хаты. Перед ним
Играл с собакой внучек малый,
А внучка, в кофту нарядясь
В Катрусину, как бы пришла
Проведать дедушку. Смеясь,
Старик с шалуньей говорил,
Как с настоящей женщиной:
«А что же ты без паляницы?
Иль по дороге кто стащил?
Или забыла взять из хаты?
А может, вовсе не пекла?
Э, стыдно как! Ну, хороша ты!..»
Вдруг — глядь! — работница во-
шла
Во двор. Со стариком внучата

Бегут встретить свою Ганну.
«А Марко?» — в тревоге
Деда спрашивает Ганна.
«Все еще в дороге».
«А я нынче утомилась,
Дошла к вам насилу.
Не хотелось на чужбине
Ложиться в могилу!
Только б Марка мне дожждаться...
Так тяжело вдруг стало!»
И внукам из узелочка
Гостинцы достала —
Дукатики, и крестики,
Да бусы цветные
Яриночке, да из фольги
Образки святые;
Карпу глиняную птичку
И лошадок пару,
И четвертый уже перстень
От святой Варвары Катерине.
Деду свечки
Из воска святого,
Лишь себе с Марком подарка
Ганна никакого
Не принесла, не купила,
Денег не хватило,
А работать не могла уж.
«А тут где-то было

Полбубличка!»
По кусочку
Детям раздавала.

VII

Вошла в хату. Катерина
Ей ноги помыла
И полдничать усадила.
Не до того было
Старой Ганне.
«Воскресенье
Когда?» — вдруг спросила.
«Через день». — «Молебен нужно
Справить — помолиться
Николаю-чудотворцу,
Вынуть бы частицу, —
Что-то долго Марка нету...
Сохрани нас боже, —
Он в пути не заболел ли,
Вернуться не может?»
Заплакала работница,
Еле-еле встала
Из-за стола.
«Катерина!
Не та уж я стала:
Состарилась, силы нету
На ноги подняться.
Тяжко, Катря, в чужой хате

Смерти дожидаться». *Захворала, несчастная.*
Уж и причащали
И соборовали Ганну,
Да легче не стало.
Возле хаты Трофим старый
Как убитый бродит.
Катерина ж от болящей
На шаг не отходит;
День и ночь она над Ганной
Очей не смыкает,
А сычи на крыше ночью
Худое вещают.
Ни минуты болящая
Покоя не знает,
Все расспрашивает Катрю:
«Катруся родная!
Что, Марко не воротился?
Ох, если б я знала,
Что дождусь его, увижу,
Может, легче б стало».

VIII

Идет Марко с чумаками.
Идет, распевает,
Не спешит, волов пастися
В степи отпрягает.
Везет Марко Катерине

Сукна дорогого.
Шелком шитый пояс красный
Для отца седого.
Красный с белою каймою
Платочек для Ганны,
А еще ей на очипок Парчи злато-
тканой.
А для деточек сапожки,
Фиг и винограду,
А всем вместе им — красного
Вина из Царьграда
Ведро три везет в бочонке,
Доброй икры с Дона, —
Всего везет, да не знает,
Что творится дома.
Идет Марко, не горюет.
Пришел — слава богу!
И ворота отворяет,
И молится богу.
«Слышишь ли ты, Катерина?
Марко воротился!
Беги встречать. Скажи ему,
Чтоб поторопился!..
Слава тебе, Христе-боже!
Дождалась насилу!» —
И Отче наш тихо-тихо,
Как сквозь сон, твердила.

Старик волов распрягает
И ярма снимает
Узорные. А Катруся
Марка обнимает
«Где же Ганна? Не спросил я
Про нее ни слова...
Да жива ли?»
«Жива, Марко, Только нездорова,
Худо ей. Пойдем скорее,
Пока распрягает
Отец. Давно тебя, Марко,
Ганна ожидает».

Пошел Марко с Катериной
И стал у порога
Испуганный... Ганна шепчет:
«Слава... слава богу!
Иди, Марко... Слышишь, Катря,
Ты выйди, родная:
Расспросить его должна я,
Поведать, что знаю».

Тихо вышла Катерина,
А Марко к постели
Подошел и поклонился.
Ганна молвит еле:
«Марко, в лицо погляди мне,
Видишь, какой стала.

Я не Ганна, не наймичка,
Я...»
И замолчала.
Марко плакал и дивился,
Вновь глаза открылись,
Грустно, грустно поглядела —
Слезы покатились.
«Прости меня. В чужой хате
Свой век прожила я...
Прости меня... я, сыночек,
Твоя мать родная».
И умолкла...
Марко обмер,
Земля содрогнулась.
Очнулся он... к ней — к родимой,
А мать уж заснула!

13 ноября 1845 в Переяславе
[1860]

Кавказ

Перевод П. Антокольского

Искреннему моему Якову де Бальмену
{182}

*Кто даст главе моей воду и
очесем моим источник слез,
и плачуся и день и ночь о побиенных.
Иеремии, глава 9, стих 1*

*За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Спокон веку Прометей
Там орел карает,
Что ни день долбит он ребра,
Сердце разбивает.
Разбивает, да не выпьет
Крови животворной —
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно.
И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля.
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова,*

Не охает славы бога,
Вечного, живого.

Не нам с тобой затеять распрю!
Не нам дела твои судить!
Нам только плакать, плакать,
плакать
И хлеб насущный замесить
Кровавым потом и слезами.
Как издевается над нами,
А правде — спать и пьяной быть.
Так когда ж она проснется?
И когда ты ляжешь
Опочить, усталый боже,
Жить нам дашь когда же?
Верим мы творящей силе
Господа-владыши.
Встанет правда, встанет воля,
И тебя, великий,
Будут славить все народы
Вовеки и веки,
А пока — струятся реки...
Кровавые реки!

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи

Все, что осталось, — в плоть до
воли, —
И травим... И легло костью
Людей муштрованных немало.
А слез, а крови? Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц. А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки — море разлилось,
Пылающее море!
Слава Борзым, и гончим, и пса-
рям,
И нашим батюшкам-царям
Слава!
Слава синим горным кручам,
Подо льдами скрытым.
Слава витязям великим,
Богом не забытым.
Вы боритесь — поборете,
Бог вам помогает!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Чурек и сакля — все твое,
Не выпрошенное мольбами,

За хлеб, за жалкое жильё
Не окуют тебя цепями.
У нас же... Грамотеи мы,
Читаем господа глаголы!..
И от казармы и тюрьмы
Вплоть до высокого престола
Мы ходим в золоте — и голы.
К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане; храмы, школы,
Вся благодать, сам бог у нас!
Глаза нам только **сакля** колет;
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит нам бесплат-
но,
Не нами сделано! зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам! И хватит. Мы не турки

Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты!.. А зато
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились!
У нас же и простор на то, —
Одна сибирская равнина...
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна

На всех языках все молчат;
Все благоденствуют!
У нас Святую Библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней когда-то нас^{183},
С женой приятеля спознался,
Убил его. А как скончался,
Так в рай попал! Вот как у нас
Пускают в рай! Вы не учены,
Святым крестом не просвещены.
Но мы научим вас!.. Кради,
Рви, забирай —
И прямо в рай,
Да и родню всю приводи!
Чего мы только не умеем?
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных —
Людей крещеных... но **простых**.
Мы не плантаторы! Не станем
Мы краденое покупать,
Мы поступаем по закону!
По апостольским заветам,
Любите вы брата,
Суесловы, лицемеры,
Господом прокляты!
Возлюбили вы не душу —

Шкуре братней рады.
И дерете по закону:
Дочке на наряды,
На житье сынкам побочным,
Жене на браслетки,
А себе на что, не знают
Ни жена, ни детки!

За кого же был ты распят,
Сын единый божий,
В искупление нам? За слово
Истины?... Иль, может,
Чтоб глумленье не кончалось?
Так оно и случилось!
Часовни, храмы, да иконы,
И жар свечей, и мирры дым,
И перед образом твоим
Неутомимые поклоны.
За кражу, за войну, за кровь
Ту братскую, что льют ручья-
ми, —
Вот он, даренный палачами,
С пожара краденный покров!..
Просветились! И решаем
Свет открыть и этим
Показать им солнце правды —
Сим незрячим детям!
Все покажем! Только дайтесь

*В руки нам, и тут же —
Как прочнее строить тюрьмы,
Плеть нагайки туже,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу, —
Все поймете, лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали —
И поле и море!*

*И тебя загнали, друг и брат еди-
ный,
Яков мой хороший! Не за Украи-
ну —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови. Довелось
испытать
Из царевой чаши царевой отравы!
Друг мой незабвенный, истинный
и правый!
Ты на Украине душою витай,
Вместе с казаками мчись над бе-
регами,
Старые курганы в степи озирай.
Закрепи слезами дружбу с казака-
ми,
Меня из неволи в степи поджидай.
А покуда — мои думы,*

*Лютые невзгоды,
Буду сеять я. Пусть крепнут
В споре с непогодой.
Украинский тихий ветер
Принесет с росой
К дорогому другу думы
Братскою слезою.
И когда на них ты взглянешь
И читать их станешь,
Вновь курганы, степи, горы
И меня помянешь.*

18 ноября 1845
в Переяславе

**И мертвым, и живым, и
нерожденным землякам моим, на
Украине и не на Украине сущим, мое
дружеское послание
Перевод В. Державина**

*Аще кто речет, яко люблю бога,
а брата своего ненавидит, ложь есть.
Соборное послание Иоанна, гл. 4, ст. 20*

*И темнеет, и светает,
И ночь наступает.*

Люд, измученный работой,
И все засыпает.
Лишь я плачу, как проклятый,
Дни и ночи сидя
На распутьях многолюдных.
И никто не видит
Слез моих! Ослепли, видно,
Не слышат — не знают;
Святой правдою торгуют,
Цепь на цепь меняют,
Насмеваются над богом, —
В ярмо запрягают
Человека. Пашут горе,
Бедой засевают,
Что ж вырастет? Погодите,
Увидите всходы!
Опомнитесь! Спыхватитесь,
Нелюди, юроды!
Поглядите на рай тихий,
На мать-Украину,
Полюбите чистым сердцем
И ее руины!
Сбросьте цепи, станьте снова
Братьями, а где-то
На чужбине не ищите
Того, чего нету
И на небе, а не только
Что на чужом поле.

В своем доме — своя правда.
И сила, и воля.
Другой нигде нет Украины,
Нигде другого нет Днепра.
А вы? Вы рветесь на чужбину
Искать великого добра,
Добра святого. Воли! Воли!
И братства братского! Нашли.
Несли, несли с чужого поля
И на Украину принесли
Великих слов запас немалый —
И все тут. Вы кричите всем,
Что бог вас создал не затем,
Чтоб вы неправде поклонялись!
Чем были вы, тем и остались,
Вы гнетесь. С тех, кто слеп и нем,
Дерете с братьев гречкосеев
Три шкуры вживе... и опять
Спешите к немцам поскорее
За правдою!.. Вот если б взять
И скарб свой вы могли с собою,
Добытый кражей с давних пор,
Тогда б остался сиротою
Днепр со святой семьей гор!

О, если б вы больше к нам не воз-
вращались,
А сдохли, забившись в чужие углы!

Не плакали б дети, мать бы не
рыдала,
Не слышали б вашей на бога хулы.
Дыханьем воздух вы б не отравля-
ли
В степях, что свободны, чисты и
светлы,
И люди б не знали, что вы за ор-
лы.
Они бы с презреньем на вас не ки-
вали.
Опомнитесь! Будьте люди,
Иль горе вам будет.
Скоро разорвут оковы
Скованные люди.
Суд настанет, грозной речью
Грянут Днепр и горы!
Детей ваших кровь польется
В далекое море
Сотней рек. Вам ниоткуда
Помощи не будет:
Брат от брата отречется,
Сын про мать забудет;
И дым тучею закроет
Солнце перед вами,
И прокляты вы будете
Своими сынами!
Умойтесь! Образ божий

Грязью не поганьте,
Дурь в голову детям вашим
Вбивать перестаньте,
Что они — паны по крови:
Мужицкое око
Им заглянет прямо в душу
Глубоко! Глубоко!
Чья на вас надета шкура,
Дознаются люди, —
И немудрые премудрых
Навеки осудят!

Когда б учились вы, как надо,
И мудрость бы была своя.
А то залезть на небо рады:
«И мы — не мы, и я — не я,
И все-то видел, все-то знаю,
И нет ни ада, и ни рая,
И бога нет, есть только я.
Да куций немец с постной рожей,
И больше никого...» — «Добро же!
А кто ж ты сам?»
«Пускай немец
Скажет; мы не знаем».
Так-то учитесь вы, в чуждых
Странах разъезжая!
Немец скажет: «Вы монголы!»
«Монголы, монголы!»

Золотого Тамерлана
Внуки, только голы!
Немец скажет: «Вы славяне!»
«Славяне? Какие?»
Славных прадедов великих
Потомки дрянные!
Изучаете Коллара^{184}
Изо всей-то силы,
И Шафарика, и Ганку
И в славянофилы
Так и претесь. Все языки
Славян изучили,
О своем же, о природном,
Языке забыли.
Будет время — и свой вспомним,
Коль немец укажет
Да историю сначала
Нашу нам расскажет.
Тут-то мы распетушимся!..
И распетушились
По немецкому указу:
Так заговорили,
Что не понял даже немец,
Учитель великий,
Где уж тут понять народу!
А шуму, а крику!
«И гармония и сила,
Музыка — и полно.

А история! Поэма
Народности вольной!
Что там Рим? Какие Бруты^{185}?
Жалкое явление...
Те Коклеса^{186}, Бруты — мусор
С нашими в сравнение!
У нас воля выросла,
Днепром умывалась,
Под голову горы стлала,
Степью укрывалась!»
Кровью она умывалась,
Спать ложилась, плача,
На обкраденные трупы,
На тела казачьи!
Еще раз пересмотрите,
Прочитайте снова
Книгу славы. Да читайте
От слова до слова;
Все проверьте: и все титлы,
И все запятые,
И тогда себя спросите:
Кто же мы такие?
Чьи мы дети? Кем? За что мы
Закованы в путы?...
И увидите, какая
Цена вашим Брутам.
Рабы, холопы, грязь Москвы,
Варшавский мусор ваши паны, —

И гетманы и атаманы!
Так чем вы чванитесь, вы!
Сыны сердешной Украины!
Что ловко ходите в ярме,
Ловчее, чем отцы ходили?!
Не чваньтесь: с вас дерут ремень,
Ну, а из них и жир топили.
Иль гордитесь, что казаки
Веру защитили?
Что в Синопе, в Трапезунде^{187}
Галушки варили?
Правда, вам лишь не досталось
Ни капли, ни крошки,
А на Сечи мудрый немец
Вырастил картошку^{188}
И вам продает. Берите,
Ешьте на здоровье,
Прославляйте Запорожье!
А чьей жаркой кровью
Та земля была полита,
Что картошку родит, —
Все равно вам, лишь бы овощ
Росла в огороде!
А хвалитесь, что когда-то
Польшу повалили!
Правда ваша: пала Польша
И вас раздавила!

Так вот как кровь пришлось от-
цам

Лить за Москву и за Варшаву
И дать в наследство сыновьям
И цепи, и былую славу!

Доборолась Украина...

И за что страдает:

Хуже ляха свои дети

Ее распинают.

Вместо пива праведную

Кровь из ребер точат;

Просветить хотят сыночки

У матери очи

Современными огнями.

Чтобы шла за веком,

Шла за немцами слепая

Бедная калека.

Что ж, ведите, укажите

Путь! А мать родная

Пусть прозреет, сыновей тех

Новых узнавая.

Укажите! И не бойтесь —

Наградит вас честно

За науку мать родная:

Слепота исчезнет

В глазах ваших ненасытных;

Увидите славу,

Вживе славу ваших дедов
И отцов лукавых.
Так не лгите ж сами себе!
Учитесь, читайте —
И чужому научайтесь,
И свое познайте,
Кто про мать свою забудет,
Того бог карает,
Того собственные дети
В хату не пускают,
И чужие прогоняют.
Не найдется злomu
На всей земле бесконечной
Ни ласки, ни дома.
Тяжело мне, только вспомню
Печальные были
Дедов наших. Что мне сделать,
Чтоб о них забыл я?
Я бы отдал за забвенье
Жизни половину.
Такова-то наша слава,
Слава Украины.
И вы также прочитайте,
Чтоб неспящим снились
Все неправды, чтоб могилы —
Курганы раскрылись
Перед вашими глазами,
Чтоб вы расспросили

Мучеников: где, какого
И за что убили?
Обнимите ж меньших братьев,
Как братья родные, —
Мать пусть ваша улыбнется
За века впервые!
Всех детей своих обнимет
Твердыми руками
И деточек поцелует
Вольными устами,
И забудется позора
Давняя година,
Оживет иная слава,
Слава Украины,
И свет ясный невечерний
Тихо засияет...
Обнимитесь, братья мои,
Прошу, умоляю!

14 декабря 1845
Вьюница

Холодный Яр

Перевод Ал. Дейча

{189}

Каждому свои напасти,
Да и мне нет счастья,
Хоть не свои, а пришлые,
Но все же напасти.
К чему, скажем, вспоминать бы,
Что давно минуло,
Будить старое, бывшее!
Ладно, что заснуло,
Взять хоть этот Яр; ведь ныне
К дикому оврагу
Даже тропки не осталось;
Кажется, и шагу
Там никто вовек не делал,
А вспомнишь — путь старейший
От монастыря Матрены
До страшного Яра.
В Яру этом гайдамаки
Лагерем стояли,
Самопалы проверяли,
Копья заостряли.
Шли туда по всем дорогам,
Будто с креста сняты,
Отец с сыном и брат с братом

Для страшной расплаты,
Чтобы сгинул лях жестокий
От того удара.
Где же ты, идущий к Яру
Путь широкий, старый?
Сам зарос ты лесом темным
Или засадили
Палачи другие, чтобы
Люди не ходили
За советом, что им делать
С добрыми панами,
Людоедами — со злыми
Новыми врагами?
Вам не скрыть пути! Над
Яром Зализняк витает
И на Умань взор бросает,
Гонту поджидает.
Вы не прячьте, не топчите
Святого закона,
Не зовите преподобным
Лютотога Нерона^{190}.
Вы святой войны царицей
Не кичитесь славой.
Ведь вы сами не знаете
Царских дел кровавых.
А кричите, что кладете
И душу и шкуру
За отечество!.. Ей-богу,

Овечья натура;
Дурень шею подставляет,
Сам за что не зная,
Да еще бесчестит Гонту —
Вот ведь мразь какая!
«Гайдамаки — не воины,
Разбойники, воры,
Пятно в нашей истории...»
Врете, людоморы!
За святую правду-волю
Разбойник не встанет,
Не раскует народ темный,
Что вами обманут
И закован; не зарежет
Лукавого сына;
Не отдаст живое сердце
Он за Украину!
Нет! Вы сами разбойники,
Хищные вороны!
По какому праведному,
Святому закону
И народом замученным,
И землей, всем данной,
Торгуете? Берегитесь:
Грянет долгожданный
Грозный суд!.. Детей дурачьте,
Темный люд убогий,
Самим себе, чужим лгите,

Но не лгите богу.
Знайτε: в светлый день над вами
Разразится кара,
Снова запылает пламя
Холодного Яра.

Вьюница
17 декабря 1845

Псалмы Давида
Перевод Л. Вышеславского

{191}

1

Не явится муж блаженный
В совет нечестивых
И не встанет на путь злого,
С ним не вспашет нивы.
По закону господнему
Его дух и воля
Мужаются, и станет он —
Как на добром поле
Над водою окрепшее
Древо зеленеет,
Все в плодах.
Вот так и муж тот
В добром своем зреет.
От лукавых, нечестивых

И след исчезает,
Как от пепла, что по свету
Ветер развеивает.
И не встанут с праведными
Злые из могилы.
Дела добрых возродятся,
Дела злых погибнут.

12

Ты ли меня, боже милый,
Навек забываешь?
От меня свой взор отводишь,
Меня покидаешь?
Доколь буду мучить душу,
В тоске изнывая?
Доколь будет враг мой лютый,
На меня взирая,
Усмехаться?... Спаси душу
И сердце живое,
Да не скажет хитрый недруг:
«Одолел его я».
И все злые посмеются,
Коль упаду в руки,
В руки вражьи. Спаси меня
От смертельной муки,
Спаси меня, помолюся
И воспою снова
Твои блага чистым сердцем,

43

Про твою, всесильный боже.
Мы слышали славу,
Нам рассказывают деды
О грозном, кровавом
Давнем веке, как своею
Твердою рукою
Развязал ты наши руки
И покрыл землю
Трупы врагов. И силу
Твою восхвалили
Твои люди, и в покое,
В достатке зажили,
Славя господ!.. А ныне
Покрыл еси снова
Ты людей своих позором, —
И наш недруг новый
На закланье нас гонит,
Как овец!.. Без платы
И без цены ты нас отдал
Недругам проклятым;
Покинул нас на смех людям,
В насмешку соседям,
Покинул нас, яко в притчу
Неразумным людям.
И кивают, усмехаясь,

На нас головами,
И каждый день перед нами —
Стыд наш перед нами.
Обмануты, замучены,
В путах умираем.
Не молимся чужим богам,
А к тебе взываем:
«Отведи от нас, спаситель,
Вражью руку злую!
Силу первую разбил ты,
Разбей и вторую,
Что еще страшней!.. Встань, бо-
же,
Спать тебе доколе,
От слез наших отречься,
Забывать о горе!
Смирилась душа наша,
Жить тяжело в оковах!
Помоги восстать нам, боже,
На деспота снова».

52

Речь свою ведет безумный,
Бога отрицая,
В беззаконье он скудеет,
Благости не зная,
А бог смотрит: есть ли еще
Взыскующий бога?

Нет творящего святое,
Нет сердца святого!
Когда они, покрытые
Грехами, прозреют?
Едят людей вместо хлеба,
Веры не имеют.
Там боятся, пугаются,
Где бед и не будет.
Так самих себя боятся
Лукавые люди.
Кто ж пошлет нам спасение,
Вернет правду-долю?
Бог когда-нибудь поможет,
Разобьет неволю.
Восхвалим же тебя, боже,
Дыханием всяким;
Возрадуется Израиль
И святой Иаков^{192}.

53

Боже, спаси, суди меня
Ты по своей воле.
Молюсь, господи, внуши им
Уст моих глаголы.
Топчет душу мою сила
Черная, чужая,
Не зрит бога над собою,
Что творит — не знает.

*А господь мне помогает
И обороняет,
Людям злым взамен неправды
Правду возвращает.
Помолюсь тебе я, боже,
Сердцем одиноким
И взгляну на силу злую
Незлым моим оком.*

81

*Меж царями-судиями
На вече великом
Стал судьей земным владыкам
Небесный владыка
«Доколь вам грабить и лукавить.
Доколе кровь вам проливать
Людей убогих? А богатым
Судом неправым помогать?
Вдове убогой помогите
И прогоните — темноту
От сирых, тихих; сироту
Не осудите, защитите
От злобы жадных!» Не хотят
Прозреть, развеять тьму нево-
ли, —
И всуе господа глаголы,
И всуе плачет вся земля.
Цари, рабы — все равные*

Сыны перед богом;
Вы умрете, князь умрет ваш
И ваш раб убогий.
Встань же, боже, суди землю
И судей лукавых.
На всем свете твоя правда,
И воля, и слава.

93

Господь бог лихих карает —
Душа моя знает.
Встань же, боже, твою славу
Гордый оскверняет.
Вознесись же над землею
Высоко, высоко,
Закрой славою своею
Незрячее око.
Доколь злобой сонм лукавых,
Господи, доколе —
Будет хвастать? Твои люди
Во тьме и неволе
Закованы... Добро твое
В крови потопили,
Зарезали прохожего,
Вдову задушили
И сказали: «Не зрит господь,
Ниже сие знает».
Вразумитесь, немудрые:

Кто мир озирает,
Тот и сердце ваше знает,
И род ваш лукавый.
Дивитесь делам его,
Его вечной славе.
Благо тому, кого господь
Карает меж нами,
Не пускает, пока злому
Выроется яма.
Господь своих людей любит,
Любит, не оставит,
Ждет, пока святая правда
Перед ними встанет.
Кто б меня от злых, лукавых
Спас, обороняя?
Если бы не божья помощь,
То душа б живая
Во тьме ада потонула,
Проклятая светом.
Ты мне, боже, помогаешь
Жить на свете этом.
Ты радуешь мою душу
И сердце врачуешь;
И пребудет твоя воля
И труд твой не всуе.
Свяжут праведную душу
И добро осудят.
А мне господь убежищем,

*Заступником будет,
И воздаст им за дела их,
На них громом грянет,
Их погубит, и их слава
Их позором станет.*

132

*Есть ли что лучше, краше в мире,
Чем вместе трудиться,
С братом добрым добро править
И добром делиться?
Словно миро, что пахучей,
Чистой росой
На бороду Аарона^{193}
Стекает порою
Иль на ризы драгоценной
Шитые узоры;
Или росы ермонские,
Нам радуя взоры,
Ниспадают на святые
Сионские^{194} горы,
Творя добро разным тварям,
И земле, и людям, —
Так и братьев своих добрых
Господь не забудет,
Воцарится в доме тихом,
В семье дружной, светлой,
И пошлет им счастье-долю*

На многие лета.

136

На потоках Вавилонских,
Под вербами в поле,
Сидели мы плакали
В далекой неволе,
И на вербы повесили
Органы глухие,
И, смеясь, нам говорили
Едомляне злые:
«Спойте песню вашу, может,
Мы тоже заплачем,
Или же вы нашу спойте,
Невольники наши».
Какую же будем петь мы?
Здесь, на чуждом поле,
Не поется веселая
В далекой неволе.
Если я забуду стогны
Иерусалима,
Забвен буду, покинутый,
Рабом на чужбине.
И язык мой онемееет,
Высохнет, лукавый,
Если помянуть забуду
Тебя, наша слава!
И господь наш вас помянет,

Едомские дети,
Как кричали вы: «Громите!
Жгите! В прах развеите!
Сион святой!» Вавилона
Смрадная блудница!
Тот блаженен, кто заплатит
За твою темницу!
Блажен, блажен! Тебя, злую,
В радости застанет
И ударит детей твоих
О холодный камень!

149

Псалом новый господу мы
И новую славу
Воспоем честным собором,
Сердцем нелукавым;
Во псалтыри и тимпаны
Грянем, воспевая,
Как карает бог неправых,
Правым помогая.
Преподобные во славе
И на тихих ложах
Радуются, славословят,
Хвалят имя божье.
И мечи, мечи святые
Им вложены в руки
Для отмщения неверным

И людям в науку.
Закуют царей кровавых
В железные путы.
Им, прославленным, цепями
Крепко руки скрутят,
И осудят губителей
Судом своим правым,
И навеки встанет слава,
Преподобным слава.

19 декабря 1845

Вьюница

**Маленькой Марьяне
Перевод В. Звягинцевой**

{195}

Расти, расти моя пташка,
Мой мак нераскрытый!
Расцветай, цветы, покуда
Сердце не разбито,
Пока люди не добрались
До тихой долины,
Доберутся — насмеются,
Иссушат да кинут.
И ни годы молодые,
Что красой повиты,
Ни карие твои очи,

Что слезой омыты,
Ни девичье твое сердце
Кротостью глубокой
Не разжалобят, не тронут
Несытого ока.
Люди сыщут и погубят
И тебя, родная,
Кинут в омут... и погибнешь,
Бога проклиная.
Не цветы ж, цветок мой вешний,
Вешний, нераскрытый,
Увядай скорей, покуда
Сердце не разбито.

20 декабря 1845
Вьюница

«Проходят дни, проходят ночи ...»

Перевод Н. Ушакова

* * *

*Проходят дни, проходят ночи,
Проходит лето. Шелестит
Лист пожелтевший; гаснут очи,
Заснули думы, сердце спит.
И все заснуло... И не знаю,
Живу ли я, иль доживаю,
Или по свету так влачусь,
Ведь уж не плачу, не смеюсь...
Доля, где ты? Доля, где ты?
По тебе тоскую!
Если доброй жалко, боже,
Дай хоть злую, злую,
Но не дай спать ходячему.
Спать, не просыпаться
И гнилою колодою
По свету валяться.
Дай мне жить, дай жить всем
сердцем.
Чтоб людей любило,
А не дашь... так — злости, чтобы
Мир испепелила!
Страшно быть в оковах, страшно
Умирать в неволе,*

Но страшней, куда страшнее
Спать на вольной воле —
Умереть и не оставить
Ни следа на свете,
Чтобы люди — жил ли, не жил —
Не смогли ответить!..
Доля, где ты? Доля, где ты?
По тебе тоскую!
Если доброй жалко, боже,
То дай злую! злую!

21 декабря 1845
Вьюница

Три года
Перевод П. Панченко

{196}

И день — идет и не идет,
А года стрелою
Пролетают, забирают
Доброе с собою,
Добрые уносят думы,
Сердце разбивают
О холодный, острый камень,
Аминь распевают,
Аминь всему веселому
Отныне до века,

И бросают на распутье
Слепого калеку.
Незаметные три года
Даром пролетели,
Но немало мне худого
Причинить успели.
Бедное, опустошили
Сердце молодое,
Погасили все доброе,
Разожгли все злое.
Лютым холодом, морозом
Ту думу сковало,
Что в московскую дорогу
Катрю провожала,
Что молилась с казаками
В турецкой неволе
И звезду мою, Оксану,
Счастливую долю,
Горючими умывала...
Пока не подкралась
Злые годы да все это
Сразу не украли.
Горько, тяжело утратить
Родителей милых,
Жаль супругу молодую
Опускать в могилу,
Тяжело растить, лелеять,
Братья мои, братья,

Малых деток неумытых
В не топленной хате —
Горе им, но как же горько
Глупому такому,
Что женой обзаведется,
А она другому
За три гроша продается
Да еще смеется.
Вот где горе! Вот где сердце
Тотчас разорвется!
Вот такое злое лихо
И со мною было:
Сердце людям доверяло
И людей любило,
И они его встречали,
Хвалили, ласкали...
А года тихонько кралась,
Слезы осушали,
Слезы искреннего сердца;
И прозрели очи
У меня тогда... Как глянул —
Молвить нету мочи!
Вкруг меня не люди — змеи,
Только змеи злые...
И высохли мои слезы,
Слезы молодые.
И теперь я свое сердце
Ядом злым врачую,

Не пою теперь, не плачу,
А совой кричу я.
Так-то, люди. Поступайте,
Как вы там хотите:
То ли громко осуждайте,
То ль тайно хвалите
Мои думы, будь как будет,
Не вернутся снова
Мои годы молодые,
Веселое слово
Не вернется... И я сердцем
К вам не возвращуся.
И не знаю, где я буду
И где я приткнуся,
Кто поговорит со мною,
Кого успокою,
Перед кем родные думы,
Не боясь, открою?
Думы мои! Годы мои,
Три тяжелых года.
Кто ж детей моих пригреет —
Злых и невеселых?
Не ищите, где погреться,
Спите дома, дети...
Я ж собрался встретить новый,
Год четвертый встретить.
Здравствуй, в свитке прошлогод-
ней

Новый год! Четвертый!
Что несешь ты Украине
В котомке потертой?
«Благоденствие, что бедным
С манифестом снится»^{197}.
Ну что ж, иди, да не забудь
Нужде поклониться.

22 декабря 1845
Вьюница

Завещание

Перевод А. Твардовского

Как умру, похороните
На Украине милой,
Посреди широкой степи
Выройте могилу,
Чтоб лежать мне на кургане,
Над рекой могучей,
Чтобы слышать, как бушует
Старый Днепр под кручей.
И когда с полей Украины
Кровь врагов Постылых
Понесет он... вот тогда я
Встану из могилы —
Подымусь я и достигну
Божьего порога,

Помолюся... А куда
Я не знаю бога.
Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрим, тихим словом.

25 декабря 1845
в Переяславе

Лилея

Перевод М. Комиссаровой

{198}

«За что меня, как росла я,
Люди не любили?
За что меня, как выросла,
Бедную, убили?
За что они теперь меня
В дворцах привечают,
Царевною называют,
Очей не спускают
С красоты моей? Дивятся,
Меня улаживают!»

Брат мой, цвет мой королевский
{199}

Ответь, умоляю!»

«Я, сестра моя, не знаю», —

И, сестру жалея,

Королевский цвет склонился;

Наклонился, рдея,

Он к белому, поникшему

Личику лилеи.

И заплакала лилея

Росою-слезою...

Заплакала и сказала:

«Братец мой! С тобою

Мы давно друг друга любим,

А не рассказала,

Как была я человеком,

Сколько я страдала...

Мать моя... о чем она,

О чем так скорбела,

На меня, на свою дочку,

Смотрела, смотрела

И плакала... Я не знаю,

Мой любимый братец,

Кто принес ей столько горя?

Я была дитятей,

Я играла, забавлялась,

А она все вяла

Да нашего злого пана

Кляла-проклинала.
И умерла... А меня пан
Воспитал, проклятый.
Я росла и подрастала
В хоромах, в палатах
И не знала, что я дочка,
Дочь его родная.
Пан уехал в край далекий,
Меня покидая.
И прокляли его люди,
Хоромы спалили...
А меня, за что — не знаю,
Убить не убили,
Только длинные мне косы
Остригли, накрыли
Меня, стриженую, тряпкой,
Еще и смеялись.
А евреи и те даже
На меня плевали.
Так-то вот на свете, брат мой,
Со мной поступали.
Молодого, короткого
Мне дожить не дали
Люди веку. Умерла я
Зимою под тыном,
А весною расцвела я
Цветком при долине,
Цветком белым, как снег белым!

Лес развеселила.
Зимой люди... о, боже мой!
В хату не пустили.
А весною, словно диву,
Мне они дивились,
Я девушек украшала,
И для них я стала
Лилеею-снегоцветом;
И я расцветала
И по рощам, и в теплицах,
И по светлым залам.
Скажи ты мне, милый братец,
Королевский цветик,
Зачем же бог меня сделал
Цветком на сем свете?
Чтоб людей я веселила,
Тех, что погубили
И меня и мать?... Всещедрый,
Святой боже милый!..»
И заплакала лилея,
И, ее жалея,
Королевский цвет склонился;
Наклонился, рдея,
Он к белому, поникшему
Личику лилеи.

[Киев, 25 июля 1846]
[Нижний Новгород, 6 марта 1858]

Русалка

Перевод В. Инбер

«Родила меня родная
В палатах красивых
И сошла со мною ночью
Вниз к Днепру с обрыва.
И в Днепре она купала
Меня темной ночью,
Поучала: «По теченью
Плыви, моя дочка.
Да выплывай русалкою.
Завтра, среди ночи,
Я выведу гулять пана,
Ты и защекочешь
Того пана, моя радость:
Пускай не смеется
Надо мною, молодою,
Пускай пьет-упьется
Не моими кровь-слезами —
Синею водою
Днепровскою... Пусть гуляет
С дочкою, с тобою.
Плыви ж, моя родимая,
Моей дочки малой
Не обидьте, волны! волны!» —
Да и зарыдала —

Убежала. А я плыла,
Гонима волною.
Пока сестры не встретили,
Не взяли с собою...
Уж неделя, как расту я,
С сестрами гуляю.
В час полуночный из дому
Отца поджидаю.
А быть может, как бывало
Под тем грешным кровом,
С паном любитя-пирует
Мать родная снова?...»
Тут умолкла русалочка
И в Днепре плеснулась,
Как плотичка. Только ветка
Тихо покачнулась.
Что-то матери в богатых
Не спится палатах:
Пана Яна нету дома.
Тоскою объята —
Вышла, подошла к обрыву,
Вспомнила тут дочку,
Как купала, не молчала,
Дитя поучала.
Ну, да что об этом думать!
Что прошло, то сплыло.
И пошла к себе в палаты,
Да не тут-то было!

Не опомнилась — догнали
Ее водяницы,
Да как начали, как стали
С ней играть-возиться.
Радешеньки, что поймали, —
Вот была потеха!
Под конец швырнули в невод...
Что тут было смеха!
Одной только русалочке
Было не до смеха.

[Киев, 9 августа 1846]
[Нижний Новгород, 6 марта 1858]

Ведьма

Поэма

Перевод П. Антокольского

{200}

Молюсь и снова уповаю,
И снова слезы проливаю,
И думу тяжкую свою
Безмолвным стенам отдаю.
Отзовитесь мне, немые,
Заплачьте со мною
Над неправдою людскою,
Над невзгодой злою.

Отзовитесь! А за вами,
Может, отзовется
Жизнь несчастная, глухая
И нам усмехнется.
И с несчастьем примирится
И с людьми, и скажет
Нам спасибо, и с молитвой
Спать спокойно ляжет.
И примиренному приснится
Людская мирная любовь
И доброта. И, встав с денницей,
Веселый, он забудет вновь
Свои несчастья. И в неволе
Узнает рай, узнает волю
И всетворящую любовь.

В канун осеннего Николы,^{201}
Ободраны, едва не голы,
Цыгане из Бендер толпой
Шли по степи в тиши ночной
И, вольные, конечно, пели.
Все шли, все шли и захотели
Передохнуть. Разбив шатры,
Раздули жаркие костры
И у огня на отдых сели, —
Кто с шашлыком, а кто и так...
Зато он — вольный, как казак
Былой. Поют они, гуторят,

Вдруг слышат: из степи им вторит

Какой-то хриплый голосок —
Похоже, пьяной молодежи:

«Ой ты, ночка, ночка,
Спят и мать и дочка,
Девушке приснилось:
Мать ее взбесилась,
А свекор женился,
Отец утонул...
И... гу...»

Цыгане слушают, смеются:
«Откуда люди там возьмутся?...
В степи поют?... Из-за Днестра?
Иль нам приснилось у костра?»
Кричат, вскочили. И несмело
То существо, что песню пело,
К ним приближалось... Грусть и
страх!
Под рваной свиткою дрожала
Та женщина. А на руках
И на ногах повыступала
От стужи кровь — и засыхала.
Коса, в репьях и колтуне,
О свитку билась на спине.
Бедняга подошла и села

*К огню и молча руки грела
Над жарким пламенем. «Ну, так!
Женился, стало быть, бедняк», —
Так про себя она шептала
И странно, дико усмехалась...
Нет, то не призрак у костра,
То мать моя или сестра —
Та ведьма, если вы не знали!*

Цыгане

Откуда же ты, молодница?

Ведьма

Кто, я?

(Поет.)

*«Как была я молодичка,
Целовали меня в личко,
А как старой стала бабой,
Целовать сама я рада».*

Цыган

*Певица, нечего сказать!
Себе такую бы достать,
Водить с медведем...*

Ведьма

Напеваю,

*Когда сижу, когда гуляю...
Все напеваю, напеваю,
Уж разучилась говорить,
А раньше ловко я болтала...*

Цыган

Где ж ты была, что заплутала?

Ведьма

Кто, я?... Иль ты?...

(Шепчет.)

*Тсс... не шуми!
Глянь, глянь, — со мною пан ле-
жит.
Огонь погас, луна восходит,
В овраге ходит вурдалак...*

(Усмехнувшись.)

*На свадьбе я пила, гуляла.
Себя не слишком соблюдала
Невеста. Ироды-паны
Творят с дивчатами такое...
Теперь пойду других женить,
Там без меня, я беспокоюсь,
И в гроб не смогут положить...*

Цыган

*Постой, побудь, бедняга, с нами!
У нас, ей-богу, славно жить.*

Ведьма

А дети есть у вас?

Цыган

Нет, нету.

Ведьма

*Кого же вам поить-кормить?
Кого спать на ночь уложить?
Кого баюкать и беречь?
Кому помочь и встать и лечь?
Молиться за кого? Ох, дети!
И всё дети, и всё дети!
Куда бежать, куда мне деть их,
Куда ни глянь — они со мною,
Съедят еще, того гляди...*

Цыгане

*Не плачь, старуха, погоди:
У нас детей нет и в заводе.*

Ведьма

Хоть с горы да в воду!..

И ведьма глухо зарыдала.

Цыгане слушали устало,
Потом уснули, где кто мог,
Она же не спала, сидела,
Не плакала и ноги грела
В горячем пепле. И стерег
Щербатый серп, встав над курганом,
Шатры окрай ночных дорог,
Пока не скрылся за туманом.
Что не спится богатею,
Сытому, седому?
Что же старому не спится —
Сироте худому?
Тот гадает, как бы это
Достроить палаты,
Этот — как собрать бы денег
На гроб небогатый.
Один старый в пышном склепе
Отмолен собором,
Другой старый, как пришлось,
Заснул под забором.
Ничего уж не желают
Оба, отдыхают.
Бедняка все позабыли,
Богача ругают.

А старик цыган о смерти
И не вспоминает,

*Дремлет с трубкой да на гостью
Сонный взгляд бросает.*

Цыган

*Легла бы лучше, отдохнула.
Денница всходит, погляди.*

Ведьма

Я-то видала, сам гляди.

Цыган

*Уйдем мы рано, не проспийся, —
Тебя оставим.*

Ведьма

*Не просплюсь,
Я никогда уж не просплюсь,
В бурьяне и умру, напившись,
Вот этак...*

(Тихо поет.)

*«Ой, дуброва ты родная!
Берега Дуная,
Я в дуброве погуляю,
В реке искупаюсь
Да в густой зеленой тине
Отдохну в сторонке...
Еще, может, хоть калеку, —*

А рожу ребенка...»

*Да нет, куда! Когда бы жил он,
Взял бы да проклял мать свою.
Вон, за курганом, за могилой,
Смотри, глаза таращит кот.
Кись-кись! А он, видать, боится:
Молчит, бесенок, не идет!
А то б дала тебе напиток
Я свежей ключевой водицы.*

(Поэт.)

*«Вон кутья под образами, —
А за печкой дети,
Наплодила, народила,
Да некуда деть их:
Утопить их, что ли?
Задушить их? То ли
Деток шинкарю продать
Да напиток вволю?»*

*Что, наши хорошо поют?
Присядь-ка ближе, друг, вот тут.
Вот так-то! Видно, ты не знаешь,
Что я в Валахии была?
Все расскажу тебе, что вспомню.
Детей в Бендерах родила,
Да в белых Яссах их качала,*

*В Дунае синем искупала,
В Туретчине повила.
И домой их принесла
В город Киев. Там уж, дома,
Без кадила, без кропила
За три гроша окрестила,
А три гроша пропила,
Упилась, упилась!
Пьяна и ныне!..
И никогда уж не просплюся,
Я бога больше не боюся
И больше не стыжусь людей.
Ох, если бы моих детей
Найти когда-нибудь! Не знаешь,
Идет в Туретчине война?*

Цыган

*Была недавно, да прошла.
Старейший умер старшина^{202}.*

Ведьма

*А я думала, воюют,
Ан войны и нету.
Слушай дальше!
Расскажу я,
Как ищу по свету
Наталочку, свою дочку,
Да сына Ивана.*

Всё Наталоньки не встречу
Да не встречу пана,
Того Ирода, что, знаешь?...
Помню, не забыла,
Как была я молодою,
Думой не томилась,
Я в саду плела веночек,
Красотой гордилась.
Тут меня он и увидел.
Мне ведь и не снилось,
Что была я крепостною;
А То б утопилась, —
Легче было б. Присмотрелся,
Да и взял в покои,
И остриг меня, как хлопца,
И в поход с собою
Захватил.
Пришли в Бендеры,
И там мы стояли
С солдатами на квартирах, —
А солдаты за Дунаем
Турка воевали.
Близнецов господь тогда-то
Подарил мне к Спасу.
Барин тут меня и бросил,
Не зашел и в хату,
На детей своих не глянул,
Сатана проклятый!

И увел солдат. Одна я,
С детками плутая,
Возвращалась на Украину,
Дороги не зная.
Стрижена, — что поделать! —
Спрашивала в селах
Путь на Киев. От насмешек
От людских веселых
Чуть было не утопилась,
Да жаль было кинуть
Бедных деток. Так да этак
Шла на Украину.
И пришла. Вздохнула легче.
Вечера дождалась,
Чтобы люди не видали,
Во тьме пробиралась.
Вот крадусь за тыном к хате,
Мимо темных окон,
Видно, отца нету дома
Либо спать уж лег он,
Мой батюшка одинокий.
И сама не знаю,
Как вошла я в хату. Стонет
Кто-то, помирает, —
Это мой отец родимый!
И никто на свете
Не помолится над бедным.
Лукавые дети!

Вы, проклятые, в ответе.
Я перепугалась,
Хата пахла запустеньем.
Тут я прятать стала
Деток в клетки, возвратилась:
Отец еле дышит.
Я скорей к нему: «Родимый!
Родименький, слышишь,
Это я к тебе вернулась!»
За руки хватаю.
И тогда мне слабый голос
Прошептал: «Прощаю.
Все прощаю!»
И как будто
Тут же я упала
И заснула. Если б можно,
Век бы свой проспала!
Но к полуночи очнулась.
В хате как в могиле.
Мне отец сжимает руку.
«Что ты, что ты, милый?»
А уж он как лед холодный.
Я насилу руку
Вырвала. Цыган, подумай,
Ты такую суку
Взял бы в дочери? Что скажешь?

Цыган

Ей-богу, не знаю.

Ведьма

*Так молчи, не то забуду,
Что сказать желаю.
Накормила я ребяток,
В сусек уложила.
Уже утром под очипок
Пакли я набила,
Чтоб не видно было стрижки,
Прибрала по дому.
А под окнами тесали
Гроб отцу седому.
Дотесали, положили,
Взяли, закопали...
И, как на поле былинка,
Я одна осталась
На всем свете... Были дети —
И тех не осталось.
«Через яр ходила
Да воду носила,
Каравай месила.
Дочку отдавала,
Сына оженила
И... гу...»*

Цыган

Да не скули, ты всех разбудишь.

Ведьма

Разве скулю я, что с тобой?

Цыган

*Ну, ладно. Что же дальше будет? —
Рассказывай.*

Ведьма

*А за рассказ
Мне сварить завтра мамалыги?
Я кукурузы принесу.*

*Все припомнила! Все помню!
С дочкой спал, проклятый...
Сына отдал он в лакеи,
А меня из хаты
Выгнала мирская сходка,
Я собак дразнила,
Пела с нищими у окон,
А ребят носила.
За спиной. Чтоб приучались»
Пан приехал вскоре,
С лаской кинулась к нему я,
Не судя за горе.
Сатана меня не выгнал,
И сына и дочку
Приласкал и взял в хоромы...*

Там мои цветочки
И росли. Сынка Ивана
Он какой-то пани
Продал. Ну а дочь Наталью...
Что, твои цыгане
Все уснули?

Цыган

Все уснули.

Ведьма

Только б не слышали
Слова страшного про дочку;
Да и ты от слова
Вздрогнешь, может, как услы-
шишь...
Сколько было злого.
Наталоньку! Дитя свое!
Ирод нечестивый!..
Взял, погубил... А перед тем
Посылает в Киев
Меня, видишь, помолиться.
Сдуру я ходила.
И молилась... Только бога,
Знать, не умолила.
Есть ли бог у вас, цыгане?
У нас его нету...
Господа его в шкатулку

Спрятали от света.
Как из Киева вернулась, —
Заперты покои.
Пан с Наталочкой уехал,
Взял ее с собою, —
Дочку взял... Ты слышишь, ста-
рый?
Он остриг девчонку,
Как меня. И полетела
Я за ним вдогонку.
До Валахии добралась
И совой летаю
Над леском, над буераком,
Деточек скликаю.
Где Наталонька? — Не слышит!
Отыщу я пана —
Разорву его!.. Примите
В табор свой, цыгане,
Я водить медведя стану,
А как встречу ката,
На него спущу медведя —
Вот тогда, проклятый!..
Не медведя. Сама брошусь,
Загрызу!.. Иль знаешь?
Поженимся, мое сердце,
Чем не хороша я?
Ну, а сына я женила,
Дочка — так и будет.

Ползатъ стану я под тыном,
Найдут меня люди —
Только мертвой. Посмотри-ка,
Там такой хороший
Мой сын Иван... Ух, холодно!
Одолжи мне грошик.
Монисто славное куплю,
Сдавлю тебе им шею.
Ну, а сама пойду домой.
Смотри-ка скорее —
Вон в Киев мышъ несет мышат.
Не донесешь, утопишь их,
Или пан отнимет.
Найду ли я моих деток,
Иль без них погибну?

И замолкла, как уснула.
Поднялись цыгане,
Сняв шатры, пошли в дорогу
На заре на ранней.
Сразу двинулись. Шли степью.
А ведьма, убога,
Бесталанна, встала молча
И как будто богу
Тихонечко помолилась,
И заковыляла
Вместе с табором, и тихо,
Тихо напевала:

«Говорят, что суд мне будет,
А суда не будет,
Без суда уж осудили
Меня злые люди».

Из-за Днестра пошли цыгане,
И на Волынь, и на Украйну.

Шли, селенья проходили,
В города входили
И приبلудную повсюду
За собой водили.
Она пела, танцевала,
Не пила, не ела...
Шла, словно смерть, с цыганами,
Отстать не хотела.
Жить потом как будто сразу
Стала по-другому,
Стала пить и есть, молиться
Господу святому.
Помогла ей, видно, чем-то
Бабка Мариула.
Может, зельем напоила
И к жизни вернула.
После врачевать недуги
Ее обучала;
Где искать какие травы —
Все ей рассказала.

Как сушить их, как варить их...
Всему научила,
А бедняга та слушала
И богу молилась.
И прошло уже два лета,
И третье настало;
Как пришли на Украину,
Вновь затосковала,
Поклонилась Мариуле
За науку в ноги,
Стала с табором прощаться,
Помолилась богу
И пошла путем знакомым
В сторону родную.
Говорит: «Взглянуть на деток —
Одного хочу я».
Да не вышло. Пан вернулся,
Оставил Наталью
В Московщине. А ты ее
За Днестром искала.
А Ивана молодого
В солдаты забрили:
Уважать господ, как видно,
Ты не научила.

Где приют себе отыщешь?
Ни души на свете!..
Поклонись хоть добрым людям,

Может, лаской встретят.

Пан, вернувшись, занедужил,
Умирает, бредит.

А она набрала зелья

И пошла в усадьбу.

Не проклясть его хотела,

Только помощь дать бы.

Не помогла недужному —

К нему не пустили.

Умер пан. Она за пана

Богу помолилась,

А потом дивчат учила:

Не любить, не знаясь

Ни с какими господами,

Людей не чураться.

«Бог за это покарает,

Еще горше — люди;

Люди злы, несправедливы,

Своим судом судят».

Так она их поучала,

Недужных лечила

И с убогим последнею

Коркою делилась.

Люди умные, незлые

Ее уважали,

А все-таки покрыткою

И Ведьмою звали.

[Седнев, 7 марта 1847]

[Нижний Новгород]

1858 марта 6

В каземате

Моим соузникам посвящаю

«Припомним, братия моя...»

Перевод А. Чачикова

{203}

* * *

*Припомним, братия моя...
Чтоб той беде не возвратиться!
Как потихоньку вы и я
Глядели из окна темницы
И, верно, думали: «Когда
Сойдемся для беседы снова,
В какие на земле суровой
Мы снова встретимся года?»
Нет, братья, ни в какие годы
Не встанем вместе над Днепром!
А разойдемся, разнесем
Степям, лесам свои невзгоды,
Еще недолгий срок в свободу
Поверуем — и жить начнем
Среди людей, как люди...*

А пока то будет,
Друг друга вы, друзья мои,
Украину любите,
И за нее, несчастную,
Господа молитесь!
А его забудьте, друзья^{204},
И не проклиняйте;
И меня в неволе лютой
Порой вспоминайте^{205}.

[Орская крепость, 1847]

I. «Ой, одна я, одна...»
Перевод А. Колтоновского

{206}

Ой, одна я, одна,
Как былиночка в поле,
Позабыл меня бог,
Не дал счастья и доли.
Только дал мне красу,
Дал мне карие очи,
Но их слезы сожгли
В одинокие ночи.
Я не знала родных,
Я не знала участия,
Я росла средь чужих
И не ведала счастья!
Где же он, где дружок,
К чьей груди мне прижаться?

Никого... Я одна,
А дружка — не дожждаться!

[В каземате, 1847[

II. «За оврагом овраг...»
Перевод Е. Благиной

{207}

За оврагом овраг,
А там степь да могила.
И выходит казак
Из могилы унылый.
Он выходит в ночи,
В степь идет, идучи
Песню грустную тянет:
«Наносили земли
Да по хатам пошли, —
Нас никто не помянет;
Нас тут триста пришло,
В поле чистом легло!
Ни один и не встанет.
Гетман, славный наш пан,
В рабство сдал христиан.
Мы их гнали, как стадо.
Кровь в родимом краю
Мы разлили свою
И зарезали брата.
Пили кровь твою, брат,
И легли все подряд

*Здесь в могиле проклятой».
Замолчал, унялся,
На копье оперся,
На кургане-могиле
Стал и Днепр озирал;
Тяжко плакал, рыдал,
Волны выли, голосили.
Через Днепр из села
Эхо ночь донесла,
Петухи закричали,
Провалился казак,
Задрожал весь овраг,
А могила застонала.*

[В *каземате, 1847]*
III. «Мне, право, все равно, я буду...»
Перевод В. Звягинцевой

{208}

*Мне, право, все равно, я буду
На Украине жить иль нет.
Забудут или не забудут
Меня в далекой стороне —
До этого нет дела мне.
В неволе вырос, меж чужими,
И, не оплаканный своими,
В неволе, плача, я умру
И все в могилу заберу.
Не вспомнят обо мне в кручине*

На нашей славной Украине,
На нашей — не своей земле.
Родной отец не скажет сыну
О том, как я в неволе жил:
«Молися, сын, за Украину,
Когда-то он замучен был».
Мне все равно, молиться будет
Тот сын иль нет... и лишь одно
Мне было бы не все равно:
Коль Украину злые люди,
Лукавым убаюкав сном,
Ограбят и в огне разбудят,
Ох, это мне не все равно!

[В каземате, 1847]

IV. «Мать не бросай!..»

Перевод Р. Минкус

«Мать не бросай!» — тебе сказали

Ты бросила ее, ушла;
А мать искала — не нашла,
Искать с годами перестала
И, плача, умерла. Давно
Все стихло там, где ты играла;
Собака со двора пропала,
И в хате выбито окно;
В заросшем садике ягнята
Весь день пасутся, а в ночи

Колдуют совы и сычи,
Соседские тревожа хаты.
И твой барвиночек крещатый
Зарос крапивою, в тиши
Тебя напрасно поджидает,
И пруд прозрачный высыхает,
Где маленькой купалась ты;
А рощи грустные пусты,
И пташка там не распекает —
Ее с собой ты унесла.
В яру криница завалилась,
Засохла верба, наклонилась,
Тропа, которой ты ходила,
Колючим терном поросла.
Куда направилась, где скрылась?
На что ты дом родной сменила?
В чужой семье, в чужом краю
Кого ты радуешь? Кому же,
Кому вручила жизнь свою?
И чует сердце, что в палатах
Роскошествуешь, и не жаль
Тебе твоей родимой хаты...
Молю я бога, чтоб печаль
Тебя вовек не разбудила,
Чтобы в палатах не нашла,
Чтоб бога ты не осудила
И матери не прокляла.

[В каземате, 1847]

V. «Зачем ты ходишь на могилу?..»
Перевод М. Комиссаровой

{209}

«Зачем ты ходишь на могилу? —
В тревоге мать ей говорила. —
Зачем напрасно горевать?
Зачем тебе ночей не спать,
Моей голубке сизокрылой?»
«Так, мама, так!» И вновь ходила,
А мать в слезах ждала опять.

Не сон-трава на могиле
В ночи расцветает —
То дивчина, то невеста
Калину сажает.
И слезами поливает,
И господу просит,
Чтоб послал дожди ночами
И густые росы,
Чтоб калина принялася,
Распустила ветви.
«Может, пташкою вернется
Милый с того света.
Совью ему я гнездышко,
Прилечу и сяду
Вместе с милым на калине,
Защебечем рядом.

Будем плакать, изнывая,
Тихо напевая,
Вместе утром раным-рано
На тот свет летая».

И калина принялася,
Ветки распустила,
И три года на могилу
Дивчина ходила.
На четвертый... Не сон-трава
В ночи расцветает —
То невеста с калиною
Говорит-рыдает:
«Широкая, высокая,
Калина моя,
Не водою до рассвета
Поливанная!
Широкие реки-слезы
Тебя полили, —
Их славою лукавою
Люди доняли.
Обижают подруженьки
Подругу свою,
Обижают высокую
Калину мою.
Обвей мою головушку,
Росою умой
И ветками широкими

От солнца укрой!
Утром найдут меня люди,
Меня осмеют;
Широкие твои ветви
Дети оборвут».
Раным-рано при долине
Пташка щебетала,
Под калиною дивчина
Спала, не вставала;
Утомилась молодая,
Навек опочила...
Вставало солнце над могилой,
Все принимались за дела,
А мать уснуть и не пыталась,
Домой все дочку дожидалась
И слезы тяжкие лила.

[В каземате, 1847]
VI. «Ой, как вместе три широких...»
Перевод М. Исаковского

Ой, как вместе три широких
Дороги сошлись...
С Украины на чужбину
Братья разошлись.
Мать покинули родную;
Тот жену покинул,
Тот — сестру, а самый младший

Милую дивчину.
Посадила мать-старуха
Три ясеня в поле,
А невестка — стройный тополь
На степном раздолье.
Три явора посадила
Сестра при долине...
А дивчина молодая —
Красную калину.
Ой, засохла та калина,
Яворы пропали.
Не поднялся стройный тополь,
Ясени завяли.
Не идут назад три брата, —
Плачет мать родная,
Жена плачет, плачут дети,
Долю проклиная.
А сестра искать уходит
Братьев на чужбину...
А дивчину молодую
Кладут в домовину.
Не идут назад три брата,
По свету блуждают.
Три широкие дороги
Терном зарастают.

[В каземате, 1847]

VII. «Играя, солнышко
скрывалось...»

Перевод В. Звягинцевой

Н. КОСТОМАРОВУ

{210}

Играя, солнышко скрывалось
В весенних тучках золотых.
Гостей закованных своих
Тюремным чаем угощали
Да часовых в тюрьме сменяли,
Синемундирных часовых.
И с дверью запертой, с проклятой
Решеткой на моем окне
Немного свыкся я... И мне
Не вспоминались ни утраты,
Ни горечь пролитых когда-то
Моих кровавых, тяжелых слез,
А их немало пролилось
На поле сирое. Ни мяты,
Ни чахлой травки не возшло.
И вспомнил я свое село...
Кого со мною разлучили?
Отец и мать мои в могиле...
И грустью сердце запеклось:
Никто меня не вспоминает.
Вдруг вижу, брат: твоя родная
Старуха мать, черней земли,
Как снятая с креста, шагает...
И стал я господу хвалить.

Хвалить его я буду снова
За то, что не с кем мне делить
Мою тюрьму, мои оковы!..

[В *каземате, 1847*]
VIII. «Вишневый садик возле хаты...»
Перевод Н. Ушакова

{211}

Вишневый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют.
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют дивчата,
А матери их дома ждут.

Все ужинают возле хаты,
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает.
Ворчала б мать, да вот беда-то:
Ей соловейко не дает.

Мать уложила возле хаты
Ребяток маленьких своих,
Сама заснула возле них.
Затихло все... Одни дивчата
Да соловейко не затих.

[В *каземате, 1847*]
IX. «Рано встали, выступали...»

Перевод Н. Ушакова

Рано встали, выступали
Новобранцы из села,
Вместе с ними — молодыми —
Девушка одна ушла.
Измаялась мать седая,
Дочку в поле догоняя...
Догнала и привела,
Упрекала, говорила
И свела ее в могилу,
А сама с сумой пошла.

И годы протекли, село
Не переменилось.
Только крайняя пустая
Хата покосилась;
Лишь солдат на деревяшке
Одинок бродит,
Он на край села приходит,
С хаты глаз не сводит...
Брат, напрасно! Не выглянет
Дочка молодая,
Не покличет мать седая,
Ужин собирая!
А уже для них в деревне
Полотенца ткались
И узорами, шелками
Платки вышивались.

Думал — будут жить в согласье
Да господу славить,
А пришлось ему навеки
Надежды оставить.
И сидит он возле хаты,
Пусто в хате, глухо.
Сумерки. Глядит в окошко
Сова, как старуха.

[В каземате, 1847]
В. Х. «В неволе тяжело — хоть и воли...»
Перевод Л. Вышеславского

В неволе тяжело — хоть и воли
Изведать тоже не пришлось.
Но все же кое-как жилось,
Хоть на чужом, а все ж на поле.
Теперь и этой — жалкой — доли,
Как бога, ждать мне довелось.
И жду ее, и к ней взываю,
Свой глупый разум проклиная,
Что нас позволил с толку сбить,
Свободу в луже утопить.
Подумаю — и сердце стонет,
А вдруг не дома похоронят,
Не на Украине буду жить,
Людей и господу любить.

[В каземате, 1847]

XI. Косарь

Перевод Г. Владимирского

*Он полями идет,
Не покосы кладет,
Не покосы кладет — горы.
Стегнет суша, стонет море,
Стонет и ревет.*

*Косаря средь ночи
Повстречали сычи,
А косарь не отдыхает;
Никого не замечает —
Проси, не проси.*

*Не моли, не проси;
Он не точит косы, —
То ли пригород, то ль город, —
Бреет он без разговора
Все, что на пути:*

*Мужика, шинкаря,
Сироту-кобзаря;
Подпевая, старый косит,
Горами кладет покосы,
Найдет и царя.*

*И меня в мой черед
На чужбине найдет,*

За решеткою задавит,
Креста никто не поставит —
И память пройдет.

[В каземате, 1847]

**XII. «Сойдемся ли мы с вами
снова?..»**

Перевод Н. Панова

{212}

Сойдемся ли мы с вами снова?
Или навеки разошлись?
И по степям и дебрям слово
Любви и правды разнесли.
Пускай и так!.. Мать не родную,
Пришлось нам уважать — чу-
жую!
То — воля божья! Нужно ждать!
Смиряться, и молиться богу,
И, отправляясь в путь-дорогу,
Друг другу обещанье дать
Любить свою Украину... В годы
И тяжкие часы невзгоды
Ее в молитвах поминать!

[В каземате, 30 мая 1847]

Москва, 1858, марта 18

«Не спится мне, а ночь — как море...»

Перевод Л. Длигача

*Не спится мне, а ночь — как море...
 Душа и ум угнетены*

*Неволей. Для глухой стены
 Рассказа не начнешь про горе
 И про младенческие сны!
 Ворочаюсь и жду рассвета,
 А часовые у дверей
 Толкуют о судьбе своей,
 Припоминая то да это.*

Первый

*Такая баба — ой-ой-ой!
 И меньше белой не дарила^[213].
 А барин бедненький такой!
 Меня-то, слышь ты, и накрыли,
 Свезли в Калугу и забрили.
 Так вот те случай-то какой!*

Второй

*А я... со страхом вспоминаю!
 Ведь я в солдаты сам пошел.
 Я девушку в селе нашел.
 К ней зачастил. Соединяет
 Нас мать-вдова, благословляет,
 Но пан проклятый не дает:*

Твердит — мала, пускай дождусь
я.

Я ж знай хожу к своей Ганнусе.

Год кончился — я за свое:

Мы с матерью пошли с поклоном,

А он — все просьбы ни к чему,

Пятьсот рублей давай ему... —

Не верит ни слезам, ни стонам:

Где ж взять-то столько! Зани-
мать?

Никто не даст, хотя б и были...

Трудом пошел их добывать.

Где только ноги не носили!..

Пока я деньги раздобыл,

Пожалуй, года два ходил

По Черноморью и по Дону...

Подарков разных накупил

Своей Ганнусе... Возвращаюсь

В деревню к девушке в ночи, —

Но лишь старуха на печи,

И та, бедняга, умирает.

Хатенка жалкая гниет.

Я к матери бегу со страхом...

А от нее уж веет прахом,

Она меня не узнает!

Я — за попом, бужу соседа...

Привел попа, да опоздал, —

Мертва старуха. Нет и следа

Моей невесты. Но узнал
Я у соседа про Ганнусяю:
«Ты разве до сих пор не слышал?
В Сибирь несчастная ушла.
Она ведь к паньчу ходила,
Потом ребенка родила
И здесь в колодце утопила!»
Меня — как жажда обожгла...
Шатаясь, вышел я из хаты...
С ножом в господские палаты
Я шел, не чувствуя земли...
Но паньча уж отвезли
Учиться в Киев... Вот как, друже!
Отец и мать мои все тужат,
А я сюда пошел служить.
Хотел, со страхом вспоминаю,
Я дом господский подпалить
Иль самого себя убить,
Но бог помиловал... А знаешь,
К нам паньча перевели
Из армии, видать.

Первый

Так что же?
Ну вот, теперь и приколи!

Второй

Зачем? Господь забыть поможет:

Те дни давно уже прошли.

*Солдаты долго говорили.
Я на рассвете стал дремать;
И тут мне паньчи приснились
И не дали, злодеи, спать.*

[В каземате, 1847]

«Думы мои, думы мои, Самые родные...»
Перевод А. Суркова

{214}

* * *

*Думы мои, думы мои,
Самые родные!
Хоть вы меня не покиньте
В эти годы злые.
Прилетайте сизокрылой
Стаей голубиной
Из-за Днепра широкого
Погулять в пустыне
С киргизами убогими.
Хоть они убоги,
Хоть и голы...
Но на воле
Они молят бога.
Прилетайте ж, мои думы!
Тихими речами*

Приголублю вас, как деток,
И заплачу с вами.

[Орская крепость, 1847]

Княжна
Поэма
Перевод В. Гиппиуса

{215}

Звезда моя вечерняя!
Взойди над горою —
Поговорим тихонечко
В неволе с тобою.
Расскажи, как за горою
Солнце догорает;
Как радуга днепровскую
Воду набирает;
Как высокий тополь ветви
Раскинул красиво...
А над самою водою
Наклонилась ива, —
Чуть не по воде постлала
Сеть ветвей зеленых,
А на ветвях баюкает
Детей некрещеных;
Как средь поля на кургане
Вурдалак ночует;

Как сычи кричат средь леса
Недоброе чуют;
Как сон-трава по долинам
В ночи расцветает;
А про людей — ну их вовсе!
Кто же их не знает?
Я-то знаю!.. Звезда моя!
Ты мой друг единый!
Ведь кто знает, что творится
Там — на Украине...
Расскажу тебе, что знаю,
Я и спать не стану,
А ты богу тихонечко
Скажешь утром рано.

Село! Пришел конец кручине...
Село на нашей Украине —
Красивей писанки село,
Зеленой рощей поросло;
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
Как диво дивное; кругом
Кудрявых тополей вершины;
А там и лес, — леса, долины,
Холмы синеют за Днепром.
Сам бог витает над селом.

Село! Село! Веселье в хатах!
Веселье, издали, в палатах —
О, чтоб вы терном поросли!
Чтоб люди следу не нашли,
Чтоб не искали вас, проклятых.
И в это тихое село
На нашей славной Украине
Невесть откуда занесло
Когда-то князя, с ним — княгиню,
Людей не старых; им жилось
Привольно, мирно и богато:
На горке светлые палаты,
Пруд многоводный на лугу,
Зеленый сад на берегу,
И тополя, и ивы,
И мельниц ряд шумливый,
А там широкой полосой
Село тянулось над рекой.

Там шел, бывало, пир горой.
Бывало, летом и зимою
Гром музыки, вино рекою:
Гостей без удержу поят...
А князь среди гостей гуляет
И сам несмелым наливает,
А то еще «виват» кричит.
Гуляет князь, гуляют паны.
Вот повалились на пол спьяну...

А завтра снова прежний вид,
Опять шумят, опять гуляют,
И так за днями дни мелькают.
По селам мужики кряхтят...
Приказный шлет молитву богу...
Гуляки знай себе кричат:
«И патриот, и брат убогих!
Наш славный князь! Виват! Ви-
ват!»
А патриот, убогих брат...
И дочь и телку отнимает
У мужика, — и бог не знает.
А может, знает, да молчит.

Княгиня взаперти сидит.
Ее и в сени не пускает
Убогих брат. Себя вини:
Сама бежала, обвенчалась;
Отец и мать не отпускали:
«Зачем высоко забралась?»
Так нет, — за князя! Вот и князь!
Вот и гордись теперь, княгиня!

Погибнешь, милая, в пустыне,
Цветком подснежника весной
Заглохнешь, радости не зная,
Жизнь проживешь, не понимая,
Как люди любят всей душой.

А жить — так, господи, хотелось,
И любви отдаться,
Хоть годочек, хоть часочек
Миром любоваться!
Не пришлось — а все ведь было,
Мать для дочки милой
Ничего не пожалела,
Красой наделила, —
Хоть молись перед тобою,
Как перед святою...
Краса моя молодая,
Горюшко с тобою!
Жить бы, жить да славить бога
Добрыми делами,
Чтобы люди любовались
Юными очами, —
Не придется! Очам карим
Назначена доля
В одиночестве зачахнуть...
Божья ль это воля?
Боже, боже! Волю, разум,
Красу посылаешь,
Сердце чистое, а сердцу
Жить не позволяешь!
Не даешь на рай веселый,
На мир бесконечный
Наглядеться, намолиться
И заснуть навечно.

Невесело на свете жить,
Коль сердцу некого любить.
Вот так и ей пришлось отныне,
Моей молоденькой княгине,
Красу и сердце засушить,
Напрасно гибнуть, как в пусты-
не, —

Не страшно ль? А она молилась
И жить у господ просилась.
Казалось, есть кого любить:
Она уже дитя носила,
Уже гордилась и любила
Младенца. Дал ей бог дожить
До лучшей радости на свете:
Увидеть и поцеловать
Свою единственную дочь
И первый крик ее услышать.
Ох, дети! Дети! Дети!
Великая вы благодать!
Слезы высохли, пропали,
Солнце засияло,
И княгиня с дочуркою
Словно новой стала.
Словно вновь на свет родилась —
Пела, веселилась...
И княжне, своей малютке.
Рубашечки шила,
И малые рукавчики

Шелком вышивала,
И купала, и качала,
И сама кормила.
Ведь княгини — уж известно —
Лишь родить умеют,
А выкормить да вынянчить
И не порадеют,
А после стонут: «Ах, забудет
Меня мой Поль или Филат!»
За что ж тебя он помнить бу-
дет?
За то ль одно, что родила?
А моя свою дочурку
Сама воспитала,
А пьяного мужа-князя
И не подпускала.
Словно яблочко на ветке,
Дитя выросло,
Лепетало понемногу.
И княгиня стала
Учить ее слову мама.
Папа — не учила...
И разных книг с картинками
В Ромнах накупила,
Рассказами забавляла;
Стала дочь учиться
И азбуке по картинкам,
И богу молиться.

Каждый день ее купала,
К ночи усыпляла,
Ни пылинке на малютку
Упасть не давала:
И всю ноченьку над нею
Очей не смыкала,
Все глядела, любовалась
Княжною своею...
Уж о свадьбе стала думать,
Радовалась с нею
И плакала: вот и косы
Расплетут ей вскоре...
Да пьяного мужа-князя
Вспомнила, на горе, —
В эполетах... зарыдала,
И глаза закрыла.
А девочка словно знала,
Словно говорила:
«Не плачь, мама! Кос роскошных
Расплетать не надо:
Посекутся...»
Дни за днями
Великую радость
Дочь-красавица приносит
Матери счастливой.
Словно тополь, вырастает,
Всем людям на диво.
Вырастает... Да недолго

Мать повеселится:
Бог княгиню покарает,
Грозой разразится...
А за что? Чудно нам, людям,
Ведь люди не знают,
Зачем добро умирает,
А зло оживает.
Расхворалась княгиня,
И князь встрепенулся,
За бабами-знахарками
По селам метнулся.
Наехали. Суетились.
Лечили, лечили
До тех пор, пока беднягу
В гроб не положили.

И нет уже княгини кроткой,
И снова гусли — что ни ночь.
Ее единственная дочь
Осталась на селе сироткой,
Как лист, слетевший с ветки
прочь.
Полуголодная, босая,
Рубашку носит, не снимая,
На солнце жарится весь день,
Траву сосет, в песок играет,
С детьми полощется в воде...
Дружок, умойся! Мать родная

Глядит, и не узнать уж ей
Свое дитя в толпе детей,
И думает: тебя не стало...
Дружок, умойся, чтоб узнала
Единственную дочь свою...
И господу б благословляла
За добрую судьбу твою.
Умылась. Постарались люди,
Одели, в Киев, в институт
Отправили. А там что будет —
Посмотрим. Гусли вновь режут...
Гуляет князь с гостями вместе,
В его палатах шум и песни,
А в селах голод, люди мрут...
И стонет он, стонет по всей
Украине.
Божья кара, голод. Тысячами гиб-
нут
Голодные люди. А скирды гниют.
А паны мякину купцам продают
Да молятся богу — так голоду
рады, —
Чтоб хлеба хоть годик еще не ро-
жал, —
Тогда и в Париже и всюду, где на-
до,
Наш брат хуторянин себя пока-
зал!

И бог это знает? Ведь было бы ди-
во —

И слышать, и видеть, и не пока-
рать.

Да, видно, он слишком долготер-
пеливый...

Проходят годы, люди гибнут:

Терзает голод Украину,

В селе у князя люди мрут,

И скирды у него гниют,

А он беспечно пьет, гуляет,

Купца-еврея поджидает;

Его все нет... Хлеба растут;

Крестьяне рады, бога просят...

Как вдруг из Киева привозят

Княжну. Не солнце ли взошло

Над обворованным селом?

Черной бровью, карим оком

Мать напоминает;

Только грустна, невесела...

О чем же вздыхает?

Или, может быть, такую

Она уродилась?

Или, может, молодая

Сердцем полюбила

Кого-нибудь? Нет, не это...

Весело гуляла,

Как ласточка из гнездышка,

Весь свет озирала
Из Киева, пока дома
На нищие села
Не взглянула; с той минуты
Стала невеселой.

Сизокрылою голубкой
Село облетела;
У всех была, всех видела,
Все повеселело.
Тех словами обласкала,
Того наплатала.
Каждый божий день ходила
В село. Помогала
Всем и каждому; сироты
У нее в покое
Толпились и матерью
Своею святою
Ее звали, и все село
За нее молилось...
А меж тем в селе евреи
С казной появились.
Князь доволен, продает им
С мякиною жито,
И молотить выгоняет
Людей недобитых.
Смолотили — чтоб не сглазить

За один часочек,
И все дотла провеяли...
К той же самой ночи
Князь опять гостей сзывает,
И пьет, и гуляет
С ними в парке: нельзя дома —
Дочка засыпает.

Гремят, галдят, гудят буяны
Срамные песни; верещит
Визгливый хохот девки пьяной.
«Гуляй! — хозяин им кричит. —
Покуда наша дочка спит».
А дочка взаперти сидит
В своей светелке одинокой
И смотрит: над горой высоко
Луна багряная горит,
Из тучи тихо выплывает,
И горы словно оживают;
Дубы в долину из лесов
Отходят, привидений тише,
И голоса сычей и сов
Зловеще стонут из-под крыши,
Лягушек крик со всех сторон...
Смотрите, очи, как светлеет,
Как полн огнями небосклон,
Как, восходя, луна алеет;
Смотрите же, пока вас греет,

А звезды отгоняют сон.
Голову склонив на руку,
У окна сидела
И до полночи печально
На звезды глядела
Княжна моя... Нагляделась,
Да и плакать стала...
Верно, сердце о невзгоде
Тихо прошептало?
Все равно уж! Поплакала
Малость, усмехнулась,
Помолилась и спать легла,
И тихо заснула.
А в парке в лежку все лежало —
Бутылки, гости: где упало,
Там и легло. А сам стоял,
Стакан до капли допивал,
Допил. Идет, не запинаясь,
В покои... Гадина дрянная!
Куда же лезешь ты? Очнись!
Нет, не очнулся, вынимает
Ключи, и двери отмыкает,
И лезет к дочери... Проснись,
Проснись же, чистая, проснись!
Убей гадюку — искушает!
Убей — и бог не покарает!
Как Ченчи, за кинжал возьмись^{216}.
Отца зарезав, кардинала,

Она небес не испугалась.
Нет, не проснулась, крепко спит!
А бог хоть видит, да молчит,
Грехам великим попускает...
Все тихо... Время пролетает,
А после крик, а после гвалт
И плач слышали из палат, —
Слыхали совы... После снова
Все стихло... В этот тихий час
Скирды и клуня занялись,
Померкли звезды. Хоть бы слово,
Хоть голос бы отозвался.
Но пань в парке все храпели,
Сбежались люди и смотрели,
Как дым до неба поднялся...

Проснулись утром гости,
Видят — горе злое.
Покинули они тихо
Княжию покою...
Так и мы его покинем,
Так и бог покинет.
Тебя только не покинет
Невзгода отныне,
Княжна моя, горемыка,
Растоптанный цветик!
Грехов тяжких искупленье
Удел твой на свете, —

Грехов отчих. Доля, доля,
Лукавая доля!
Покинь ее хоть под старость,
Хоть на чужом поле,
На безлюдье. Не покинешь,
Повсюду нагонишь,
Не отстанешь до могилы,
Сама похоронишь.

Никто не видел и не слышал,
Куда она делась, —
Думали, что на пожаре
Бедняга сгорела.

Стоит село невесело,
Стены почернели
У палат. И князь хворает,
Не встает с постели.
Никто к нему не заглянет,
Не придет на помощь,
Без призора старый грешник
В проклятых хоромах.
Чуть пришли в себя крестьяне,
Бога умоляют,
Чтобы к ним княжна вернулась,
Откуда — не знают.
Но святая не вернется...

Куда ж она скрылась?
В древнем Киеве навеки
В черницы постриглась.

На свет родиться — жить, лю-
бить,
Сиять господней красотой,
Парить над грешными святою
И всякому добро творить.
А кончить вот чем: понапрасну
Себя в монастыре сгубить...

Скитаясь по Украине,
Забрел я как-то в Чигирин,
В тот монастырь, что за песка-
ми,
Среди болота, меж кустами
В уединении стоит.
Вот там-то мне и рассказала
Черница старая о том,
Как год тому назад пришла
В их монастырь из-за Днепра
Одна княжна. Заночевала
И богу душу отдала.
«Она скончалась молодою
И хороша была собою,
От солнца жаркого смугла;
Да вот занемогла — лежала

*Недолго, лишь недели две,
И все до крошки рассказала
Сестрице Ксении и мне —
И умерла. Где ни ходила!
В каких-то праведных местах...
А здесь, сердешная, почила...
Вон в стороне ее могила...
Еще не ставили креста».*

[Орская крепость, 1847
Нижний Новгород, 1858, февраль 24]

**Н. Н. («Солнце заходит, горы
чернеют...»)**

Перевод И. Воробьевой

*Солнце заходит, горы чернеют,
Пташечка молкнет, поле неме-
ет,
Отдых находят люди под кровом.
А я гляжу... и думами снова
Мчусь на Украину, в садик вишне-
вый;
Мчусь к ней мечтами, в мечтах
витаю,
И будто сердцем я отдыхаю.
Чернеет поле, и лес, и горы,
Звезда блеснула в синем просторе.*

*Звездочка! свет мой! — и слезы
каплют.*

*Взошла ль уже ты на Украине?
Карие очи ищут, нашли ли
Звездочку в небе? Или забыли?
Если забыли, дай бог, чтоб спали,
Про мою долю и не слыхали.*

[Орская крепость, 1847]

**Н. Н. («Тогда мне лет тринадцать
было...»)**

Перевод А. Твардовского

{217}

*Тогда мне лет тринадцать было,
За выгоном я пас ягнят.
И то ли солнце так светило,
А может, просто был я рад
Невесть чему. Все походило
На рай небесный...
Уже давно на полдник звали,
А я в бурьяне, в тишине,
Молился богу, и едва ли
Хоть раз еще на свете мне
Так сладко, радостно молилось,
Так сердце весело цвело,
Казалось, небо, и село,*

И даже стадо веселилось,
И солнце грело — не пекло!
Да не долго солнце в небе
Ласковое было:
Поднялось, побагровело,
Рай мой опалило.
Осмотрелся, как спросонок:
Село почернело,
Божье небо голубое
И то потемнело.
На ягнят я оглянулся —
Не мои ягнята!
Оглянулся я на хату —
Нет у меня хаты!
Ничего господь мне не дал!..
Горький и убогий,
Я заплакал!.. А девушка
Рядом у дороги
Посконь дергала, родная.
Она услышала,
Увидала, что я плачу,
Пришла, приласкала,
Слезы вытерла ребенку
И поцеловала.
И снова солнце засияло,
И словно все на свете стало
Моим... дуброва, поле, сад!..
И мы шутя, смеясь погнали

На водопой чужих ягнят.

Пустяк! А вспомню, и сегодня
Тоска наполнит грудь мою, —
Ведь не пришлось в таком раю
Мне жить по милости господней.
Пахал бы я родное поле,
Не слыл юродивым, своей
Не знал бы горемычной доли,
Не проклял бога и людей!..

[Орская крепость, 1847]

«Не греет солнце на чужбине...»

Перевод А. Безыменского

* * *

Не греет солнце на чужбине,
А дома слишком уж пекло.
Мне было очень тяжело
И там — на славной Украине:
Любви и ласки я не знал,
Я сам от многих отдалился,
Блуждал тихонечко, молился,
Панов-злодеев проклинал.
Передо мною проходили
Глухие, давние лета:
Тогда повесили Христа,

Его бы и теперь казнили!
Теперь мне счастья нет нигде,
А может, счастья и не будет
И на Украине нашей, люди,
Как на чужбине! Как везде!
Но мне хотелось бы другого:
Чтоб люди сделать не могли
Мне гроб из дерева чужого...
Чтобы хоть горсточку земли
Ко мне из-за Днепра святого
Святые ветры принесли,
И это все. Вот так-то, люди,
Хотелось бы... Да что гадать...
Зачем же бога утруждать,
Когда по-нашему не будет!

[Орская крепость, 1847]

Сон. («Горы мои высокие!...»)

Перевод А. Суркова

{218}

Горы мои высокие!
Вы не так высоки,
Как прекрасны, голубые
В дымке, издалика —
С переяславских просторов,
С Выблого кургана^{219},
Вы виднеетесь, как тучи,
За Днепром туманным.
Иду я тихо над рекою,
Любуюсь — вот передо мною,
Как будто призраки всплывают,
Из тучи тихо выступают
Обрыв высокий, лес, овраг;
И хатки белые мелькают,
Как дети в жмурки на лугах
В рубашках беленьких играют;
А понизу седой казак,
Наш Днепр, среди лугов сверкает.
А дальше, дальше за Днепром,
Часовней малою маяча,
На горке церковка казачья
Стоит с покривленным крестом.
Все стоит и ожидает

Запорожца с Луга...
Днепр широкий окликает,
Жалуется другу.
И тускнеют окна храма,
Как мертвец упрямо
Даль степную озирает
Из могильной ямы.
Обновленья ждешь в печали?
Не дождешься славы!
Твои люди ограблены,
А панам лукавым
Нету дела до великой
До казацкой славы!..

И Трахтемиров^{220} под горою
Свои хатенки вдоль реки
Раскинул горестной рукою,
Как нищий пьяненький куски.
Монастырище^{221} — вон, когда-то
Казацье старое село.
А так ли было, так ли шло?...
Все отдано царям проклятым:
И Запорожье, и село,
И монастырь, и все богатства:
Все осквернили, разнесли!..
А вы, вы, горы, не спасли!!
Дай бог вовек не любоваться
На вас, проклятые!.. Нет, нет...

Не вам проклятье!.. Окаянным
Магнатам, гетманам поганым!..
Простите же, простите мне,
Высокие и голубые,
На свете самые святые!
Простите! Богу помолюсь...
Я так, я так ее люблю,
Украину, мой край убогий,
Что проклянута святого бога
И душу за нее сгублю!

Над Трахтемировом, высоко,
На круче, будто сирота,
Что ищет гибели в глубоком
Днепровском омуте, вот так
Белеет хата из-за тына...
Видна из хаты Украина
И гетманщина вся кругом^{222}.
Старик столетний возле хаты
Сидит, а солнышко к закату
Уже склонилось над Днепром.
Сидит старик, и зреют думы,
И слезы капают. «Ай-ай! —
Промолвил старый. — Недоумы!
Испакостили божий рай!..
Гетманщина!!» И старое
Сердце загрустило...
Может, чем-то тяжким-тяж-

ким
Вылиться просилось?
И не вылилось...

.....
«Блуждал я по свету немало,
Носил и свитку и жупан.
На что уж худо за Уралом
Киргизам бедным, но и там,
Ей-же-богу, жить привольней,
Чем нам на Украине.
Может, потому — киргизы
Всё не христиане?
Зла принес Христос немало,
А переиначил
Людей божьих? Ведь катились
Глупые казачьи
Наши головы за правду,
За веру Христову,
Упивались и своею
И чужою кровью!..
Разве лучше стали? Где там!
Куда хуже стали.
Без ножа и аутодафе
Людей заковали
И терзают... Ой, ой, пань,
Пань христиане!..»
Затих мой старьй, убит тоскою,
Поник седую буй-головой.

Под вечер солнце лес золотило
И Днепр и степи золотом крыло;
Собор Мазепы в лучах сияет^{223},
Курган Богданов^{224} вдали мерца-
ет;

Где путь на Киев, там сиротливо
К холмам Трех Братьев склони-
лись ивы^{225},
Трубайло с Альтой между речною
Слились осокой, как брат с сест-
рою,
И все-то, все-то радует очи,
А сердце плачет, взглянуть не хо-
чет!

Солнце светлое простилось
С черною землею;
Выступает ясный месяц
С сестрою-звездюю;
Веселея и ясняя,
Тучи расступились.
А старик на небо глянул,
Слезы покатались...
«Я хвалю тебя, мой боже,
Господи великий!
Что не дал ты мне погибнуть,
Небесный владыко!
Что вложил ты в сердце силу

Пересилить горе
И привел меня, седого,
На святые горы —
Одинокю поселиться
И тебе молиться,
И твоею красотою
Тихо насладиться...
И, прибитое грехами
Тяжкими, людскими,
Схоронить на кручах сердце
И витать над ними...»
Вытер слезы огневые,
Хоть не молодые,
И припомнил, старый, годы
Давние, благие...
Где, как, зачем и что творилось?
Что было въявь, а что присни-
лось?
Моря какие повидал?
Он вспомнил темную дуброву
И очи юной, чернобровой,
И месяц между звезд сиял,
И соловейко на калине
То затихал, то распевал,
Святого бога восхвалял;
И это все на Украине!..
И усмехнулся старый дед...
Знать, некуда ту правду деть,

Что справить свадьбу собирались,
Да разошлись, не повенчались...
Ушла, и он на склоне лет
Один и помнит все утраты.
Старик мой снова загрустил;
Ходил в раздумье до заката,
Потом молитву сотворил
И тихо спать поплелся в хату,
А полог туч луну прикрыл.

Вот такой мне на чужбине
Нынче сон приснился.
Будто снова я на волю,
На свет народился.
Дай мне, боже, приютиться
В старости глубокой
На тех кручах ограбленных
В хате одинокой,
Чтоб замученное сердце,
Выжженное горем,
Принести перед кончиной
На Днепровы горы.

[Орская крепость, 1847]

Иржавец

Перевод В. Державина

{226}

Было время, добывали
Себе шведы славу,
Убегали с Мазепою^{227}
За Днестр из Полтавы,
А за ними Гордиенко...
Раньше бы учиться,
Как повыкосить пшеницу,
К Полтаве пробиться.
Выкосили б, если б дружны
Меж собою были,
Да с фастовским полковником^{228}
Гетмана сдружили, —
У Петра тогда б, у свата,
Копий не забыли
И, с Хортицы убегая,
Силу б не сгубили.
Их не предал бы прилуцкий
Полковник поганый^{229} ...
Не плакала б мать божья
В Крыму об Украйне.
Когда бежали день и ночь,
Когда бросали запорожцы
Родную мать-Сечь и прочь

Спешили, только мать божью
С собою взяли, и пошли,
И в Крым к татарам принесли,
К другому горе-Запорожью.
Туча черная, густая
Белую закрыла.
Пановатъ над казаками
Орда порешила.
Хоть позволил хан селиться
Им на голом поле,
Только церковь запорожцам
Строить не позволил.
И поставили икону
В шатре одиноком,
И украдкою молились...

Край ты мой далекий!
Роскошно цветущий, прекрасный,
богатый!
Кто только не мучил тебя? Если
взять
Да вспомнить злодеяния любого
магната,
То можно и пекло само испугать.
Последний приказчик большого
вельможи
И Данта жестокостью б мог по-
разить.

И все, мол, все беды — от бога! О
боже,
Зачем тебе нужно невинных гу-
бить?
Замучены дети Украины сердеш-
ной.
За что они гибнут и в чем они
грешны?
И ты ль осудил их оковы носить?

Кобзари про войны пели,
Битвы и пожары,
Про тяжкое лихолетье,
Про лютые кары,
Что терпели мы от ляхов, —
Обо всем пропели.
А что было после шведов!..
Словно онемели
С перепугу горемыки,
Слепые умолкли.
Так Петровы воеводы
Рвали нас, что волки...
Издалека запорожцы
Ухом уловили,
Как в Глухове зазвонили,
Как пушки палили^{230};
Как людей погнали строить
Город на трясине^{231}.

Как заплакала седая
Мать о милом сыне,
Как сыночки на Орели
Линию копали,
Как в холодном финском крае
В снегу погибали.
Услыхали запорожцы
В Крыму на чужбине,
Что и гетманщина гинет,
Неповинно гинет.
Услыхали горемыки,
Да только молчали,
Потому что рты им крепко
Мурзы завязали.
Убивались, бедняги,
Плакали, и с ними
Заплакала мать божья
Слезами святыми.
Заплакала пресвятая,
Словно мать над сыном.
Бог увидел эти муки,
Пречистые муки!
Отдал он Петра-злодея
Лютной смерти в руки.
Воротились запорожцы,
Принесли чудесный,
Чудотворный старый образ
Царицы небесной.

*И в Иржавце ту икону
Поставили в храме.
И доньне она плачет
Там над казаками.*

[Орская крепость, 1847]
14 марта [Москва, 1858]

Н. Н. («О думы мои! О слава злая!..»)

Перевод А. Чачикова

{232}

*О думы мои! О слава злая!
Из-за тебя я напрасно страдаю,
Терзаюсь, мучаюсь... но все ж не
каюсь...
Люблю, как подругу, как дорогую,
Бедную Украину свою родную!
Что хочешь делай с темным со
мною,
Не покидай лишь, — я за тобою
Готов хоть в пекло.
. Ты принимала
Нерона лютого, Сарданапала,
Ирода, Каина, Христа, Сократа.
О, непотребная! Кесаря-ката
И грека доброго^{233} ты поллюби-
ла —*

Всех одинаково... они платили.
А я, убогий, что принесу я?
Меня за что же ты поцелуешь?
За песню, что ли? Пели напрасно
Певцы получше, чем я, несчаст-
ный.
И лишь подумаю, грусть подсту-
пает:
Буйные головы ведь с плеч слета-
ют
Все из-за славы... Как псы, грызут-
ся
Родные братья — не разойдутся!
А эта слава с ее дурманом —
В шинке блудница, а люди пьяны!

[Орская крепость, 1847]

«Когда мы были казаками...»

Перевод Н. Брауна

{234}

* * *

*Когда мы были казаками,
Еще до унии^{235}, — тогда
Как весело текли года!
Поляков звали мы друзьями,
Гордились вольными степями;
В садах, как лилии, цвели
Дивчата, пели и любили,
Сынами матери гордились,
Сынами вольными... Росли,
Росли сыны и веселили
Печальной старости лета,
Покуда с именем Христа
Ксендзы, придя, не подпалили
Наш край, пока не потекли
Моря большие слез и крови...
Сирот же именем Христовым
Страданьям лютым обрекли...*

*Поникли головы казачьи.
Как будто смятая трава,
Украина плачет, стонет-плачет!*

Летит на землю голова
За головой. Палач лютует,
А ксендз безумным языком
Кричит: Те Деум! Аллилуйя!..
Вот так, поляк, и друг и брат
мой!
Жестокие ксендзы, магнаты
Нас разлучили, развели, —
Мы до сих пор бы рядом шли.
Дай казаку ты руку снова
И сердце чистое отдай!
И снова именем Христовым
Мы обновим наш тихий рай.

[Орская крепость, 1847
Москва, 1858] 14 марта

Чернец

Перевод Н. Асеева

{236}

На киевском на Подоле^{237}
Так бывало... и уж боле
Этого не будет. Было,
Было это все, да сплыло,
Позабылось... А я, братцы,
Буду все-таки стараться
С тем, что было, повидаться,
Буду грусти предаваться.

На киевском на Подоле
Казацкая наша воля,
Без холопа и без пана
Ни пред кем не клонит стана.
Стелет бархатом дороги,
Вытирает шелком ноги,
Сама собой управляет
И пути не уступает.

На киевском на Подоле
Казаки гуляют,
Словно воду, ушатами
Вино разливают.
Погреба с вином, с медами

Откупили всюду
И устроили гулянье
Киевскому люду.

А музыка гремит, стонет,
Даже мертвых тронет.
Из окошек на веселье
Бурса чубы клонит.
Нету голой школе воли,
А то б удружила...
Кого же это с музыкою
Толпа окружила?

В штанах атласных ярко-крас-
ных,
Мотню по пыли волоча,
Идет казак. Как вы ужасны,
Ох, годы! годы! Сгоряча
Старик ударил каблуками,
Да так, что пыль взвилась! Вот
так!
Еще и подпевал казак:

«По дороге рак, рак,
Пускай будет так, так,
Если б нашим молодцам
Сеять один мак, мак!
Бей землю каблуками,

Дай ходу каблукам,
Достанется и носкам.
Чтоб за теми каблуками
Пыль ходила облаками,
Бей землю каблуками!
Дай ходу каблукам,
Достанется и носкам!»

Так до Межигорского Спаса^{238}
Шел вприсядку сивый,
А за ним и казачество,
И весь святой Киев.
До ворот дошел, танцуя,
Крикнул: «Пугу! Пугу!»^{239}
Принимайте, черноризцы,
Товарища с Луга!»
Монастырские ворота
Перед ним открылись,
Потом снова затворились,
Навек затворились.
Кто же этот поседелый
В битвах да в несчатьях?
Семен Палий, казак, вздумал
С волей попроситься.

Ой, высоко солнце всходит,
Низенько заходит,
В длинной рясе седой чернец

По кельи бродит.
Идет, бредет он в Вышгород^{240}
Ближнею дорогой,
Чтобы посмотреть на Киев,
Погрустить немного,
К Звонковой[15] идет кринице,
Чтоб воды напиться,
Жизнь свою он вспоминает
В яру над криницей.
И опять идет он в келью,
Под немые своды,
Перебирать веселые
Молодые годы.
Священное писание
Громко он читает,
А мыслями чернец седой
Далеко летает.

И тихнут божии слова,
И голос Сечи снова зычен,
Свобода давняя жива;
И старый гетман, как сова^{241},
Глядит в глаза. Монаха кличут
Музыка, танцы и Бердичев...
Оковы лязгают... Москва...
Леса, снега и Енисей...
И покатались из очей
На рясу слезы... Бей поклоны!

Плоть стариковскую смиряй,
Писанье божие читай
Под монастырские трезвоны,
А сердцу воли не давай.
Оно тебя в Сибирь водило,
Весь век тебя в обман вводило.
Сдави ж его, не вспоминай
Своей Борзны и Фастовщины.
Все смертны, и твоя кончина
Близка, тебя забудет свет...
И мыслям грустным он в ответ
Заплакал, книгу отодвинул.
Ходил по келии, ходил
И тяжело на скамью склонился:
«Зачем же я на свет родился,
Свою Украину любил?»
Уж колокол завыл бессонный,
Зовя к заутрене святой.
И встал чернец, заслыша звоны,
Надел клобук, взял посох свой...
И в храм побрел он — бить покло-
ны,
Молиться за свой край родной.

[Орская крепость, 1847]
[Москва, 1858]

«Один другого вопрошаем...»

Перевод В. Луговского

* * *

*Один другого вопрошаем:
«Зачем нас породила мать?
Для зла, добра? Не разгадать!
Зачем живем? Чего желаем?»
И, не дознавшись, умираем,
Чтоб дело жизни покидать.*

*Дела какие, боже милый,
Меня бы осудить могли?
О, лучше б дети не росли,
Тебя, святого, не гневил,
Что в злой неволе народились,
Твой стыд с тобою разделив.*

[Орская крепость, 1847]

«Сам удивляюсь. Кто ответит...»

Перевод Н. Ушакова

* * *

*Сам удивляюсь. Кто ответит, —
Что делать мне, с чего начать?
Людей и долю проклинать
Напрасно. Но как жить на свете
В цепях, в далекой стороне?
Вот если перегрызть бы мне
По силам было цепи эти, —
Грыз понемногу б... Так не те,
Не те их кузнецы ковали,
Не так железо закаляли,
Чтоб перегрызть их. Горе нам,
Невольникам и сиротам,
В степи бескрайной за Уралом!*

[Орская крепость, 1847]

«Ой, строчечку да к строчечке...»

Перевод В. Звягинцевой

* * *

*Ой, строчечку да к строчечке,
Работаю три ноченьки,
Работаю, вышиваю, —
В воскресенье погуляю.*

*Ой, клеточки на платочке,
Любуйтесь-ка, дивчаточки,
Любуйтесь-ка, пареньки,
Запорожцы-казаки.*

*Ой, любуйтесь, ласкайтесь,
С другими же венчайтесь, —
Уж отданы рушники...
Вот так-то вот, казаки!*

[Орская крепость, 1847]
15 марта

Платок

Перевод М. Комиссаровой

{242}

Иль на то господня воля?
Иль такая ее доля?
Росла в наймах, век трудилась,
Сиротину полюбила.
Был бедняк, как голубь, с нею,
С бесталанною своею.
От зорюшки до зорюшки
Сидят себе у вдовушки,
Сидят себе рассуждают,
Пречистую поджидают^{243}.
Дождалися... Из Чигрина
По всей славной Украине
Колокола реветь стали,
Чтобы все коней седлали,
Чтобы сабельки точили
Да на свадьбу выходили,
На веселое гулянье,
На кровавое свиданье.

В воскресеньице да ранехонько
Горны-трубы заиграли,
В поход, в дорогу славных компа-
нейцев^{244}

До рассвета провожали.
Провожала вдова своего сына
На далекую чужбину.
Провожала сестра своего брата,
А сироту сиротина
Провожала: пить коню давала
До денницы из криницы.
Выносила сбрую, саблю золотую
И тяжелую рушницу^{245}.
Провожала три мили, три поля,
Прощалася у раздолья.
Вышитый шелком платочек да-
рила,
Чтоб не позабыл, говорила.

Ой, платок ты, платочек мой,
Узорами шитый!
Вся и слава казацкая —
В седельце покрытом.

Возвращалась, тосковала,
На дорогу взгляд бросала,
Наряжалась, прибиралась,
Каждый день все дожидалась.
В воскресенье раным-рано
Поджидала у кургана.

Год прошел, другой и третий —

И летят с чужбины
Преславные компанейцы,
Дети Украины.
Идет войско и другое,
А за третьим вскоре —
Не смотри, не жди, бедняга! —
Везут тебе горе:
Гроб казачий расписанный,
Китайкой покрытый,
А за гробом с старшиною
Идет знаменитый
Сам полковник в черной свитке,
Характерник с Сечи^{246},
За ним идут есаулы.
Идут они, плачут,
Несут паны есаулы
Казацкую сбрую:
Литой панцирь порубленный,
Саблю золотую,
Три тяжелые рушницы
И три самопала...
На оружье... казацкая
Кровь позасыхала.
Ведут коня вороного,
Разбиты копыта...
И седельце казацкое
Платочком покрыто.

[Орская крепость, 1847]

Нижний Новгород, 1858, марта 8

**А. О. Козачковскому («Бывало, в
школе я когда-то...»)**

Перевод Л. Вьшеславского

{247}

Бывало, в школе я когда-то,
Лишь зазевается дьячок,
Стяну тихонько пяточок.
Ходил я весь тогда в заплатах,
Таким был бедным — и куплю
Листок бумаги. И скреплю
Я ниткой книжечку. Крестами
И тонкой рамкою с цветами
Кругом страницы обведу,
Перепишу Сковороду^{248}
Или «Три царие со дары».^{249}
И от дороги в стороне,
Чтоб обо мне кто не судачил,
Пою себе и плачу.
И довелось снова мне
Под старость с виршами таить-
ся,
Опять исписывать страницы,
И петь, и плакать в тишине.

И тяжело плакать. Я не знаю,
За что меня господь карает?
Учеником я в муках рос,
Учеником сидеть пришлось,
Учеником и закопают.
Все это из-за пяточка,
Украденного у дьячка.
Вот так господь меня карает.

Слушай же, мой голубь сизый,
Орел мой, казак мой!
Как страдаю я в неволе,
Как томлюсь на свете.
Слушай, брат, и накажи ты
Своим малым детям.
Накажи, чтоб с малолетства
Стихов не писали.
Если же кому придется, —
Чтоб люди не знали,
Пусть себе он в уголочке
И плачет и пишет,
Чтоб и бог его не видел,
Чтоб и ты не слышал,
Чтоб ему не привелось
Маяться, страдая,
Как страдаю я в неволе
Без конца, без края.

А в день воскресный я за валами,
Как вор, прокрадываюсь в поле.
Талами выйду я вдоль Урала^{250}
В простор широкий, как на волю.
И разбитое, больное
Сердце встрепенется,
Словно рыбка над водою,
Тихо усмехнется.
И полетит голубкою
Над чужим раздольем,
И я словно оживаю
На поле, на воле.
И на гору высокую
Взойти тороплюся,
Вспоминаю Украину
И вспомнить боюся.
И там степи, и тут степи,
Да тут не такие —
Все рыжие, багряные,
А там голубые,
Зеленые, расшитые
Нивами, полями,
Высокими курганами,
Темными лугами.
А тут — талы, песок, репей...
Хоть где б нибудь курган-могила
О давнем прошлом говорила.
Здесь будто не было людей.

С начала мира и поныне
Таилась от людей пустыня,
Но все же добрались мы к ней.
Остроги возвели повсюду,
А значит, и могилы будут,
Теперь дела пойдут быстрее!
О, край родной мой! Моя судьбина!
Когда я вырвусь на Украину?
Иль, может, о боже,
Тут я и сгину!
И почернеет красное поле...
«Айда 5 казармы! Айда в неволю!»

Как будто крикнет кто надо
мною.
И вдруг очнусь я, и под горою
Крадуся воров я за валами
И возвращаюсь вновь вдоль Урала.

Вот так-то праздную в мученье
Я здесь святое воскресенье.

А понедельник?... Но покуда
Всю ночь в казарме душной будут
Тревожить думы. Разобьют
Надежду, сердце вместе с нею
И то, что вымолвить не смею...
И все на свете разметут.

Ночь остановят. И веками
Часы глухие потекут,
И я кровавыми слезами
Не раз подушку омочу.

Дни и года пересчитаю,
Кому добро я сотворил?
Кого я, где, когда любил?
Добра не делал, любви не знаю,
Как будто по лесу ходил!
Была когда-то воля, сила,
Долгами силу задавило,
А воля пьяной напилась,
У Николая очутилась^{251} ...
И напиваться зареклась.

Не поможет, милый боже,
Не дождешься. «Кайся, —
Так говорит пословица, —
Да не зарекайся».

Молю я бога, чтоб светало,
И, как свободы, солнца жду.
Сверчок замолкнет; зорю бьет.
Молю я бога, чтоб смеркалось, —
Ведь дурня старого ведут
Солдатским шагом поле мерить,
Чтоб знал он, как в свободу ве-

рить.

Чтоб знал, что дурня всюду
бьют.

Пора минула молодая,
Минуло счастье, но святая
Надежда силу придает.
А горе вновь меня терзает,
Покоя сердцу не дает.
А может, все ж увижу волю?
Слезами горе перемою
Да из Днепра воды напьюсь,
К тебе, товарищ мой, вернусь.
И обниму тебя, родного,
И в нашей старой хате снова
Мы время проведем. Боюсь!
Боюсь о том промолвить слово!
Совершится ли все это,
Иль с небес высоких
Я взгляну на Украину,
На тебя, мой сокол?
А иногда так бывает,
Что слез вдруг не станет,
И просил бы я о смерти...
Так ты и Украина,
Днепр с крутыми берегами,
Надежда святая,
Господа просить о смерти

Мне не позволяют.

[Орская крепость, 1847
Москва, 1858] 16 марта

Солдатов колодец (Вариант 1847 г.)
Перевод А. Суркова

Я. Кухаренко^{252}

«Зачем, ей-богу, жить на свете?...»

«Что ж, утопись...» —

«А как же дети, Жена?» —

«Ну, то-то, не бреши,

А сядь-ка лучше, запиши

Одну бывальщину... Быть может,

Она кой-что понять поможет.

Пиши вот так: цвело

Село...

Да чтоб не шляться по чужбине,

Пиши: у нас, на Украине.

А в том селе вдова жила,

А у вдовицы дочь была

И сын семилеток.

Имеючи деток,

При достатке хвалишь бога...
А вдове убогой
Где молиться много?...
Ну, словом, так вдове доста-
лось, —
Едва не пропала:
Думала в черницы
Или утопиться.
Так жаль ей малых деток стало!
Известно, мать, что и сказать,
Быть может, снился ей и зять:
Уже Катруся подрастала...
Что ж, ей без пары вековать,
Напрасно молодость терять?...
Нет, девушка она не та!
В селенье том же у хозяев
(Сироты, говорят, — лентяи.
Неверно!) вырос сирота
Прилежный,
Хоть жилось не сладко,
Но так и сяк
Поднакопил батрак деньжат,
Одежду справил для порядка.
Да не отсель и не оттоль —
С того сиротского достатка
Сад небольшой купил и хатку,
Сказал спасибо за хлеб-соль
И за науку добрым людям,

Да к вдовьей дочке напрямиком
Тотчас же и пустился.
Не то что барин, — не рядился
Со сватами, договорился
Без торга всякого с попом.
И обвенчался сиротина —
Вот чудеса! — за три полтины!..

Глаза просохли у вдовы.
Вот так-то и живите вы,
И весело на свете будет,
И будет толк на свете жить,
Когда научишься любить.
Хоть и твердят тебе, быть мо-
жет:
Люби себя — и бог поможет.
А как придется умирать?
Сдыхать над золотом? Нет, все
же
Любовь — господня благодать.
Люби, мой друг, жену, ребяток,
Дели с убогими достаток,
Так легче будет добывать.

Повенчались горемыки,
Удивлялись люди:
Как безродный, бесталанный

Жить на свете будет?
Год прошел, другой проходит —
Снова удивлялись,
Что сиротские достатки
Быстро умножались.
И на поле, и в застолье,
И в дому обновы;
И сыночки, как цветочки,
Сами чернобровы,
Принаряжены, гуляют,
Нищих зазывают
На обед, а богатеи
И так посещают.
Посещали себялюбь,
Сирот осуждали,
Что сироты таким добром
Нищих угощали.
«Если гниет, так продали б.
У них-то ведь дети!..»
Ты послушай-ка, что часто
Делают на свете
Люди в зависти несытой!
Ходили, ходили
Да, жалея, темной ночью
Хату подпалили.
Не мудрено, что злоба гложет
Панка, ученого вельможу,
Не диво и не жаль — ведь так?

Так нет же, серый наш серяк
Лютует тоже. Брат, несладко
Седьм узнать людей повадку.
Горше смолоду поддаться
На гадючы чары:
Очарует змеиными
Карими очами.
Фу-ты пропасть! Забыл дурень,
Что смерть за плечами.

Хата, дети — все сгорело;
Ни добра, ни сада.
А соседи — и богатый
И убогий — рады.
Богатеи, вишь, довольны,
Что богаче стали,
А убогие довольны,
Что с собой сравняли.
Собрались на пепелище,
Охали, рядили:
«Жалко, жалко! Кабы ведать,
Деньги бы копили,
Вот и было б так и этак.
Что ж, Максим, тужить-то?
(Сироту Максимом звали.)
Продавай пожиток,
Приходи рядиться внаймы.

Что будет, то будет,
Снова, брат, зачумакуем,
Пока выйдешь в люди,
А там вновь...» Сказал спасибо
Максим за советы:
«Погляжу, как дальше будет,
Подожду с ответом;
Не уладится, придется
Наниматься снова...
Посоветоваться б с Катрей
Моей чернобровой...
Что всегда мне помогала
И теперь рассудит!..
Но совет ее последний
Мне помехой будет».
Волы твои и коровы
Вскоре разом пали,
А солдаты Катерину
С собой в поход взяли.

Теперь вот так напишешь: что
же
Максим? Погоревал немного,
Подумал, помолился богу,
Промолвил дважды: — Боже, бо-
же! —
Ни слова больше...

*От царницы
Пришел указ^{253} — в солдаты
брить.*

*«Не дал вдовице утопиться,
Не дам же и с сумой ходить!» —
Сказал Максим, село покинул;
У той вдовы-то, видишь, сына
В солдаты община сдала.
Такие темные дела
Творят везде тишком и ладом,
А вас, ученых, бить бы надо,
Чтоб не кричали: «Ах, аллах!
На этом свете нет отрады!»
Что ж темный не начнет кри-
чать?*

Второй

*Так что ж: живут они и зна-
ют,
Как вы сказали, благодать,
Любовь...*

Первый

Что? Что? Не понимаю...

Второй

*Они, скажу вам, прозябают,
Или, по-вашему, растут,*

Как бы капуста в огороде.

Первый

Ты так надумал? Чушь городишь!
Пускай они и не живут,
А я скажу: в ученой дури
Ваш брат им жизни не дает,
А только для себя живет,
Глаза на наше горе жмурит.

Второй

Ну, если будем так писать,
То и до вечера не кончим,
А где же бесталанный зять?

Вернулся вдовый сын обратно,
А зять в солдатчину идет.
Никто не пожалел, понятно,
Смеялся вслед ему народ.

Только точно я не знаю,
На селе бывала Катерина у вдови-
цы
Или запропала.
Слышал: стриженую будто
В Умани водили —
Кого-нибудь обокрала.

Потом утопилась.
Все едино — знаешь, люди
Доведут, задушат,
А быть может, это правда,
Как на вербе груша.
Только знаю, что сложили
Песенку дивчата.
Слышал сам, на вечерницах
Распевали в хатах:
«Шум в дуброве шире, шире,
Шапки хлопцы обронили;
А батрак не обронил, —
Вдовью дочку полюбил...»
Да бог с ней — с песнею срамною!
Шли годы тихой чередою,
И за грехи (напишешь так)
Карался господом поляк,
Пугач явился на Урале,
Пишты в одах восхваляли
Войну, царицу, — только мы
Сидели тихо, слава богу!

В село после большой зимы^{254}
Вернулся и Максим убогий.
В походе ногу потерял,
С крестом домой приковылял.

«Зачем он приплелся? Не ждет

его хата,
Ни друга, ни брата — один меж
людьми,
Зачем он тащился? Пойди вот
пойми!
Слышал ты, что легче и смерть и
утрата
Хоть на пепелище в родной сторо-
не,
Чем в чужой — в палатах. Смек-
нул или нет?
Эх, дядя, не кончим писать до за-
ката!
И вам на покой бы скорее и мне».

Затужил солдат. Калеку
Некому приветить.
Вдовиченко в пикинерах^{255},
Нет вдовы на свете.
Где ж он голову приклонит,
Где перезимует?
Уже осень. Скоро в поле
Вьюга забушует.
Нет ему на свете доли,
Потеряна в поле...
Попросился на зимовку
У дьячка при школе.

Ведь письму его, спасибо,
В полку научили.
В парике ходил — солдаты,
Как один, носили
Парики; была с кудрями
Коса привязная,
И мукою посыпали,
Для чего — бог знает!
А Максим, бывало, в церкви
Дьячку помогает,
И на клиросе подтянет,
И псалтырь читает
По покойным; приношенья
С школярами носит,
А в филипповки, бедняга,
Христа ради просит.
Ну ладно, знай себе, пиши
Да добрым людям не брещи.
От калеки злого слова
Не слышали даже...
«Счастье людям и несчастье,
Все от бога», — скажет...
И не охнет, не заплачет,
Тихий, нелюдимый.
И собаки не кусали
Солдата Максима.
В воскресенье или в праздник
Словно оживает,

Посмотреть на вдовью хату
Тихо ковыляет.
И сидит себе в садочке...
Блиzkих вспоминает,
На помин души вдовицы
Псалтырь почитает.
И о здравье Катерину
Шепотом помянет.
Утрет слезы: «Все от бога!» —
И веселым станет.
В пост петровский и усненский
Не задремлет в школе:
Берет заступ и лопату,
Ковыляет в поле.
У дороги, при долине, —
И не угадаешь,
Что калека замышляет, —
Колодец копает!
Да и выкопал. В то лето
Колодец святили,
На самого Маковея,
И дуб посадили
На примету всем проезжим.
Во второе лето
В балке мертвого солдата
Увидали дети,
Возле самого колодца.
Бедняга-голота

Вышел глянуть напоследок
На свою работу.
Миром сирого в долине
В землю закопали
И Солдатовым колодец
И лужок назвали.
Будет память... И на Спаса,
И на Маковея
До сих пор там святят воду,
И дуб зеленеет.
И никто не объезжает
Зеленого дуба,
Сядет в тени, отдыхает,
Да тихо, да любо,
Ключевой воды отведав,
Максима помянет...

Так вот, дети, жить учитесь —
И легче вам станет».

[Орская крепость, 1847]

«Вот так и я теперь строчу...»

Перевод Л. Пеньковского

Привыкнет, говорят, собака за телегой бежать, так побежит и за санями.

** * **

*Вот так и я теперь строчу:
Бумагу порчу да чернила...
А прежде! Врать вам не хочу, —
Лишь вспомню — так и накатило:
До слез, бывало, доходило.
И словно вдруг перелечу
На час хоть тайно на Украину,
Взгляну, увижу, умилюсь —
И словно чью-то жизнь продлю:
Душе легко необычайно.
Добро б сказать, что не люблю,
Что Украину забываю,
Что недругов я проклинаяю
За все, что я теперь терплю;
Ей-богу, братья, все прощаю
И милосердному молюсь:
Не поминайте лихом, братцы!
Хоть я вам и не делал зла,*

Но с вами жил, — и ведь могла
Заноза где-нибудь остаться.

[Орская крепость, 1847]

«А ну-ка, вновь стихи писать...»

Перевод Н. Брауна

* * *

А ну-ка, вновь стихи писать!
(Тишком, конечно.) Ну-ка снова,
Покуда пряжа на основе,
Старинку божью лицевать.
А сиречь... Как бы вам сказать,
Чтоб не солгать... А ну-ка, снова
Людей и долю проклинать!
Людей — чтобы нас узнали
Да нас уважали;
Долю — чтоб она не спала
Да нас охраняла.
А то глянь, что натворила:
На распутье кинув,
Прочь ушла — и горя мало,
А он, сиротина,
Молодой да седоусый,
Все еще мальчонка!
Он побрел себе тихонько
Чужою сторонкой

За Урал. И очутился
В пустыне, в неволе...
Как тебя не проклинать мне,
Лукавая доля?
Проклинать тебя не стану,
А буду скрываться
За валами да тихонько
Песней утешаться,
Тосковать и дожидаться,
Как гостя, в неволю
Из-за Днепра широкого
Тебя, моя доля!

[Орская крепость, 1848]

**«Топор был за дверью у господ
бога...»**

Перевод Н. Ушакова

{256}

* * *

Топор был за дверью у господ бо-
га.

(А бог тогда с Петром ходил
И чудеса везде творил.)

Беды-кары строгой
Кайсак не предвидел,
Топор он похитил

У господа бога
И решил в дуброве
Дровец заготовить;
Наметил дерево — и тюк!
Как вырвется топор из рук —
И страх и горе: косовица
Тут началась, и валиться
Деревья разные пошли,
Дубы столетние легли,
Как травы под косой; а пламя
И дым закрыли облаками
Святое солнце от земли —
И стала тьма, и от Урала
И до Тингиза, до Арала[16]
Кипела в берегах вода.
Пылают села, города,
Рыдают люди, звери воют,
Спешит укрыться все живое
В снега сибирские. Семь лет
Косьба господня бушевала,
Пожарище не угасало
И мерк от дыма божий свет.

.....
В воскресный день восьмого лета
Над степью в дольней дали этой
Святое солнышко взошло,
Все в белом, как дитя, одето.
Где город был или село —

Теперь их и впомине нету,
И пепел ветром разнесло,
Пустыня, как цыган, чернела;
Но, колыхаясь, зеленело
В пустыне дерево одно.
И краснеет средь пустыни
На обожженной красной глине
Колочий всяческий сорняк,
Да кое-где ковыль с осокой
Чернеют в рытвине глубокой,
Да дикий изредка кайсак
Проедет в гору на убогом,
Измученном верблюде тут.
И сразу чудеса пойдут:
Заговорит пустыня с богом,
Верблюды заплачет, а кайсак
Нахмурится и грустно взглянет
На степь и на Кара-бутак[17].
Сингич-агач[18] кайсак помянет,
Тихонько спустится с горы
И сгинет в глиняной пустыне...

Лишь одинокое в долине,
В степи, при дороге,
Дерево стоит большое,
Позабыто богом,
И топором не тронута

И божьим пожаром,
И шепчется с долиною
О времени старом.
И кайсаки почитают
Дерево святое,
Любоваться приезжают
Зеленой листвою
И молятся под деревом,
Его умоляя,
Чтобы поросли пустило
В их убогом крае.

[Орская крепость, 1848]

Варнак

Перевод Я. Городского

{257}

Блуждая по чужой земле,
Я встретил деда над Елеком^{258}.
Он дряхлым был — тот наш зем-
ляк
И недомученный варнак.
Мы как-то в поле повстречались
Со стариком и заболтались
В то воскресенье. Старик
Припоминал Волынь святую
И волю-долю молодую,

Свое минувшее. И мы
Сидели на траве, за валом,
Рассказывали о бывалом,
Делясь друг с другом. «Долог
век, —
Старик промолвил, — все от бо-
га!

Все! Ведь без господа немного
Содеет грешный человек!
Лишь одному тебе признаюсь:
Я даром загубил свой век.
Но я живу — не обижаюсь,
Ни от кого я не стараюсь
Чего-нибудь добиться. Так,
Мой сын и друг ты мой единый,
Так и умру в степях чужбины,
В неволе...» И старик варнак
Заплакал, отвернувшись. Братец!
Пока живет надежда в хате,
Пускай живет, не выгоняй.
Пусть холодный кров порою
Согреет в морозы,
Пусть из старых глаз прольются
Молодые слезы;
И, умытое слезами,
Сердце возродится
И помчится, будто птица,
В край родной помчится!

«Да, многого уже не стало! —
Сказал старик. — Воды немало
Из Иквы[19] [в море] утекло.^{259}
Над Иквой высилось село,
И в том селе лишь для страда-
ний,
Лишь на погибель вырос я, —
Судьба проклятая моя!..
В селении у старой пани
Два сына славно жизнь вели
(В одних годах они со мною),
И пани старая в покое
Взяла меня к сынкам. Росли,
Росли барчата, подрастали,
Ну как щенята. Искусали
Не одного меня они.
Настали и ученья дни
Для панычей. Я с панычами
Писать учуся — и слезами
Письмо лилось и кровью! Как
Нас, что дешевле их собаки,
Письму учить?!
Молиться богу
Да за плугом спотыкаться —
Вот твоя дорога,
Твой удел, бедняк-невольник,
И вся твоя доля.
Вот так я выучился, вырос,

Прошу себе воли —
Не пускает... Хоть в солдаты
Сдала б меня, что ли!
Не сдает. Что делать? Взятся
Я пахать сначала.
А пани деток в гвардию
Поопределяла...
Пора тяжелая настала!
Настали тяжкие лета!
Ходил за плугом я немало.
Я был убогий сирота;
А у соседа подрастала
Батрачка-девушка. И я...
Судьба несчастная моя!
О, господи! она, мой боже,
Была почти дитя. Негоже
Нам осуждать твои дела,
Судить святое провиденье!
Та девушка лишь на мученье
И на погибель мне росла.
Не удалось и наглядеться,
А думал я утешить сердце:
Жениться, жить и не тужить,
Людей и господу хвалить!
А вышло...
Мы обнов купили,
Хмельного пива наварили —
Не довелось только пить.

Друг барыни, старик блудливый,
Украл обновы, розлил пиво,
Пустил покрыткой в божий свет
Ту девушку... Прошло, что было.
И вспоминать не надо. Нет!
Прошло и не вернется боле...
Забросил я и плуг и поле,
Забросил хату, огород, —
Нечистая, должно быть, сила
Стать писарем мне пособила.
То так, то сяк проходит год.
Пишу себе, с людьми братаюсь
Да верных хлопцев подбираю.
Прошел второй. И паньчи
На третье лето посъезжались,
Уже засватаны. Мои
Барчата свадьбы дожидались,
Но с картами не расставались
И девушек, как бугаи,
В своем сельце перебирали, —
Известно, паньчи. И мы
Той свадьбы дожидаться стали.
На троицу и обвенчали
Торжественно и пышно их —
Двух паньчей, поляков наших —
В домашнем их костеле. Краше
Венчания и молодых
Сам бог не видывал великий,

А мы и видеть не могли...
Раздались музыка и клики,
Панков с венчанья повели
В их благолепные покои.
А мы навстречу. Панычей
Зарезали и всех гостей.
Умылась свадьба не простою —
Господской кровью. В этот час
Никто не смог уйти от нас.
Католики, как поросята,
В грязи валялись. Ну, а мы?
Управившись, пошли ребята
Искать убежища. Нашли
Лесную хату что палаты...
Нам в темных рощах и лесах,
В степях широких и ярах
Крутых была повсюду хата!
Там веселились мы когда-то,
И отдыхали тоже там.
Меня хозяином избрали,
И с каждым днем семья росла,
Уже до сотни выростала.
А поросячья кровь текла!
Я резал все, что паном звали,
Без милосердия и зла, —
Я просто резал... Сам не знаю,
Чего хотел я в эти дни.
Ходил три года я с ножами,

Ходил, как во хмелю мясник.
К слезам, и крови, и пожарам —
Я ко всему давно привык.
Младенца насадив на пику,
Его я жарил на огне,
Шутил с паненкой белолицой:
Распнешь нагую на коне
Ипустишь в степь.
Всего, всего тогда бывало,
И все постылым стало мне...
Изнемог я, тяжело стало
В вертепах томиться.
Думал сам себя зарезать,
Со светом проститься,
И зарезал бы, но диво
Тут со мной случилось.
Для меня, злодея, небо
Зарей озарилось.
Из лесу с ножом я вышел
Раз под Броварами,
Чтоб зарезаться. И вижу
Киев пред глазами.
Будто в воздухе повис он,
Святые сияют
Храмы, словно с самим богом
В беседу вступают.
Я смотрю — и цепенею.
Тихо зазвонили В Киеве — как бы

на небе...
О боже мой милый,
Сколь ты дивен. И я плакал,
До полудня плакал...
И легко мне сразу стало:
И малого знака
Прежней тоски не осталось, —
Как переродился...
Во все стороны я глянул
И перекрестился.
Пошел себе тихо в
Киев Святым помолиться
Да суда просить людского,
Людям поклониться».

[Орская крепость, 1848]
[Петербург, 1858]

«Ой, гляну да погляжу я...»

Перевод Н. Сидоренко

{260}

* * *

*Ой, гляну да погляжу я
На степь и на поле:
Может, даст бог милосердный
Хоть под старость волю?
Пошел бы я на Украину,
К родимому дому,
То-то были б дома рады
Бедняге седому!
Смог бы малость отдохнуть я,
Богу помолиться;
Там бы... да подумать страшно:
Этому не сбыться.
Как в неволе, без надежды
Жизнь прожить? Не знаю.
Друзья мои, научите, —
Голову теряю!*

[Орская крепость, 1848]

«Не дай ты никому того же...»

Перевод Н. Сидоренко

* * *

*Не дай ты никому того же,
Что мне, старому, дал, боже, —
На чужбине, без свободы
Понапрасну тратить годы.*

*По лугам-степям пойду я,
Разгоню кручину злую.
Только вот беда какая —
Погулять-то не пускают.*

[Кос-Арал, 1848]

[Цари]

Перевод Л. Вышеславского

{261}

Сестрица бога Аполлона!
Когда б случайно вы хоть раз,
Старушка, навестили нас
И, как бывало во дни оны,
Возвысили б свой божий глас
До оды пышно-величавой,
Я тоже начал бы, пожалуй,
Особ высоких воспевать.
А то, уж если вам сказать
Чистосердечно, по-простому,
Мне надоели мужики,
Покрытки все и барчуки;
Хотелось бы мне сбить оскому
На главах батюшек-царей,
На всех помазанниках божьих...
Да не решусь, а коль поможешь,
Покажешь мне, как тех гусей
Ощипывать, то я, быть может,
За чуб схвачу рукой своей
Святопомазанников этих.
Покиньте же святой Парнас,
Побудьте здесь, на грешном све-
те,

*И старенький свой божий глас
Возвысьте, тетенька. И складно
И ладно, ну хотя бы раз,
Хоть на минуту напоказ
Всех венценосцев выставляя
И ничего не пропуская,
О них расскажем. В добрый час
Начнем, советчица родная!*

I

*Безлюдно и тихо в Иерусалиме.
Врата на запоре, как будто в до-
ма
Давидова града, что богом храни-
мы,
Чума ворвалася. Но то не чума;
Еще пострашнее лихая година
Сошла на Израиль: царева война!*

*Собравши немощные силы,
Князья царевы, весь народ,
Закрывши в городе кивот,
На поле брани выходили,
На поле бились, сиротили
Своих покинутых детей.
А в городе молодые вдовы
В светлицах плачут, чернобровы,
От малых чад своих очей*

Не отведут они. Пророка
И ненавистного царя,
Клянут Давида-главаря.
А он, уперши руки в боки,
По кровле кедровых палат
В одеждах пурпурных гуляет,
Как кот на сало, взор бросает
На Гурия-соседа сад.
Там под деревьями в прохладе,
В своем веселом вертограде,
Вирсавия купалася,
Как Ева средь рая,
Гурия жена, царева
Раба молодая.
Купалася тихо-мирно,
Грудь белую мыла,
Своего царя святого
Ловко окрутила.

На улице смерклось. И, тьмою
объятый,
Тоскует и дремлет Иерусалим.
Давид, как безумный, царские па-
латы
Меряет шагами... Властитель
проклятый
Себе говорит: «Я... Нет, мы пове-
лим!»

Я царь над всем народом божьим!
И сам я бог моей земли!
Я — все!..» Давиду позже
Рабы трапезу принесли,
Внесли сикер — питье хмельное,
И царь сказал, чтобы в покои
Рабы рабыню привели
К нему. И как бы ненароком
К святейшему царю-пророку
Сама Вирсавия пришла,
Откушала, питья хмельного
С пророком выпила, пошла,
Чтоб после ужина такого
Прилечь с царем. А Гурий спал.
Ему, бедняге, и не снилось,
Что втайне от него творилось,
Что из дому Давид украл
Не золото, не серебро,
А лучшее его добро —
Его Вирсавию украл.
А чтоб о том он не проведал,
Давид-пророк убил соседа.
И после перед целым светом
Пролил слезу, обворожил
Псалмом седого Анафана...
И, вновь веселый, снова пьяный,
С своей рабыней закутил.

Давид, святой пророк и царь,
Не слишком был благочестивый.
Дочь у него была Фамарь
И сын Амон. Что тут за диво?
Бывает так и у святых,
Да все ж не так, как у простых,
А вот как. Сын Амон счастливый,
Красивый первенец царя,
Хворает, видно, слег не зря.
Давид и стонет и рыдает,
В печали ризу раздирает
И сыплет пепел на главу.
«Я без тебя не проживу,
Мой сын, возлюбленное чадо,
Моя единая отрада!
Умрешь — я солнца не узрю,
Я без тебя умру! Умру!»
И царь спешит, рыдая, к сыну,
Хоть ковыляет, а бежит,
А сын его, как бык здоровый,
Во храмине своей кедровой
Лежит, — и трудно, а лежит.
В душе смеется, а вздыхает,
Отца, рыдая, умоляет,
Чтобы сестра Фамарь пришла.
«Молю отца и государя!
Вели сестре моей Фамари,
Чтоб мне лепешек испекла,

Да чтоб сама и принесла.
А я, вкусивши их, восстану
С одра недуга». Утром рано
Фамарь спекла и принесла
Опреснок брату. Он за руку
Ее хватает, и ведет,
И в темной храмине кладет
Сестру на ложе. В горе руки
Она ломает, из груди
Крик вырвался: «О, пощади,
Амон, о брат мой, брат лукавый!
Мой брат единственный! Я! Я!
Сестра родимая твоя!
Где от дурной я скроюсь славы
И от стыда? Такого брата
И бог и люди проклянут!..»
Не помогло ничуть, — куда там!
Так припеваючи живут
Царевичи на свете,
Запоминайте, дети.

III

И дожил царь Давид на свете
До многолетия.
Одрых совсем; и покрывали
И грели ризами его,
Но ими все ж не согревали
Рабы владыку своего.

Но отроки не оплошали
(Они натуру волчью знали):
Чтоб греть его, девиц нашли,
Царевен лучше красотой,
И к старику их привели —
Да греют кровью молодую
Они царя. И разошлись,
Замкнувши двери за собою.

Облизнувшись, кот старый
Слюни распускает
И к одной сунамитянке
Лапы простирает.
А она, себе на горе,
Лучшая меж ними,
Меж подругами, как будто
Лилия в долине
Меж цветами.
Так вот она
Собой согревала
Царя-старца; а девицы
Меж собой играли
Голенькие. Как там она
Грела, я не знаю,
Знаю только, что царь грелся
И... и не позна «ю».

Перед дворцом своим гуляет
Веселый старый Рогволод.
Дружина, отроки, народ
Во злате вокруг него сияют.
У князя праздник: ожидает
Литвина — князя-жениха,
Что сватается за Рогнеду.

Перед богами Лель и Ладо
Огонь Рогнеда развела,
Драгим елеем полила
И сыпала на пламя ладан.
Вокруг, валькириям подобно,
Танцуют, тешатся подруги.
И поют себе:

«Гой, гоя, гоя!
Новые покои
Мы украсить рады
Гостям на усладу».

Встает густая туча пыли
За Полоцком. И стар и млад
Навстречу князю поспешили,
Бояре с челядью спешат.
Сама Рогнеда с Рогволодом
Пошла с подругами, с народом.

Не литовский князь ожидаемый,
Сердцем избранный, хоть неведомый,
А из Киева туром-буйволом
Идет веприщем за Рогнедою
Володимир-князь с киевлянами.
Пришли, и город обступили
Кругом, и город подпалили.
Владимир-князь перед народом
Убил седого Рогволода,
Поя народ, княжну поя,
Отыде в волости своя,
Отыде с шумом. И растли ю,
Рогнеду эту молодую,
И прогони ю, и княжна
Блуждает по миру одна...
Кто ей поможет... Вот какие
Те венценосные, святые
Князья-цари!

V

Чтоб палачи их покарали,
Царей, проклятых палачей!
Возни с царями, чтоб вы знали,
Как дурень ходишь вокруг царей,
Как подступиться к ним — не
знаешь.
И все никак не угадаешь,

Что делать с поганью? Скажи,
Сестрица бога Аполлона,
Открой, голубка, укажи,
Как пресмыкаться перед троном.
Тебе, коль денег припасу,
Монисто к пасхе поднесу.
Запишемся с тобой в лакеи,
Наденем новые ливреи,
Да и начнем царей любить.
Карандаши мне жаль тупить.
Где воли нет для человека,
Не будет там добра вовеки.
Зачем себя в обман вводить?
Пойдем в селения — там люди,
А там, где люди, — славно будет,
Там будем жить, людей любить,
Святого господа хвалить.

.....

[Кос-Арал, 1848]
[Петербург (?), 1858]

«Когда есть дом родной...»

Перевод Л. Длигача

{262}

* * *

Когда есть дом родной, а дома
Сестра родная или мать —
Какая это благодать!
Она мне, правда, незнакома,
Ее не знал я никогда,
И кое-как прошли года.

.....
Но довелось однажды мне
В чужой далекой стороне
Заплакать, что судьба сурова,
Что ни хозяйки нет, ни крова!

.....
Мы долго в море пропадали.
Пришли в Дарью^{263}, на якорь ста-
ли.
С Ватаги письма принесли^{264},
И все тихонько их читали,
А мы с коллегой легли^{265},
Беседовали, вслух мечтали,
Я думал: где б ту благодать —
Письмо иль мать — добыть на

свете?

«А ты один?» — «Жена, и дети,
И дом есть, и сестра, и мать!
А писем нет...»

[Кос-Арал, 1848]

Дочка ктитора **Перевод С. Липкина**

{266}

То было в давние года,
Когда борцы везде ходили^{267}
И девушек с ума сводили,
Всех изводили, хлопцев били
И верховодили всегда, —
Точь-в-точь гусары на постое;
В правленье гетманов святое
То было — в давние года.

Настали праздники в селе.
В корчме, усевшись на столе,
Слепые лирники играли,
А за танец брали грош.
Там пыли облака вставали,
Там девушки плясали
И парни... «Все одно и то ж,

Другой начнем!» — «Хорош и этот!»

И снова лиры залились,
Поют и пляшут щеголихи,
А парни, подбоченясь лихо,
Вприсядку понеслись.

.....

Стоит красавец в серой свите, —
Ну, право, равных нет Никите!
Красавец малый, да байстрюк,
Байстрюк, да и бедняк при этом.
Один, забытый целым светом,
Стоит в корчме, как тот...[20]
А плечи потолку подпора.
Он оторвать не может взора
От дочки ктитора... Она
В цветы и ленты убрана,
Как та картинка... Погодите, —
Не на него ль она глядит?
Иль это кажется? Горит,
Горит Никита в серой свите!
Грошик вынимает
И на медный, на последний
Танец нанимает,
Ту богачку, ту гордячку
Плясать приглашает!
«Прочь отсюда, прочь, приبلуда!

—

И захохотала
Дочка ктитора. — Батрачек
Для тебя не стало?»
Осрамила, да при людях
Гордячка Никиту,
Осрамила, оттого что
Хлопец носит свиту!
Дочка ктитора, ты будешь
Наказана строго
За насмешку!..
Где ж Никита?
Далекой дорогой
Он ушел. Никто не ведал,
Что с хлопцем случилось...
Только ктиторова дочка
Покоя лишилась.

Домой в слезах она пошла
И спать в слезах она легла.
Есть не хотела... Сна не знала,
Какой легла, такой и встала,
Как в одури! Что делать ей?
Как быть? Все мысли — о Никите,
А тот, как сыч нахохлясь, в свите
Стоит все время перед ней!
Вот наважденье! Оказалось,
Что над неровней ты смеялась
В недобрый час. И стало жаль

Тебе его... Тоска, печаль
И стыд — всё душу обступило.
Ты зарыдала. Отчего?
Да оттого, что полюбила
Никиту бедного того!
Диво дивное на свете
С тем сердцем творится.
Кажется, вчера чуралось, —
Сегодня томится.
Так томится, — на край света,
Только прикажите,
А пошло бы!.. Вот на дочку
Ктитора взгляните:
Жить не хочет. Пусть бы в воду,
Но только к Никите!

.....
Берегитесь над неровней,
Девушки, смеяться,
Чтоб и вам, как той гордячке,
С бедой не спознаться!

Она былинкой сохла, вяла,
Отца и мать перепугала, —
На богомолье повезли,
Святые травы ей давали,
И все-таки не помогли!
Взбиралась на курган в печали, —
Дорожку ноги протоптали, —

Глядела вдаль, ждала, ждала...
Травой дорожка поросла;
Слегла красавица в бессилье...
Вот что насмешки натворили!
Он же канул, провалился;
Может, где и бродит, —
Нету вести. Год за годом,
Три года проходит.

На четвертый год настали
Снова праздники в селе.
Снова, сидя на столе,
Лирники в корчме играли.
По грошику брали
И так же играли,
На радость всем, как и когда-то.
И так же девушки плясали,
Как и когда-то.
Вдруг в богатом
Жупане, в синей шапке, в красных,
Как ягоды, штанах атласных,
Вприсядку залетел казак
Да припевал еще вот так:
«Да спасибо батюшке,
Да спасибо матушке,
Что добыли нас.
А как добывали,

Жито рассыпали
В ночи на печи!»

«Эй, водки! Меду! Два стакана!
Где сотский? Нет ли атамана?
Начнем бороться! Погань, падаль,
Борца сегодня вам не надо ль?
Борец пред вами!»

Вот не ждали!

И много дней без перерыва,
Как злой болячке, как нарыву,
Борцу всем миром угождали.
А был разборчив он, — почище
И паныча... Откуда зло
Взялось такое? Все село
Ему не наготовит пищи!
А он поет, гуляет, пьет
Да хлопцам жару задает
Пред девушками. Вот прокля-
тый, —

Он головы вскружил им всем:
Такой хороший и богатый!
Уже не борется ни с кем,
А просто так гуляет
Да садик ктитора нередко
Ночами посещает.
А там красавица встречает
И припевает, прибавляет:

«То не ты ли Никита?
Не твоя ль эта свита?»
Тот он, тот, кого на смех
Поднимала ты при всех!
А теперь он стал желанным,
Его поджидаешь,
С ним обходишься, как с паном,
Во всем угождаешь.
И не день, не два, как пану,
Ему угождала,
И не день, не два Никиту
В саду поджидала!
Дождалась ты, поджидая:
Нагрянуло горе, —
Не очнулась!
Дни проходят,
Месяц минул вскоре.
И лето минуло, и осень,
Семь месяцев прошло, и восемь,
Пришел девятый за восьмым, —
Пришел он с горюшком твоим!

.....
В садик бедная выходит...
Там, где верба гнется,
Есть колодец. Не напиться
Воды из колодца, —
Нет, в тревоге ищет места,
Где бы хоть немного

И поплакать и подумать:
Будет ли подмога?
Как ей спрятаться от срама?
Где ее дорога?

.....
Зимним вечером, босая
И в одной рубашке,
Дочка ктитора выходит:
Мальчик у бедняжки.
То приблизится к колодецу,
То вновь отступает.
За калиной — взгляд змеиный:
Байстрюк поджидает!
Горемыка на колоду
Положила сына —
И бежать... Кусты калины
Никита раздвинул,
Как щенка, дитя родное
В колодец он кинул!
А сам пошел он к сотскому,
Распевая звонко,
Сказать, чтоб шли отыскивать
Всем миром ребенка!

Рано-рано в воскресенье
Собиралось все селенье.
Ведро в воду опускали

И ребеночка искали.
Воду ведрами тащили, —
Отыскали в темном иле!
Горемычную в оковы
Заковали в день суровый.
Прегрешенья отпустили,
Мать, отца стыдом стыдили
И блудницу осудили,
А потом ее, живую,
Вместе с сыном закопали
В землю темную, сырую!
Столб высокий воздвигали,
Чтобы все о ней узнали,
Детям правду рассказали, —
Девушки урок получают,
Если мать с отцом не учат.

Борца в селе не стало больше.
А люди повстречались в Польше
С каким-то панычом. Спросил:
«Как дочке ктитора живется,
Всё ль над неровнею смеется?»
То он! Господь его казнил
За грех, свершенный у колодца,
Не смертью, нет!
Он будет жить,
И сатаню-человеком

По свету белому бродить,
И девушек с ума сводить
Вовеки.

[Кос-Арал, 1848]

«Ну что, казалось бы, слова...»
Перевод Н. Сидоренко

* * *

Ну что, казалось бы, слова?
Слова и голос — что такое!..
Но вот заслышишь их едва —
И сердце бьется. Может, слово
И голос тот от божества
Явились в мир!..
На борт склоняясь,
Не то чтоб грусти предаваясь,
А так на палубе стоял
И мрачно на море взирал,
Как на Иуду. Из тумана
Тут стала, видите ль, всплывать
Румяноликая Диана...
Я было собирался спать,
Да вот остался: круглолицей
Залюбовался молодлицей,
То бишь девицею... Матрос,
Земляк из Островной[21], тоскуя

В ту ночь глухую —
Он, подневольный, вахту нес, —
Вдруг начал петь, и пел покуда
Негромко: не было бы худа
(Строг капитан, хоть и земляк).
И пел матрос, как тот казак,
Что вырос внаймах сиротою,
Солдатом горемычным стал!..

Когда-то я слышал,
Как под ракитою Дивчина
Ту песню старую несмело
Про казака-беднягу пела;
И я, малыш, его жалел,
Что он уморился,
К тыну прислонился, —
Люди смотрят и смеются:
«Может быть, напился!»
Я, мальчик, плакал над судьбою,
Над злою долей сироты.

.....
О чем теперь-то плачешь ты?
О чем грустишь, старик? Седого
Какие думы тяготят?
Что счастье от тебя сокрыто?
Что ты и сам теперь солдат?
Что сердце вдребезги разбито?
Что разлилось без следа

Все доброе, что в сердце было?
Что вот и старость наступила?...
Не так ли, голубок мой?... — Да...

[Кос-Арал, 1848]

**«Как за подушным, правый
боже...»**

Перевод Н. Ушакова

* * *

Как за подушным, правый боже,
Ко мне на дальней стороне
Пришли тоска и осень. Что же
Придумать, что же сделать мне,
Что мне затеять? По Аралу
Уж я брожу, тайком пишу
И, стихотворствуя, грешу,
И все, что некогда бывало,
Припоминаю вновь, сначала,
Записываю вновь подряд,
Гоню тоску, чтоб, как солдат,
Не лезла в душу...
Стражник лютый,
Не отстаёт ни на минуту.

[Кос-Арал, 1848]

П. С. («Я не досадую на злого...»)

Перевод В. Звягинцевой

{268}

*Я не досадую на злого,
Его и так молва клеймит,
А речь про доброго такого,
Что и молву перехитрит.*

*И ныне тошно, — только вспом-
ню
Готический с часами дом,
Село убогое кругом;
Завидя флаг, мужик снимает
Скорей шапчонку: значит, пан
С своею челядью гуляет.
Такой откормленный кабан —
Распутный знатный этот пан!
Он гетмана-глупца потомок,
Завзятый, ярый патриот,
Христианин чуть не с пеленок:
Он в Киев ездит каждый год,
Он в свитке ходит меж панами,
В шинке пьет водку с мужиками
И вольнодумствует порой.
Вот тут он весь перед тобой!*

Да на селе своем дивчаток
Перебирает, да спроста
Пригульной ребятни с десяток
Окрестит за год... Срамота!
Он подлецом и был и будет,
Зачем же он иным слывет?
Зачем никто не наплюет
Ему в глаза?... О люди, люди!
Готовы вы родную мать
За колбасы кусок продать.
Нет, не на доброго такого,
На пьяного Петра хромого, —
Моя досада на людей,
На тех юродивых детей!..

[Кос-Арал, 1848]

Г. 3. («Нет горше доли, чем в неволе...»)

Перевод В. Звягинцевой

{269}

*Нет горше доли, чем в неволе
Про волю вспоминать. А я
Все помню, волюшка, тебя,
Все о тебе тоскую, воля.
Ты никогда не мнилась мне
Такою свежее-молодую
И привлекательной такою,
Как нынче — в дальней стороне,
К тому ж в неволе. Доля! Доля!
Пропетая моя ты воля!
Хоть погляди из-за Днепра,
Хоть улыбнись из-за[22] [Лимана].*

*И ты, моя единая,
За далью морскою
Встаешь за мглой туманною
Розовой зарею!
И ты, моя единая,
Ведешь за собою
Годы мои молодые,
И передо мною
Расстилаются, как море,*

Широкие села,
А в них сады вишневые
И народ веселый.
И те люди, то селенье,
Где меня, лаская,
Братом звали. Мать, родная,
Старая, седая!^{270}
Собираются ль доселе
Веселые гости
Погулять у тебя дома,
Как бывало, просто,
По-давнему, по-былому,
Сойдясь спозаранку?
А вы, мои молодые
Милые смуглянки,
Веселые подруженьки,
У старой, как прежде,
Танцуете? А ты, радость!
Ты, моя надежда!
Ты, мой праздник чернобровый,
И теперь меж ними
Ходишь плавно и своими
Очами, такими,
Ну, дочерна голубыми,
И теперь чаруешь
Души все? Небось доселе
Любуются все
Станом гибким? Ты, мой празд-

ник!
Праздник мой пригожий!
Как обступит тебя, радость,
Гурьба молодежи, —
Все, как пташки, защебечут, —
Таков их обычай, —
Может, кто-нибудь случайно,
С шуткою девичьей
И меня припомнит. Может,
Помянет и лихом.
Улыбнись ты, мое сердце,
Тихонечко-тихо,
Чтоб никто и не заметил...
И не думай много,
А я, доленька, в неволе
Помолюся богу.

[Кос-Арал, 1848]

«Когда бы встретились мы снова...»

Перевод Н. Брауна

{271}

* * *

Когда бы встретились мы снова.
Ты испугалась бы иль нет?
Какое тихое ты слово
Тогда промолвила бы мне?
Нет. Ты меня и не узнала б,
А может, вспомнив, и сказала б,
Что все приснилось лишь во сне!
А я бы радовался снова
Подруге, доле чернобровой!
Когда бы вспомнил и узнал
Веселое и молодое
Былое, горькое такое,
Я зарыдал бы, зарыдал,
Благодарил, что не правдивым,
А сном лукавым разошлось!
Водой-слезами разлилось
Далекое святое диво!

[Кос-Арал, 1848]

[Марина]
Перевод В. Бугаевского

{272}

Как гвоздь в груди кровотокающей,
Марину эту я ношу.
И написал бы о пропащей,
Так что ж? Сказали б, что грешу,
Что это я по злобе вящей
Такое про господ пишу,
Про то, как душу баре тешат...
Сказали бы, что дурень бре-
шет, —
Ведь сам он крепостной,
Необразованный, простой.
Но, видит бог, мужик не брешет;
Стыдиться ль мне, что я не пан?
Но стыдно мне, стыд сердце гло-
жет
За просвещенных христиан.

.....
Зверь сотворить того не может,
Что вы, кладя поклоны,
Творите с братьями... Законы
Писали палачи за вас...
А вам-то что... Вы в добрый час
Спешите в Киев, чтоб получше

Грех замолить на всякий случай
У схимника!..
И то сказать, —
Что плакаться буду!
Ведь уже мне не увидеть
Ни добра, ни худа,
А кому, скажу, не видеть,
Все тому едино...
Так спеши ко мне скорее
С милой Украины,
Моя дума пречистая, —
Прилети, поведай,
Верная моя подруга,
О Марине этой:
Что у пана злого с нею,
С беднягою, случилось.
Да шепотом, чтоб чужие
Люди не дознались,
А то скажут, что мы грабим
На дорогах стали...
И сошлют еще подальше —
Поминай как звали...

.....
..... На днях в краю одном
Справляли свадьбу всем селом,
А из костела ехал
Приказчик, пан — кто разберет!
Сменялся пляской хоровод,

За гиком да за смехом
Никто не видел, как проехал
Тот управитель остроглазый.
А он, проклятый, сразу
Приметил молодую!
Что ж не придавит небосвод
Дрянную тварь такую,
Как этот лях! Второй лишь год,
Как он с немецкими плугами
Худым приехал из худых
Сюда, а девушек простых
Пустил по свету с байстрюками
Немало, хоть женат... К тому
же
Имеет миленьких таких
Двух деток — вылитых
Двух ангелочков. Встретить му-
жа
Выходит пани молодая,
За ручки деточек ведет.
А пан из брички вылезает,
Слугу за новобрачным шлет,
Потом детей своих ласкает,
Жену, голубку молодую,
Три раза, бедную, целует.
Беседуя, домой пошли.
Злодей не ожидает кары.
Вот молодого привели

(Из-под венца — в гусары),
Наутро в город отвезли,
Да и забрили в москали!
Вот так, не долго размышляя,
У нас порой кончают!
А молодая? Что ж без пары
Растратить ей судил господь
Красу и молодость? Как чары,
Распалось все и растеклось...
Так что же, вновь ей довелось
Батрачить? Нет, не довелось! —
При пане место ей нашлось.
Уж не Мариною зовут
Ее — Марысей, не иначе...
Всплакнуть сердешней не дают,
Она ж забьется в угол, плачет,
Чудная! Жжет ее печаль,
Ей мужика простого жаль.
А оглянулась бы, взгляделась —
И рая бы не захотела:
Чего угодно пожелай,
Всего дадут, да и помногу.
«Не надо, скажешь, мне, убогой,
И в хате рай...» И не мечтай,
Самой смекнуть об этом мож-
но...
Смотри, как ходит жеребцом
Вокруг тебя сам пан вельмож-

ный:

Как хочешь — худом иль добром, —

А будешь панскою роднею,
Хоть в петлю полезай!.. С мольбою

В панские палаты

К пану мать ходила.

Бить велел, проклятый,

Гнать старуху силой...

Что тут делать было?

Рыдаючи, в село пошла.

Одна лишь доченька была —

И та погибла...

.....

Как ворон в поднебесье кричит,

Суля дожди и неудачи,

Так я про слезы да печаль

О тех — без племени, без роду —

Пишу, хотя кому их жаль?

И слезы лью без счету.

Мне жаль несчастных! Боже милый,

Даруй словам святую силу —

Людское сердце пробивать,

Людские слезы источать,

Чтоб милость душу осенила,

Чтоб тихая легла печаль

На их глаза, чтоб стало жаль
Моих дивчаток, чтоб учились
Путями добрыми ходить,
Святого господя любить
И брата миловать...

Насилу

Домой старуха дотащи́лась;
Цветы — за образом святым,
И на окне стоят цветы,
На стенах красками кресты,
Как будто добрая картина,
Понамалеваны... Марина!

Марина это, все она.

И нет Марины, мать — одна!

И поплелась она из хаты,
Чтоб вновь на барский дом про-
клятый

С пригорка глянуть: подошла

К хоромам, подле тына села

И всю-то ноченьку сидела

И плакала! Вот из села

Отару пастухи погнали,

А мать сидела и рыдала;

Уже и солнышко взошло,

Зашло, и сумерки сгустились —

Все не идет она в село,

Сидит под тыном... Гнали, били,

Собаками ее травили,

Сидит — и все тут...

А Марина в платье белом
Невестой Христовой
Плачет под замком, возносит
К всеблагому слово.
Никому войти в светлицу
Пан не позволяет,
Сам ей пить и есть приносит.
Просит, умоляет,
Чтобы на него взглянула,
Чтоб утерла очи...
И взглянуть она не хочет,
Пить и есть не хочет.
Приступиться к ней не может,
Бесится, проклятый.
А Марина вянет, сохнет
В палатах богатых.
Уже лето миновало,
Зима наступила,
А Марина сидит себе,
Все слова забыла
И уже не плачет даже...
Вот так втихомолку
Пан допек ее, а все же
Не добился толку.
Хоть зарежь ее — упряма,
Горда не по чину...

Поздно вечером зимою
Глядела Марина,
Как за черным лесом в небе
Красною бадьею Луна всходит...
«И я тоже Была молодой», —
Прошептала, задумалась,
А потом запела:
«Хата — что палаты.
Гости пришли в хату,
Расплетали косы,
Ленты вынимали,
А пан просит сала,
А черт хлеба просит.
А гуси, гусята
В теплый край куда-то
За море стремятся!..»

.....
Собаки лают, злятся,
Гогочут на дворе псаря,
А пан побагровел, горит
От ярости, идет к Марине,
Как Кирик пьяный^{273} ...
А у тына,
Не чуя стужи, мать Марины,
Как в хате, знай себе сидит.
Совсем старуха одурела,
Мороз от ярости трещит,
Луна из красной стала белой,

С опаской сторож в било бьет —
Не потревожит бы господ...
Ан глядь, хоромы запылали.
Пожар! Пожар! Повеырастали
Тут люди — как из-под земли.
А может, здесь они росли,
Как будто волны, прибывали
И не напрасно удивлялись! —
Ведь было видно людям тем:
Марина, голая совсем,
Со старой матерью плясала
Перед хоромами и — страх! —
Запела вдруг, держа в руках
Нож окровавленный...

«То не та ли, кумася,
Так разубралася!..
Как была я пани,
Ходила в жупане,
Паны увивались,
Руку целовали!»

(Матери.)

«А вы с того, должно быть, света,
Марину обвенчать пришли?
Уже мне косу расплели,

Да пан приехал... Гуси это!
Совсем не гуси, а паны
Летят в края, где стужи нету, —
Их в пекле ждут у сатаны.
Гей, тега-тега! Слышишь?
Слышишь? Все церкви в Киеве звонят.

Смотри, а там огонь горит,
А пан лежит себе, читает
И просит пить... А ты не знаешь,
Ведь я зарезала его?..
А он, хоть обгорел, хохочет...
Смотри, — вон, на трубе!.. Чего,
Чего глядит, как будто хочет
Сожрать тебя! Мать, берегись!
На, выкуси, на, подавись!»

(Показывает кукиш и поет.)

«Я москалика люблю, —
Даже сердце веселю!
Москали, москали
Юбок нам навезли,
Барчуки —
Денежки,
А сыночки поповы —
Ожерелья, обновы!..
В колокол бей!
Тучи развей,

Неси ярм
К злым татарам,
А солнышко — к христианам!
В колокол бей!»

Мать

Мариночка, пора домой!

Марина

*Пора домой, ведь завтра рано
Мне надо в церковь: глянь, поганый
Вновь лезет, тянется за мной,
На... выкуси!..*

Мать

Пора домой.

(К людям.)

Ой, люди добрые, спасите!

Марина

*Берите же меня, вяжите,
Скорее в дом ведите к пану!
А ты не хочешь разве глянуть,
Какою панною Марина
В палатах под замком сидит?
Как гибнет, гибнет неповинно,*

Как вянет, сохнет беспричинно
Твоя Мариночка...

(Поэт.)

«Ой, тега-тега, серые гуси,
Тева, на Дунай!
Повязала головоньку, —
Теперь думай да гадай».
И пташкам воля в чистом поле,
И пташкам весело летать,
А я завяла в злой неволе.

(Плачет.)

Мне ожерелье бы достать,
Да и повеситься... Иначе
Теперь беда... хоть утопись!
Чего же ты, голубка, плачешь?
Не плачь, родимая, взглядишь,
Здесь я, Мариночка твоя!
Взгляни-ка: черная змея
Ползет по снегу... Захочу,
На юг, как пташка, полечу,
Ведь я уже кукушкой стала...
А на побывке он и не был?
Убили, может, на войне?
А знаешь, что приснилось мне?
Что в небе днем луна сияет,
А мы над морем с ним гуляем.

И вдруг гляжу — не понимаю:
Все звезды покатались в воду,
Лишь одинешенька-одна
Осталась на небе, а я-то,
Как бы рассудка лишена,
Бреду, ищу в Дунае броду,
В лохмотьях с байстрюком бреду:

Смеются люди надо мною,
Зовут покрывкой и чудною...
И ты смеешься, а я плачу,
Да нет, не плачу, хохочу...
Взгляни: сейчас я полечу,
Ведь я сова... —

И замахала,
Как будто крыльями, руками
И тотчас убежала прочь,
Завыв, как волк в глухую ночь.
Заковыляла мать за нею,
За дочкой бедною своею.
Все баре смерть в огне нашли,
Изжарились, как поросята.
Сгорели белые палаты,
А люди тихо разошлись.
Марины с матерью не стало.
Уже весной, когда пахали,
Два трупа на поле нашли
И на кургане закопали.

[Кос-Арал, 1848]

Пророк

Перевод Н. Брауна

Как будто праведных детей,
Господь, любя своих людей,
Послал на землю им пророка —
Свою любовь благовещать!
Святую правду возвещать!
И, как Днепра поток широкий,
Слова его лились, текли,
И в сердце падали глубоко,
И души хладные зажгли
Огнем незримым. Полюбили
Пророка люди и ходили
За ним, и слезы их лились,
Но люди зlobны и лукавы!
Они святую божью славу
Растлили... и чужим богам
Воздали жертву! Осквернились!
И мужа свята... Горе вам!
На стогнах камнями побили.
И праведно господь великий,
Как на зверей свирепых, диких,
Оковы повелел ковать,
И тюрьмы темные копать,
И — род лукавый и жестокий! —

Взамен смиренного пророка...
Он повелел царя вам дать!

[Кос-Арал, 1848]
[Петербург] 1859 года, декабря 18

**[Сычи] («На рожь несжатую в
ночи...»)**

Перевод А. Суркова

{274}

На рожь несжатую в ночи
По придорожным пожням
Слетались осторожно
Сычи.
И пошутить
И рассудить,
Как бедных пташек отстоять,
Гнездо орла огню предать,
С землей сровнять,
Орла ж повесить на осине
И навсегда отныне
Республику создать!
И всё бы, кажется? Ан нет!
Чтобы пресечь потравы вред
(И было бы не диво,
Когда бы кто иной), на ниве
Силки поставил, а то, вишь:

Мужик голешенький-голыш
Поставил тихо и пошел
Под стог вздремнуть. И, рано
Продрав глаза, зашел
Гостей проведать. А в капканы
Набились сплошь одни сычи!
Изволь — вари, пеки в печи!
Чтобы домой улова
Не приносить, одних убил,
Других на смех воронам сбыл,
Все рассудив толково,
И никому ни слова.

[Кос-Арал, 1848]

«Меж скалами, подобно вору...»

Перевод В. Цвелева

* * *

Меж скалами, подобно вору,
Во мраке над Днестром идет
Казак. Во тьму бегущих вод
Он смотрит неподвижным взо-
ром,
Как бы во вражеские очи,
Как будто он промолвить хочет:
«Мутный Днестр, вода седая,
Вынеси на волю!»^[275]

Или смерть найди, река, мне,
Коль такая доля!»
И, одежду сняв на камне,
Он в воду бросился, плывет,
И синяя волна ревет,
И, ревя, на дальний берег
Казака бросает.
И бедняк, босой и голый,
Воду отряхает —
И на воле... И от бога
Больше не желает
Ничего... Постой, быть может,
В чужедальнем поле
Счастья ты себе попросишь,
Ты попросишь доли...
И пошел он рощей темной
И поет на воле:

«Ой, за горой да за кручей,
За телегой скрипучей,
Шла смуглянка, горько плача
Над бедой неминучей».

Как вам угодно: хоть ругайте,
Хоть не ругайте, не читайте, —
Мне все равно. Я не прошу —
Сам для себя я напишу,
Свинцовый карандаш потрачу,

Бог даст, быть может, и заплачу.

И хорошо.

Продолжим вновь!

Семья и мать вдали остались,
Жену оставил — жалость, жа-
лость!

Вдоль бессарабских берегов
Идет казак. Доводит горе
До моря. Скажем мы, не споря:
Уж только б плеть в руках была,
А мужика ведь, как вола,
В ярмо загнать совсем не трудно.

.....

Не правда ли, что так?

Еще в младенчестве с сумою
Скитался с матерью казак,
Да так и вырос сиротою,
Все в людях. Сказано — батрак.

Семью завел он кое-как:

Красивую, да без достатка

Взял сироту... А господин

(Несчастье, счастье бог один

Присудит, говорится гладко)

Приметил — разгорелись очи,

И ну — гостинцы посылать.

Она гостинцы братъ не хочет,

Не хочет пана приласкать.

Ну что же? Муж пойдет к отве-

ту!
И скоро он невзвидит свету...
С женой же можно совладать.
Чуть-чуть не совершилось так.
Вконец извелся мой казак,
И все на барщине проклятой,
А был хозяин.

.
И — господи! — как он любил,
Как нянчился с женою,
Ее, как дитяtko какое,
В мониста нарядил!
Да и выбился из силы,
Хоть продавай хату
Да иди батрачить! Вот как
Пан его, проклятый,
Допек знатно. Жена только
Будто и не знает
И в монистах щеголяет,
По саду гуляет
Королевой... «Что тут делать? —
Бедняк размышляет. —
Их оставить — да на волю?
Кто их пропитает,
Защитит? Одна — старуха,
Ей и встать нет мочи,
А другая — молодая,
Гуляет, хохочет!

Как тут быть? Как поступлю я?
Горе мое, горе!»
И пошел, пошел с сумою
За синее море
Искать счастья. Думал жену
Захватить с собою, —
Мать-старуха дома будет
Воевать с бедою,
Хозяйничать!..
Да, вот так-то
На земле вершится!
Думал жить да поживать он,
Господу молиться,
А пришлось вот на чужбине
Слезами облиться —
Да и только. Тяжко, скучно
В чужедальном поле!
Всем запасся работяга,
Кроме счастья-доли —
Этого святого дара...
Душа истомилась.
Тяжко ему на чужбине
И ничто не мило.
Хоть бы раз окинуть глазом
Край родимый, милый,
И родимые могилы,
И степные дали,
Садик, где жена гуляет

Черноокой кралей.
И поплыл домой обратно,
Бросил даже волю:
Вновь — бродяга... О, мой боже,
Каково-то поле,
Свое поле! Каково ты —
Широко, широко,
Словно воля!.. ..
.....

Добрался до дому в ночи.
А мать стонала на печи,
А в горнице жена дремала.
(Пан болен был.) Жена тут встала,
Пиявкою в него впилась
И зарыдала, залилась
Неудержимыми слезами.
И так бывает между нами,
Что в сердце нож готов вонзить,
А сам целует!.. Ожила
Моя бедняжка-молодица!
Не чудом ли смогла явиться
В их дом роскошная еда!
Сама ж склонилась головой
К нему на грудь... И напоила,
Вкусно накормила,
И спать его, веселого,

В клетку уложила!
Лежит, дремлет, горемыка,
Думает, гадает:
Каково в дороге будет?
Тихо засыпает.
А женошка молодая
К пану поспешила
Рассказать, что муж явился.

.....
Тихонько и мило
Пришли, взяли горемыку,
Из дома угнали
Проходимца, прощелыгу...
И в солдаты сдали.

Не забыт и там судьбою:
Наградили чином.
И в село, оставив службу,
Вернулся с чужбины.
Мать похоронили люди
Миром на кладбище,
И пан умер... А жена-то...
Солдаткою... Рыщет
Всюду... Служит у евреев,
У панов... босая...
Нашел ее, глянул старый, —
Ишь беда какая!
Искалеченные руки

Поднял к небу, тяжело
Зарыдал — совсем ребенок —
И простил бедняжку!

Так прощать учитесь, люди,
Сердцем умиляться,
Как простак мой!
Где ж нам, грешным,
Доброго набратся?

.....
.....

[Кос-Арал, 1848]

**«И сонные волны, и мутное
небо...»**

Перевод Н. Ушакова

* * *

И сонные волны, и мутное небо,
На берегу в далекой мгле
Камыш, как бы навеселе,
Без ветра гнется. Боже! Где бы
Узнать, придется ль долго мне
В моей незапертой тюрьме
Над никудышным этим морем^[276]
Тоской томиться, мыкать горе?
Молчит засохшая трава,

Лишь гнется, будто бы жива,
Не хочет правду мне открыть...
А больше некого спросить.

[Кос-Арал, 1848]

«И вырос я в краю чужом...»
Перевод М. Комиссаровой

* * *

И вырос я в краю чужом,
И на чужбине доживаю,
И в одиночестве своем
Я не могу назвать, не знаю
На свете лучшего, чем Днепр
И чем родная Украина...
Но хорошо лишь, где нас нет, —
Я вижу. В тяжкую годину
Недавно как-то довелось
Заехать мне на Украину^[277],
В то благодатное село,
Где мать качала, пеленала
Меня, младенца, и в ночи
На свечку богу добывала,
Поклоны тяжело кладучи,
Перед иконою молила,
Чтоб доля добрая любила
Ее ребенка... Счастье, мама,

Что ты так рано спать легла^{278},
А то бы бога прокляла
За мой удел.
Ах, как же страшно
Все в благодатном том селе.
Земли чернее, по земле
Блуждают люди; оголились
Сады зеленые; в пыли
Погнили хаты, покосились;
Пруды травую заросли.
Село как будто погорело,
Как будто люди одурели, —
Без слов на барщину идут
И за собой детей ведут!

.....
И я заплакал, и назад
Поехал снова на чужбину.

И не одно лишь то село, —
Везде на славной Украине
Крутое панство запрягло
Людей в ярмо... И гибнут, гибнут
В неволе рыцарей сыны!
А прогоревшие паны
Ростовщикам — друзьям хоро-
шим —
Несут последние штаны...

.....

И очень тяжело, страх как тяжело
В пустыне этой пропадать!
Еще трудней на Украине
Все видеть, плакать и молчать!
Пока не видишь, как ужасно
То зло, все кажется прекрасно
На Украине с давних пор,
И старый Днепр меж тихих гор,
Как будто в молоке младенец,
Красуется, любитесь
На всю Украину.
А над ним в садах зеленых
Широкие села,
А в веселых этих селах
Жизнь людей веселых.
Так оно бы, может, случилось,
Если б не осталось
Панского следа в Украине!

[Кос-Арал, 1848]

«Не для людей и не для славы...»

Перевод Н. Ушакова

* * *

*Не для людей и не для славы
Свои стихи, что так кудрявы,
Я сочиняю, — для себя
Пишу их, братия моя!*

*Я пишу стихи в неволе,
Тоску забывая;
Будто с дальней Украины
Слова прилетают
И ложатся на бумагу,
Плачут и смеются,
Будто дети, и радуют
Забытую душу,
Несчастную. Хорошо мне,
Хорошо мне с ними,
Как отцу в богатой хате
С детками своими.
И доволен я и весел,
Бога умоляю,
Не забыл бы моих деток
В чужедальном крае.
Пускай домой слетаются
Легонькие дети*

И расскажут, как им тяжело
Было жить на свете.
И в семье веселой тихо
Детей приласкают,
И старую голову
Отец покачает,
Мать промолвит:
«Лучше б детям
Не родиться было».
А девушка подумает:
«Я их любила».

[Кос-Арал, 1848]
[Петербург (?), 1858]

«На кургане возле рощи...»

Перевод Н. Ушакова

* * *

На кургане возле рощи,
Где вольная воля,
Будто борются друг с другом
Две раины в поле.
Ветра нет, но гнутя обе,
Будто ветер дует.
Это сестры-чародейки
Меж собой враждуют.

Они обе полюбили
Одного Ивана.
Как водится, были обе
Казаку желанны.
То одну он звал любимой,
То другую милой...
Но однажды над рощею
Солнце заходило, —
И сошлись в овраге трое.
«Это не годится!
Издеваешься над нами!..»
Пошли чаровницы,
Чтобы отравить Ивана,
За злою травую.
Нашли траву, варить стали
Зелье колдовское.
Заплакали, зарыдали,
Да дело такое:
Надо варить! Наварили;
Хлопца отравили,
На кургане возле рощи
В поле схоронили.
И довольны? Нет, не больно:
Все они ходили
На курган тот утром рано
Плакать над Иваном.
Да и сами отравились
Проклятым дурманом.

А всевышний для примера,
Карая их злобу,
Превратил сестер в деревья;
И дерева оба
В чистом поле, на кургане,
Над Иваном этим
И без ветра склоняются,
И клонит их ветер.

[Кос-Арал, 1848]

«Мне б сапожки, я бы тоже...»

Перевод Н. Ушакова

* * *

Мне б сапожки, я бы тоже
Танцевала, да сапожек
У бедняжки нет.
Музыканты играют,
Только горя прибавляют,
И не мил мне свет!
Ой, пойду босая в поле,
Пошщу иную долю.
Долюшка моя,
Ты не будь ко мне суровой!
Родилась я чернобровой,
Бесталанная!
Девушки-дивчата наши —

*Все в сапожках красных пляшут,
Я одна брожу.
Без богатства, без любви я
Брови черные, густые
Внаймах изношу!*

[Кос-Арал, 1848]

«И богата я...»

Перевод А. Прокофьева

{279}

* * *

*И богата я,
И красива я,
Нет лишь друга дорогого, —
Знать, несчастна я.
Тяжко мне на свете жить
И никого не любить,
Аksamитные жупаны
Одинокой носить!
Вот слюбилась бы я,
Обвенчалась бы я
С чернобровым сиротою —
Да неволя моя!
Мать, отец все не спят,
Все на страже стоят
И одну гулять на воле*

*Не пускают в сад!
А как пустят, так с ним,
С нелюбимым, седым,
С ненавистным богатеем,
С моим врагом злым!*

[Кос-Арал, 1848]

«Повстречалась я...»
Перевод В. Инбер

* * *

*Повстречалась я,
Обвенчалась я
С бесталанным сиротою, —
Вот и доля моя!*

*Люди взяли — навряд
Он вернется назад:
Люди лоб ему забрили, —
Рад не рад, а солдат!*

*И солдаткою я,
Одинокою я
Доживаю в чужой хате, —
Вот и доля моя!*

[Кос-Арал, 1848]

Мать моя была богата...

Перевод В. Инбер

* * *

*Мать моя была богата,
Родила меня в палатах,
Нежила меня.*

*В бархате, в шелках, алмазах,
Тайно от чужого глаза
Подрастала я.*

*Час пришел. И я на диво
Стала до того красива,
Краше не сыскать!*

*Но ведь вот беда какая:
Полюбила бедняка я,
И вмешалась мать.*

*И теперь, хотя богато,
Да одна живу в палатах
На пуху не сплю.*

Как трава я полевая,

*Никну, никну, увядаю,
Жизнь едва терплю.*

*На свет божий не гляжу я,
Никого уже не жду я...
А старуха мать —*

*Уж пускай она потерпит, —
Я ее до самой смерти
Буду проклинять.*

[Кос-Арал, 1848]

«Муженька я дорогого...»

Перевод Н. Ушакова

* * *

*Муженька я дорогого
В дорогу послала,
А сама тропу от дома
К шинку протоптала,
За пшеном к куме ходила,
Чтобы успокоить
В хате с печкой ледяною
Деточек едою.
Накормила малых,
Спать им приказала
И пошла к дьячку потом,*

Чтоб разжиться пятаком,
Да заночевала.
А из Крыма муженек
Еле ноги приволок;
Волю надорвались,
Телеги сломались,
С кнутиками чумаченьки
Домой возвращались.
Как вошел муж в хату —
И невзвидел света:
Дети ползают за печкой.
Несыты, раздеты.
Говорит он: «Где же, дети,
Ваша мать родная?»
Отвечают ему дети:
«Мать в шинке гуляет».

[Кос-Арал, 1848]

«Ой, наточу товарища...»

Перевод Г. Петникова

* * *

Ой, наточу товарища —
Да за голенище,
Да пойду искать я правды
И доли почище.
Ой, пойду я не лугами
И не берегами,
Не привычными путями,
Другими путями!
Поговорю с кабатчиком,
Да с богатым паном,
Да со шляхтичем поганым
В жупане поганом,
Да с монахом, коль случится,
Пускай не гуляет,
Жития святых читает,
Людей поучает,
Чтоб друг друга не резали
И не обирали,
Сына вдовьего в солдаты
Чтоб не отдавали.

[Кос-Арал, 1848]

«На улице снег и ветер...»
Перевод В. Звягинцевой

* * *

*На улице снег и ветер,
Метель завывает.
По улице вдоль забора
Вдова ковыляет.
И пошла она на паперть,
И просить пошла-то
У тех самых, у богатых,
Что сына в солдаты
Позапрошлый год забрили.
Думалось иное:
Хоть в старости у невестки
Пожить на покое.
Не пришлось. Вот вымолила
Копейку с поклоном...
Да за сына поставила
Свечку пред иконой.*

[Кос-Арал, 1848]
[Петербург (?), 1858]

«Присяду я на крылечке...»

Перевод В. Инбер

* * *

Присяду я на крылечке,
На улицу гляну,
Вижу, как там недалече
Дивчата без Ганны,
Без моей без Ганнусеньки,
В «хрещика» играют^{280}.
И что-то им невесело
И что петь — не знают,
Голубоньки. А моей-то
Нет голубки-птицы.
У свекрови все воркует,
Ждет меня, томится.

[Кос-Арал, 1848]

«Куковала кукушечка...»
Перевод М. Комиссаровой

* * *

Куковала кукушечка
В зеленом лесочке,
Заплакала дивчинонька —
Нет у ней дружочка.
А девичьи молодые
Годы пропадают,
Как цветочки по теченью,
От нас уплывают,
Были б мать-отец родные
Да были б богатые,
Было б с кем и погулять мне,
Было б кому сватать.
А то нет, и одинокой
Так вот я и сгину —
Горемыкой-сиротиной
Где-нибудь под тыном

[Кос-Арал, 1848]

Швачка

Перевод Д. Длигача

{281}

«Ой, не пьется горилочка,
Не пьются меды,
Как бы шинкарям проклятым
Не нажить беды!
Ой, не пьется нынче пиво,
А я буду пить.
Не будете, вражьи паны,
На Украине жить.
Соберемся в воскресенье,
На Фастов нагрянем:
Шляхту в белые рубахи
Одевать мы станем,
Не в белые, а в красные...
Гулять не устанем.
Своего отца родного,
Старого помянем,
Полковника фастовского^{282}
Славного Семена.
Пойдем, хлопцы! Вам со мною
Не будет урона».

У Перепяти^{283} поспали,
До света вставали

И в Фастове утром рано
Казачи гуляли.
«Приди к нам из Межигорья,
Палий, поскорее,
Погляди-ка ты на Швачку,
На его затеи!»
В Фастове затеял дело,—
Есть такие вести,—
Пало шинкарей и шляхты
Не сто и не двести,
А тысячи. И площади
Багровыми стали.
И все шинки, все костелы,
Как свечи, пылали.
В самом замке небольшую
Церковку святую
Не сожгли.
В той церкви Швачка
Поет аллилуйю.
Хвалит господу веселый,
А Швачке седлают
Коня его вороного —
Погулять желает
Он в Быхове прославленном
Да с Левченко вкупе
Топтать трупы шинкарские,
Шляхетские трупы.

[Кос-Арал, 1848]

«Ой, не пьются мед и пиво...»

Перевод Н. Ушакова

{284}

* * *

Ой, не пьются мед и пиво,
Не пьется вода,
Приключилась с чумаченьком
В дороге беда:
Заболела головушка,
Заболел живот,
Упал чумак у телеги,
Упал, не встает.
Из Одессы прославленной
Завезли чуму;
Покинули товарища —
Пропадать ему!
Воле его у телеги
Понуро стоят;
Стаей вороны степные
К чумаку летят.
«Ой, вороны, вы оставьте
Мертвеца в покое:
Наклюетесь и умрете
Вы рядом со мною.

Сизокрылые, летите
В далекие дали,
Моему отцу скажите:
Меня б отпевали,
Надо мной псалтырь читали,
А дивчине милой
Передайте, прикажите,
Чтоб меня забыла».

[Кос-Арал, 1848]

«На улице невесело...»
Перевод Л. Елисеева

* * *

На улице невесело,
А дома ругают
И к вдове-соседке в гости
Меня не пускают.
Как свободы мне добиться.
Дома не томиться,
Иль в другого мне влюбиться,
Или утопиться?
Ой, надену я сережки,
Бусы я надену,
В воскресенье на ярмарку
Пойду непременно.
Прикажу ему посватать

Или отступиться!..
Если дома оставаться —
Лучше утопиться.

[Кос-Арал, 1848]

«Хата Катри-Катерины...»
Перевод Н. Ушакова

* * *

Хата Катри-Катерины
Хороша, богата.
Приехали запорожцы,
Зашли к Катре в хату.
Один — Семен Босый,
Другой — Иван Гольый,
Третий — славный вдовиченко,
Иван Ярошенко.
«Изъездили Польшу
И всю Украину,
А никого не видели
Краше Катерины!»
Один молвит: «Братья,
Если б был богат я,
То отдал бы все золото
Этой Катерине
За час за единый».
Второй молвит: «Друзи,

Мне б сильные руки,
Я бы отдал всю их силу
За час за единый
Этой Катерины».
И тут молвит третий,
Говорит он: «Дети,
Все я сделаю на свете
Для вот этой Катерины
За час за единый».
Катерина задумалась,
Ему отвечает:
«Есть у меня брат родимый,
Гибнет, погибает
Он в Крыму — в неволе вражьей.
Кто его добудет,
Тот, казаки-запорожцы,
Мне супругом будет».
Гости разом встали,
Коней оседлали
И за братом Катерины
На юг поскакали.
Один в Днепре сгинул,
Как в темной могиле,
Другого в Козлове^{285}
На кол посадили.
Третий, Иван Ярошенко,
Славный вдовиченко,
Из лютой неволи,

*Из Бахчисарая,
Брата вызволяет.*

*Утром двери заскрипели,
Гости входят в хату:
«Вставай, вставай, Катерина,
Встречай, Катря, брата».
Глянула — и отступила
И заголосила:
«То не брат мой, то мой милый!
Я с тобой хитрила».
«Ты хитрила!» И Катрина
Голова скатилась.
«В хате злой и злая доля,
Выйдем, брат, на волю!»
Поехали запорожцы,
Только ветер в поле.
Катерину молодую
В поле закопали,
А славные запорожцы
В степи побратались.*

[Кос-Арал, 1848]

«Из-за рощи солнце всходит...»

Перевод Н. Ушакова

* * *

*Из-за рощи солнце всходит,
За рощу садится.
Казак бродит по долине,
Тоскует, томится.
Битый час он бродит,
Второй начинает, —
Чернобровую напрасно
Казак поджидает.
Не выходит изменница...
Из темного леса
Из оврага выезжает
С дворней пан-повеса.
Травят казака борзыми,
Назад вяжут руки,
И казак тот принимает
Смертельные муки.
Пан в подполье, молодого,
Его запирает...
А девушку, обесчестив,
По миру пускает.*

[Кос-Арал, 1848]

«Ой, пошла я в овраг за водою...»

Перевод Н. Ушакова

* * *

*Ой, пошла я в овраг за водою,
Вижу, милый гуляет с другою.
А эта другая,
Разлучница злая —
Богатая соседушка —
Вдова молодая.
А я-то вчера-то
С гадюкой проклятой
В поле посконь убирала
И все рассказала,
Как он меня любит,
Как свататься будет,
И к себе такую суку
На свадьбу просила.
Иван ты мой милый,
Голубь сизокрылый!
Побей тебя сила божья
Среди раздорожья.*

[Кос-Арал, 1848]

«Не так недруги твои...»

Перевод Н. Ушакова

* * *

*Не так недруги твои,
Как добрые люди —
И обкрадут, жалеючи,
И, плача, осудят,
И попросят тебя в хату,
На ласку богаты,
О твоём здоровье спросят,
Чтоб потом смеяться,
Над тобой смеяться,
Добить смехом этим...
Проживешь на белом свете,
Недруга не встреть,
А доброму люду
Тебя найти всюду, —
И на том свете, добряги,
Тебя не забудут.*

[Кос-Арал, 1848]

«Ой, баю-баю, качаю сына...»

Перевод В. Звягинцевой

* * *

Ой, баю-баю, качаю сына
И день я ночь.
Пойдешь ты, сын мой, по Украине,
Нас проклянешь.
Сын мой, сыночек, лихом отца
ты
Не помяни.
Я виновата, мне и расплата, —
Меня кляни.
Меня не станет, — ступай не к
людям,
В рощу ступай.
Роща не спросит и не осудит,
Там я гуляй!
Увидишь в роще калину, милый,
Остановись,
Калину эту я так любила,
Ей поклонись.
А как в селенье ты к хатам вый-
дешь,
То не томись,
А как с ребенком ты мать уви-
дишь,

То отвернись.

[Кос-Арал, 1848]

«Отчего ты почернело...»

Перевод Н. Брауна

* * *

Отчего ты почернело,
Зеленое поле?
«Почернело я от крови
За вольную волю.
Вкруг местечка Берестечка
На четыре мили
Меня хлопцы-запорожцы
Трупами покрыли.
Да еще меня покрыло
Воронье с полночи...
Клюет очи казацкие,
А трупа не хочет...
Почернело, зеленое,
Я за вашу волю...
Снова я зазеленею, —
Вам иная доля;
Не вернетесь вы на волю,
Ее вспоминая, —
Вы меня пахать пойдете,
Долю проклиная...»

[Кос-Арал, 1848]

«Туман плывет долинами...»

Перевод В. Инбер

* * *

Туман плывет долинами,
Любо жить нам с родимыми.
Еще лучше за горою
Быть женою молодою.
Обойду я всю округу,
Поищу себе я друга:
«Где мой добрый, где мой милый,
Где мой сокол сизокрылый?»
Пусть бы отец выслеживал,
Мол, куда вы да где же вы, —
Ночка темная укроет
Нашу свадебку с тобою.
Вышла замуж — вся изныла.
Лучше б я и не любила.
Лучше б жить, любви не зная,
Чем с тобою жизнь такая.

[Кос-Арал, 1848]

«То пасхальное воскресенье...»

Перевод А. Тарковского

{286}

* * *

*То пасхальное воскресенье
Помнят люди и поныне:
До рассвета в достославном
Городе Чигрине
В медный колокол звонили,
Из пушки стреляли
И почтенных запорожцев
На совет скликали.
С хоругвями, с крестами
И с пречестными образами
Народ с попами
На гору из церквей спешит,
Словно божья пчела гудит.
Архимандрит святую
Обитель покидает,
Он в золоте сияет,
Акафист читает,
Народ благословляет.
Спокойно и тихо
В рассветную пору
На крутую гору*

Сходились полковники,
И войско, как море,
Шло рядами, с бунчуками,
С Луга выступало,
И труба пророкотала,
И недвижно войско стало.
Замолкли и пушки,
И звон отдаленный —
Бьет казачество смиренно
Земные поклоны.
Молебствие архимандрит
Перед войском правит,
Святого бога просит, славит,
Чтобы ниспослал им указанье
И облегчил бы им избранье.
И гетмана единогласно
Избрали утром рано-рано:
Преславного Лободу Ивана,
Рыцаря седого,
Брата войскового.
И трубы затрубили,
И церкви зазвонили,
Пушка загремела;
Знаменами, бунчуками
Гетмана укрыли.
Гетман слезы проливает
И руки к небу вздымает.
Славный гетман отвечает,

Поклонившись трижды,
Точно звон могучий
Над кручей:
«Спасибо вам, спасибо, родные,
Запорожцы удалые,
За славу, честь и уваженье.
Что сегодня оказали, —
Только лучше б вы избрали
Не меня, уже седого, —
Вы избрали б молодого
Запорожца записного,
Преславного, удалого
Павла Кравченко-Наливайко.
Я стар человек, не смогу сра-
жаться,
Будет со мною он совеща́ться,
По-сыновьи научатся,
Как за ляха взяться.
Тревожно, братья, стало ныне
На нашей славной Украине.
Нет, не мне воевать с ляхом,
Быть вам головою,
Не под силу мне, седому,
Сладить с булавою, —
Пускай правит Наливайко
К нашей доброй славе,
Чтоб от страха лях проклятый
Задрожал в Варшаве».

Как шмель, казачество гудит,
Все церкви зазвонили,
И пушка вновь гремит.
Знаменами укрыли
Преславного запорожца
Павла Кравченко-Наливайко.

[Кос-Арал, 1848]

«В лес-дуброву я ходила...»
Перевод Н. Ушакова

* * *

В лес-дуброву я ходила
По орехи,
Мельника я полюбила
Для потехи.
Мельник мелет, в ус не дует,
Обернется, поцелует
Для потехи.

В лес-дуброву я ходила
По опенки,
Шорника я полюбила
В той сторонке.
Шорник сбрую подшивает,
Меня сладко обнимает

Он в сторонке.

За дровами я ходила
В лес-дуброву,
Бондаря я любила,
Черноброва.
Бондарь ведра подбивает,
Меня к сердцу прижимает,
Черноброву.

Мама спросит дочь родную,
Молодую:
«Кто же раньше зятем будет —
Знать хочу я?»
«В воскресеньице святое
У тебя их будет трое», —
Ей скажу я.

[Кос-Арал, 1848]

«В воскресеньце да ранехонько...»

Перевод М. Комиссаровой

{287}

* * *

В воскресеньце да ранехонько,
Еще солнышко не всходило,
А я, молодая,
На путь на дорогу
Невеселая выходила.
Выходила я за рошу в долину,
Чтоб мать не видала.
Друга молодого,
Чумака с дороги
Я встречала.
Ой, встречалась я
В степи за кустами
Да с чумацкими возами:
Идут его волы,
Волы усталые,
Идут и вздыхают,
А мой молоденький чумаченько
За волами не шагает.
Ой, копали ему в степи при дороге
Да притыками яму^{288},
Завернули его в простую рого-

жу —
И опустили Ивана
В ту яму глубокую
На кургане могильном.
Ой, боже милый! Милый, мило-
сердный,
А я так его любила.

[Кос-Арал, 1848]

«То не буйный ветер в поле...»
Перевод Н. Сидоренко

* * *

То не буйный ветер в поле
Тополь нагибает,
То дивчина счастье-долю
Корит, упрекает:
«Лучше б тебе, доля,
В море утопиться,
Отчего ты не даешь мне
С кем-нибудь слюбиться!
Как дивчата целуются,
Как их обнимают,
Что тогда бывает с ними —
Я так и не знаю...
Не узнаю век. Ой, мама,
Страшно жить на свете

*И любви на белом свете
Никогда не встретить».*

[Кос-Арал, 1848]

**«Протоптала тропочку...»
Перевод Н. Ушакова**

{289}

* * *

*Протоптала тропочку
Через яр,
Через гору, миленький,
На базар;
Выносила бублики
На толчок.
Выручила, миленький,
Пятачок.
Я четыре денежки
Пропила,
Дудочнику денежку
Отдала.
Задуди-ка, дудочник,
Ты в дуду, —
Горе свое горькое
Забуду!
Вот какая дивчина
Ждет тебя!*

Сватай: замуж, миленький,
Выйду я!

[Кос-Арал, 1848]

«И широкую долину...»
Перевод Н. Брауна

* * *

И широкую долину,
И высокую могилу,
И тот вечер соловьиный,
И что снилось, говорилось —
Не забуду я.

Только что ж? Не повенчались,
Разошлись, как и не знались,
А в ту пору дорогие
Наши годы молодые
Смутно протекли.

Постарели мы с тобою:
Я — в неволе, ты — вдовою,
Не живем, а доживаем,
Только годы вспоминаем —
Те, что отошли.

[Кос-Арал, 1848]

«В огороде, возле брода...»

Перевод А. Суркова

* * *

*В огороде, возле брода,
Барвинок не всходит.
Почему дивчина к броду
По воду не ходит?
В огороде, возле тына,
Сохнет на жердине
Хмель зеленый; не выходит
Из дому дивчина.
В огороде, возле брода,
Наклонилась ива, —
Стало грустно чернобровой,
Стало сиротливо.
Плачет, плачет да рыдает,
Словно рыбка бьется...
А над нею, молодою,
Негодник смеется.*

[Кос-Арал, 1848]

«Кабы мне монисто, родная...»

Перевод П. Панченко

* * *

*Кабы мне монисто, родная, —
Завтра б утром в город пошла я.
Там играют старым и малым
Громкий бубен, скрипка, цимбалы.
А девушки с молодцами
Милуются... Мама! Мама!
Как несчастна я!*

*Ой, пойду я богу помолюся,
Ой, пойду я в батрачки наймуся,
Черевички новенькие справлю,
Музыкантов я играть заставлю.
Вы не удивляйтесь, люди,
Как плясать дивчина будет!
Долюшка моя!*

*Ты не дай мне одной остаться, —
Косам расплетаться-заплетать-
ся,
Без дружка вековать черноокой
И до гроба жить одинокой.
На чужой работе, знаю,
Брови черные линяют, —*

И несчастна я!

[Кос-Арал, 1848]

«Не хочу я обручаться...»

Перевод И. Сельвинского

* * *

«Не хочу я обручаться,
Не хочу жениться,
Не хочу я, не желаю
С детворой возиться.
Не хочу я, мать родная,
С пахотою знаться,
В своем бархатном жупане
В поле красоваться!
А пойду я обвенчаюсь
С моим верным другом,
С славным батьком запорож-
ским
Да с Великим Лугом.
На Хортице, в отчем доме,
Буду жить я паном —
Щеголять своим жупаном,
Напиваться пьяным».
Пошел казак неразумный
Славы добиваться.
Довелось его родимой

Сиротой остаться.
«Ой! — вздыхала в воскресенье
Мать его седая. —
Нету моего Ивана,
И где он — не знаю».
И не три-четыре года
Прошло, миновало:
Воротился запорожец
Больной и усталый,
Оборванный, в заплатах весь,
Выплаканы очи...
Вот тебе и Запорожье,
Вот тебе дом отчий!
Не с кем грусть ему развеять,
Горем поделиться.
Надо было б казаченьку
Смолоду жениться!
Прошли года веселые,
Горе подступило...
Кто же нынче обогреет
Сердце, что остыло?
Кто же мне растопит печку
На пустом ночлеге?
Даже некому водицы
Поднести калеке.

[Кос-Арал, 1848]

Чума

Перевод М. Комиссаровой

{290}

Чума с лопатою ходила
Да все могилы рыла-рыла.
Да трупом, трупом начиняла,
За упокой не поминала;
По городу и по селу
Метет, подобно помелу.
Весна. Сады цветут в селе,
Как будто полотном покрыты,
Росою божьею умыты,
Белеют. Весело земле:
Цветет, красуется цветами,
Садами темными, лугами.
А люди бедные в селе,
Как всполошенные ягнята,
Позаперлись с испуга в хатах
И мрут. На улицах волы
Ревут без корма; в огороде
Пасутся кони, не выходит
Никто загнать их, корму дать, —
Должно быть, людям сладко
спать.
Заснули; крепко, зная, заснули,
Воскресный день не помянули, —

Их звоном в церковь не зовут.
И трубам горестно без дыма;
За огородами, за тыном
Могилы черные растут.
За хатами, между садами,
Защиты в шкуру и в смоле,
Гробокопатели в селе
Волочат мертвецов цепями
За край села и зарывают
Их без гробов. Дни пролетают,
Проходят месяцы. Село
Навек замолкло, онемело
И все крапивой поросло.
Гробокопатели ходили —
И те за хатами легли.
Никто из хат не встал с зарею,
Сердешных не укрыл землю —
Гниют под хатами в пыли.
Оазисом в чистом поле
Село зеленеет.
Никто в него не заходит,
Только ветер веет,
Листья желтые разносит
По желтому полю.
Долго оно зеленело,
Пока люди с поля
Злого огня не пустили
Да не подпалили

Села того зеленого.
Сгорело, сотлело,
Пепел ветром разметало,
И следу не стало.
Вот какое людям горе
Чума причиняла.

[Кос-Арал, 1848]

«И снова мне не привезла...»
Перевод Н. Брауна

* * *

*И снова мне не привезла
Ни слова почта с Украины...
Знать, за греховные дела
Караюсь я в такой пустыне
Сердитым богом. Нет, не мне
Об этом знать, за что караюсь.
Зачем и знать об этом мне?
А сердце плачет, вижу снова
Дни невеселого бывшего
В той невеселой стороне,
В своей Украине, — надо мною
Они когда-то пронеслись...
Тогда божились и клялись,
Братались, сестрились со мною,
Потом, как туча, разошлись,*

Не окропись слезой святою.
И довелось снова мне
Людей на старости... Нет, нет!
В холеру все поумирали,
А то хотя б клочок прислали
Бумаги той.

.
Ой, с досады да с печали,
Чтоб не видеть, как читают
Эти письма, погуляю,
Погуляю по-над морем
Да развею свое горе,
Украину вспоминая
Да песенку напевая.
Люди злые, люди сгубят,
Она ж меня приголубит,
Посоветует, уважит
И всю правду мне расскажет.

[Кос-Арал, 1848]

«В неволе я один скучаю...»

Перевод Л. Озерова

* * *

*В неволе я один скучаю,
Мне не с кем душу отвести.
Ищу и сам того не знаю,
Где собеседника найти.
Ищу я бога, а встречаю
Такое... господи, прости...
Вот что со мной свершили годы
Да горе, да и то еще,
Что пасмурно, не горячо
Мое святое лето было,
Что жизнь моя прошла уныло
И нечего мне вспоминать.
А душу надо развлекать,
Ведь ей так хочется, так просит
Привета... Не слетает с губ.
И словно в поле снег заносит
Еще не охладевший труп.*

[Кос-Арал, 1848]

«Спит отец мой в могиле...»

Перевод В. Звягинцевой

* * *

*«Спит отец мой в могиле,
Мать-старуха скончалась,
Без совета, без помощи
Я на свете осталась.
Где я горе спрячу,
Где найду удачу?
Пойду ли батрачить,
Дома ли поплачу?
Ой, пойду, пойду в дуброву,
Посажу я мяту,
Если примется, не брошу
Я родимой хаты.
Придет в хату мой желанный,
Хозяйничать будем.
А не примется — пойду я
Искать счастья к людям».
Принялась в дуброве мята,
Растет-зеленеет.
А девушка в чужих людях
Чахнет и дурнеет.*

[Кос-Арал, 1848]

«Из похода не вернулся...»

Перевод Н. Брауна

* * *

*Из похода не вернулся
Гусарик-москаль.
Что ж он так мне приглянулся?
Что ж мне его жаль?
Оттого ль, что черноусый,
Что в жупан одет он куцый,
Что Машею звал?
Нет, не это грусть наводит, —
Красота моя уходит,
Замуж не берут.
А дивчата, как сойдутся,
Всё, проклятые, смеются,
Гусаркой зовут.*

[Кос-Арал, 1848]

«Во граде Вильно достославном...»

Перевод В. Бугаевского

{291}

* * *

Во граде Вильно достославном
Вот что произошло недавно...
Тогда стоял... Но трудно мне
В поэму втиснуть это слово^{292} ...
Тогда в просторный и суровый
Он превращен был лазарет,
А бакалавров разогнали
За то, что шапок не ломали
Пред Острой брамой^{293} ... Что ду-
рак,
Заметно сразу, но никак
Назвать не смею, правый боже,
Того студента — ну, так что же?
То был сын ясновельможный
Литовской графини:
Мать заботилась о миллом,
Единственном сыне.
Не как пан дитя училось
И шапку снимало
В Острой брaме; было б ладно,
Да беда настала!

Он влюбился не на шутку,
Был молод, сердешный,
Выбрал юную еврейку
И хотел, конечно,
Тайну соблюдая,
Чтоб не знала мать родная,
На красавице жениться.
Вот была какая —
Та еврейка. Все сидела
До глубокой ночи
Пред окном и утирала
Печальные очи...
И она его любила,
И страх как любила.
На бульвар гулять ходила
И в школу ходила
Все с отцом. И что тут делать
С долею проклятой?
А банкир один из Любска[23]
Евреечку сватал.
Что же делать тут влюблен-
ным, —
Идти в Запрет детям?
Утопиться? Без еврейки
Не житье на свете
Юноше. Старик проклятый
Знать того не знает,
Дочь единственную крепко

Дома запирает.
Как идет он утром в лавку, —
Сторожила б строже,
Нанимает Рухлю. Что же!
Рухля не поможет.
Где девушка эту книгу,
Где роман читала —
С тонкой лестницей из шелка, —
И Рухля не знала.
Может, сама догадалась,
Только так случилось,
Что себе сплела такую ж
И в ночи спустилась
Вниз, на улицу, к студенту.
Тут бы им скрываться,
А они (понятно — дети)
Сразу — целоваться
У ворот немедля стали.
А отец тут вскоре
Как безумный выбегает
С топором. Ой, горе,
Горе матери несчастной!
Сына не зови ты:
На улице валяется
Сынок твой убитый.
Он погублен изувером.
Горе приключилось!
Евреечка (что за сила

В девушке открылась?)
Бросилась, топор схватила
И по обух живо
В грудь отцовскую всадила.

Вот такое диво
В старом городе преславном,
В Вильне приключилось.
И дивились долго люди,
Где же притаилась
Евреечка та, гадюка,
Что отца убила?
В Вилии она тихонько
Ночью утопилась.
И нашли ее в Закрете^{294};
Там и закопали.
А графиня без сыночка
Осталась в печали,
В Рим уехала, я слышал,
Да там и осталась,
Да с маркизом неким нищим,
Молвят, обвенчалась.
Может, люди лгут — не знаю, —
На то они люди,
И вдовицу не забудут
И всегда осудят!

[Кос-Арал, 1848]

«Заслонило черной тучей...»
Перевод И. Сельвинского

{295}

* * *

*Заслонило черной тучей
Да белую тучу.
Вышли с турками татары
Бедой неминучей,
Из Полесья шляхта лезет,
А гетман-попович
С Ромоданом напирает,
Глупый Самойлович!
Будто вороны да галки
Со всего со свету
Рвут и тащат Украину...
Чигирине, где ты?
Где ты, старый Дорошенко,
Запорожский рыцарь?
Захворал ты иль боишься
С вороньем сразиться?
И заплакал Дорошенко
От тоски-кручины:
«Не боюсь я, атаманы, —
Жалко Украину.
Не развею вражью силу*

И не стану драться!..
Булаву мою возьмите
Гетманскую, братцы!
Отнесите москвитянам:
Пусть Москва узнает,
Что ей старый Дорошенко
Больше не мешает.
А я что же, запорожцы?
Я надену рясу,
Буду бить себе поклоны
У святого Спаса».
Зазвонили колокольни,
Пушки грохотали...
В два отряда заднепровцы
С москалями стали
На всю милю.
Показали Булаву народу...
Будет пить тебе, казаче,
Из Тясмина воду.
Положили булаву ту
Поповичу в ноги...
В монастырь иди, казаче.
Думай там о боге!
Не пустили Дорошенко
И в рясе узнали:
В кандалы его забили,
В Сосницю услали,
А оттуда в Ярополче[24] —

Будешь ты спокоен...
Вот, брат, что с тобою случилось,
Запорожский воин...

Выглянуло из-за тучи
Солнце над Чигрином.
Пошли турки и татары
Домой с Украины.
Ляхи со своим Чарнецким,
С поганым Степаном^{296},
Подпалили церковь божью.
И кости Богдана
Да Тимоша в Субботове
Сожгли озверело
И ушли, как будто сделал
Божеское дело.
А московские знамена
В воскресенье рано
За поповичем уплыли
Шляхом Ромоданом^{297}.

Как орел с плечом подбитым,
Без крыла и воли,
Дорошенко угасает^{298}
От тоски в неволе.
Да и умер. Надоело
Носить ему цепи...
И забыли атамана

Широкие степи.
Только ты, святой Ростовский^{299},
Дорошенко вспомнив,
Друга своего большого,
Повелел часовню
Над его воздвигнуть прахом
Да, раздувши ладан,
По гетману панихиду
Отслужить, как надо.
С той поры приходят люди
В тот день и, кручинясь,
По гетману панихиду
Правят и поныне В Ярополче.

[Кос-Арал, 1848]

«Не домой бредя средь ночи...»
Перевод М. Петровых

{300}

* * *

Не домой бредя средь ночи
От кумы, из хаты,
Не смыкая в дреме очи,
Вспоминай меня ты,
А как изведет кручина,
Загостясь до света, —
Вспомни обо мне, послушай

Доброго совета!
Вспомни, чтобы полегчало,
Как в степи за морем
Борется твой друг веселый
С неотступным горем,
Как, с тяжелой, тайной думой
Свыкшись понемногу,
Сердце скорбное смиряет
Да молится богу,
Вспоминает Украину
И тебя, друг милый.
Хоть подчас и затоскует,
Да не с прежней силой,
А так только. Завтра — праз-
ник...

Встречу одиноко
Этот день, мой друг единый,
В стороне далекой.
Загудит на Украине
Пред обедней ранней
Благовест... Пойдут толпою
В церковь прихожане
Помолиться... Завтра ж утром
Заревет голодный
Зверь в степи, засвищет утром
Ураган холодный,
Занесет песком и снегом
Мой курень в пустыне.

Вот как доведется праздник
Встретить на чужбине!
Ничего. На то и лихо,
Чтобы с ним бороться.
Письмецо мое прочти ты,
Чуть тебе взгрустнется,
И поверь мне, что на свете
Нету горшей доли,
Как в чужом краю немилым
Вековать в неволе.
Но и там живут. Что ж делать!
Хоть порой нет мочи,
Умереть бы, да надежда
Умирать не хочет.

[Кос-Арал, 24 декабря 1848, 1849]

«Как чумаки, тащась в степях...»

Перевод М. Петровых

* * *

*Как чумаки, тащась в степях,
Столбы минуют верстовые,
Уходят годы прожитые.
Мне что! На памятных листках
Строчу — стихами наполняю
За книжкой книжку. Разгоняю
Кручину о глухой судьбе
И кандалы кую себе
(Коль эти господа узнают).
Да хоть на крест, будь их приказ,
А без стихов я жить не в силах.
Два года в книжечках строчил их,
Начну и третий в добрый час.*

[Кос-Арал, 1849]

[Сотник]

Перевод Б. Турганова

{301}

Под Оглавом^{302} ... Кому знаком,
Скажите, Оглав белостенный?
Немногим! Поясню степенно,
Чтоб не напутать непутем.
Недалеко от Борисполя^{303},
Почти возле него, верней,
И посеючас в пустынном поле
Приметна купа тополей, —
Ну, впрямь из Оглава дивчата
Овечек вывели когда-то
И стали. Было то давно...
Вот тут обычно из-за тына
Фасоль вилася по тычине,
И застекленное окно
Порою в садик открывалось.
И хата, видите, была
За тыном, сотникова хата.
А сотник был старик богатый,
Так у него в дому росла,
Воспитывалась, как родная,
Подкидыш-дочка. Или так,
В приемыши седой казак
Сиротку взял и, надзирая

За нею строго день и ночь,
Растил себе чужую дочь.
А сына (сотник был женатый,
Да овдовел) он отослал
Учиться, в Киев^{304} — вон из хаты.
А сам Настусю поджидал,
Сиротку ту, отроковицу,
Готовый с ней соединиться:
Не сына с ней соединить,
А в голову ему, седому,
Взбрело под старость подурить.
Но, сор не вынося из дому,
Не говорит ни с кем чужим,
Лишь сам с собою рассуждает...
А уж бабенки... бес их знает!
Смеются за спиной над ним!
Они поживу носом чуют.

.....
Сидит сотник возле хаты,
В тиши размышляет,
А Настуся по садику
Пташкою порхает.
То подсядет, возьмет руку,
Прильнет к ней губами,
То страшными, огромными
Играет усами, —
Ну понятно, как ребенок,
Ласкает седого.

А седому не до шуток —
Хочется иного:
Греховного наслажденья
Плоть, дряхлея, просит.
И пальцами старый сотник
Настусины косы,
Словно две змеи большие,
В одну заплетает.
То расплетет да вокруг шеи
Трижды обмотает!..
А она, моя голубка,
Ничего не знает, —
Как с большим котом котенок,
Резвится, играет...

СОТНИК

Отвяжись ты, баловница.
Все одни проказы,
Как русалка, растрепалась...
А зачем ни разу
Ты ленты не вплела в косицы,
Тесьму, что тетка привезла?...

Настуся

Пустили бы на вечерницы,
Тогда б и ленты я вплела,
Сумела бы принарядиться,
Другие башмачки взяла,

Барвинком убрала бы косы...

СОТНИК

*Как быть с тобой — простоволо-
сой?*

*Да где барвинок ты б нашла,
Чтоб им украситья богато?*

Настуся

*А возле тына! Там такой
Зеленый вырос, да крещатый,
Да синий! Сине-голубой
Зацвел...*

СОТНИК

Скажи «прощай» дивчатам!

Настуся

Что ж, разве я умру?

СОТНИК

Ну, нет!

*А снилось осенью, мой свет,
Когда мы черенки щепили,
Как примутся... и мне присни-
лось...*

*Как примутся, так в тот же час
Ты выйдешь замуж.*

Настуся

*Вот те раз!!!
И черенки вам обломаю...*

Сотник

А как барвинок даст цветы...

Настуся

Я и барвинок посрываю!

Сотник

А не уйдешь от свадьбы ты!

Настуся

Нет, нет, уйду, мне, право, стыдно!

(Плачет.)

Сотник

*Глупа ты, Настя, сразу видно:
В веселой шутке нет вреда...
Не видишь разве, что шучу я?
Поддай-ка скрипку мне сюда,
Ты с горя славно потанцуешь,
А я сыграю...*

Настуся

*Ладно, тату...
(И, радостная, — мигом в хату.)*

Сотник

*Что ж, погодим, пожалуй, брат!
Повременим! Да вот беда-то:
Года не ждут! года летят!
А мысль проклятая змеею
Глубоко к сердцу приросла...
А ты уж скрипку принесла?
Так что же нам сыграть с то-
бою?*

Настуся

*Э, нет! Постойте! Чур молчать.
А то не стану я плясать,
Пока барвинка не нарву.
Я мигом, я сейчас управлюсь!*

*(Отходит недалеко, рвет цветы, убирает-
ся ими и поет. А сотник настраивает скрип-
ку.)*

Сотник

*Смотри, одна уж оборвалась.
Постой, и эту оборву.*

Настуся

(возвращается, убранная цветами, напе-

вая)

«Ой, когда б мне крылья, крылья
Соколиные,
Полетела бы за милым
На чужбину я.
Полетела бы в лесочек,
В мой зеленый рай, —
Полетела бы, дружочек,
За тихий Дунай!»

В то время как она поет, в садик входит **молодой парень** в соломенной широкополой шляпе, в коротком синем жупане, в зеленых шароварах, с котомкой за плечами и с пlectrum.

Петро. День добрый! Бог помощь!

Настуся. Тату! Тату! Петро! Петро! Из Киева пришел!

Сотник. А, видом видать, слыхом слыхать! Волею иль неволею?

Петро. Волею, тату, да еще и богословом⁽³⁰⁵⁾.

Сотник. Ого!

Настуся. Богословом? Страх какой!

Сотник. Глупая, чего ты боишься! (Подходит к сыну, крестит его и целует.) Боже тебя благослови, дитя мое! Настуся! Отведи его в

горницы да накорми, ведь он еще, пожалуй, и не обедал.

Петро. Да оно так. *(Идет в горницы с Настусею.)*

Сотник

(один)

*И даровал же мне господь
Такую ветвь, такого сына!
И богослов уже. Причина,
Причина мудрая.*

(Задумывается.)

*Ну вот,
О чем тут думать? В иереи,
А не захочет, так на Сечь —
И там небось не сломит шею.
И все... Еще забота с плеч:
Заставить надо богослова,
Чтоб дома он баклуш не бил,
А между делом обучил
Настусю заповедям, — снова
Дьячка тогда не нанимать,
Как для покойницы. А знаю —
Иначе нас не обвенчает
Отец Фома... Пойти сказать,
А то забуду...*

(Идет в дом.)

Жить бы, жить да славить бога,
Детьми любоваться, —
Так нет: надобно под старость
Начать бесноваться,
Надо старому жениться
На малом дитяти!
Эй, очнися, не женися.
И ей не жить в хате,
И сам, дряхлый, посмешищем
В своей семье станешь,
Станешь проклипать женитьбу,
Горевать устанешь,
Будешь плакать, только слезы
Никто не осушит
Старческие. Не женись же!
Одумайся, друже!
Погляди: все зеленеет,
И дети в расцвете,
За что ж ты им, молоденьким,
Не дашь жить на свете?...
Нет, его так зависть мучит,
Что смотреть наскучит!
А Настуся с богословом
Заповеди учит.
Вот смотрите: в тихий садик
Вышли и гуляют,

*Словно голубок с голубкой,
Вдвоем рассуждают.
А седого нету дома,
Вот они и рады
Порезвиться. Поглядите:
Около ограды
Стали рядком, любуются
Один и другая.
В небе ангелы святые
На бога взирают,
Как те двое друг на дружку.
Вот голос Петруся.*

Петро

*Отчего ты не читаешь,
Скажи мне, Настуся?*

Настуся. Что я, школяр, что ли? Не хочу — и все!

Петро. Хоть одну маленькую заповедь нынче выучи, хоть пятую!

Настуся. Ни пятой, ни шестой — никакой не хочу.

Петро. Ну, так поп и не повенчает никогда, ежели не выучишь!

Настуся. Все равно, пускай не венчает.

Петро. А со мною?

Настуся. И с тобою пускай... Э, нет! Пускай повенчает!..

Петро. Так читай же! А то...

Настуся. А то... Что ты сделаешь?

Петро. Поцелую. Вот увидишь!

Настуся. Как хочешь целуй, а я читать не стану!

Петро. *(целует ее и приговаривает).* Вот тебе раз! Вот тебе два!

А сотник выглядывает из-за плетня и входит в дом, не подав виду.

Настуся. *(отбивается).* Хватит уже, хватит! Скоро отец придет, надо вправду читать.

Петро. А! Теперь и читать!

Сотник. *(выходит из дому).* Дети! Будет вам учиться! Не пора ли обедать?

*Петро и Настуся молча идут в хату.
(Один.)*

*Ученье, нечего сказать!
Ай да ребенок! Нет, Настуся!
Теперь я за тебя примуся,
Теперь, дружок, иная статья!*

Пока сто раз не поцелует,
Читать не хочет! А бурсак!
Собачий сын, какой мастак!
Сейчас тебя я помуштрую —
Не то что в бурсе!.. Помелом!
Чтоб... позабыл, где двери в дом!
Небось найдет себе дорогу!
Смотри-ка, пес какой, ей-богу!
Вот это вправду богослов —
Отца обворовал! Ну, чадо!
Как люди стали жестоки!..
А в хате что творится, рядом?
Там снова, знать, ученики
Читают... Разогнать их надо.

Такие-то отцы детям!
Для чего, скажите?
Посмеянье перед богом.
А туда же, — чтите,
Уважайте его, дети, —
Отец справедливый,
Отец мудрый! Хорошо им,
Сиротам счастливым,
Что отцов таких не знают
И в грех не впадают!

Настуся

(выбегает заплаканная из дому)

*Не дает и пообедать,
В Киев прогоняет.
А, боже мой милостивый!
Где найти защиты?
Убегу с ним!*

(Смотрит в хату.)

*Замахнулся!
Ух, какой сердитый!
Да не тронет... А я таки
В Киев за Петрусем
Побегу, делай что хочешь!
Я не побоюся, —
Темной ночью идти буду...
А ведьма поймает?!
Нет, не страшно!*

(Заглядывает снова.)

*Бедняжечка! Книжки собирает,
Шапку взял, мешок на плечи.
Прощай же, мой любый,
Мое сердце!.. Так под вечер?
У заставы? буду!
Раньше буду! Вот на, лови!*

(Кидает через плетень цветок.)

Слышишь! Дождись!

Входит сотник. Настуся поет.

*«Не ходи, не ходи, не увивайся!
Не сватай, не пойду, не собирай-
ся!»*

Сотник

*Спокойна! Будто не слыхала!
Хохочет и сорокой скачет.
Настуся! Что же ты не плачешь?
Ведь ты Петруся потеряла.*

Настуся

*Смотрите, вот еще печаль!
Ну и заплачьте, если жаль...*

Сотник

Жалеть не буду.

Настуся

*Что же мне
Жалеть — я вовсе в стороне;
А я уж заповеди знаю,
Все выучила!*

Сотник

Все? Сама?

Настуся

*Пускай хоть нынче проверяет
Горластый ваш отец Фома!*

Сотник

Так, значит, свадьба в воскресенье?

Настуся

*Нет, надо отговорить; терпеньем!
Как отговоримся — тогда.*

Сотник

(целует ее)

*Моя пригожая голубка!
Моя ты ягодка!..*

(Пляшет и приговаривает.)

*«За селом
Вчетвером
Средь ночи ходила!
А в ночи
Идучи
Монисто забыла».*

Настуся. Далось вам то монисто! Шли бы скорее к отцу Фоме да уговорились. Вот что!

Сотник. Правда, правда, мой цветик! Побегу ж я скоренько, а ты тут, моя любя, погуляй тихонечко! Да уберись цветами! Да не жди меня, а то, может, останусь и на вечерню.

(Целует ее и уходит.)

Настуся. Ладно, ладно! Ждать не стану.

*Ждать не стану, ждать не стану,
Соберусь я раным-рано
Да в монисто уберуся,
Догонять пойду Петруся.*

Обнимемся, поцелуемся, возьмемся за ручки, да и пойдем вдвоем прямо в Киев. Надо убраться цветами, — может, в последний раз! Ведь он сказал, — в Броварах и повенчаемся.

(Убирается цветами и поет.)

*«Ой, пойду я не берегом лугом,
Повстречаюсь с несуженым другом.
Здравствуй, здравствуй, несуженый милый!
Любились мы с тобой до могилы;
Любились мы, да не повенчались,
Только с горем, с печалью спознались».*

В от вспомнила какую! Чур ей, какая нехорошая! Побегу-ка я скорее. Прощайте, мои высокие тополя и крещатый мой барвинок!
(Уходит.)

Идет нетвердою стопой
Подпивший сотник, сам с собой
В ночи, веселый, рассуждает:
«Пускай и наших люди знают!
Пускай и старый и горбатый,
А мы... Хе! Хе! а мы женаты!
А мы!..» Добравшись еле-еле,
Прокрался он к своей постели,
Чтоб Настю, вишь, не разбудить,
Постыдного не натворить.
Уже к Достоюно отзвонили^{306},
Уже народ идет домой, —
Не видно Насти молодой!
Насилу сотника взбудили,
Растолковали: так и так!
Перекрестился наш чудак,
Коня отменного седлает
И скачет в Киев. В Броварах,
Уже повенчанна, гуляет
Его Настуся, не одна!
В усадьбу сотник мой вернулся,
Три дня, три ночи не вставал,

Ни с кем словечка не сказал,
Про свой позор не заикнулся.

.....
.....
Люди барыши считают,
А того не знают,
Что под старость поглупеют
И все растеряют.
Вот так теперь и с сотником
Неразумным случилось:
Разогнал детей по свету,
А добро осталось, —
Добром не с кем поделиться.
И пришлось бесславно
Промотаться, разориться,
Счастья не доставив
Никому ни на копейку,
Притчей во языцех
Слыть в народе и в холодной
Горнице томиться
Под тулупом; никто близкий
Не натопит хаты,
Не подметет... Среди грязи
Слоняйся, горбатый,
Пока филин над стрехою
В окно не завоюет,

А батрачка холодного
Трупа не накроет
Потрепанной овчиною,
Ключа от коморы
Из-за пояса не вынет...

Такое-то горе
С тем сотником приключилось.
Не прошло и года,
Как Настусенька пропала,
А на огороде
Не осталось и травинки, —
Телята да свиньи
Вытоптали... А барвинок
Крещатый да синий,
Потоптанный, возле тына
Засыхает, вянет!
А хозяин сам в тулупе,
Опухший да пьяный,
Мимо клуни ковыляет.
А стога не крыты,
И горницы не мазаны,
Потолки не мыты,
И челяди нету дома,
И скот пропадает...
Даже грязная батрачка
И та помывает
Дряхлым паном. Так и надо:

Не гони ребяток,
Старый дурень!
Мало прожил
На прежний достаток
Пьяный сотник. Еще лето
Люди проводили,
А к осени на улице
Сотника убили!
Или помер, возвращаясь
Из шинка? Не стали
Разбирать, как было дело.
Всю одежду взяли
Люди добрые и славно
Его схоронили
На лужайке: крест поставитъ
И то позабыли.
Вспомнить горько: жил в до-
статке,
Есть родня и дети,
А вот крест ему поставитъ
Некому на свете!
Умер сотник, и хоромы
Сгнили, покосились;
Все пропало, все сгнуло.
Только сохранились
Тополя в пустынном поле;
Стоят, как дивчата,
Что из Оглава овечек

Водили когда-то.

[Кос-Арал, 1849]

«За солнцем облачко плывет...»

Перевод Н. Брауна

* * *

За солнцем облачко плывет,
Краснеет, полы расстилает,
Оно и солнце спать зовет
В морскую синь — и прикрывает
Розовою пеленою,
Как ребенка к ночи.
Любо глазу. Хоть часочек,
Хоть один часочек
Сердце словно отдыхает
С богом в разговоре...
А туман, как враг лукавый,
Закрывает море
И облачко розовое,
И тьму за собою
Он выводит, расстилает,
И тьмою немою
Обовьет твою он душу,
И грустишь о свете —
Ждешь его, как мать родную
Ожидают дети.

[Кос-Арал, 1849]

«Не стану я печалиться...»

Перевод М. Замаховской

* * *

Не стану я печалиться,
Досаждая людям,
Уйду куда глаза глядят,
А там — будь что будет!
Выйдет счастье, так женюсь,
А нет — утоплюся.
Никому я не продамся,
Внаймы не наймуся.
Пошел куда глаза глядят...
Счастье схоронилось,
Люди добрые о воле
И не говорили,
А без слова в далекую
Бросили неволю:
Чтоб и не всходило это
Зелье в нашем поле.

[Кос-Арал, 1849]

«Зачем буду я жениться...»

Перевод Н. Брауна

* * *

Зачем буду я жениться,
Зачем обручатся?
Надо мной, женатым, будут
Казачи смеяться.
«Оженился, — они скажут, —
Голодный да голый;
Загубил он, неразумный,
Молодую волю!»
Да и правда. Что ж мне делать?
Научите, люди.
Может, к вам идти батрачить?
Разве лучше будет?
Нет, чужих волов не буду
Пасты, загонять я,
Ублажать не буду тещу
Я в хозяйской хате.
А буду я красоваться
В голубом жупане
На коне на черногривом
Перед казаками.
Найду себе чернобровку
В степи при долине —
Найду курган-могилушку

Я на Украине.
Козаки придут на свадьбу
С друзьями моими.
С ними пушки, самопалы,
Кременницы с ними.
Как понесут товарища
В новую светлицу,
Застрекочат самопалы,
Грянут кременницы.
В той светлице атаману
Спать, беды не зная.
Грянет пушка, завывая,
Словно мать, рыдая,
Закричит, запричитает
О погибшем сыне,
Разнесет далеко славу
По всей Украине.

[Кос-Арал, 1849]

«Ой, серые кричат гуси...»

Перевод А. Суркова

* * *

*Ой, серые кричат гуси
У пруда во рву.
По всему селу гуляет
Слава про вдову.
Не так слава, не так слава,
Как тот разговор,
Что заехал запорожец
Ко вдове во двор,
С ней поужинал в светлице.
Мед-вино текли.
Вместе в хате на кровати
Почивать легли.
Не минула злая слава,
Даром не прошла:
Та вдовица-белолица
Сына родила.
Выпестовала сыночка,
И в школу свела,
И, из школы его взявши,
Ковя привела.
А коня ему купивши,
Седельце сама
Чистым шелком вышивала,*

Золотом ткала.
И жупаном одарила
Красным дорогим.
Посадила на коника —
Гляньте-ка враги!
Полюбуйтесь! — И повела
Коня вдоль села.
Да и привела к обозу,
В войско отдала...
А сама на постриг в Киев,
В монашки пошла.

[Кос-Арал, 1849]

«Если бы тебе досталось...»
Перевод Д. Бродского

* * *

«Если бы тебе досталось
Пожить вместе с нами,
Знал бы ты тогда, приятель,
Какими словами
Называть своих несчастных
Девушек-покрыток,
А то мелет чертовщину
И думает: мы-то!
Мы-то людям всем покажем
Этих бесталанных

И учтивости научим
Барчуков поганых.
Жаль труда! Покуда баре
Власть имеют в селах,
Будет много собираться
Покрытой веселых
По шиночкам с солдатами».
«Не тревожься, братец!»
«Ладно, говорю! а все же
Побасенку нате,
Да последнюю, барчата!
Послушайте кстати!

Дивчата на лугу гребли,
А хлопцы сено в копны клали,
Да все на солнышко взирали
Да всяческую чушь несли,
Ребьячась. Хлопцам, как сороки,
В ответ дивчата стрекотали
И часто к роднику спускались
В овражек глубокий.
Та, что красивей всех была,
Уже давно в овраг ушла,
Кувшин забрав, да и пропала,
А старосте — заботы мало,
Не видит будто. Не впервой
Лукавому кривить душой, —
Матерый пес, да и смышленный.

Из балки вдруг донесся крик.
На помощь хлопцы в тот же миг
И видят: в балке, разъяренный,
Насилье барский сын творит,
Дивчину бедную терзает
Сердешная вопит, кричит;
Примчались хлопцы; не спасают,
Боятся пана. Тут один,
Юнец безусый, оглянулся
И — вилами пана
Проколол его, как жабу...
Застонал поганый.
Да и умер. Пошумели,
В город весть помчалась:
Суд наехал, поглядели
И выпили малость
Судьи; в цепи заковали
Парня молодого
Да в острог замуровали,
Не молвив ни слова».

На шляху, в широком поле,
Корчма под ветлою
Стоит, в тени пристроилась,
Ну, а под корчмою
В ряд колодники расселись.
В тени приютиться

Позволили горемыкам,
Водицы напиться.
Вот сидят они, болтают,
Кто и засыпает.
Из-за горки поезжане
На шлях выезжают.
Их три тройки; и случайно
У корчмы той стали
Покормить коней усталых,
И дружки устали,
Распевая; вот и стали;
Встала молодая
И, горилки кварту взявши,
Пошла, оделяя
И колодников несчастных,
И конвой унылый.
Вдруг взглянула, обомлела:
Боже, боже милый!
Меж колодников, закован,
Тот самый, единый.
Ее мститель бесталанный
Несет с Украины
Кандалы в Сибирь глухую.
Тебя ж, молодую,
Будут холить, и не будешь
Ты слышать, тоскуя,
Его плача вседневного...
Потчевать не стала

Она мстителя святого
И не привечала —
Лишь взглянула на родного,
Не молвив ни слова.
Постояли поезжане
И-в дорогу снова.
И колодники за ними,
Цепями бряцая,
Потянулись. И настала
Тишина немая
Вокруг корчмы. Корчма одна
С хозяйкой осталась
При дороге. А над нею
Дымом расстилалась
Пыль дорожная.
И смерклось.
И век пролетает,
Не только день! На хуторе
Музыка играет
До полуночи. Подружки
Стлать постель в светелку
Двинулись... А молодая
Вышла втихомолку
И пропала... Ночь искали,
До свету искали
И не нашли! где ж бедняга?
Где? Ушла, в печали,
За колодником убогим

В сибирские дали...

[Кос-Арал, 1849]

«И тернистый и колючий...»

Перевод С. Гордеева

* * *

*И тернистый и колючий
Путь на Украину.
Видно, я ее навеки,
Навеки покинул.
Верно, мне на Украину
Не вернуться боле?
Верно, самому придется
Мне читать в неволе
Эти думы? Боже милый,
Тяжело мириться
С этой жизнью, если сердцем
Не с кем поделиться!
Не дал ты мне, человеку,
Доли человека!
Я не знал ее вовеки!
Вовеки! Вовеки!
Не дал ты с девичьим сердцем
Моему сродниться!
Промелькнули дни и ночи
Темной вереницей,*

Без любви, без радости
Они промелькнули
На чужбине! Не нашел я,
С кем бы подружиться.
И теперь мне даже не с кем
Словом поделиться!
Тяжело носить, о боже,
Сердцу молодому
Одному такие думы.
Никому родному
Не сказать святого слова,
И души убогих
Не радовать и не корить
Человека злого,
И умереть!.. О господи!
Дай хотя бы глянуть
На народ поработенный,
На мою Украину!

[Кос-Арал, 1849]

«Зацвела в долине...»
Перевод Е. Нежинцева

* * *

Зацвела в долине
Красная калина,
Будто рассмеялась
Юная дивчина.
Любо, любо стало,
Пташка встрепенулась
И защебетала.
Проснулась дивчина
И, свитку накинув,
Из беленькой хаты
По травам несмятым
Спешит на долину.
Из рощи зеленой
Выходит, встречая,
Казак чернобровый,
Целует, ласкает.
Идут по долине,
Идут, напевают,
Как деточек двое.
Пришли к той калине,
И заулыбались,
И поцеловались.

Какого мы рая
Еще ожидаем?
Рай перед глазами,
А мы в божьем храме
Бога умоляем:
«Поддай ты нам рая!»
Сказал бы я правду,
Да что толку будет?
Себе лишь на горе,
А попам и людям —
Им все равно будет.

[Кос-Арал, 1849]

«И в самых радостных краях...»
Перевод А. Твардовского

* * *

И в самых радостных краях
Не знаю ничего красивей,
Достойней матери счастливой
С ребенком малым на руках.
Бывает иногда: смотрю я,
Любуюсь ею, и печаль
Охватит сердце вдруг; и жаль
Ее мне станет, и, тоскуя,
Пред нею голову склоню я,
Как перед образом святым

Марии — матери прекрасной,
Что в мир наш бога принесла...

Теперь ей все легко, все любо.
Она в ночи не спит, встает,
Свое богатство стережет,
И только ночь пойдет на убыль,
Она опять над ним, и губы
Любовно шепчут:

«Вот он, вот... Мой сын!»

И за него с тревогой
Молитву посылает богу,
На улицу выходит с ним —
По улице идет царицей,
Перед людьми добром своим,
Сокровищем своим гордится:
Мол, краше всех и лучше — мой!
И, если кто на сына глянул, —
Нет больше радости! Домой
Приносит своего Ивана
И думает, что все село
Ее лишь сыном любовалось,
Что вместе с ними все ушло
И ничего там не осталось.
Счастливая!..

Года проходят,
И дети взрослые уходят,
Кто в ту, кто в эту сторону:

На заработки, на войну.
И ты осталась сиротою,
И дома никого с тобою
Уж больше не осталось. Плеч
Укутать нечем. Стынет печь,
Нетопленная по неделям,
И встать не можешь ты с постеле-
ли.
Но все — и думы, и мечты,
И все твои молитвы богу —
О них, о деточках...

А ты,
Другая мать, глухой дорогой
Бредешь, боясь глаза поднять,
Великомученица-мать;
Несешь дитя, от всех скрывая.
Ведь пташка малая любая —
И та увидит и поймет:
«Вон девушка свой грех несет».

Бесталанная! А где же
Красота былая,
Та, которой любовались,
Девушку встречая?
Все взяло дитя родное, —
Тяжкий стыд да горе.
Бесприютная, идешь ты

Из села в позоре.
Сторонятся все при встрече,
Как от прокаженной.
А сынок — такой он малый,
Такой несмышленный.
И когда еще он скажет,
Когда пролепечет
Слово **мама**. Великое
Слово человечье!
Подрастет, ему расскажешь,
Как была дивчиной,
Как тебя барчук лукавый
Обманул и кинул.
Ненадолго легче станет —
Срок не за горами:
В люди сын уйдет мальчишкой
Бродить со слепцами.
А тебя оставит нищей,
Чтоб собак дразнила,
Да еще и обругает,
Зачем породила
Да зачем в трудах и в поте
Растила, любила.
И любить, бедняга, будешь
До самой кончины.
А свою кончину встретишь
Где-нибудь под тыном.

[Кос-Арал, 1849]
[Петербург (?), 1858]

«В светлый праздник на соломе...»
Перевод М. Комиссаровой

* * *

В светлый праздник на соломе
Крашенки катали
Дети на припеке в полдень
И хвалиться стали
Обновами. Той рубашку
С вышивкою сшили
К празднику. А этой — ленту,
Той тесьму купили.
Кому шапку из мерлушки,
Сапожки с подковкой,
Кому свитку. Лишь сиротка
Сидит без обновки,
В рукава ручонки прячет
И глядит уныло.
«Мне обнову справил батько».
«Мне мама купила».
«А мне крестная рубашку
Гладью вышивала».
«У попа я обедала», —
Сиротка сказала.

[Кос-Арал, 1849]

«Бывало, думаю, гуляю...»

Перевод В. Бугаевского

* * *

Бывало, думаю, гуляю,
Сижу за работой,
Все о милом вспоминаю
И страшусь чего-то.
Глупа была молодая
И все дожидалась —
Вот придет за мною сватов...
И не догадалась,
Что смеялся он над глупой.
А сердце болело,
Будто знало, что так будет,
Сказать не умело.
Если бы оно сказало,
Его не любила б,
К роднику тогда, быть может,
В рощу не ходила б.
А то утром и вечером
Ходила туда я...
Доходила. Одинокой
Вяну, увядаю.
Стариться в отцовской хате

Жребий мой проклятый,
А своих уже не будет
Ни двора, ни хаты!
Вот и нынче за работой
Сижусь или гуляю,
Все о милом вспоминаю
И сама не знаю,
Что я думала, зачем я
В рощу ту ходила?
И за что его так долго,
Так тяжело любила?

[Кос-Арал, 1849]

«**Бывает, иногда старик...**»

Перевод Н. Ушакова

* * *

Бывает, иногда старик
Негаданно помолодеет,
И пусть от пенья он отвык,
Но даже петь старик затеет...
И встанет ясно перед ним
Надежда ангелом святым,
И словно молодость к нему
Вернется и крылом своим
Его овеет. Что же с ним?
Чему же рад старик? Тому,

Что дело доброе задумал
Он, видите ли, совершить.
Вдруг совершит? Как славно
жить
Тому, кто и душой и думой
Умеет доброе любить!
Не раз он радоваться станет,
Не раз барвинком расцветет.
Не так ли вот в глухую яму
Святое солнышко заглянет,
И в ней, глухой, на вызов тот
Трава зеленая взойдет.

[Кос-Арал, 1849]

«Не самому ль мне написать...»

Перевод М. Матусовского

* * *

Не самому ль мне написать
Послание себе в отраду
И дочиста в нем рассказать
Все то, что надо и не надо.
Ведь не дождешься ты его,
Того писания святого,
И нет нигде живого слова,
И правды нет ни у кого!
Уж, кажется, и срок настал.

Уж десять лет свой круг сверши-
ли,
Как свой «Кобзарь» я людям дал,
А им как будто рот зашили.
Молчат, не споря, не кляня,
Видать, — и не было меня.
Не похвалы я жду от света, —
И без нее свой путь найду, —
А только доброго совета;
Да, верно, ссыльным я сойду
В могилу, прежде чем дождусь!
Бывало, сердце так болело, —
О боже правый, как хотелось,
Чтобы мне кто-нибудь сказал
Хотя бы слово; чтоб я знал,
Кому пишу я песни с жаром,
За что Украину люблю, —
Огонь святой не трачу ль даром?
Я, верно, прежде стану старым,
Чем буду знать, за что терплю.
Чтобы напрасно не томиться,
Пишу порою просто так,
А иногда седой казак
Почудится или приснится;
Усатый, видится он мне
На черном вороне-коне!
А больше ничего не знаю,
Хотя за то и погибаю

Теперь в далекой стороне.
Иль так судьба моя сложилась?
Иль богу мать не помолилась,
Как понесла меня, — что я
В степи, как лютая змея,
Лежу, растоптан, издыхая,
Заката солнца ожидая?
Вот так живу я, и терплю,
И смерти жду, в степи страдая.
За что? Ей-богу, сам не знаю.
А все-таки его люблю —
Простор Украины широкий,
Хотя там был я одиноким
(Ведь пары там я не нашел)
И вот до гибели дошел.

Пустое, братец, не томися!
Себя в железо ты закуй
Да хорошенько помолися,
На свет же, на людей наплюй, —
Они глупей капусты. Впрочем,
Ты, братец, поступай как хочешь.
Есть ум, так сам все обмозгуй.

[Кос-Арал, 1849]

«Мы чванные, пустые люди...»

Перевод А. Ойслендера

* * *

*Мы чванные, пустые люди,
Где б ни были, — везде и всюду!
А хвалимся, что вот-де мы
И над землею и водою,
И от дворцов и до тюрьмы —
Везде цари, а над собою —
Тираны — до того цари,
И на престоле и в неволе.
И это все — по доброй воле,
По воле разума горит,
Как бы маяк в открытом море,
То есть в житейском. Точно так
И в черепе, как на просторе,
Горит сияющий маяк,
А мы лишь масло подливаем
Да песни тянем, напеваем
И при удаче и в напасть.*

*Все сизокрылые орлы вы,
Пока вам горе не приснилось,
Хоть маленькое, хоть на час!
А там — опять в шинок спешите.
Под лавкой пьяные лежите.*

И тот огонь святой погас,
И тот маяк уже не светит,
И свиньи, будто бы из клетки,
Как в лужу, в череп ваш бегут.
Ну, и прекрасно, что куют
Для вас железные оковы
И чарки в руки не дают
Или ножа, а то бы снова
Вы с горя напилась вина,
А после от тоски рыдали,
Родителей своих спьяна,
Своих вы крестных проклинали,
А после — нож... И потекла б,
Кровь потекла бы, как смола,
Из туши вашей пороссячьей.
А после?...

[Кос-Арал, 1849]

«Мне золотую, дорогую...»

Перевод В. Звягинцевой

* * *

*Мне золотую, дорогую
Свою судьбу совсем не жаль,
Не жаль мне долю молодую;
А все же иногда печаль
Найдет такая, что заплачу!
Когда еще, к тому в придачу,
Мальчишку встречу. Одинок,
Как с ветки сорванный листок,
Сидит он, прислонившись к тыну,
Одетый в рваную холстину, —
И мнится мне, что это я,
Что это молодость моя!
И мнится мне: в суровой доле
Он не увидит вольной воли,
Священной воли... И вот так —
Напрасно — прахом пролетят
Все лучшие его года.
Нигде не сыщется он привета
И, побродив по белу свету,
Пойдет батрачить... Ну, а тут —
Чтоб он не плакал, не грустил,
Чтоб как-нибудь пристроен был*

Его в солдаты отдадут.

[Кос-Арал, 1849]

«Мы вместе некогда росли...»

Перевод Н. Ушакова

{307}

* * *

.....
Мы вместе некогда росли,
Друг друга мы детьми любили,
А наши матери твердили,
Следя за малыши детьми:
«Поженим их». Да вот скончались
Не в срок они, а мы расстались;
Как в детстве разлучились мы,
Да так и не встречались боле.
Меня по воле и неволе
Носило всюду! Принесло
Уже седым к родному дому.
Когда-то ясное село
Теперь казалось мне, седому,
Каким-то темным и немым,
Таким же, как я сам, седым.
Казалось (мне уж так казалось),
Ничто в селенье не менялось
За эти долгие года,

Все выглядело как всегда;
Равнины, тополи-раины,
Овраг и верба предо мной,
Склонившаяся над водой
Как бы под бременем кручины.
Вот пруд, плотина и ветряк
За роцей крыльями мелькает.
А дуб зеленый, как казак,
Из роци вышел и гуляет;
И темную листву свою
Раскинул сад над той горою,
Где старики мои в покое
Лежат в тени, как бы в раю.
Кресты склонились, позабыты,
Слова с крестов дождями смы-
ты...
И не дождями, не слова —
Сатурн все начисто стирает...
Пусть со святыми почивают
Мои родители!..
«Жива Оксана?» — к брату обра-
щаюсь.
«Какая?» — «Маленькая та,
Что с нами некогда играла.
Кудрявенькую позабыл?
Ты что же, братец, загрустил?»
«Да нет, я не грущу нimalo.
Ушла Оксаночка в поход

С солдатами, да и пропала;
Вернулась, правда, через год,
Да вот беда: вернулась с сыном,
Острижена. Она в ночи,
Бывало, все сидит под тыном,
Кукушкой стонет и кричит
Или чуть слышно напевает
И словно косы расплетает.
Потом она опять ушла;
Куда ушла, никто не знает,
Ума лишилась и блуждает...
А что за девушка была —
Красавица! Счастливой доли
Ей не дал бог...» А может, дал,
Да только кто-нибудь украл
И обманул господню волю.

[Кос-Арал, 1849]

«Готово! Парус распустили...»

Перевод Н. Ушакова

{308}

* * *

*Готово! Парус распустили;
Баркас с байдарой заскользили^{309}
Меж камышами в Сыр-Дарью,
Плывут по голубой дороге.
Прощай же, Кос-Арал убогий!^{310}
Два года злую грусть мою
Ты все же развлекал умело.
Спасибо! Сам себя хвали,
Что люди и тебя нашли^{311}
И знали, что с тобою сделать.
Прощай, мой друг! Твоей земли
Не славлю я, не проклиная.
Быть может, вновь тоску узнаю,
Изведенную в этом крае,
Но от него уже вдали.*

[Кос-Арал, 1849]

«Мы все же осенью похожи...»

Перевод П. Карабана

* * *

*Мы все же осенью похожи
Хоть капельку на образ божий, —
Конечно же, не все, а так,
Лишь кое-кто...
Крутой овраг,
Как бы цыган, весь черный, голый,
В лесу убитый или спит.
А по долине, по раздолью,
Из степи перекаати-поле
Напиться к реченьке бежит
Ягненком рыженького цвета;
А реченька его взяла
И в Днепр широкий понесла,
А Днепр — до моря, на край света,
Былинку подхватило море
И бросило в краю чужом.*

*И жаль тебе ее станет,
Той былинки малой.
И пойдешь долиной, рощей
С грустью небывалой;
В роще шепчутся березы,
Во рву гнутся лозы,*

Душу думы окружают,
И капают слезы,
И хочется раскрыть сердце
Людям, всему свету,
И как хочется... о, боже,
Жить в минуту эту!
И любить твою лишь правду,
Мир обнять, как брата!

Благо, друг, коль у тебя-то
Есть свой угол, хата,
Коль поговорить в той хате
С кем найдешь всегда ты.
Хоть с лепечущим малюткой —
И он угадает
Твои думы веселые...
Ведь сам бог вещает
Непорочными устами.
А тебе, мой одинокий,
Друг ты мой единый,
Горе тебе на чужбине
В скорби да унынье!
Кто посмотрит, кто приветом
Встретит долгожданным?...
Вокруг тебя распростерлась
Трупом бездыханным
Выгоревшая пустыня,
Брошенная богом.

[Кос-Арал, 1849]

**«Считаю в ссылке дни и ночи...»
(Вариант 1850 г.)**

Перевод Я. Городского

* * *

*Считаю в ссылке дни и ночи —
И счет им теряю!
О, господи, как печально
Они уплывают!
А года плывут меж ними,
И тихо с собою
Доброе они уносят
И уносят злое!..
И не спросят, все уносят
В дальнюю дорогу!
Не моли — твоя молитва
Не дойдет до бога.*

*Год четвертый — та же доля,
То же горе знаю,
И четвертую в неволе
Книжку начинаю
Вышивать и вышиваю
Кровью и слезами:
Разве можно на чужбине*

Выразить словами
Свое горе! Невозможно.
И не оттого ли,
Что нигде нет слов на свете
В далекой неволе!
Там нету слов, там нету слез,
На чужбине этой
Нет ничего. Даже бога
Вокруг тебя нету!
Нет никакой отрады
Для сердца и взгляда.
Жить душа твоя не рада,
А жить надо, надо.
Надо? Нужно, чтобы душе
Спасится недужной,
Да она того не стоит...
Вот для чего нужно
Жить на свете, носить эти
Кандалы-оковы:
Может быть, еще увижу
Украину снова...
Поделюсь еще, быть может,
Словами-слезами
С дубровами зелеными!
С темными лугами!
Хоть родни у меня вовсе
Нет на Украине,
Но там все же не те люди,

Что здесь, на чужбине!
Там я гулял бы над Днепром
По веселым селам,
Там я дал бы волю думам
Тихим, невеселым.
Дай дожить, дай посмотреть
мне,
О боже мой милый,
На зеленые равнины,
Курганы-могилы!
А не дашь, так мои слезы
Родимому краю
Передай, — ты видишь, боже!
За него страдаю!
Может быть, мне на чужбине
Лежать легче будет,
Если там, на Украине,
Меня вспомнят люди!
Мои слезы передай ей,
Надеждой святою
Озари хотя бы душу.
Бедной головою
Ничего я не сделаю,
Даже сердце стынет,
Как подумаю, что, может,
Меня на чужбине
Похоронят, мои думы
Зароют со мною

И что позабыт я буду
Украиной родною.

А может, годы за годами
Пройдут, и, вышиты слезами,
Мои стихи когда-нибудь
К себе на Украину путь
Найдут... и чистою росой
Падут на сердце молодое,
Проникнув в молодую грудь,
И головою закивает
Мне кто-нибудь, и зарыдает
Со мной, и за меня молить
Он станет бога, может быть.

Пускай как будет, так и будет.
Хоть плыть опять, хоть ковы-
лять.
Хоть муку крестную принять
Мне доведется, все же буду
Страницы тихо вышивать.

[Оренбург, 1850]

**«Считаю в ссылке дни и ночи...»
(Вариант 1858 г.)**

Перевод Н. Ушакова

* * *

*Считаю в ссылке дни и ночи —
И счет им теряю.
О, господи, как печально
Они уплывают!
А года плывут меж ними,
И тихо с собою
Доброе они уносят
И уносят злое!..
И не спросят, все уносят
В дальнюю дорогу!
Не молись — твоя молитва
Не дойдет до бога.*

*В болотах тусклыми струями
Меж камышами за годами
Три года грустно протекли;
Всего немало унесли
Из горницы моей унылой
И морю тайно обрekli;
И море тайно проглотило
Мое не золото-серебро, —*

Мои года, мое добро,
Мои незримые скрижали,
На них в часы моей печали
Незримым я писал пером.
Пускай унылыми струями
Текут себе меж камышами
Года невольничьи... А я!
Таков обычай у меня!
И посижу, и погуляю,
На степь, на море погляжу,
Былое вспомню, напевая,
И в книжечке вовсю пишу
Как можно мельче. Начинаю.

[Оренбург, 1850, Петербург, 1858]

«Запели мы и разошлись...»

Перевод Н. Брауна

{312}

* * *

Запели мы и разошлись
Без горьких слез, без слова.
Сойдемся ли мы снова,
Чтоб снова песни полились?
Сойдемся, может... Но какими?
И где? И запоем о чем?
Не здесь и, верно, не такими!

*И не такую запоем!
И здесь невесело певали,
И здесь печально время шло,
Но как-то все-таки жилось, —
Здесь мы хоть вместе тосковали,
Веселый вспоминая край,
И Днепр могучий, крутогорый,
И молодое наше горе!..
И молодой наш грешный рай!*

[Оренбург, 1850]

«Не молилась мать за сына...»
Перевод В. Звягинцевой

* * *

*Не молилась мать за сына,
Поклонов не клала,
А так себе, как придется,
Меня пеленала,
Напевая: «Пусть растет он
Да здоровым будет!»
И вырос я, слава богу,
Да не вышел в люди.
Лучше мне бы не родиться
Либо утопиться,
Чем гневить в неволе бога,
Самому томиться.*

А я ведь не казны богатой
Просил у бога! Только хату,
Лишь хатку мне б в родном краю,
Да два бы тополя пред нею,
Да горемычную мою,
Мою Оксаночку; чтоб с нею
Вдвоем глядеть с крутой горы
На Днепр широкий, на обрыв,
Да на далекие поляны,
Да на высокие курганы,
Глядеть, и думать, и гадать:
Когда тут землю люди рыли?
Кого-то в ней похоронили?
И вместе тихо напевать
О рыцаре непозабытом,
О гетмане том знаменитом,
Которого живьем сожгли.
Потом бы мы с горы сошли
И над Днепром бы погуляли,
Пока не потемнели дали,
Пока мир божий не заснул,
Пока с вечернею звездою
Не встал бы месяц над горою,
Туман полян не затянул.
Мы б умилились, помолились,
А там бы ужинать пошли
В свою, а не в чужую хату.
Ты, господи, панам богатым

Даешь сады в своем раю,
Даешь высокие палаты,
Паны ж — и жадны и пузаты —
На рай твой, господи, плюют,
А нам и глянуть не дают
Из маленькой убогой хаты.

В раю лишь хатку небольшую
Просил и до сих пор прошу я,
Чтоб умереть мне над Днепром,
Хоть на пригорке небольшом.

[Оренбург, 1850]

Петрусь

Поэма

Перевод М. Зенкевича

На хуторе с женою жил
Помещик — барин небогатый.
И дочь одна у них росла.
И вот как только расцвела,
То генерал ее посватал.
Она красавица была,
А генерал был пребогатый.
Уж, видно, счастья бог послал
На хутор бедный... Их печали
Утешил. Как только могли,

Одели дочку — облекли
Да в воскресенье обвенчали,
И генеральшею назвали,
И цугом в Киев повезли.

И был на хуторе у пана
Безродный мальчик — пас свиной.
Петрусем звался; он приданым
Пошел за панною своей —
У генерала средь полей
Пасти свиной, босой и рваный.

За балом бал у генерала,
За генеральшей хвост немалый
И знатных бар, и барчуков
Ей каждый услужить готов.
Она ж ночами плакать стала:
«Мать сделала меня несчастной,
В богатстве гибнет понапрасну
Краса и молодость моя».
«Ты плачешь, милая?» — «Кто? Я?
Нет, я не плачу...» — «Знаешь, Ма-
ня,
Здесь в городе теперь армяне,
Купи себе цветную шаль».
«Не нужно никакой мне шали!»
«Не изводи себя в печали!
Купи, голубка! Не печаль

Ты сердца моего. Весною
В Париж поедем мы с тобою
Или в именье к нам, в село,
Как ты сама захочешь».

Вскоре

Прошла зима; подкралось горе
Да в самом сердце улеглось
Змеей у юной генеральши.
Уехали зимой пораньше;
Балы в именье веселей,
А генеральша все тоскует,
А генерал того не чует,
Что все заметили в селе.

Вот раз, не усидевши дома,
С тоски одна гулять пошла
И за околицу зашла.
И видит, мальчуган знакомый
Там по жнивью пасет овец,
«Ох, горе извело вконец!
Покою нет мне с самой свадьбы!
Петрусь?» — «Петрусь я, свинопас».
«Идем, Петрусь, ко мне в усадьбу;
Там будешь жить, как жил у нас
На хуторе...» И побледнела,
И грустно, грустно так глядела!
Ведь одинешенька-одна

Век девичий свой вековала.
За старика за генерала
Насильно выдали ее,
Продали, пропили — и все...
Не выдержала, зарыдала.
«Со мною в сад гулять пойдем.
Пойдем в наш дом. Я буду рада».
«А кто ж здесь будет пастухом,
Стеречь, пасти овечье стадо?»
«Пускай кто хочет». Повела
Его в палаты, а в палатах
Одежу новую дала,
А после в школу отдала
И любо ей. Пусть будет рада,
Пока надежда — ей награда,
Пока из этого зерна
Растет иль куколь, иль пшеница,
Ведь мы не знаем, что творится
Там в сердце. А оно ведь нам
Не выдаст тайны. Если б знала
Мать участь горькую твою,
Не отдала б за генерала
Единственную дочь свою.
Не отдала б... Хотя не знаю...
Любые матери бывают...

Проходят дни. Петрусь на воле
Все ходит в школу да из школы,

Читает книжки да растет, —
А генеральша молодеет,
И генерал доволен ею
И радуется в свой черед,
Что дело доброе свершили.

Петра на волю отпустили.
И скоро с барского двора
Зимою увезли Петра
Учиться в Киев. Обучили.
Вернулся к пани наш Петрусь,
Стал зваться Петр и стал паныч,
И кудри длинные до плеч,
И над губами черный ус.
И... но об этом дальше речь.
Успеем рассказать потом
О грезах и о снах Петровых.
А генеральше чернобровой
Что грезится? Об этом мы
Сейчас расскажем.

Пред образом, перед пречистою
Лампада ночью зажжена.
Одною думой смущена,
Молилась пани и нечистую
Горячую слезу лила.
Молила деву пресвятую,
Чтобы она ее спасла,

Ей обезуметь не дала,
Пренепорочная. И всуе —
Молитва ей не помогла:
Сердешная ума лишилась;
Она, бедняга, полюбила Петра,
Петруся... Где покой
Души невинной, молодой!
Бороться не хватает силы!
Любовь ума ее лишила.
Да как одной прожить, святые,
Свои годочки молодые?
Их не вернуть! Ты на ходу
Перескочи через беду,
Не то задавит! Генеральша
Не справилась с своей бедой,
Хотелось жить ей, молодой!
Хотелось... Густая каша,
Да каша, видно, та не наша.
У нас несоленый кулеш, —
Как хочешь, так его и ешь.

«Петрусь! Сынок мой! Друг мой
милый!
Спаси меня! О, дай мне силы!
Из сердца выгони тоску!
О мать божия! Раскуй
Мою ты душу!» И рыдала,
Отца и мать — все проклинала

На белом свете. А Петрусь,
Невинный сын ее приемный,
В саду в аллее полутемной
Один скитался поутру,
Мурлыча арию. Не знала,
Что делать пани, все страдала,
Все мучилась: ну как ей быть
И что поделатъ ей с собою!
Проститься с жизнью молодою.
В колодец броситься, разбить
О стену голову...

«Поеду в Киев, там, быть может,
Мне облегченье принесет
Молитва пресвятая... Боже,
Меня молитва не спасет!
Я брошусь в Днепр — лишь он по-
может».

Молите господу, дивчата,
Чтоб не могли вас так просва-
тать.

Чтоб замуж мать не отдала
За генерала, за палаты
Насильно вас не продала.
Влюбляйтесь, милые, весною!
На свете есть кого любить
И без корысти. Молодою,
Пренепорочною, святою
И в тесной хате будет жить

Любовь простая ваша, будет
И средь могильной темноты
Стеречь покой ваш. Что же будет
С превосходительной? Что ж ты,
Что ж сделаешь теперь с собою,
С своею божьей красотой?
Кто охранит покой твой, сон,
Украденный твоим Петрусем?
Иль сам архистратиг? И он
Не охранит теперь. Боюсь,
И рассказать боюсь теперь
Твое грядущее...

Ты в Киев ездила, молилась
И у Почаевской была,
Да не спасла она от зла, —
Не помогла святая сила.
Ты долго плакала, молилась
И бросила. И увезла
Змею на сердце — не отраду,
Да в пузырьке немного яду.

Три дня не ела, не пила
И не смыкала глаз три ночи,
И карие ввалились очи,
И губы ссохлись, и, шепча,
Смеясь, в ночной бродила час.
Неделю так себя томила,

А после яду развела,
И генерала напоила,
И спать, управившись, легла.
«Могила старому готова,
А я приму здесь молодого
Да буду жить себе да жить,
Петруся милого любить», —
Подумала или сказала,
Хотела спать, глаз не смыкала,
Ждала рассвета и дожить
До света божьего боялась.

И колокол ударил глухо,
Гудит зауспокойный звон;
Среди народа ходят слухи,
Народ спешит со всех сторон
Проститься с паном. Гул гудит,
Народ к покойнику валит.
Все шепчутся про отравленье.
Не иначе — судейских ждут.
Вот все притихло на мгновенье.
Приехали; ножи берут,
И тело мертвое вскрывают,
И в животе находят яд.
Народ толпою присягает,
К допросу приступает суд:
«Теперь скажите, христиане,
Кто отравил его?» Гудят,

Как звон далекий: «Пани, пани!» —
В один все голос говорят.

Тут на крыльцо Петрусь выхо-
дит —

И говорит при всем народе:

«Один я отравил его,

Не знаете вы ничего».

И вот Петруся молодого

Забрали, заковав в оковы,

И тут же в город увезли.

Его недолго продержали

В тюрьме, в суде и в добрый час

В оковы крепко заковали,

Да и обрили про запас.

Так, снаряжен к дороге дальней,

Петрусь в цепях под звон кандаль-
ный

Пошел в Сибирь...

[Оренбург, 1850]

«Мне кажется, — но сам не знаю...»

Перевод Е. Долматовского

{313}

* * *

*Мне кажется, — но сам не
знаю, —
Впрямь человек не умирает,
А под личиною иной
Он, обернувшись свиньей,
Весь погрязает в мерзкой луже,
Как раньше погрязал в грехах.
И правда, так! Кому он нужен,
Удел бездомных и бедняг!
Они самим забыты богом!
Как помогу, коль не помог он?
А богачи? Ужель в хлевах
Откармливают их на сало?
Наверно, так! Добра немало
Они на землю принесли:
Здесь слезы реками текли,
А кровь — морями. Люди знают,
Кому утробу набивают.
Скажи — в погоне ли за славой
Им нужен был поток кровавый?
Не для себя ли? Нет, для нас!*

И мир для нас они громили,
Пока их в хлев не засадили.
Когда б не так, их свинопас
По-прежнему бы пас, проклятых!
Где ж ваша слава? На словах!
Где ваше золото, палаты
Да власть великая? В гробах —
В гробах, повапленных руками
Таких же палачей, как вы...
Вы жили лютыми зверьми,
А стали свиньями!..
Где ж ты,
Пророк, что сделался святым.
Великомученик? Ты с нами,
Ты, присносущий, всюду с нами
Витаешь ангелом святым.
Ты с нами говоришь, не споря,
Тихонько-тихо... про любовь,
Про бесталанную, про горе
Или про бога и про море,
Про даром пролитую кровь
На плахах злыми палачами.
Заплачешь горько перед нами —
И мы заплачем... Ведь жива
Душа поэта — и, святая,
Она горит в его речах,
И мы, читая, оживаем
И слышим бога в небесах.

*Тебе спасибо, друг мой бедный,
За то, что лепту разделил
Единую свою... Пред небом
Ты много, много заслужил.
Ты переслал ко мне в неволю
Поэта нашего... на волю
Ты будто двери отворил!
Спасибо, друг! Я почитаю
Немного... Сердцем оживу...
Опять надежду окрыляя,
Тихонько-тихо напевая,
Я бога богом назову.*

[Оренбург, 1850]

«Когда б вы знали, барчуки...»

Перевод Ал. Дейча

* * *

*Когда б вы знали, барчуки,
Где люди плачут от тоски,
То вы б элегий не писали^{314}
И бога зря не восхваляли,
К слезам бездушно жестоки.
За что, не знаю, называют
Там в роще хату тихим раем:
Я в хате мучился и рос,
И горечь самых первых слез*

Я там изведал. И не знаю,
Такое есть у бога зло,
Чтоб в эту хату не пришло?
А хату раем называют!

Нет, хату я не называю
В укромной роще милым раем, —
Там, над прудом, в конце села.
В ней мать моя мне жизнь дала
И, пеленая, напевала —
Свою тоску переливала
В дитя родное... В том краю
Я вырос в хате, и в раю —
Я видел ад... Там гнет, забота,
Неволя, тяжкая работа
И помолиться не дают.
Там ласковую мать мою
Работа с горькою нуждою
Свели в могилу молодою.
Там, как стряслась у нас беда,
Наплакавшийся с нами вволю
Отец не вынес горькой доли,
В неволе умер. И тогда
Мы, как мышата, кто куда
Поразбежались. И при школе
Таскал я воду, братья там
Мои на барщину ходили,
Пока в солдаты не забрили.

А сестры! Сестры! Горе вам,
Мои голубки молодые!
Не тяжело ль вам на свет гля-
деть?
Росли в батрачках, всем чужие,
В батрачках сгорбитесь, седые,
В батрачках, вам и умереть!

Доныне вспоминаю с дрожью
Ту хату на краю села!
Такие мы творим дела
В своем раю, великий боже,
На праведной земле твоей, —
Мы ад устроили на ней,
А молим о небесном рае.
Мы с братьями живем в ладу:
На них мы падем в том аду,
Их потом землю поливаем.
А может быть, и то... не знаю,
Но, кажется, и сам еси...
(Ведь без твоей, господней, воли
Не знали б райской мы неволи!)
Ты, может, сам на небеси
Смеешься, господи, над нами
Да совещаешься с панами,
Как править миром? Ведь взгля-
ни:
Вон роща, а в ее тени,

Как холст разостланный, сверкает

В зеленой чаще светлый пруд.

И вербы зеленеют тут,

Тихохонько в пруду купают,

Склоняясь, ветви... Правда, рай?

А расспроси-ка и узнай

Всю истину об этом рае!

Там, верно, радость и хвала

За дивные твои дела

Тебе единому, всевышний!

Как бы не так!.. Хвалы не слышно,

Лишь кровь, да слезы, да хула —

Здесь только это мог узнать я...

Святого нет, хула всему...

Мне кажется, уже проклятья

Шлют люди богу самому!

[Оренбург, 1850]

**«Бывает, в неволе мечтать
начинаю...»**

Перевод Л. Пеньковского

* * *

*Бывает, в неволе мечтать начинаю
О собственном прошлом. Не знаю, не знаю,
Чем хвастаться, право, хоть жизнь я видал,
Хоть все-таки богу хвалы воздавал.
Не знаю, не знаю... яви ты мне милость —
Напомни мне, боже! И бог натолкнул
На страсти такие, что я и заснул,
Молитвы не кончив... И вот мне приснилось
(По-свински уснувши, спокойно не спишь) —
Приснились мне будто курганы-могилы.
Я пасу ягнят, а сам я малыш.*

Смотрю, а могила разверзлась, и
вижу,
Из нее выходит как будто казак,
Уже седоусый, в морщинах... да
так
Прямо и шагает на меня... все
ближе...
Я перепугался (малый был) и
вмиг,
Как щенок, свернулся. А меня ста-
рик
С земли поднимает и несет в мо-
гилу.
Она еще шире, страшнее раскры-
лась.
Гляжу, а в могиле лежат казаки:
Один — безголовый, другой — без
руки,
А третий — безногий. Кто их со-
считает?
Словно в теплой хате хлопцы от-
дыхают.
«Дитя мое, видишь, лежат каза-
ки, —
Сказал седоусый. — По всей Украи-
не
Могилы-курганы красуются ныне,
Такие ж курганы, и все высоки,

Начинены нашим прахом благо-
родным,
Нашими телами. Это — воля
спит!
Легла она славно, легла со свобод-
ным
Казачеством нашим! Видишь, как
лежит,
Будто спеленали! Тут пану не ме-
сто!
Все мы жили вольно, на равных
правах,
Все мы тут за волю полегли во
прах,
Все мы и восстанем, да богу из-
вестно,
Когда это будет. Смотри, сиро-
тина,
Смотри да запомни, а я расскажу,
За что Украина зачахла невинно,
За что я в могиле казацкой лежу.
А вырастешь, людям поведай при-
чину.
Так вот, сиротина!..» И снова яг-
нята
Приснились мне в жите. Приказ-
чик бежит
И будто колотит меня он, про-

клятый,
Одежду срывает... Все тело бо-
лит,
Лишь сон этот вспомню... А
только припомню
Казака седого в могиле той тем-
ной,
И сам я не знаю, то правда иль
так —
Одно наважденье. Но мне тот ка-
зак
Рассказывал вот что;
«Не знаю, как теперь живут
Поляки-братья с казаками.
Мы жили с ляхами друзьями, По-
куда
Третий Сигизмунд
В союзе с лютыми ксендзами
Нас не поссорили^{315}... Вот так
Случилось то несчастье с нами!

Во имя господа Христа
И матери его святейшей
Лях встал на нас войною злейшей.
Святые божию места
Ксендзы-злодеи оскверняли.
Весь край казацкий запылал,
И весь он кровью истекал,

*В степях курганы выросли,
Как будто горы чередой
На нашей, сын, земле родной!*

*Я жил на хуторе... [25]
Был стар я, немощен. Послал
Я табунок коней к обозу,
Мушкеты, пушку и два воза
Пшена, пшеницы, что собрал.
Я все пожитки передал
Своей Украине. Пряча слезы,
Трех сыновей послал. Пускай, —
Я, грешный, думал, — боже, боже!
Хоть лепта и скудна, но все же
Пойдет за наш родимый край,
За церковь, за народ, покуда
Я тут за всех молиться буду,
Коль сам я слаб, не в силах
встать
И руку на врага поднять!..*

*Нас дома трое лишь осталось:
Данило, мой подручный, я
Да Прися, доченька моя.
Она лишь только подрастала,
Лишь созревала, наливалась,
Моя черешенка!.. Не дал
Мне дочью налюбоваться*

Святой владыка, — может
статься,
За прежние грехи карал
Меня, седого!..
Не ходили
Ксендзы, а люди их возили,
Как кони, из села в село.
Творилось этакое зло!
Однажды ночью их, проклятых,
Ко мне на хутор занесло.
Разнузданная челядь — каты,
Драгуны с ними... Дай же мне
Когда-нибудь, мой боже милый,
В твой мир вернуться из могилы

Изжарю шляхту на огне!
Не трепещи, сынок мой, в стра-
хе...
Все изверги ксендзы, все ляхи
Перепились, и Присю — хватъ!
И с нею заперлися в доме.
А пьяная вся челядь спать
Свалилась в клуне на соломе.
Драгуны тоже... Мы с Данилой
Соломы в сени натащили
И дом и клуню подпалили.
Проклятым больше уж не
встать,

Детей казачьих не терзать!
Мы в пепел катов превратили.
Но Прися, бедная моя,
Сгорела с катками... А я...
На пепелище водрузили
Мы крест с Данилой, помолились,
Поплакав, боль перемогли
Да на коней, туда — к обозу!
Трех сыновей моих нашли,
Да, в добрый час, и полегли
Все вместе тут!..

.....
А как мы бились, умирали,
За что мы головы теряли,
За что — в курганах?... Поживешь

—
Дознаешься, быть может, тоже.
Ведь слава-то грохочет все ж
О наших головах... Быть может,
И про курганы и про нас
Слепые лирники по селам
Правдивой думой невеселой
Расскажут людям...»

[Оренбург, 1850]

«И станом гибким, и красою...»

Перевод В. Инбер

* * *

*И станом гибким, и красою
Пренепорочно-молодою
Я старый взор свой веселю.
Бывает так, что я смотрю, —
И — дивно! — как перед иконой
К тебе свою молитву шлю.
И жалко, старому, мне станет
Твоей девичьей красоты.
Что с нею делать будешь ты?
На белом свете кто же станет
Святым хранителем твоим?
Где тот, кто на тебя повеет
Отрадой в горести, в беде?
Кто охранит тебя, согреет
Огнем сердечным? Кто он? Где?
Ты сирота. Кто, кроме бога,
Тебя согреет хоть немного?
Молись же, сердце. Помолюсь
И я. Но некое прозренье
Вдруг наступает: ясно зренье,
И я молитвы не творю,
И на тебя я не смотрю.
Мне снится: матью ты стала,*

И вот передо мной предстало
Не в бархате твое дитя...
И вянешь ты. А дни летят,
Все увлекая за собою.
Надежда — скрылась и она,
Ты на земле как перст одна.
Своей обласкана судьбою
Была ты, только и всего,
Пока дитя твое росло,
Покуда силы набиралось.
Оперилось — и ты осталась
Стара и немощна. Людей,
Людей бездушных умоляешь
И Христа ради простираешь
У глухо замкнутых дверей
Худые руки.

Вот так же иногда тобою,
Тобою, сердце, молодою,
Свой старый взор я веселю.
На стан твой гибкий я смотрю,
Молитву богу посылаю,
Я небо за тебя молю.
Молись и ты, моя родная,
Пока еще твою судьбу
Святое небо не решило.

[Оренбург, 1850]

«Огни горят, оркестр играет...»

Перевод Н. Ушакова

* * *

*Огни горят, оркестр играет,
Оркестр рыдает, завывает.
Алмазом ясным, дорогим
Сияют очи молодые,
Блестят надежды золотые
В очах веселых, — любо им,
Очам негрешным, молодым.
И все хохочут, все смеются,
И все танцуют. Только я
Гляжу, и слезы тихо льются.
О чем, о чем же плачу я?
О том, быть может, что тоск-
ливо,
Как день дождливый, сиротливый,
Минула молодость моя.*

[Оренбург, 1850]

«Неволя, или горе злое...»

Перевод А. Ойслендера

* * *

Неволя, или горе злое,
Иль пролетевшие года
Разбили душу? Иль с душою
Я вовсе не жил никогда?
А жил с людьми и опаскудил
И душу чистую?.. А люди!
(Смеются люди без стыда.)
Зовут ее и молодую,
И непорочной, и святою,
Как вздумают... Из вас любой —
Мой враг! И лютый! Вы украли
И в грязь поганую втоптали
Алмаз мой чистый, дорогой —
Мою вчера святую душу!
А вам смешно! Нехристиане!
От вашей грязи я заране
И грязным стал, и не узнать,
Бывал я чистым или не был,
Когда меня на землю с неба
К себе вы взяли и писать
Стихи дрянные научили!
Вы на дороге положили
Тяжелый камень и разбили

О камень, господу страшась,
Мне сердце, ставшее убогим,
А в прошлом чистый мой алмаз!
Теперь иду я без дороги,
Без троп проторенных... А вы
Удивлены, что спотыкаюсь,
Что вас и долю проклинаяю.
И плачу тяжело, и, как вы...
Души измученной чуждаюсь,
Своей неправедной души!

[Оренбург, 1850]

«Какого дьявола я трачу...»

Перевод Н. Сидоренко

{316}

* * *

Какого дьявола я трачу
Бумаги столько, перья, дни!
А то, бывает, и заплачу,
Да как еще! Но не одни
Дела мирские тут причиной;
Я плачу, словно старичина,
Который, выпив, слезы льет,
Что в мире сиротой живет.

[Оренбург, 1850]

«Все снится мне: вот под горою...»

Перевод Т. Волгиной

{317}

* * *

*Все снится мне: вот под горою
Белеет хатка над водою,
В тени под вербами стоит.
И все я вижу: дед сидит
Совсем седой и забавляет
Дитя кудрявое, ласкает
Родного внучка своего.
Все снится мне: неторопливо
Выходит мать., смеясь счастли-
во,
И деда и дитя свое
Три раза весело целует,
Малютку кормит, и милует,
И спать несет; а дед сидит,
Тихонько молвит, улыбаясь:
«Да где же это доля злая?
Печали эти да враги?»*

*И старый шепотом читает,
Перекрестившись, Отче наш.
Сквозь вербы солнышко сияет*

*И тихо гаснет. День погас,
Все смолкло. Помолившись богу,
Побрел себе и дед к порогу.*

[Оренбург, 1850]

«Опять настало время злое...»
Перевод С. Олендера

{318}

* * *

*Опять настало время злое!..
А было доброе такое;
Мы собирались расковать
Своим невольникам оковы...
Но глянь!.. Опять струится кровь
Мужичья! Палачи в коронах,
Как псы голодные, за кость
Грызутся снова.*

[Новопетровский форт, 1854 (?)]

Солдатов колодец (Вариант 1857 г.)

Поэма

Перевод Ф. Сологуба

{319}

Я. Кухаренко.

На память 7 мая 1857 года

Не на Украине, а далече,
Там за Уралом, за Елеком,
Один старик, бывлой варнак,
Мне рассказал однажды так
О том солдатовом колодце,
А я, тоскуя, записал
Да потихоньку срифмовал
Без ухищрений, как придется.
(Конечно, крадено!) Послал
Тебе рассказ на вспомин вечный,
Мой друг единственный, сердеч-
ный!

I

Однажды, в год большой зимы,
То было при Екатерине,
Тот памятный колодец ныне
Солдат там выкопал, а мы

О нем расскажем по порядку,
Такую повесть и в тетрадку
Не худо будет записать, —
Она еще жива в народе,
И все в ней правда, так сказать.
Пишите, значит, — был колодец,...

Нет, не колодец, а село —
Пишите! — в старину цвело
Между садами, при долине,
У нас таки, на Украине,
То было божие село.
И в том селе вдова жила,
И дочка у вдовы росла
И сын-малолеток.

Ништо иметь деток
Богачам; хвалить им бога
Трудно ль! А убогой
И двух деток много.
Ну, словом, так вдове досталось,
—

Едва не пропала.
Думала идти в черницы,
Удавиться, утопиться, —
Так жаль ей малых деток стало.
Известно, мать, что и сказать,
Да, может, ожидался зять:
Уже Катруся подрастала

(Катрусей дочь вдовы звалась), —
Что ж ей без пары вековать,
Напрасно молодость теряя?
За то одно, что сирота?
А красота-то, красота!
О, богоматерь пресвятая!
А работающая какая,
А тихая! Вишь — сирота,
А всем на радость выростала;
Из хаты выглянет, бывало, —
Так смотрит цветик под росой,
Так солнце из-за туч блистает:
Застыну, будто неживой
Стою, бывало... Кара злая,
Годы, сын мой, муки,
Кандалы — все это
Сил моих не утомило...
Сгину так со света,
Так и сгину. Ведь смотри-ка:
Смерти ожидаю,
А рыдаю, как ребенок,
Когда вспоминаю Катерину.
Слушай, сын мой,
Друг мой на чужбине!
Все записывай, что слышишь,
Да на Украине,
Если быть там придется,
Всем скажи, пусть знают,

Что здесь дьявола ты видел
Своими глазами...

II

Так, видишь ли, девица та
Росла себе. И у хозяев
(Сироты, говорят, лентяи.
Неверно!) вырос сирота
Прилежный. Хоть жилось не
сладко,
Однако завелись достатки.
Работая и так и сяк,
Поднакопил батрак деньжат!
Одежу справил для порядка.
Да не отсель, да не оттоль,
Сад небольшой купил и хатку,
Сказал спасибо за хлеб-соль
И за науку добрым людям
Да к вдовьей дочке напрямиком
Тотчас же и пустился;
Не как богатый, — не рядился
Со сватами, договорился
Без торга всякого с попом.
И обвенчался сиротина
На диво всем — за три полтины,
Так, попросту, как привелось.
Вот тут-то, голубок мой сизый,
Все тут-то зло и началось!

Уж после покрова я с Дона
В село спешил к себе и снова
(Ведь я два раза посылал
За полотенцами к той Кате)
Послать и в третий замышлял,
Да получилось так, — некстати
Я с чумаками да с волами
На свадьбу Катрину попал.
Пропало! Все добро пропало!
И ни щетинки не осталось,
Пропал и я, хоть пить не стал.
Зато «кобылу» я узнал.
На свете горя много, сын мой,
Но вот такого, мой единый,
Такого лютого никто
Не видывал, не ведал горя,
Как я, лукавый. Той порою
Обсохли очи у вдовы.
Как бы у бога за дверями,
У зятя да сына
Старая покой находит;
Да от Катерины,
Дочери своей единой,
Взора не отводит.
А мне с пьяницами дьявол
Душу хороводит...
Пропил все! Запродал душу,

И душу и тело:
Тело — палачу, а душу!..
Господи! на белом
Свете жить бы так хотелось...
Да учиться. Дети
С малых лет должны учиться,
Как нам жить на свете,
А не то придется туго!..
Я не знаю, друг мой, —
Сатана мне козни строил,
Взят я был недугом?
Иль меня толкнул на это
Черт, судьбина злая?
Так и до сих пор не знаю,
Ничего не знаю;
Знаю только, что был трезвый.
Уж тогда мне в глотку
Ни меда, мой сын, не лезли,
Ни вино, ни водка.
Так все это приключилось:
Мать, отец скончались,
Схоронили их чужие.
А я все скитаюсь.
Прячусь всюду, как Иуда.
Что людьми отринут
И навеки проклят богом, —
Дьявол меня двинул.
Чтобы я, подкравшись ночью,

Максимову хату
(Ведь его Максимом звали,
Вдовиного зятя)
Подпалил. Сгорела хата.
А душе проклятой
Не найти покоя! Друже
И единый брат мой,
Не сгорела, а осталась
И доньне тлеет.
И когда она дотлеет,
Когда свет покинет?
Бог весть.

IV

Умерла с испуга
Скоро Катерина;
А Максим на дом сгоревший
Да на пепелище
Поглядел: чем тут поможешь!
Только ветер свищет
И в трубе и в дымоходе.».
Что на свете делать?
С чего начать, за что приняться?
Подумал и, перекрестясь,
Пошел в работники рядиться,
Чтоб вновь с голодной долей
знаться.
Вдова осталась не одна,

А с сыном; осенью жениться
Ему советовала мать.
Да стой! От матушки царицы,
Да прямо-таки из столицы,
Пришел указ, — в солдаты брать.
То в первый раз такой указ
Дошел с Московщины до нас, —
На Украине ведь, бывало,
Охотою в казаки шли:
А в пикинеры, правда, брали,
Да все ж охочих. Как тут
быть? —
Всем обществом совет держа-
ли. —
Кому в солдатах послужить?
И надумали все вместе,
Кто в селе поплоше...
Взяли сына у вдовицы —
Им он не годится —
Да и повезли к приему.
Вот ведь что творится
Здесь на свете. Вот-то правда
У людей, мой сыне!..
Я думаю, что доселе
Так на Украине.
Правды лучшей и не будет
Там, где в рабстве люди.

Через год как раз большая
Зима наступила:
Не растаял снег в апреле,
В логах все белели
До троицы снега, — тогда
И Очаков брали
Москали. А Запорожье
Раньше разогнали.
Кош весь рыцарский разбрелся...
А уж что за люди
Были эти запорожцы!
Не было, не будет
Им подобных!
Под Очаков
Гнали и Максима.
Там-то был он искалечен
И на Украину
Возвращен с отставкой чистой:
Правую, вишь, ногу,
Левую ли подстрелили.
У меня тревога
Началась: снова злая
Гадина впилая
В сердце самое, вокруг тела
Трижды обвилася,
Словно Ирод. Что тут делать?
Я хожу в тумане,
А Максиму, зная, хромому

Ничего не станет:
На костыль опершись, бродит,
Обо мне не знает;
А в Христово воскресенье
Мундир надевает
И медаль и крест прицепит,
Косу заплетает,
Да еще мукой посыплет...
И досель не знаю,
Для чего тогда солдаты
Косы заплетали,
Как дивчата, да мучицу
Даром рассыпали?
Так себе то было, в шутку
Или на забаву?!
Вот, как генерал, бывало,
Наш Максим на славу
Нарядится в воскресенье
Да приковыляет
В божий храм и там, на клирос
Ставши, распевает
Он с дьячком, а то так выйдет,
Да и прочитает
Апостола среди церкви
(Учился в солдатах
Он читать). А все ж какой-то
Он чудаковатый.
Хоть трудился, работающий,

Ни на что сурово,
Тихий, добрый, он не глянет.
Никому дурного
Он не сделает вовеки,
Не зацепит словом.
«Счастье людям и несчастье,
Говорит, от бога-Вседержителя;
без бога
Нам ни до порога».
Был Максим на белом свете
Добрый вон из ряда;
А я, — как тебе промолвлю,
Ты, моя отрада!
Я... убил!.. Ох, погоди ты,
Отдохнуть мне надо,
Да тогда уж...

VI

Говоришь ты,
Что видал колодец
Тот солдатов? Что и ныне
Из него пьют воду?
Крест, вишь, около дороги
И досель господень
Там стоит на перекрестке...
А не рассказали
Ничего тебе там люди?
Уж повымирили

Те свидетели, те люди,
Праведные люди;
Я ж доньше все терзаюсь
И терзаться буду
И за гробом...
Вот послушай,
До чего доводит
Сатана-то душу нашу:
Если не очнется
Кто да к богу не вернется,
Так он и вопьется
В сердце самое когтями.
Слушай же, что стало
С этим праведным Максимом...
Отдыха, бывало,
Он не знал. А в воскресенье,
В праздники ль иные
С псалтырем идет в лесок он
И слова святые
Он читает. Там, в лесочке,
В тихом уголочке
Катерину схоронили.
Оттого в лесочке
Он за упокой Катрусси
Псалтырь прочитает;
А потом себе тихонько,
Тихо напевает
Со святыми и заплачет.

А потом помянет
Он за здравье тещу с сыном —
И веселым станет.
«Все от бога, — тихо скажет, —
Что укажет, делай!»
Так-то праведно он прожил
Здесь на свете белом.
А уж в будни так и вовсе
Не сидит он в хате;
Во дворе он все хлопочет:
«Леность нам некстати!»
Или скажет по-московски:
«Как бы, лежа в хате,
Не опухнуть». Взял он как-то
Заступ и лопату
И пошел, сердечный, в поле,
Колодец копает.
«Пусть, сказал, приходят люди,
Чтоб воды напиться,
За грешную мою душу
Господу молиться».
Вышел в поле, за дорогой
В балку он спустился,
Да и выкопал в долине
Колодец-криницу (Не один тру-
дился; люди
Ему помогали.
Люди добрые, — колодец

Вместе с ним копали).
Обложил его он срубом,
Над дорогой в поле
Высоченный крест поставил...
Со всего раздолья
Далеко тот крест был виден
В чистом поле, в логе,
Чтобы знали: есть колодец
Около дороги,
Приходили бы водицы
Из него напиться
И за сделавшего это
Богу помолиться.

VII

До чего же, слышь, доходят
Дьявольские ковы,
Что сгубить я замышляю
Максима святого.
Так-то вот! За что же это?
А за то же Каин
Умертвил святого брата
В светлых рощах рая.

Было ль это воскресенье
Иль иной был праздник?
Слушай, как проклятый учит
Сатана и дразнит.

Говорю: «Пойдем, Максиме,
Напьемся водицы
Из колодца!»
Молвит: «Ладно,
Хорошо напиться
Из него воды прохладной».
И пошли тропюю
И ведерце и веревку
Понесли с собою.
Вот приходим мы к колодцу,
Я за верх схватился,
Как глубокий — гляжу. «Максиме,
Ты бы потрудился,
Черпать воду не умею».
Он и наклонился,
Опускаючи ведерце;
Я... я слушал злого;
За ноги схватил и бросил
Максима святого
В тот колодец... Вот как было,
Что я сделал, сыне!
Не творилось такого
Там, на Украине,
И вовек не сотворится
В целом мире, брате!
Всюду люди, и один я —
Сатана проклятый!..

Так неделя миновала,
Максима достали,
В балке той же при народе
В землю закопали.
Часовенку поставили
И звать порешили
Солдатовым тот колодец...

Ну вот и вся повесть
О солдатском колодце,
Жестокая повесть.

А я... пошел я в гайдамаки,
В Сибирь судьба меня вела
(Сибирь когда-то здесь была).
И, как Иуда, как собака,
Я сгину... Чтоб мои дела
Простил мне бог, молился, сыне,
Там, на преславной Украине,
В веселой нашей стороне,
Быть может, легче станет мне?

1857, мая 16.
Новопетровское укрепление

Неофиты
Поэма
Перевод А. Островского

{320}

*Сия глаголет господь:
сохраните суд и сотворите правду,
приблизится спасение мое прийти,
и милость моя открытася.
(Исаия, глава 56, стих 1)*

*М. С. Щепкину. На память
24 декабря 1857 года*

*Любимец вечных муз и граций!
Я жду тебя и тихо плачу
И думу скорбную мою
Твоей душе передаю.*

*Так прими же благосклонно
Думу-сиротину,
Наш великий чудотворец,
Друг ты мой единый!
Если примешь — убогая,
Сирая с тобою
Не потонет в водах Леты,*

*И огнем-слезою
Упадет она на землю
И уроком станет
Распинателям народным,
Грядущим тиранам.*

*Уже давно томлюсь в неволе
Я, как преступник, под замком.
На торный путь смотрю, на поле
Да на могильный крест — на нем
Сидит ворона. Из острога
Не вижу дальше; славлю бога
Я и за то. Еще живет,
И богу молится, и мрет
Народ крещеный.
Крест высокий
Там на погосте у дороги,
Расписан золотом, стоит, —
Не бедный, видно, там лежит!
На нем изображен распятый
За нас сын божий на кресте.
Сироты были, знать, богаты,
Что крест поставили. А я...
Такая уж судьба моя!
Сижу один и все гляжу я
На крест высокий из тюрьмы.
То погляжу, то повторю я*

Слова молитвы, и тоска,
Как убаюканный ребенок,
Слегка притихнет. И тюрьма
Как будто шире; запекает
И плачет сердце, оживает
И бога, и его святых,
И праведников вопрошает:
Что он им сделал, тот святой,
Тот назарей^{321}, тот сын единый
Богоизбранницы Марии, —
Что он им сделал? И за что
Его, святого, истязали,
В цепи заковали
И главу его честную
Терном увенчали?
И с разбойниками вместе
На Голгофу стражи
Возвели и там распяли,
И за что? Не скажет
Ни всевышний наш создатель,
Ни его святые
Помощники, пособники,
Кастраты немые!

Благословенная в женах,
Святая, праведная мать
Святого сына на земле!

Не дай в тюремной мне ограде
Свои года бесцельно тратить;
Скорбящих радость! ниспошли
Ты мне свое святое слово,
Нетленной правды голос новый!
И слово разума, любви
И просвети и оживи!
Поведаю я людям горе
Той матери, что реки, море
Кровавых, горьких слез лила,
Как ты. О том, как приняла
В живую душу свет незримый
Распятого безвинно сына!..
Ты, мать бога на земле!
Ты слезы матери, страдая,
До капли пролила! Рыдаю,
Молю, рыдая: ниспошли,
Поддай душе убогой силу,
Чтоб огненно заговорила,
Чтоб слово пламенем зажглось,
Чтоб людям сердце растопило
И по Украине понеслось,
И на Украине свято чтилось
То слово — божие кадило,
Кадило истины. Аминь.

1

Не в нашем крае, богу милом, —

При гетмане иль при царе, —
А при языческом дворе
То беззаконие творилось.
Кто правил Римом — Деций-царь
Или Нерон — злой государь?^{322}
Я точно не могу ответить.
Ну, скажем, так: Нерон.
На свете
России не было тогда,
Когда в Италии росла
Подросток-девочка. Красною,
Своею прелестью святою
Она, как лилия, цвела.
Мать с гордостью на дочь гляде-
ла,
Сама, казалось, молодеда;
И вскоре мужа ей нашла
И, помолившись Гименею^{323}
В своем веселом гинекее^{324},
В чужой веселый отвела.
И срок пришел тому свершиться,
И матерью отроковица
Уж стала. Сына родила,
Молилась горячо пенатам^{325}
И в Капитолий^{326} принесла
Немало жертв. Она молила
Капитолийский весь синклит,
Чтоб к первенцу благоволили

Святые идо­лы. Горит
И день и ночь огонь лампады,
Хранят ее очаг пенаты,
Алкидом сын ее растет.
Растет... И льнут к нему гетеры
И перед образом Венеры
Лампады жгут.

II

Тогда всходила уж звезда
Над Вифлеемом. Правды слово,
Любви, учения святого
Звезда всемирная взошла!
И мир и радость принесла
На землю людям. Фарисеи^{327},
Вся мерзостная Иудея
Свой гнусный голос подняла,
Как гадов скопище в болоте,
И сына божия во плоти
На крест Голгофы возвела
С разбойниками вместе. Спали,
Упившись кровью, палачи, —
Твоею кровью. Ты в ночи
Восстал из гроба, слово встало,
И слово правды понесли
По стогнам страждущей земли
Твои апостолы святые.

III

Как раз тогда, среди дубрав,
Алкид, гетеры молодые
И козлоногий пьяный Фавн
Над самым Аппиевым трактом
{328}

Одежды скинув, разлеглись,
Хмельным вином перепились
И жертвы принесли Приапу^{329}.
Как вдруг апостол Петр идет:
Он в Рим шел с вестью преблагою.
Хотел водою ключевую
Он освежиться. «Благо вам!» —
Сказал апостол утомленный
И оргию благословил.
И тихим, добрым, кротким сло-
вом
Поведал об ученье новом:
О правде, истине, добре,
Добре, что нет его превыше, —
О братолюбии.
И, слыша Слова святые, пьяный
Фавн,
И сын Алкид твой, и гетеры
Склонились низко, до земли,
Перед Петром. И повели
На вечерю с собою в термы
Они апостола...

И в термах оргия^{330}. Горят
Чертоги пурпуром и золотом.
Курятся амфоры. И рядом,
Едва не голые, стоят
Перед Кипридой^{331} девы, в лад
Возносят гимны. Приготовлен
Веселый пир, и возлегли
На ложах гости. Хохот, говор!..
Гетеры гостя привели
Седобородого. И слово
Из уст апостола святого
Елеем дивным потекло.
И стихла оргия. А жрица
Киприды, оргии царица,
Поникла радостным челом
Перед апостолом. И встала.
И все за нею гости встали
И за апостолом пошли
Вниз — в катакомбы. И любимый
Твой сын Алкид пошел за ними
И за апостолом святым,
Как за учителем своим.
Оставив домик свой убогий,
Ты вышла из лесу к дороге,
Чтоб встретить сына своего...
Но сына нет. Ты без него
Помолишься своим пенатам,
С тобой за трапезою рядом

Никто не сядет. Проклинать
Судьбу ты будешь и рыдать,
И так состаришься! И горе!
Как прокаженная, в беде
Умрешь, забыта!

V

На кресте
Повесили вниз головою
Петра-апостола. А их,
Их, неофитов, в Сиракузы^{332}
В оковах отвезли. И сын,
Твой сын Алкид, дитя родное,
Единственное, дорогое,
Любовь единая твоя, —
Гниет в неволе в кандалах.
А ты, скорбящая, не знаешь,
Где он страдает, погибает!
Идешь искать его в Сибирь,
Иль как там... в Скифию... И ты...
Одна ты разве? Богоматерь,
Спаси от бед вас и укрой!
Нет ни одной семьи иль хаты,
Где б слезы не лились рекой,
Чтоб сестры, братья не рыдали,
Чтобы не мучились в тюрьме
Или в далекой стороне
В британских, галльских легионах

*Их не терзали в дни Нерона.
Нерон жестокий! Божий суд,
Внезапный, праведный, в дороге
Тебя застигнет. Приплывут
И прилетят, на белом свете
Их много, мученики, дети
Святой свободы. Вкруг одра,
Вкруг смертного одра предста-
нут
В оковах. И... тебя простят:
Они ведь братья, христиане,
А ты — мучитель! Во сто крат
Собаки хуже ты!*

VI

*Кишат
Невольниками Сиракузы —
В подвалах, в тюрьмах. А Медуза
{333}
И голытьба в трактире спят.
Но скоро грозная восстанет
И кровью вашею, тираны,
Похмелье справит.
Мать повсюду
Искала сына. Не нашла.
И в Сиракузы поплыла.
И там уже его в оковах
Нашла, несчастная, в тюрьме.*

Но к сыну мать не допускали.
И у острога на бульваре
Должна сидеть, и ждать, и
ждать,
Как манны с неба, что опять
Родимого погонят мимо,
Закованного, в кандалах,
Мести бульвар.
Был праздник в Риме,
Великий праздник! Тьма народу.
Со всех провинций воеводы,
Преторианцы^{334} и сенат,
Жрецы и ликторы^{335} стоят
Вкруг Капитолия. И хором
Царю хвалу возносят, дым
Из амфор вьется. И с собором
Идет сам кесарь. Перед ним
Из бронзы статую литую
Его же, кесаря, несут.

VII

Сомнительной была затея,
Что выдумали богатеи
И мудрый кесарев сенат.
Нерона звать превозносила
Так, что самим уже претило
Такого дурня прославлять,
И чтобы напрямик сказать,

Они советом присудили:
Нерона-кесаря назвать
Самим Юпитером, и все там!
И написали воеводам
По всем краям: мол, так и так,
Отныне кесарь равен богу!
И дали мастеру отлить
Из бронзы кесаря, и сбоку
(Так, нота бене, на полях)
Прибавили, что идол будет
Прощать и миловать. И люди,
Как птицы в южные края,
В Рим потянулись. Приплыла
Из Сиракуз и мать Алкида
Просить у кесаря защиты.
Она одна ли? Нет, о, боже!
Пришли их тысячи в слезах,
Пришли издалека...
О, горе!
Кого вы умолять пришли?
Кому вы слезы принесли?
К кому в несчастье и позоре
Пришли с надеждой? Горе! горе!
Рабы незрячие! Кого,
Кого вы молитесь, благие,
Рабы незрячие, слепые?
Палач не слышит ничего!
Лишь бога истинного чтите,

Молитесь правде на земле,
Другим богам не возносите
Своей молитвы. Все обман;
И поп и царь...

VIII

Перед Нероном,
Пред этим новым божеством,
Вчера молитвенно склонялась
Вся знать и щедро изливалась
Вчера господня благодать.
Тем — деньги, тот повышен в чи-
не,
Тому аренда в Палестине,
Подручным кое-что; тому
Благоволили лично дать
Свою наложницу в супруги.
Подержанную? Что ж такого!
Зато от кесаря! Другого
Сестру благоволили взять
К себе в гарем. И тут дурного
Нет ничего: должны без слова
Себя под бога подстилать,
Не только близких.
Преторианцы помолились —
Преторианцам дан указ,
Чтоб все, что захотят, творили,
А мы — помилуем уж вас.

*И вы, плебеи-гречкосеи,
Хоть и молились, вам не ждать
Помилovanja. Не умеют
Вам даже милость оказать!*

IX

*На третий день лишь разрешили
Молить царя за христиан.
Ты приходила и молилась,
И милосердный истукан
Из Сиракуз велел доставить
В Рим заключенных христиан.
Весела ты и довольна,
Без конца готова
Ты Юпитеру молиться,
А кумир твой новый
Удивительный затеял
Праздник в Колизее^{336}.
Ты увидишь! А покуда
Иди же скорее
Сына встретить. Да не слишком
Радуйся ты много:
Ты еще его не знаешь —
Ласкового бога!
А пока что с матерями
Вышла мать Алкида
Встретить лаской и дарами
Сына. Позабыты Все обиды.*

Ты у Тибра Чуть не напеваешь
И кесаря Юпитера
Хвалишь-прославляешь:
«Вот Юпитер так Юпитер!
Не зря носит титул
Юпитера, я-то сдуру
Принесла молитву
В храм Юпитера афинский».
И, идя дорогой,
Втихомолку помолилась
Кесарю, как богу.
И пошла тропюю вязкой,
Взор на Тибр бросает.
А по Тибру из-за леса
Барка выплывает
Иль галера. На галере
Увидала сына
С неофитами в оковах,
И твой сын безвинный
К мачте накрепко прикован.
Неофит ли новый?
Нет, апостол великого
Пламенного слова.
Вот какой он! Иль не слышишь,
Как поет в оковах
Твой страдалец:
«Новый мы псалом владыке
И новую славу

Воспоем честным собором,
Сердцем нелукавым.
Под псалтыри и тимпаны
Бога восхваляя, —
Он карает нечестивых,
Добрим помогает.
Преподобные во славе
И на тихих ложах
Радуются, славословят,
Хвалят имя божье.
Меч в руках святых двуострый
Защищает веру,
На отмщение языкам,
Людям для примера.
Закуют царей кровавых
В железные путы
И оковами двойными
Руки им окрутят.
И неправедных осудят
Осужденьем правым,
И навеки будет слава,
Преподобным слава!»

Х

А ты на берегу стояла,
Как будто темная скала,
Не слушала и не рыдала,
Лишь аллилуйя^{337} вознесла,

Покуда христиане пели.
Оковы гулко зазвенели
На неофитах. Твой же сын,
Любимый твой, апостол новый,
Перекрестившись, возгласил:

«Молитесь, братия, молитесь
За злого палача. Его
В своих молитвах помяните;
Перед гордынею его
Коленей вы не преклоните!
Молитва — богу! А Нерон,
Пусть на земле владыка он,
Пускай пророков убивает,
Пускай он всех нас распинает!
Уже зачаты внуки те,
Что станут некогда мужами,
Не мстителями-палачами —
Святою ратью во Христе!
И без огня и без ножа
Стратеги божии восстанут
И тьму язычников поганых
Своей молитвой сокрушат!
Молитесь, братия!»

Молились.

Молились пред святым крестом
Закованные неофиты,
Молились радостно. Хвала!

Хвала вам, души молодые,
Хвала вам, рыцари святые,
На веки вечные хвала!..

XI

И в Рим галера приплыла.
Прошла неделя. Пьяный кесарь,
Постригший сам себя в Зевеса,
Справлял Зевеса юбилей.
Ликует Рим. Везут к кумиру
Возами ладан, смирну, мирру
И к Колизею христиан Гуртами
гонят.
Кровь струится,
На бойне будто. Весел Рим!
И гладиатор и патриций
От крови пьяны. Кровь и дым
Дурманят их. Остатки славы
Рим пропивает. Тризну правит
По Сципионам. Гнусный, злой,
Развратный старец, наслаждайся
В своих гаремах! Из-за моря
Уже встает звезда и вскоре
Не громом праведным, святым
Тебя сразит. Ножом тупым
Тебя зарежут, как собаку,
Иль обухом убьют!

XII

Два дня
Ревет арена. На арене
Лидийский золотой песок
Покрылся пурпуром горячим,
Невинной кровью обагрись,
А сиракузских назареев
Еще не видно в Колизее.
На третьи сутки их, в оковах,
Толпой на место бойни стража
С мечами наголо ввела.
Арена ревом изошла.
А сын твой гордо на арену
С псалмом на пламенных устах
Ступил. И кесарь в испугенье
Захохотал. И леопард
Из ямы выскочил на сцену,
Сверкнул зрачком... И полилась
Святая кровь. По Колизею
Раскатом грома пронеслась
И стихла буря. Где ж была?
Где скрылась ты? Была ль готова
Тогда на кесаря святого
Ты броситься? Иль знала ты,
Что в три шеренги окружили
Зевеса ликторы. За ним,
Твоим Юпитером святым,
Ворота крепкие закрыли,
И вот — осталась ты одна.

Одна с отчаяньем во взоре.
И что ты можешь? «Горе, горе!
О, горе страшное мое!
Как жить без сына, без
Алкида, Что буду делать?
Кто защитой, Опорой будет?...»
Непокрытой,
Седою, старой головой
Она о каменную стену
Ударилась и трупом пала
У Колизея.

XIII

Возвращаясь из цирка к ночи,
В термах укрывался
Кесарь под охраной стражи.
Колизей остался
Без кесаря и без римлян
И точно заплакал,
Одинокий. Как вершина
На поле, чернеет
Колизей тот среди Рима...
Тихо, тихо веет
Из-за Тибра, из Альбано
Ветерок над Римом.
А над черным Колизеем,
Словно в легком дыме,
Выплыл месяц круглолицый.

Мир весь первозданный
Опочил на лоне ночи,
Только мы, Адама
Преступные, злые чада,
Отдыха не знаем
Ни на миг, до самой смерти,
В утраченном рае.
Мы грыземся как собаки,
Над куском червивым
И тебя еще ругаем,
Праотец ленивый!..

XIV

Еле сном забылась
Чуть живая мать-старуха.
Жизненные силы
Сила ночи оживила.
Встала, походила
У ворот закрытых,
Что-то все шептала,
Не кесаря ли святого
Тайно проклинала?
Может быть, и так. Тихонько
К воротам подкралась,
Послушала, усмехнулась
И пробормотала
Про себя чуть слышно что-то,
У ворот присела.

Пригорюнилась. И вскоре
Открылись ворота,
И потянулись вереницей
Из Колизея колесницы
На Тибр. И повезли тела,
Как с бойни туши...

А телами

Святых, растерзанных зверями,
Рабы для царского стола
Кормили рыбу. Мать Алкида
Вдруг огляделась, поднялась,
Взялась за голову руками
И тихо, молча за возами,
Как черный призрак, побрела.
Возницы, скифов серооких
Потомки и рабов рабы,
Подумали: сестра Морока[26]
Из пекла вышла проводить
Туда же римлян. И швырнули
В пучину трупы, и назад
Телеги скифы повернули.
И вот осталась ты одна
У Тибра. Пристально следила,
Как расходились и сходились
Круги широкие над ним,
Над сыном праведным твоим!..
Смотрела ты, пока не стала
Совсем спокойною вода,

И засмеялась ты тогда,
И тяжело, страшно зарыдала,
И помолилась в первый раз
За нас распятому. И спас
Тебя распятый сын Марии,
И ты слова его живые
В живую душу приняла,
По торжищам и по чертогам
Живого истинного бога
Ты слово правды понесла.

1857, 8 декабря,
Нижний Новгород

Юродивый
Перевод А. Суркова

{338}

Во дни фельдфебеля-царя^{339}
Капрал Гаврилович Безрукий^{340}
Да унтер пьяный Долгорукий^{341}
Украиной правили. Добра
Они изрядно натворили, —
Немало в рекруты забрили
Людей сатрапы-унтера.
Особенно капрал Гаврилыч
Вдвоем с ефрейтором своим,
Отменно шустрым и лихим^{342},

Так весь народ замуштровали,
Что сам фельдфебель любовались
Муштровкою и всем другим
И «благосклонны пребывали»^{343}
Всегда к ефрейторам своим».
А мы смотрели и молчали,
Да молча мы скребли чубы, —
Немые, подлые рабы,
Холопы царские, лакеи
Капрала пьяного! Не вам,
Не вам, расшитые ливреи,
Доносчики и фарисеи,
За правду пресвятую встать
И за свободу! Распинать,
А не любить учились брата!
О род презренный и проклятый,
Когда издохнешь ты? Когда
И мы дождемся Вашингтона
И правды нового закона?
Дождемся, верю! Будем ждать!
Не сотни вас, а миллионы
Полян, дулебов и древлян
Гаврилыч гнул во время оно;
А вас, почтенных киевлян,
И ваших милых киевлянок
Отдал своим профосам пьяным
В батрачки тот сатрап-ка-
прал, —

Вам горя мало! А меж вами
Нашелся все же некий малый,
Такой чудак-оригинал,
Что в церкви... в морду дал капра-
лу,
И зажило — как не бывало,
Как на собаке.
Так-то так!
Нашелся все ж один казак
Из многотысячного люда,
Что всю империю смутил,
Сатрапу в морду закатил.
А вы, юродствуя, покуда
Был не совсем здоров капрал,
Юродивым тут нарекли вы
Святого рыцаря. А бывый
Фельдфебель ваш Сарданапал
Послал на каторгу святого,
А для побитого, седого
Сатрапа «вечно» пребывал
Преблагосклонным...
И другого
Не вышло ничего. И драму
По закоулкам темным самым
На свалку вынесли. А я...
О ясная звезда моя!
Меня из пут освобождая,
Ведешь на свалку к Николаю,

Над этой ямой выгребной
Огонь ты разливаешь свой
Животворящий. В смрадном хла-
ме

Передо мной встают столпами
Его безбожные дела...

Безбожный царь, источник зла,
Гонитель правды, кат жестокий,
Что натворил ты на земле!

А ты, всевидящее око!

Знать, проглядел твой взор высо-
кий,

Как сотнями в оковах гнали
И Сибирь невольников святых?

Как истязали, распинали
И вешали?! А ты не знало?

Ты видело мученья их
И не ослепло?! Око, око!

Не очень видишь ты глубоко!

Ты спишь в киоте, а цари...

Да чур проклятым тем неронам!

Пусть тешатся кандалным зво-
ном, —

Я думой полечу в Сибирь,

Я за Байкалом гляну в горы,

В пещеры темные и норы

Без дна, глубокие, и вас,

Поборников священной воли,

Из тьмы, из смрада и неволи
Царям и людям напоказ
Вперед вас выведу, суровых,
Рядами длинными, в оковах...

[Нижний Новгород, 1857]

Доля

Перевод М. Комиссаровой

Ты не лукавила со много,
Ты другом стала и сестрою
Мне, бедному. Меня взяла
Ты за ребяческую руку,
И к пьяному дьячку свела,
И отдала ему в науку.
«Учись! Когда-нибудь, малыш,
И выйдем в люди», — ты сказала.
Я и послушался, глядишь —
И выучился. Ты ж солгала.
Да что! Куда уж в люди нам!
Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли, и ни зерна
У нас неправды за собою.
Пойдем же, долюшка моя!
О друг мой бедный, нелукавый!
Пойдем же дальше, дальше слава,
А слава — заповедь моя.

[**Н**ижний Новгород,
1858, 9 февраля]

Муза

Перевод М. Рыльского

А ты, пречистая, святая,
Подруга Феба молодая!
Меня ты на руки взяла
И в даль степную унесла,
И на кургане среди поля,
Как волю, чистое раздолье
Седым туманом повила,
И пеленала, и ласкала,
И чары деяла... И я...
Мой друг, волшебница моя!
Ты мне повсюду помогала,
Заботой нежной окружала.
В степи, безлюдной и немой,
В далекой неволе
Ты сияла, красовалась,
Как цветок средь поля!
Из казармы душной, грязной
Чистой, святою
Пташечкою вылетела
И вдруг надо мною
Полетела и запела...

Золотые крылья
Животворною водою
Душу окропили.
И я живу, и надо мною
Своею божьей красотой
Сияешь ты, звезда моя,
Моя наставница святая!
Моя ты доля молодая!
Не оставляй меня. В ночи,
И днем, и в утреннем тумане
Ты надо мной витай, учи,
Учи нелживыми устами
Вещать лишь правду в наши дни,
Молитвой сердце облегчая.
Когда ж умру, моя святая,
Моя родная! — схорони
Сама ты горемыку-сына
И хоть слезу, мой друг единый,
Из глаз бессмертных урони.

[Нижний Новгород,
9 февраля 1858]

Слава

Перевод М. Голодного

А ты, чумазая торговка,
Пьяная шинкарка!
Почему меня лучами
Не целуешь жарко?
С вором, может быть, в Версале
{344}

Ты на новоселье?
Иль с другими путаешься
С тоски да с похмелья?
Ты подсядь ко мне поближе:
С горя ли, от злости
Выкинем с тобой такое —
Удивятся гости.
Мы обнимемся, сойдемся,
Будем жить не споря,
Потому что, дорогая,
Тот же до сих пор я,
За тобой плетусь, как прежде,
Хоть слышал немало,
Как ты с пьяными царями
По шинкам гуляла,
А всех дольше с Николаем,
В Крыму^{345} в злые ночи.
Но об этом я не плачу

И тужу не очень.
Дай тобой налюбоваться,
Дай на грудь склониться,
Под крылом твоим хочу я
В тишине забыться.

1858 [9 февраля]
Нижний Новгород

Сон («Она на барском поле жала...»).

Перевод А. Плещеева

Она на барском поле жала
И тихо побрела к снопам —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка там.
В тени лежал и плакал он.
Она его распеленала,
Кормила, нянчила, ласкала
И незаметно впала в сон.
И снится ей житьем довольный
Ее Иван. Пригож, богат,
На вольной, кажется, женат
И потому, что сам уж вольный.
Они с лицом веселым жнут
На поле собственном пшеницу,
А детки им обед несут.
И тихо улыбнулась жница.

Но тут проснулась... Тяжко ей!
И, спеленав малютку быстро,
Взялась за серп — дожать скорей
Урочный сноп свой до бурмистра.

1858. С.-Петербург

**«Я, чтоб не сглазить, не
хвораю...»**

Перевод Н. Ушакова

* * *

Я, чтоб не сглазить, не хвораю,
Но за собою замечаю —
Неладно с сердцем у меня.
Как бы голодное дитя,
Чего-то ждет оно, рыдает,
Не спит. Быть может, ожидает
Дурного? Доброго не жди —
Напрасно воли поджидаем:
Придавленная Николаем,
Заснула. Чтобы разбудить
Беднягу, надо поскорее
Всем миром закалить обух
Да наточить топор острее
И вот тогда уже будить.
А то, пожалуй, так случится —
До Страшного суда заспится!

Паны помогут крепко спать:
Всё будут храмы воздвигать
И своего царя хмельного
Да византийство прославлять,
И не дождемся мы другого.

[Петербург] 1858, 22 ноября

Подражание 11 псалму
Перевод М. Голодного

Мой боже милый, как их мало,
Святых людей, на свете стало!
Друг другу тайно цепь куют
В потемках сердца, а словами,
Медоточивыми устами
Целуются и часа ждут,
Не скоро ль брата под холстиной
От них на кладбище свезут?...
А ты, о господи единый,
Скуешь лукавые уста
И тот язык велеречивый,
Сказавший: «Мы не суета!»
И возвеличим мы на диво
И разум наш, и наш язык...
И где же тот, кто нам укажет
Не думать так, не говорить?
«Воскресну! — вам он грозно ска-

жет. —
Воскресну ныне ради них,
Людей закованных моих,
Убогих нищих... Возвеличу
Рабов и малых и немых!
Я стражем верным возле них
Поставлю слово. И поникнут,
Как бурей смятая трава,
И мысли ваши, и слова».
Как серебро, что гнуто, бито
И семикратно перелито
Огнем в горниле, — словеса
Твои, о господи, такие.
Раскинь же их, слова святые,
По всей земле! И в чудеса
Твои уверуют на свете
Твои страдающие дети.

[Петербург] 1859, 15 февраля

Марко Вовчку
Перевод И. Воробьевой

{346}

На память 24 января 1859

*Недавно за рекой Уралом
Скитаясь, небо я молил,
Чтоб наша правда не пропала,
Чтоб наше слово не смолкало;
И вымолил. Господь явил
Тебя нам, кроткого пророка
И обличителя жестоких
Несытых катов. Свет ты мой!
Моя ты зоренька святая!
Моя ты сила молодая!
Гори, сияй и надо мной,
И, неукрытое, простое,
Согрей ты сердце мне больное,
Голодное... И оживу
И думу вольную на волю
Из гроба к жизни воззову,
И думу вольную... О доля!
Моя ты дочь! Поборник воли!
Твоею думу назову.*

1859, февраля 17,
СПб.

Исайя. Глава 35

Перевод П. Антокольского

{347}

ПОДРАЖАНИЕ

*Радуйся, нива неполитая!
Радуйся, земля неповитая,
Цветущая лаком! Распустись,
Благою розой расцвети!
И, вся в цвету, благоуханна,
Будь словно берег Иордана
В зеленых поймах и росе.
Да будет вправду не лукава
Кармила и Ливана слава!
Да празднуют созданья все
Тот златотканый, хитросшитый,
Добром и волею подбитый
Твой омофор в земной красе,
Чтобы слепцы твои прозрели,
На божьи чудеса смотрели.*

*Рабских рук изнеможенных
Пройдет утомленье,*

И закованные в цепи
Отдохнут колени.
Радуйся же, нищий духом,
Не чуждайся дива!
Судит бог, освобождает
Долготерпеливых,
Вас, убогих! Воздаст он
Злодеям за злая.

Лишь только, господи, святая
На землю правда прилетит
И краткий отдых возвестит, —
Слепцы прозреют, а хромые,
Как серны из лесу, умчатся,
Немых отверзнутся уста,
Прорвется слово, как вода,
И ширь пустыни неполитой,
Водой целебною омытой,
Очнется к жизни. Потекут,
Взыграют реки, а озера
Вокруг лесами порастут,
Весельем птичьим оживут.

Оживут озера, степи,
И не верстовые,
А широкие, как воля,
Дороги святые
Опящут мир. Не сыщут
Тех дорог владыка;

Но рабы на тех дорогах
Без шума и крика
Братски встретятся друг с дру-
гом
В радости веселой.
И пустыней завладеют
Веселые села.

[Петербург] 25 марта 1859

Н. Н. («Как ты, лилеею такую ж...»)
Перевод Ф. Сологуба

{348}

Как ты, лилеею такую ж
Когда-то дева расцвела
На Иордане и несла
Святое слово над землю.
Когда б и ты, днестровский цве-
тик...
Нет, нет! Помилуй бог! Распнут.
В Сибирь в оковах поведут,
И ты, мой беззащитный цветик...
Не вымолвить...
Веселый рай Пошли ей, господи,
подай!
Ей счастье дай на этом свете,
Иного ей ты не давай.

Да не бери ее весною
В небесный рай, но в нашей мгле
Ты дай твоею красотою
Налюбоваться на земле!

[Петербург] 19 апреля 1859

Федору Ивановичу Черненко
(«Ой, на горе яр-хмель цветет...»)
Перевод Б. Турганова

{349}

На память 22 сентября 1859 г.

Ой, на горе яр-хмель цветет,
А под горой казак идет,
Узнать казак пытается:
Где же счастье скрывается?

То ли в шинках с богачами?
То ли в степях с чумаками?
То ли ветром в чистом поле
Развеяно по раздолью?

Не там, не там, друг-прия-
тель, —

*У дивчины, в чужой хате,
В полотенце да в холстине
Запрятано в новой скрыне.*

Л*ихвин, 7 июня [1859]*

«Ой, мама, мама...»

Перевод Н. Ушакова

* * *

*Ой, мама, мама, как я страдаю!
Есть очи ясные, а я не знаю,
С кем обменяться мне взглядом,
не знаю!*

*Ой, мама, мама, беда какая!
Есть руки белые, да не ласкаю,
Да никого-то вот я не ласкаю.*

*Ой, мама, мама ты дорогая!
Есть ноги легкие, да вот, родная,
С кем танцевать-то мне, мама
родная?*

10 *июня [1859], Пирятин*

Сестре

Перевод В. Саянова

{350}

Я проходил по нищим селам,
Днепровским селам невеселым,
И думал: где приют найду,
Где скроюсь я, за что страдаю?
И мне приснился сон: в саду
Одна, цветами обвитая,
Как будто девушка, стоит
На горке невысокой хата,
И Днепр наш, водами богатый,
Родной, сияет и горит!
И вижу я — в саду тенистом
Одна под вишню ветвистой
Моя родимая сестра.
Многострадальная, святая,
В прохладе рая почивает,
Из-за широкого Днепра
Меня, бедняга, поджидает,
И чудится ей: челн мелькает,
Над волнами взлетает челн
И вновь скрывается меж волн...
«Мое ты счастье! Брат!» Но боле
Не длится этот сон, и ты...
На барщине, а я в неволе!..

*Вот так с младенчества идти
Пришлось нам по колючим ни-
вам!
Молись, сестра! Коль будем жи-
вы,
Бог нам поможет их пройти.*

20 июля [1859], Черкассы

«Я, глупый, размышлял порою...»
Перевод А. Ойслендера

{351}

* * *

*Я, глупый, размышлял порою,
Я думал: «Горюшко со мною!
Как на земле мне этой жить?
Людей и господ хвалить?
В грязи колодою гнилою
Валяться, стариться и гнить,
Уйти — следа не оставляя
На обворованной земле?...»
О, горюшко! о, горе мне!
Где спрятаться — и сам не знаю;
Везде пилаты распинают,
Морозят, жарят на огне!*

21 июля [1859], Черкассы

«Во Иудее, во дни оны...»
Перевод Г. Владимирского

{352}

* * *

Во Иудее, во дни оны,
Во время Ирода-царя,
Вокруг Сиона, на Сионе
Пьянчужек-римлян легионы
Паскудили. А у царя,
Там, где толклось народу много,
У Иродова бишь порога
Стояли ликторы. А царь,
Самодержавный государь,
Лизал усердно голенища
У ликтора, чтоб только тот
Хоть полдинария дал в ссуду.
Мошною ликтор наш трясет
Да сыплет денежки оттуда,
Как побирушке подает,
И пьяный Ирод снова пьет!
Но вот, не в самом Назарете,
А где-то, в некоем вертепе,
Мария сына родила,
С дитятей в Вифлеем пошла...
Бежит почтарь из Вифлеема

К царю и молвит: так и так,
Бурьян, да куколь, да будяк
Растут в пшенице! Злое семя
Давидово у нас взошло!
Сгуби, пока не поднялось!
«Так что же! — молвил Ирод пья-
ный. —
Пусть всех детей в стране убьют,
А то, я знаю, род поганый,
Доцарствовать мне не дадут».
Почтарь, да бог с ним, был
нетрезвым,
Сенату передал приказ.
Чтоб только в Вифлееме резать
Малюток.
О, спаси же нас,
Младенец праведный, великий,
От пьяного царя-владыки!
От горшего ж тебя спасла
Преправедная мать божья.
Где ж взять ее нам в бездорожье?
Мы сердцем голы догола!
Рабы, чьи с орденами груди,
Лакеи в золоте, не люди,
Онучи, мусор с помела
Его величества. Ну, будет!..

24 октября [1859], С.-Петербург

Мария

Поэма

Перевод Б. Пастернака

{353}

*Радуйся, ты бо обновила
еси зачатья студно.
Акафист пресвятой богородице, Икос
10*

*Все упование мое,
Пресветлая царица рая,
На милосердие твое —
Все упование мое,
Мать, на тебя я возлагаю.
Святая сила всех святых!
Пренепорочная, благая!
Молюсь, и плачу, и рыдаю:
Воззри, пречистая, на них,
И обделенных и слепых
Рабов, и ниспошли им силу
Страдальца сына твоего —
Крест донести свой до могилы,
Не изнемоги от него.
Достойно петая! Взываю
К тебе, владычица земли!*

Вонми их стону и пошли
Благой конец, о всеблагая!
А я, незлобный, воспою,
Когда вздохнется легче селам,
Псалмом спокойным и веселым
Святую долюшку твою.
А ныне — плач, и скорбь, и слезы...
Души, убогой от рыданий,
Убогой данью предстою.

У плотника иль бочара,
Иосифа того святого,
Жила Мария и росла...
Росла в батрачках, подрастала,
И выданья пришла пора;
Мария, словно розан алый,
В убогой хате расцвела.
Невзрачно было в бедной хате,
Но рая тихого светлей.
Бочар, батрачкою своей
Любуясь, как родным дитятей,
Бывало, знай глядит в упор.
Забыв рубанок и топор;
И час пройдет, и два пройдет,
А он и глазом не мигнет
И размышляет:
«Сиротина!

Одна, ни дома, ни семьи!
Вот если б... Но года мои...
Да свет ведь не сошелся клином!»
А та стоит себе под тыном
И белую волну прядет
Ему на свитку к именинам
Или на берег поведет
Козу с козленочком болезным
И попасти и напоить.
Хоть то и даль, в краю окрест-
ном
Ей по душе был божий пруд,
Широкая Тивериада.
И как она, бывало, рада,
Что нет запрета ей и тут
Дозволено без всяких пут
На пруд ходить.
Идет, смеется...
А он по-прежнему сидит
И за рубанок не берется...
Коза напьется и пасется,
А девушка одна стоит,
И, на широкий пруд с пригорка
Поглядывая зорко-зорко,
Она печально говорит:
«Тивериада, посоветуй,
Скажи мне, царь озер, открой,
Что дальше будет в жизни этой

С Иосифом и бедной мной? —
И, молвив, сникла, как раина
От ветра клонится в яру. —
Как дочь, его я не покину,
Плечами юными своими
Я плечи старца подопру».
И так взглянула облегченно,
Так выпрямилась сгоряча,
Что край заплатанный хитона
Спустился с юного плеча.
Такой красы земное око
Еще не видело ничье.
Но черное бездушье рока
По терну повело ее,
Над бедною смеясь жестоко!
Вот доля-то!..
Она пошла
Вкруг пруда медленной походкой,
Лопух у берега нашла,
Покрыла сорванной находкой,
Как шляпой, бедную свою
Головку, горькую такую,
Свою головоньку святую,
И скрылась в роще на краю.
О свет ты наш незаходимый!
О ты, пречистая в женах!
Благоуханный крин долины!
В каких полях, в каких лесах,

В расщелине какого яра
Ты можешь спрятаться от жара
Огнепалящего того,
Что сердце без огня растопит
И без воды зальет, затопит
Твое святое существо?
Где скроешься от доли слезной?
Нигде! Огонь прорвался, — поздно!
Разбушевался он, и вот
Напрасно сила пропадет.
Дойдет до крови, до кости
Огонь тот лютый, негасимый,
И, недобитая, за сыном
Должна ты будешь перейти
Огонь гееннский!.. То пророча,
Уже заглядывают в очи
Тебе грядущего огни...
Не сокрушайся. Отверни
Глаза от страшного обличья,
И лилии вплети в девичью
Косу иль мак, и ляг в тени
Под старый явор, и усни,
Покамест время.

Из рощи, краше звезд ночных,
Выходит ввечеру Мария.
Вдали пред ней Фавор-гора,
Литая, как из серебра,

Вздыхает ввысь бока крутые
И ослепляет.
Подняла
На тот
Фавор свои святые
Глаза Мария — и козла
С козой из рощи увела.
Потом запела:

«Рай без краю, —
Темный лес!
Я не знаю,
Молодая,
Долго ль, боже,
Погуляю
Средь твоих чудес?»

И замолчала.
Кругом рассеянно взглянула,
Козленка на руки взяла,
Тоску минутную стряхнула
И зашагала, весела.
И, как младенца-недотрогу,
Того козленка, что ни шаг,
Трясла и тискала дорогой
И вскидывала на руках.
Укачивала, щекотала.
К груди, целуя, прижимала

И нянчила, и козлик льнул,
Как бы спросонок, не упрямясь,
Как котик, ластился, покамест
И в самом деле не уснул.
Без устали версту-другую
Прошла она, чуть не танцуя.
Подходит, видит:
 смотрит вдаль
Ее старик, в глазах печаль.
Сидит в тоске у палисада,
Встает, не отрывая взгляда.
«Где, — молвит, — пропадала ты,
Дитя, до самой темноты?
Да что уж, ладно, непоседа!
Пойдем в беседку; пообедай,
А после вместе посидим
С веселым гостем молодым».
«Откуда гость?»
«Из Назарета.
Зашел к нам переночевать.
И слышно, божья благодать
На старую Елизавету
Вчерашним утром снизошла:
Младенца-сына родила,
И старенький ее Захарий
Иваном мальчика нарек.
Вот видишь ли...»
И на порог

Выходит гость чужесторонний,
Сияя писаной красой,
В белеющем, как снег, хитоне,
Высокий, стройный и босой.
И вот Марии боязливой
Отвешивает он поклон,
А та стоит, и все ей в диво —
И свет над гостем, и хитон.
Она взглянула на сиянье
И, ни жива и ни мертва,
Коснулась, затая дыханье,
Иосифова рукава.
Потом глазами пригласила
Его во глубину шатра
И сыром козьим угостила,
Водой криничной из ведра.
Сама же не пила, не ела,
Но втихомолку, как сперва,
На гостя из угла глядела
И слушала его слова.
И те слова его святые
На сердце падали Марии,
И у бедняжки то и дело
От них кружилась голова.

«Во Иудее искони
Того, — сказал он, — не бывало,
Что вы увидите. Равви,

Равви великого начала
На свежевспаханной нови
Посеяны! И мы не чаем,
Каким богатым урожаем
Взойдут и вызреют они.
Я возвестить иду мессию!..»
И помолилася Мария
Перед апостолом.

Горит
Костер, тихонько дотлевая.
Иосиф праведный сидит
И думу думает.
Ночная
Звезда на небосклон взошла.
Мария встала и пошла
К колодезю по воду с кувшином,
И следом гость, покуда мгла,
Догнал ее на дне ложины...

С благовестителем часок
Прошли вдвоем ночью тишь
И двинулись домой, не слыша
От счастья под собою ног.

Все ждет и ждет его Мария,
Все ждет и плачет. Молодые
Глаза, и щеки, и уста

Заметно вянут.

«Ты не та, —

Иосиф говорит с заботой, —

Не та, Мария, цветик мой,

С тобой случилось, дочка, что-то!

Венчаться надо нам с тобой.

А то... (Не приведи бог худа,

Подумал, но не молвил вслух.)

Обладим это, милый друг,

И скроемся скорей отсюда».

Навзрыд, собираясь второпях,

Мария плачет и рыдает.

И вот они в пути шагают.

Старик с котомкой на плечах

Идет продать на рынке кружку,

И свадебный платок цветной

Купить в подарок молодой,

И за венчанье дать полушку...

О старец, правдою богатый!

Не от Сиона благодать,

А из твоей смиренной хаты

Нам воссияла. Если бы

Пречистой ты не подал руку,

Рабами, бедные рабы,

Доселе гибли б мы...

О, мука!

О, тяжкая души печаль!
Не вас мне, горемычных, жаль,
Слепые, нищие душою,
А тех, кто видят над собою
Топор возмездья и куют Оковы
новые. Убьют,
Зарежут вас, душеубийцы,
И в окровавленной кринице
Напоят псов!

Куда ж пропал
Лукавый гость твой, гость недав-
ний?
Зачем взглянуть не пожелал
На брак тот славный и преслав-
ный
И подмененный! Не слышать
Ни о самом, ни о мессии.
А люди ждут и будут ждать
Неведомо чего.
Мария,
Среди несчастья твоего
На что надеешься еще ты?
На бога ли твои расчеты
И на апостола его?
Не жди спасенья ниоткуда,
Благодари и чти за чудо,
Что входишь венчанной женой

В дом плотника, что он с порога
Тебя не выгнал на дорогу
И ты за каменной стеной.
А то бы кирпичом убили...
В Ерусалиме говорили
Тихонько, что в Тивериаде
Какого-то мечом казнили
Или распяли на кресте
За проповеди о мессии.
«Его!» — промолвила Мария
И, радуясь своей мечте,
Пошла домой.
И рад особо
Старик, что девушки утроба
Скрывает праведную душу
За волю распятого мужа.
И так они идут домой.
Приходят в дом, живут неделю,
Но в доме нет у них веселья.
Он трудится над колыбелью
Своей работы, а она,
На поле глядя из окна,
Сидит за кройкою и строчкой
И крошечную шьет сорочку —
Кому еще?

«Хозяин дома? —
Спросили со двора. — Указ

От кесаря, чтоб сей же час
Вы шли без всяких отговорок
Для переписи в Вифлеем!»
И, закатившись за пригорок,
Тот окрик стихнул вслед за тем.

Мария — тотчас печь лепешки.
Запас опресноков спекла,
Сложила молча их в лукошко,
Со старым в Вифлеем пошла.
Идут они.

«Святая сила!
Спаси нас, боже, и помилуй!» —
Взмолилась, утерев слезу.
Идут, смирясь перед судьбою,
Идут и тропкой пред собою
Козленка гонят и козу.
Их бросить дома нелегко;
И бог пошлет в пути, быть мо-
жет,
Ребенка, — вот и молоко.
Не отбегая далеко,
Скотина рядом ветки гложет.
За ней идут отец и мать
И начинают толковать.
«Протопресвитер Симеон, —
Не торопясь Иосиф начал, —
Мне сказывал: святой закон,

Что людям Авраам назначил,
Восстановят мужи-есееи
В той силе, как при Моисее.
И верь, — прибавил, — не умру,
Пока мессии не узрю!
Ты слышишь ли, моя Мария?
Придет мессия!»
«Он пришёл,
И мы уж видели мессию!» —
Мария молвила.

Нашел
Старик в своей суме лепешку
И говорит:
«Поешь немножко!
Пока что будет, подкрепись!
Дорога дальняя, садись.
И я умаялся, присяду...»
И соли при пути в прохладу
Полудновать.
А солнце вниз
Все шибче катится — и село.
И вдруг — невиданное дело,
Аж вздрогнул плотник: только
мгла
На поле дальняя сошла,
Горящая метла с востока,
Над самым Вифлеемом, сбоку,

Метла косматая взошла
И степь и горы осветила.
И в этот миг, теряя силы,
Мария сына родила,
Того единственного сына,
Который нас от рабства спас
И, непорочный, неповинный,
На крест пошел за грешных нас!
Дорогой тою гнали стадо,
Их увидали пастухи,
И взяли мать к себе, и чадо
Эммануилом нарекли.

А на рассвете в Вифлееме
На площади гудит народ:
Последнее приходит время,
Беда — напасть на нас идет.
В толпе то громче пересуды,
То, стихнув, ловят новый слух.
Как вдруг, вбегая: «Люди, люди! —
Кричит на площадь всю пастух. —
Пророчество Иеремии
Сбылось; пророк Исая прав!
У нас, у пастухов, мессия
Вчера родился!..»
Прокричав:
«Мессия!.. Иисус!.. Осанна!..» —

Толпа остыла и нежданно
Рассеялась.
А через час
По Иродову приказанью
Введен был в город легион.
Тогда свершилось злодеянье,
Неслыханное испокон.
Еще в кроватках дети спали,
В купелях воду нагревали,
Зря матери старались, знать:
Их больше не пришлось купать.
Уж в их крови легионеры
Ножи омыли, изуверы.
Как то могла земля принять?
Так вот, иная мать, смотри,
Что Ироды творят, цари!

Мария и: не хоронилась
С своим младенцем.
Слава вам,
Убогим людям, пастухам,
Что сберегли ее и скрыли
И нам спасителя спасли
От Ирода. Что накормили
И, напоив, не поскупились
Ей дойную ослицу дать,
Хотя и горемыки сами;
И с сыном молодую мать

Пустились ночью провожать
Кружными тайными путями
На путь Мемфисский.
А метла,
Метла горящая светила
Всю ночь, как солнце, и плыла
Перед ослицей, что несла
В Египет кроткую Марию
И в мир пришедшего мессию.

Когда б на свете где хоть раз
Царица села на ослицу,
Сложили б про нее рассказ
И стали б на нее дивиться.
А эта на себе несла
Живого истинного бога.
Тебя, родная, копт убогий
Хотел купить у старика,
Да пала ты: видать, дорога
Тебе не выдалась легка.
Вот, в Ниле выкупанный, спит
В пеленках малый у обрыва.
Мать колыбель плетет из ивы,
Сидит, не утирая слез,
Все колыбель плетет из лоз.
Иосиф наш трудолюбивый
Постройкой занят шалаша
Из срезанного камыша,

Чтоб было где укрыться ночью.
Вдоль Нила сфинксы, как сычи,
Таращат неживые очи,
И, выстроясь по нитке в ряд,
Отряды пирамид стоят
В песках сторожевым кордоном,
Давая фараонам знать,
Что божьей правды благодать
Означилась под небосклоном,
Чтоб фараонам не дремать.
Мария шерсть пошла мотать
У копта, а Иосиф старый
Взялся пасти овец отару,
Чтоб денег на козу собрать.

Проходит год.
Не унывая,
Святой наш старец день-деньской
Сбивает бочки в мастерской,
Устроенной в углу сарая,
И знай мурлычет.
Ну, а ты?
Не плачешь ты, не напеваешь,
Гадаешь, думаешь, гадаешь,
На путь как сына навести,
Как в правде воспитать высокой,
Как уберечь от тьмы порока
И от житейских бурь спасти...

Еще проходит год.
На травке
Коза пасется, а малыши
С козленком возится под лавкой.
А на крыльце с куделью мать
Не может взора оторвать
От их веселья.
Вдоль забора
Старик едва плетется в гору.
Был в городе, сбывал заказ
И по гостинцу всем припас.
Для сына пряник есть медовый,
Для матери — платочек новый,
К своим сандалиям ремни, —
Давно изношены они.
Вошел, передохнул с устатку
И говорит:
«Не плачь, касатка,
Какую новость я узнал:
Жить Ирод долго приказал.
Наелся на ночь до отвала,
И поутру его не стало.
Такие, видишь ли, дела.
Вернемся в сад наш за оградой.
Пойдем домой, моя отрада!»
«Идем!» — сказала и пошла
На Нил стирать белье ребенку.
Паслась коза, прильнув к козлен-

ку,
Иосиф сына забавлял,
Пока Мария в водах
Нила Ребенку рубашонки мыла.
Потом в избе ремни размял
И пару добрых сплел сандалий.
Потом они котомки взяли,
В далекий путь направив шаг
С младенцем малым на руках.
Вот кое-как дошли до дому.
Не дай бог взору никакому
Наткнуться на такой разгром.
На что уж глушь. Ведь под защи-
той
Тенистой рощи хата скрыта,
А в хате этой все вверх дном!
Придется спать среди развалин.
Мария кинулась от них
К ключу, но как и он печален.
Здесь некогда в счастливый миг
С ней встретился тот гость кра-
сивый.
Как изменилось все! Родник
Порос бурьяном и крапивой.
Мария, горю нет границ!
Молись и волю дай молениям!
В слезах кровавых павши ниц,
Вооружись долготерпеньем!..

С отчаянья Мария там
Едва тогда не утопилась.
Что было б непрозревшим нам?
Дитя б без матери томилось,
И мы по сей на свете час
Не знали б правды, душегубы...
Но, вовремя остановясь,
Мария горько сжала губы
И, прислонившись к стенке сруба,
Свободно выплакалась всласть.

В те времена Елизавета,
Вдова, в предместье Назарета
С Иваном маленьким жила
И приходилась им роднею.
Вот ранней зорькою одною
Мария мальчика взяла
И с мужем в Назарет пошла
К той родственнице и вдовице
Внаймы из милости проситься.

Тем временем дитя растет,
Растет себе и подрастает,
Растет, не ведая забот,
И с мальчиком вдовы играет.
Играли раз они у рва,
Две палки подобрали с краю
И тащат матерям к сараю

С преважным видом на дрова.
Знай наших, мол (известно, дети),
И просто загляденье эти
Веселых мальчугана два.
И вот меньшей берет нежданно
Вторую палку у Ивана
(Иван скакал на ней верхом)
И складывает их крестом,
Чтоб дома, видите, похвастать,
Что он уж мастер хоть куда...
Мария обмерла, когда
В руках у сына увидала
Тот крестик-виселицу.
«Стой! —
Вскричала мать, — недобрый
злюка
Тебя подбил на эту штуку.
Брось палки прочь, сыночек мой!»
И мальчик, материнским стра-
хом
Ошеломлен и с толку сбит,
Святую виселицу махом
Швырнул и зарыдал навзрыд.
Он плакал в первый раз. Впервые
Лил эти слезы ей на грудь.
Поглубже в сад под тень Мария
С ним поспешила завернуть.
Там пестовала, целовала

Его без счету, тормоша,
И коржик в рот ему совала,
И маленькому легче стало,
Угомонила малыша.
Разнежившись от утешений,
Зевнул он, растянулся, лег
На материнские колени
И задремал, как ангелок.
Он спит, и беспокойным оком
В слезах на сына смотрит мать,
Чтобы не всхлипнуть ненароком
И сна его не разогнать.
Крепилась, да не тут-то было:
Сама ту дрему прервала.
Слезой упавшей разбудила,
Кипящей каплей обожгла.
Свою печаль от сына прячет,
Но мальчика не обмануть:
Все понял он — и, к ней на грудь
Упавши, вместе с нею плачет.

Из заработков ли скопила,
Взаймы ли у вдовы взяла,
За четвертак букварь купила,
Ребенка в школу отвела.
Сама б растила грамотеем,
Да неученая была.
Учиться он ходил к ессеям,

А душу сына мать блюла.
С ним в класс Иван был отдан
вдовин.
Всем выдался Иван в него,
И как росли ребята вровень,
Так и учились. Баловство
Не коренилось в мальчугане.
Он детских не любил проказ.
Бывало, в стороне держась,
Забьется где-нибудь в бурьяне
И тешет клепку, — так мальцу
Хотелось помогать отцу.
Ему пошла весна седьмая
(Постиг уже он мастерство).
Лежал Иосиф, отдыхая,
И любовался на него.
Какие у него задатки?
Каким займется ремеслом?
Вот как-то, ведра взяв и кадки,
Они отправились втроем
На ярмарку, да прямо в самый
Что ни на есть Ерусалим.
Хоть далеко, — они упрямы:
Там цены выгоднее им.
Пришли, расставили посуду.
Куда ж девался баловник?
Мать мечется и ищет всюду.
Нет сына, хоть кричи на крик.

Бежит в испуге в синагогу
Защиты попросить у бога,
И тут — сокровище благих!
Попав на сборище к раввинам,
Сидит он с личиком невинным
И, крошка, поучает их,
Как в свете жить, людей любить,
За правду стать, за правду сги-
нуть.

Без правды горе!

«Горе вам,
Учители-архиереи!..» —
И удивлялись фарисеи
И книжники его речам,
А радость матери Марии
Неизреченна! Ведь мессия
Воочию пред нею сам.
С утра продавши весь товар,
Во храме помолились богу
И вышли холодком в дорогу,
Когда остыл полдневный жар.

Так и росли, так и учились
Святые деточки вдвоем,
И ими матери гордились.
Они тернистые пути
Избрали, вышедши из школы, —
Освобожденья путь тяжелый,

Во имя божьего глагола
Не утрашась на крест пойти.
Иван в пустыне жил неведом,
А твой пошел в народ.
За ним,
За сыном праведным своим,
Пошла и ты покорно следом,
Иосифа на склоне лет
Совсем покинув; сыну вслед
И ты пошла навстречу бедам,
Пока, скитаясь, не пришла
К самой Голгофе.
Ибо всюду
Святая мать за сыном шла,
На речи сына и дела
Смотрела и, дивясь, как чуду,
Издали, наедине
От счастья млела в стороне.
Бывало, он, на Елеоне
Присев, вздохнет.
Ерусалим
В красе раскинется под ним,
И блещет в золотом виссоне
Израильский архиерей
И римский золотой плебей!
И так он, сидя, заглядится
На иудейскую столицу,
Что час пройдет, не вспомнит

мать,
И два пройдет, забудет встать,
И вдруг заплачет беспричинно.
Заплачет и она, в лощину
К ключу спускаясь за водой.
С водой вернется, успокоит,
Стопы усталые омоет.
Даст пить, возьмет хитон худой,
Зашьет его и удалится,
Чтоб за смоковницей седой
От сына в стороне таиться
И охранять его покой.
А вот из города ребята.
Его любила детвора
И с ним по улицам с утра
Толпой ходила до заката.
Сбегались и на Елеон.
Вот и сейчас пришли резвиться.
«Святые!» — тихо молвил он,
Навстречу встав их веренице,
И подошел, благословил
И с ними сел, как встарь, играть,
В ребенка превратясь опять.
Потом, повеселев душой,
Спустился с ними на закате
На проповедь в Ерусалим
Спасенье возвещать глухим.
Не вняли — предали распятью!..

Как распинать его вели,
Вокруг тебя на перекрестке
Стояли дети и подростки,
А взрослые ученики
Поразбежались, как от плети.
«Пускай идет, пускай идет!
Вот так и вас он поведет! —
Сказала ты. — Смотрите, дети!»
—

И наземь грохнулась с тоски.
Без сына опустел весь свет.
Ночуя под плетнями, позже
Вернулась ты в свой Назарет.
Вдову похоронили божью,
Чужими труп ее зарыт.
Иван давно в тюрьме убит,
Иосифа не стало тоже,
Одна как перст, лишь ты одна
Осталась в эти времена.
Уж так талан твой, видно, ла-
тан.

Трусливые ученики
Ушли от пыток в тайники,
И, выведав, где кто попрятан,
Ты стала собирать бедняг.
Однажды ночью в полном сборе
Они с тобой сидели в горе,
И ты, великая в женах,

Их малодушие и страх
Дыханьем огненного слова
Развеела, как горсть половы,
И дух в их бранные тела
Святой свой вдунула. Хвала
И слава ввек тебе, Мария;
Воспрянули мужи святые
И в разные концы земли
Во имя мученика-сына
И памяти его невинной
Любовь и правду разнесли.
Ты ж после с голоду у тына
В полыни умерла. Аминь.
А после смерти чернецы
Тебя одели в багряницу
И золоченые венцы
Тебе дарили, как царице.
Прибили и твою к кресту
Поруганную простоту,
И оплевали, и растлили.
А ты, как золото в горниле,
Такой же чистой, как была,
В душе невольничьей взошла.

Петербург,
11 ноября [1859]

Подражание Эдуарду Сове

Перевод М. Фромана

{354}

Посажу я возле дома
Для подруги милой
И яблоньку и грушеньку,
Чтобы не забыла!

Бог даст, вырастут. Подруга
Под густые ветки
Отдохнуть в прохладе сядет,
С нею вместе — детки.

А я стану груши с веток
Рвать для милых деток...
С подругою — любимую
Перемолвлюсь этак:

«Помнишь, друг, я перед свадьбой
Их сажал весной...
Счастлив я!» —
«И я, мой милый,

19 ноября
[1859], С.-Петербург

Подражание Иезекиилю. (Глава 19)
Перевод А. Безыменского

{355}

Глава 19

Восплачь, пророче, сыне божий,
И о князьях, и о вельможах,
И о царях земных! И рцы:
Зачем та сука, ваша мать,
Со львами снюхалась когда-то?
А вы, щенята, родились?
И множился ваш род проклятый?
А вы, зубастые щенята,
В львов превратились. Вы людей,
Незлобных, праведных детей,
Все время жрете!.. Жадный кор-
шун
Вот так клюет и рвет цыплят,
Как вы людей... А что же люди?...
Хоть видят люди, да молчат.
Ну и щенок тот, дикий, лютый!
И вот его подстерегли
И, заковавши крепко в путы,

В Египет люди отвели
На каторгу. А сука снова
Спустила на людей другого
Лихого сына своего.
Земное это божество
И города и села жрало...
Земля тряслась и трепетала,
Едва заслышав злобный рев...
И этот не избег оков, —
Он схвачен был, тот пес на тро-
не.

В тюрьму посажен в Вавилоне
Глубокую, чтоб бедный люд
Не слышал яростного рыка
Самодержавного владыки,
Царя жестокого...
Пройдут,
Уж понемногу отступают,
Дни беззакония и зла.
Но правды этой львы не знают,
Растут себе, как бы лоза
В лесу дремучем, уповают
На омертвевший корень свой,
Уже червивый, и гнилой,
И худосочный. Ветер с поля
Дохнет, сметет, очистит путь,
И ваше злое своеволие
Купаться будет и тонуть

*В своей крови. И плач великий,
Совсем не схожий с львиным ры-
ком
Услышат люди. Этот плач,
Никчемный, долгий и поганый,
Народной притчей скоро станет
Самодержавный этот плач!*

*[Петербург]
Декабря 6 [1859]*

Осии
Перевод М. Зенкевича

{356}

Глава 14
ПОДРАЖАНИЕ

*Погибнешь, сгинешь, Украина!
И след твой выжжется дотла.
А некогда, гордясь, цвела
Ты в роскоши. О Украина,
Мой край любимый, неповинный!
За что господь тебя карал,
Карает тяжело? За Богдана,
Да за безумного Петра,
Да за господ, панов поганых,
Убить тебя давно пора,*

И это будет справедливо!
Ведь долго долготерпеливый
Взирал безмолвно на твою,
Греховную твою утробу
И рек во гневе: «Истреблю
Твою красу! Сама ко гробу
Спешишь ты своему! Во злобе
Сыны твои тебя убьют,
Оперясь, а во зле зачатые,
Во чреве сгинут, пропадут,
Как в яйцах дохлые цыплята.
И плачем материнским слезным
Наполню грады и поля,
Да зрит растленная земля
Меня всевидящим и грозным!
Воскресни, мать! В светлицу-хату
Вернись скорей и опочий.
Устала ты, неся расплату
За сыновей, — так отдохни
И чадам, отдохнув, скажи,
Пророчь лукавым о возмездье,
Что, злые, пропадут они,
Что их измена, и бесчестье,
И криводушие — огнем,
Кровавым пламенным мечом
Обмечены на душах тайно,
Что кара кличет неустанно,

Что не спасет их добрый царь,
Их кроткий пьяный государь
Не даст наесться им, напиться,
Не даст коня вам, чтобы скрыть-
ся,
Чтоб ускакать; не ускакать,
Не скрыться вам! Ведь вас повсю-
ду
Отыщет правда-месть, а люди
Подстерегут, чтобы поймать, —
Поймают и судить не будут:
Сковав, в оковах, не на суд —
На поруганье поведут
И на кресте потом, без ката
И без царя вас, бесноватых,
Распнут, на части разорвут
И кровью вашею, собаки,
Собак напоят!..
И скажи,
Такое слово им скажи,
Без притчи, так скажи: «Вы сами
Своими грязными руками
Кумир создали, говоря,
Что царь — ваш бог, надежда ва-
ша,
Что ждете всем убогим нашим
Вы утешенья от царя».
Не так! Скажи им: «Лгут все бо-

ги,
Все идолы в чужих чертогах!»
Скажи, что правда оживет
И вновь сердца людей зажжет,
Но не растленным ветхим сло-
вом
А словом вдохновенным, новым,
Как громом, грянет и спасет
Весь обокраденный народ
От ласки царской...»

[Петербург]
25 декабря 1859

«Девушка, мила, красива...»
Перевод В. Звягинцевой

* * *

Девушка, мила, красива,
Шла по двору с пивом,
А я глянул — удивился,
Даже рассердился...
Кому она пиво носит?
Почему босая?
Боже сильный, твоя сила
Тебе же мешает.

[Петербург,
15 января 1860]

«Ой ты, темная дуброва...»
Перевод В. Звягинцевой

{357}

* * *

Ой ты, темная дуброва!
У тебя обновы
Трижды в год... Богаты, видно
Сундуки отцовы.
Разукрасит тебя старый
Зеленым покровом, —
А сам глядит, любит
Своею дубровой...
Насмотревшись на милую
Дочку молодую,
Возьмет ее, закутает
В ризу золотую
И укроет дорогою
Белой пеленою, —
Да и ляжет, утомившись
Заботой такою.

15 января 1860,
СПб.

Подражание сербскому Перевод И. Сельвинского

{358}

Сваты въехали во двор,
И жених — за ними.
Договариваться в хату
Пошли с отцом сваты.
Я тогда у молодого
Хлопца-чернобровца
Беру коня, и ни слова!
Отвожу к колодезю.
Конь заезженный: копыта
Стерты и побиты;
А узорное седельце
Ничем не покрыто.
«Ты скажи, скажи мне, коник,
Куда вы так мчались?»
«К чернобровке мы какой-то
Всю ночь скакали».
«Станешь пить ли, коник, воду
Нашего колодца?
Чернобровке молодежи
Стать нынче придется ль?»

4 мая 1860,
СПб.

Молитва

Перевод П. Карабана

{359}

Царям, всесветным шинкарям,
Дукаты, талеры, рубли
И пути лютые пошли!

Рабочим головам, рукам
Средь обокраденной земли
Свою ты силу ниспошли.

Мне ж, сыну горестной земли,
Поддай любовь, сердечный рай
И больше благ мне не давай!

24 мая 1860,
СПб.

* * *

Царей, кровавых шинкарей,
Ты в цепи крепкие закуй,
В глубоком склепе замуруй!

Рабочим людям, всеблагий,
Сынам ограбленной земли

Свою ты силу ниспошли!

*А чистых сердцем — возле них
Поставь ты ангелов своих,
Чтоб чистоту их соблюли!*

*Мне ж, господи, любовь подай
К заветам праведным земли
И друга верного пошли!*

25 мая [Петербург, 1860]

** * **

*Злоначинающих сдержи,
Ты их в оковы не закуй,
В глубокий склеп не замуруй!*

*А доброзидующим рукам
И укажи и помоги,
Святую силу ниспошли!*

*А чистых сердцем? Возле них
Постави ангелов своих
И чистоту их соблюди.*

А всем нам, детям сей земли,
Единомыслие подай
И братолюбие пошли.

27 мая [Петербург, 1860]

«В былые дни, во время оно...»

Перевод А. Миниха

* * *

В былые дни, во время оно,
Помпильий Нума^[360], римский царь,
Тишайший, кроткий государь,
Уставши сочинять законы,
Пошел однажды в лес гулять,
Чтоб там, для отдыха поспавши,
Додумать, как бы заковать
Всех римлян в цепи.
И, нарвавши
Лозы зеленой по пути,
Из прутьев петлю стал плести
На чью-то шею. Вдруг нежданно
Он видит, что в тени платана
Спит девушка среди цветов...
Дриады стройные лесов
Померкли пред ее красою,

*Перед богинею такою!
Пред ней Эгерия в тоске
Повисла в петле на суке.
Но на цветы взирает Нума
И на девицу, мудр и тих,
А в голове одна лишь дума:
«Как подданных сковать своих?»*

28 мая [1860],
С.-Петербург

«Ненасытным очам...»
Перевод П. Карабана

* * *

*Ненасытным очам,
Тем царям-божествам
Корабли и плуги,
Все богатства земли,
И хвалы, и псалмы —
Этим мелким божкам!*

*Работающим умам,
Работающим рукам —
Целину поднимать,
Думать, сеять, не ждать,
Что посеяно — жать*

Работающим рукам.

*Кротким сердцем простым
Миролюбцам святым, —
Царь небес и земли, —
Долголетье живым,
А усопшим твоим
Рай небесный пошли.*

*Все на свете — не нам,
Все богам, все царям!
Корабли и плуги,
Все богатства земли,
Друг мой милый... А нам...
Нам любовь меж людьми.*

31 мая [1860],
СПб.

Плач Ярославны

Перевод А. Тарковского

{361}

В Путивле-граде утром рано
Поет и плачет Ярославна,
Поет кукушкой, скорбя,
И скорбью мучает себя.
Молвит: «Полечу зегзицею,
Сизой чайкою-вдовицею
Я вдоль по Дону полечу,
Рукав бобровый омочу
В Каяле. И на теле белом,
На теле княжьем омертвелом
Я кровь сухую оботру,
Глубокие омою раны...»

И стонет-плачет Ярославна
В Путивле рано на валу:
«Ты ветер, ветер мой, ветрило!
Ты, господин мой легкокрылый!
Зачем крылом могучим ты
На войско наше с высоты,
На войско князя неустанно
Бросаешь злые стрелы хана?
Не мало ль неба, и земли,
И моря синего? На море

Качай насады-корабли.
А ты прелютый... Горе! Горе!
Мое веселье ты украл,
В степи ковыльной разбросал».

Тоскует, стонет, плачет рано
В Путивле-граде Ярославна
И молвит: «Сильный и седой,
Широкий Днепр! Своей волной
Пробил еси крутые скалы,
Катясь по землям половецким,
Носил еси на байдаках
На половцев, на Кобяка —
Носил дружину Святославлю!..
О мой Славутич достославный!
Мое ты ладо принеси,
Чтоб я постель ему постлала
И в море слез не посылала, —
Слезами моря не долить».

И плачет-плачет Ярославна
В Путивле, на воротах града...
Святое солнышко взошло.
И молвит; «Солнце пресвятое
На землю радость принесло
Земле и людям. Надо мною
Одной досель не рассвело.
Ты, господин мой, сжег долины,

Спалил еси траву степей,
Спалил и князя и дружину,
Теперь вдову его убей!
Ты, солнце! Не свети, не грей, —
Мой князь погиб... я тоже сгину!»

4 июня [1860],
СПб.

«С рассвета и до вечера...»
Перевод А. Тарковского

{362}

* * *

С рассвета и до вечера,
А с вечера и до света
Летит стрела каленая,
Гремит сабля о шелома,
Трещит копьё булатное
Среди незнаемого поля,
Вокруг — земля Половецкая.

Распахана копытами,
Лежит земля изрытая,
Костьми земля засеяна,
Вся кровию политая.
Тоска-печаль на этом поле
Взошла над Русскою землей.

Что там шумит, что там звенит
Пред зорями? То Игорь войско
Вспять возвращает на подмогу
Вуйтуру князю Всеволоду.

Сражались день,
Другой сражались,
На третий, около полудня,
Поникли Игоревы стяги.
Вот так на берегу Каялы
Расстались братья: недостало
Вина кровавого! Кончала
Дружина русичей тот пир.
Сватов напоили
И полегли рядами
За землю Русскую. В печали
Во прах легла плакун-трава,
Клонились долу деревья,
Клонились долу, тосковали.

6 июля

[Петербург, 1860]

«Умре муж велий в власянице...»

Перевод Н. Сидоренко

{363}

* * *

*Умре муж велий в власянице.
Не плачьте, нищие вдовицы!
А ты, Аскоченский^{364}, восплачь —
Во утрие на тяжкий глас!
И Хомяков^{365} — Руси ревнитель,
Москвы, отечества любитель,
Об юбкоборце громко плачь.
И вся — о «Русская беседа»^{366}! —
Во глас единый исповедуй
Свои грехи.
И плачь! и плачь!*

17 июня [Петербург, 1860]

Гимн черниц

Перевод С. Вышеславцевой

{367}

Гром, ударь над божьим домом,
Домом тем, где смерти ждем
мы,
Тебя, боже, проклиная,
Проклиная, распевая:
Аллилуйя!

Если б не ты, мы б любили,
Замуж мы бы выходили,
Мы бы деточек растили,
Хором пели, выводили:
Аллилуйя!

Обманул нас, бедных, боже,
Обокрал ты нас... Ну, что же!
И тебя мы обманули,
Обманувши, затянули:
Аллилуйя!

Хоть постриг ты нас в черницы,
А мы таки молодницы...
Мы танцуем, припеваем,
Припевая, повторяем:

Аллилуйя!

20 июня [Петербург, 1860]

«Над днепровскою водою...»

Перевод Л. Вышеславского

* * *

Над днепровскою водою
Стоит явор меж лозою,
Меж лозою, меж тонкою,
С калиною и елкою.

Вода берег роем, роем,
Яворовы корни моем.
Наклонился он угрюмо,
Горькую задумал думу.

Так казак грустит, унылый,
Что без счастья и без милой
Он один живет на свете,
Одиноким старость встретит.

Явор молвит: «Наклонюся
Я к Днепру да окунуся».
Казак молвит: «Погуляю,
Любимую повстречаю».

*А та елка с калиною,
Вместе с тонкой лозиною,
Как девчата, выступают,
Выступая распевают.*

*Разубраны, наряжены,
С счастьем-долей повенчаны,
Дум-забот они не знают,
Вьются-гнутся, распевают.*

24 июня [Петербург, 1860]

«Играли вместе, подросли...»

Перевод Т. Волгиной

* * *

*Играли вместе, подросли;
К веселью в юности остыли,
Как будто вправду разошлись!..
Да вновь сдружились, поженились;
И тихо, весело дошли
С душою непорочной оба,
С сердцами чистыми до гроба.
А по земле ведь оба шли!*

*Ты дай и нам, всещедрый боже,
Вот так цвести, вот так расти,*

Так пожениться и идти,
Не ссорясь меж собой в дороге,
На тот свет тихий перейти.
Не плач, не ярость, не стенанья —
Любви бессмертное дыханье
На тот свет тихий пронести.

25 июня [Петербург, 1860]

«Свете ясный! Свете тихий...»
Перевод А. Безыменского

* * *

Свете ясный! Свете тихий!
Свете дивный! Свете вольный!
Что ты гибнешь, свете-брате,
В золотой церковной хате,
Обманутый, закованный,
Поруганный, оплеванный,
Багряницами закрытый
И распятием добитый?

Не добитый! Встрепенися
Да над нами засветися!
Засветися... Будем лучше
С багряницы драть онучи^{368},
Из кадил табак курить,

*Печь иконами топить...
А кропилом будем, брате,
Подметать пол в новой хате!*

27 июня [Петербург, 1860]

**Ликерии. («Моя голубка! Друг
мой милый!..»)**

Перевод М. Фромана

{369}

*На память
5 августа 1860 г.*

*Моя голубка! Друг мой милый!
Нам не поверит без креста,
Нам не поверит без попа
Невольник или раб унылый!
Заснул в неволе он постылой,
Как боров в луже!!
Друг мой милый,
Моя голубка! Не крестись,
И не клянись, и не молись
Ты никому! Солгут все люди,
И византийский саваоф
Обманет! Не обманет бог, —
Карать и миловать не будет:
Мы не рабы его — мы люди!*

Моя голубка! Улыбнись
И вольную святую душу
И руку вольную, друг милый,
Мне протяни. И перейти
Нам эту лужу даст он силы,
Поможет горе донести
И скрыть боль горечи тяжелой
В светлице тихой и веселой.

5 августа [1860],
Стрельна

**Н. Я. Макарову. («Барвинок цвел и
зеленел...»)**

Перевод Н. Сидоренко

{370}

На память 14 сентября

Барвинок цвел и зеленел,
Стлался, расстилался;
Да морозец предрассветный
К цветам подобрался.

Потоптал он сад веселый,
И цветов не стало...

Жалко, жалко барвиночка
И морозца жалко!

[Петербург]
14 сентября [1860]

«Ни Архимед, ни Галилей...»
Перевод С. Липкина

* * *

Ни Архимед, ни Галилей
Вина не ведали. Елей
По нраву чернецам-обжорам.
А вы по всем земным просторам,
Святые вестники, пошли
И горстку зерен понесли
Царям ничтожным. Будет бито
Посеянное ими жито!
А люди вырастут. Умрут
Цари все в мире до единая...
На вновь родившейся земле
Врага не будет, властелина,
А счастье матери и сына
И люди будут на земле.

24 сентября [Петербург, 1860]

Л. («Поставлю хату — не палаты...»)

Перевод В. Звягинцевой

{371}

Поставлю хату — не палаты,
Зеленый садик посажу;
И посижу и похожу
В моем владенье небогатом.
А в тишине, наедине
С самим собой, так сладко спит-
ся;
Во сне приснятся дети мне
И мать веселая приснится,
Давно забытый молодой
Приснится ясный сон... И ты!..
Нет, спать мне вовсе не годится,
Ведь ты приснишься мне. В зем-
ной
Мой рай войдешь ты незаметно
И натворишь беды. Заветный
Сожжешь ты рай спокойный мой.

[Петербург]
27 сентября [1860]

«Нет, бога я не упрекаю...»

Перевод Л. Озерова

* * *

*Нет, бога я не упрекаю,
Я никого не порицаю,
Сам обмануть себя спешу,
Вдобавок с песнею. Пашу
Надел убогий, сею слово
Да урожая жду святого.
Вдруг соберу. Вот так спешу
Я обмануть себя! Но знаю,
Других в обман я не ввергаю.*

*Земля моя, распашися
Ты в степи просторной!
Ты прими в себя, родная,
Ясной воли зерна!
Распашися, развернися,
Расстелися полем!
Ты засейся добрым житом,
Ты полейся долей!
На все стороны раздайся,
Нива-десятина!
Ты засейся не словами,
А разумом, нива!
Выйдут люди. Время жатвы*

*Настанет счастливой.
Расстелись же, развернись же,
Убогая нива!!!*

*А может, странным добрым словом
Себя обманываю снова?
Обманываю! Дело в том:
Уж лучше лгать себе, я знаю,
Чем правду разделять с врагом,
Напрасно бога упрекая!*

[П*етербург]*
5 октября [1860]

Саул

Перевод Г. Владимирского

{372}

*В непробуждаемом Китае,
В Египте темном и у нас,
Над Индом или над Евфратом
Паслись ягнята и телята;
Стада на вольном поле пас
Пастух, живя как в райском крае.
Он, думы-думушки не зная,
Пасет себе, доит, стрижет
Свою скотину, распевая...*

Как вдруг сам черт царя несет
С мечом, с законом, с палачами,
С князьями, с темными рабами.
В ночи подкрались, увели
Отары с поля, а пасущих
Шатры, изодранные кущи
И всякие дары земли,
Сестер и жен уволокли,
Растлили все и осквернили,
И оскверненных, слабосильных
И нищих сердцем обрекли
Работе каторжной. Бежали
За днями дни. Рабы молчали.
Цари плодились, и росли,
И Вавилоны созидали...
И маги, бонзы и жрецы
(Как все духовные отцы)
В церквах и пагодах питались.
(Не кабаны ль царям на сало
Иль на колбасы?) А цари
Себе самим сооружали
Кумирни, храмы, алтари —
Рабы немые поклонялись.
Завидно иудеям стало,
Что хоть плюгавого царя,
Навозного хоть алтаря
Нет у сердешных. Попросили
Дряхлеющего Самуила:

Где хочет, чтоб искал не зря.
И дал бы, старый, им царя.
И вот премудрый прозорливец,
Помозговавши, взял елей,
Отняв от козлиц и свиней,
Саула нашего, верзилу,
Помазал сразу же в цари.
Саул, не будучи дурак,
Набрал гарем себе, и стал он
Спокойно царством управлять.
Дивились пастухи немало,
И говорили простаки:
«Видать, и мы не дураки,
Уж если господа святого
Мы умолили дать такого
Нам самодержца». А Саул
Берет и город и аул,
Отроковицу и ягницу,
Из кедра строит он светлицы,
Престол из золота кует,
Благоволенья раздает
Рабам всеподданнейшим голым
И в багрянице долгополой
По храму ходит, одиноч,
Пока (был лоб недаром низок),
Уединясь средь одалисок,
С ума не спятил голубок.

Старейшины сошлись в покоях,
Сказали: «Общество честное,
Что делать нам? Наш мудрый
царь,

Самодержавный государь,
Свихнулся, потерял здоровье.
Ну, стоит ли его лечить?

Не лучше ли заполучить
Царя поздоровей?» На слове
На этом встали, разошлись
Печально пастыри.

В кедровых

Палатах новых царь не спит,
Не ест, не пьет и не шумит,
Лишь молча государь могучий
Дерет порфиру на онучи
К лаптям, как будто бы всерьез
Бечевки ладит, надевает.

Про отчего осла вопрос
Он к новым стенам обращает
Иль, скипетр взявши, заиграет,
Как на свирели.

Пастухи,

Вениаминовы внучата,
Тельца лакеям принесли,
Чтоб разрешили, не в палатах,
А хоть в сенях, запеть. Ревет,
Седоборода, волосата,

Родня Саулова, пузата,
И гусляра с собой ведет,
Еще безвестного Давида.
«И выдет царь Саул, и выдет, —
Пастух поет им, — на войну...»
Саул очухался — и ну,
Что твой солдат, отборным ма-
том
Всех родственников волосатых
И вдоль и поперек честить.
А гусляра того, Давида,
Чуть не убил. Когда бы знал,
Беда какая после выйdet
Из-за лукавого Давида,
Не только б гада растоптал —
И ядовитую б растер
Слюну змеи. Ведь до сих пор
То поле плугом не распашешь,
Проклятое: все заросло
Репьем колючим. Горе наше:
Мельчают люди — и, смотри, —
Растут и высятся цари!

[Петербург]
13 октября [1860]

«И молодость моя минула...»

Перевод В. Луговского

* * *

*И молодость моя минула,
И от надежд моих дохнуло
Холодным ветром. Зимний свет!
Сидишь один в дому суровом,
И не с кем даже молвить слова
Иль посоветоваться. Нет,
Ну, никого совсем уж нет!
Сиди один, пока надежда
Тебя, глупца, не засмеет,
Морозом взор не закует
И гордость дум, что были
прежде,
Не разнесет, как снег в степи.
А ты сиди в углу, терпи,
Не жди весны счастливой доли,
Она уж не вернется боле
Твой бедный сад позеленить,
Твою надежду обновить
И мысль свободную на волю
Не сможет выпустить. Сиди,
Сиди и ничего не жди!*

[Петербург]
18 октября [1860]

«Титаривна-Немиривна...»

Перевод В. Инбер

* * *

Титаривна^[373]-Немиривна
Платок вышивает.
И ребенка-солдатенка
Малого качает.
Титаривна-Немиривна
Пред людьми кичилась...
А с военным-прощельгой,
Гляньте-ка, слюбилась.
Титаривна-Немиривна
Хорошего рода...
Ждет-пождет, когда вернется
Юнкер из похода.

[Петербург]
19 октября [1860]

«Хотя лежачего не бьют...»

Перевод А. Суркова

{374}

* * *

*Хотя лежачего не бьют,
Лежать, однако, не дают
Негодному... Тебя ж, о сука!
И сами мы, и наши внуки,
И люди миром проклянут!
Не проклянут, а только плюнут
На тех раскормленных щенят,
Что ты щенила. Мука! Мука!
О скорбь моя, моя печаль!
Когда ты сгинешь? Или псами
Цари с министрами-рабами
Тебя затравят, изведут?
Не изведут! А люди тихо
Без всякого лихого лиха
Царя на плаху поведут.*

[Петербург]

20 октября [1860]

«Куда ни глянешь — все постыло...»

Перевод В. Звягинцевой

* * *

*Куда ни глянешь — все постыло!
Душа с зарей глаза открыла;
Чуть попряла и прилегла
Вздремнуть, забыв о доле тяж-
кой,
А воля душу стерегла.
«Проснись, — сказала, — плачь,
бедняжка!
Не встанет солнце. Мир во мгле!
И правды нету на земле!»
Но солгала дурная воля
Тебе, душа: заря встает
И за собою день ведет.
Уже трепещут на престоле
Цари в своем бессильном зле...
И будет правда на земле!..*

[**П**етербург]
30 октября [1860]

«О люди, вам ли жить во мраке...»

Перевод С. Липкина

{375}

* * *

*О люди, вам ли жить во мраке?
Зачем вам надобны цари?
Зачем вам надобны псаря?
Вы ж люди, люди, не собаки!*

*Снег, холод, улицы пустынные,
Ночная непогодь. Нева
Под мостом движется едва
И катит тоненькие льдины.
А я иду в ночи сырой,
Меня замучил кашель злой.
Смотрю: как жалкие ягнята,
Плетутся девочки куда-то,
А инвалид сердешный, дед,
Бредет за ними, ковыляет,
Как бы в овчарню загоняет
Чужое стадо. Где же свет?
Где правда? Горе, горе стонет!
Голодных, чуть не голых, гонят
К усопшей матери сирот
(Последний долг отдать), как*

скот,
Как бессловесную отару.
Где суд? Где правда? Скоро ль кару,
Цари, низвергнет мир на вас?
Да! Солнце, вдруг остановясь
Над оскверненною землею,
Сожжет ее, сровнит с золою.

[Петербург]

3 ноября [1860]

«Вот если мне бы все же хлеба...»

Перевод В. Инбер

* * *

Вот если мне бы все же хлеба
Отведать с другом довелось,
Тогда бы мне на свете белом
Хотя бы как-нибудь жилось.
Да не с кем! Свет такой широкий,
Людей на нем не сосчитать,
А доведется одиноко
В холодной хате кривобокой
Или под тыном помирать.
А то... Нет, надобно жениться
Хотя б на чертовой сестре!
Не то один в своей норе
Рехнусь, пожалуй. Рожь, пшеница

—
На доброй почве семена Взошли.
А люди — вот те на! —
Пожнут плоды чужой землицы
И скажут: «В дальней стороне
Погиб бедняга». Горе мне!

[Петербург]
4 ноября [1860]

«И день идет, и ночь идет...»
Перевод С. Гордеева

* * *

*И день идет, и ночь идет.
За голову схватившись в муке,
Все думаешь, когда ж придет
Апостол правды и науки!*

[Петербург]
5 ноября [1860]

«Течет вода от явора...»
Перевод М. Комиссаровой

* * *

*Течет вода от явора
Яром на долину.
Красуется над водою
Красная калина.
Красуется калинонька,
Явор молодеет,
А кругом их верболозы,
Лозы зеленеют.*

*Течет вода из-за леса
Под самой горою,
Там плещутся утяточки
Меж речной травой.
А уточка выплывает
С селезнем за ними,
Ловит ряску, рассуждает
С детками своими.*

*Течет вода в огороде,
Вода прудом стала.*

Пришла девушка брать воду,
Брала, запевала.
Вышли мать, отец из хаты,
В садике гуляют.
Зятем им назвать кого бы,
Думают, гадают.

[Петербург]
7 ноября [1860]

«Однажды над Невой иду...»
Перевод Н. Брауна

* * *

Однажды над Невой иду
В глухой ночи... И на ходу
Так размышляю сам с собою:
«Когда б, — я думаю, — когда б
Таким покорным не был раб,
То оскверненных над Невую
Не возвышалось бы палат.
Была б сестра, и был бы брат.
А то лишь слез и горя много,
И нет ни бога, ни пол бога...
Псарь с псарями царят,
А мы с ухваткой доезжачих
Борзых собак растим и плачем».
Вот так, шагая над Невой,

И размышляя я сам с собой,
Тяжелой думой озадачен.
А за рекою, как из ямы,
Глаза кошачьи на меня
Глядят, — то фонари горят
Возле апостольского храма^{376}.
Тут спохватился и крестом
Я осенился, трижды плюнул
И снова думать стал о том,
О чем все это время думал.

[Петербург]
13 ноября [1860]

**«Сраженья были, распри — все
бывало...»**

Перевод Л. Вышеславского

* * *

Сраженья были, распри — все бы-
вало.
Галаганы, и Кисели, и Кочубеи-Но-
гаи,^{377}
Видали мы добра немало.
Минуло все, да не пропало, —
Остались червяки: грызут,
Сверлят и точат сердце дуба,
А от него спокойно, любо

Побеги юные растут
И вырастут; и без секиры
Все загудит и заревет,
Казак безверхий упадет,
Раздавит трон, порвет порфиру,
Низложит вашего кумира,
Людские червяки! Родня,
Друзья отечества чужого,
Не станет идола святого,
И вас не станет. И одна
Крапива, ничего другого
На вашей не взойдет могиле.
Над грудой груды встанет гнили,
Но и навоз зловонный тот,
Развеян ветром, пропадет.
И, не богатые, не убогие,
Молитвой мы прославим бога.

[Петербург]
26 ноября [1860]

Н. Т. («Великомученица-дева!..»)

Перевод А. Безыменского

{378}

Великомученица-дева!
Твой нрав, кума, достоин гнева!
В раю веселом ты росла
И пышным цветом расцвела,
Но рая светлого не знала,
А потому, что не желала
Взглянуть на ясный божий день,
На дивный свет животворящий!
Слепой была еси, незрящей,
Ленивой сердцем: ночь и день
Ты все спала. А жизнь земная
Кругом тебя росла, цвела
И, нашу радость прославляя,
Хвалу создателю несла;
А ты, кума, всю жизнь дремала,
Себя ты чванно соблюдала,
И поджидала жениха,
И целомудрие хранила,
И страх боялася греха
Прелюбодейного. А сила
Сатурнова идет, идет
И грех тот праведный плетет,
В седые косы заплетая,

*А ты живешь себе, зевая,
Усердно молишься и спишь,
И мать божью гневишь
Своим смирением лукавым.
Кума, проснись скорей, не жди!
На мир прекрасный погляди,
Плюнь на свою девичью славу
И всей душою, не лукаво,
Хоть раз, бедняга, соблуди!*

[**П**етербург]
2 декабря [1860]

«И встретились, и обвенчались...»

Перевод В. Инбер

* * *

*И встретились, и обвенчались,
Помолодели, расцвели.
Зеленый садик развели
Вкруг хаты. И не горевали,
И дети малые играли,
Росли себе да подрастали...
Солдаты дочерей украли,
А сыновей в солдаты взяли,
А мы как будто разошлись,
Как будто даже не встречались.*

[Петербург]
5 декабря [1860]

«Кума моя и я...»
Перевод С. Олендера

* * *

Кума моя и я
Петропольским шли лабирин-
том.
Блуждали мы — и тьма, и тьма...
«Заглянем, куме, в пирамиду^{379},
Зажжем лампаду». И вошли.
Елей и миро принесли,
И жрец смазливенький Изиды,
Ее слуга, потупил взор
И скромно длань свою простер,
И хор, по манию лакея,
Или жреца: «Во Иудее
Бысть царь Саул». А после хор
Рванул Бортнянского^{380}: «О
скорбь,
О скорбь моя! Ты столь велика!..»

[Петербург, 1860]

«Что ж, не пора ли понемногу...»

Перевод К. Симонова

* * *

Что ж, не пора ли понемногу
С тобою, спутницей убогой,
Нам вирши слабые бросать
И помаленьку собирать
Телеги в дальнюю дорогу?
На тот свет, к пресвятому богу
Пойдем, бедняга, отдыхать.
Устали мы, поистрепались,
А все ж и разуму набрались.
Довольно с нас — пойдем-ка
спать,
В последней хате отдыхать...
Такой еще мы не видали!..
Ой, не надо, друг, не надо,
Рано нам прощаться;
Нам еще ходить бы рядом,
Свету удивляться.
Посмотри же, моя доля,
Он такой широкий,
Он широкий и веселый,
Ясный и глубокий.
Что ж, звезда моя, побродим,
Поднимемся в горы.

Будут звезды — твои сестры —
Светить в эту пору,
Бесконечные, по небу
Поплывут, мерцая...
Подождем, сестра родная,
Подруга святая!
И правдивыми устами
Помолимся богу.
И пойдем себе тихонько
В дальнюю дорогу.
Над бездонной мутной Летой
Мы пойдем с тобою,
И меня благословишь ты
Славою святою.

14 февраля

«Покамест то да се, с поклоном...»

*Покамест то да се, с поклоном
С тобою запросто пойдём
Мы к Эскулапу на прием:
А вдруг обманет он Харона
И Парку?... Мы тогда с тобой,
Пока мудрил бы дед седой,
Творили б, лежа, эпопею,
Высоко над землею рея,
Да все б гекзаметры плели
И на чердак стихи снесли,
Чтоб мыши их на завтрак съели.
Мы прозу бы по нотам пели,
Не как-нибудь. Товарищ мой,
Мой спутник верный и святой!
Пока огонь не гаснет, тлеет,
Пойдем к Харону веселее.
Через волны мутной Леты
Сыщем переправу,
Переплывем, перенесем
И святую славу —
Неизменно молодую...
Впрочем, друг мой милый!
Обойдемся и без славы.
Если ж хватит силы,
То над самым Флегетоном,*

Над Стиксом, речкою в раю,
Как над Днепром своим широким,
Я вспомню родину свою, —
Поставлю хату там и садом
Ее веселым окружу.
Ты вечером придешь, и рядом
Тебя, как кралю, посажу.
Мы Днепр, Украину помянем
И хаты белые в садах,
Курганы старые в степях,
И песню весело затынем...

15 февраля [Петербург] 1861

АВТОБИОГРАФИЯ

Тарас Шевченко — сын крепостного крестьянина Григория Шевченка. Родился в 1814 году, февраля 25. В селе Кирилловке Звенигородского уезда Киевской губернии. В имении помещика Василия Васильевича Энгельгардта. На осьмом году, лишившись отца и матери, приютился он у дьячка в школе в виде школяра *попыхача*. По многотяжком двухлетнем испытании прошел он Граматку, Часловец и, наконец, Псалтирь. Дьячок, убедившись в досужестве своего школяра *попыхача*, посылал его вместо себя читать Псалтирь по усопших крепостных душах, за что и платил ему десятую копейку яко поощрение. Но, несмотря на столь лестное к себе внимание сурового спартанца-учителя, в один из многих дней и ночей, когда спартанец-учитель с своим другом Ионою Лымарем были мертвецки пьяны, школяр *попыхач*, без зазрения совести обнажив задняя своего наставника и благодетеля, всыпал ему великую дозу березовой каши. Помстившись до отвалу и похитивши какую-то книжечку с *кунштика-*

ми, в ту же ночь бежал в местечко Лысянку, где и нашел себе учителя живописи, отца диакона, тоже спартанца. Терпеливо бродяга школяр носил из Тикича три дня ведрами воду и растирал медянку на железном листе и на четвертый день бежал. Бежал он в село Тарасовку к дьячку-маляру, славившемуся в околотке изображением великомученика Никиты и Ивана Воина; у последнего для большего эффекта рисовал он на левом рукаве две солдатские нашивки. К сему-то Апеллесу обратился школяр-бродяга с твердым намерением перенести все испытания, только бы хоть малость научиться его великому искусству. Но, увы! Апеллес посмотрел внимательно на левую ладонь бродяги, отказал ему наотрез, не находя в нем таланта не только к малярству или шевству, ниже к бондарству.

Потеряв всякую надежду сделаться когда-нибудь хоть посредственным маляром, с сокрушенным сердцем бродяга возвратился в свое родное село с намерением наняться в погоньчи или пасти громадскую *ватагу* и, ходя за стадом овец и свиней, читать краденую книжечку с *кунштиками*.

И это не сбылось. Помещику, Павлу Васильевичу Энгельгардту, только что наследовавшему достояние побочного отца своего, понадобился расторопный мальчик, и оборванный школяр-бродяга попал прямо в тиковую куртку, в такие же шаровары и, наконец, в комнатные казачки. В должности казачка он втихомолку срисовывал украденным у конторщика карандашом картины суздальской школы, украшавшие панские покои. Странствуя с обозом за своим *дидычем* в Киев, Вильно и в Петербург, на постоялых дворах крал он изображения разных исторических героев, как-то: Соловья-разбойника, Кульнева, Кутузова, казака Платова и прочих, с намерением скопировать их на досуге точь-в-точь.

Случай и досуг представился в Вильне. Это было в 1829 году, декабря 6. Пан и пани уехали в *ресурсы* на бал, в доме все успокоилось, уснуло. Тогда он развернул краденые сокровища и, выбрав из них казака Платова, принялся благоговейно тщательно копировать. Уже дошел до маленьких казачков, гарцующих около дюжих копыт коня казака Плато-

ва, как растворилась дверь, пан и пани возвратились с балу. Иоан с остервенением выдрал его за уши, надавал пощечин за то, дескать, что он мог не только дом, город сжечь. На другой день пан велел кучеру Сидорке выпороть его хорошенько, что и было исполнено сугубо.

В 1832 году в С.-Петербурге по неотступной его просьбе помещик законтрактовал его на четыре года разных живописных дел цеховому мастеру, некоему Ширяеву. Ширяев был ретивее всякого дьячка-спартанца. Но, несмотря ни на какие стеснения, он в светлые летние ночи бегал в Летний сад рисовать с безобразных неуклюжих статуй. Достойное украшение Петрового сада! В этом саду и в то же время начал он делать этюды в стихотворном искусстве: из многочисленных попыток он впоследствии напечатал только одну — балладу «Причинна». В один из этих сеансов познакомился он с художником Иваном Максимовичем Сошенком, с которым и до сих пор в самых искренних братских отношениях. По совету Сошенка, он начал пробовать портреты с натуры акварелью. Для многочисленных

проб терпеливо служил ему моделью его земляк и друг Иван казак Нечипоренко, дворовый человек того же Энгельгардта. Однажды тот же Энгельгардт увидел у Нечипоренка работу своего крепостного артиста, которая ему, верно, очень понравилась, потому что он начал употреблять его для снятия портретов с своих любимых любовниц, за которые иногда и награждал рублем серебра, не более.

В 1837 году И. М. Сошенко представил его конференц-секретарю Академии художеств В. И. Григоровичу с целью освободить его от горестного состояния. В. И. Григорович просил о нем В. А. Жуковского, а В. А. Жуковский, предварительно узнавши цену от помещика, просил К. П. Брюллова написать его, В. А. Жуковского, портрет для императорской фамилии с целью разыграть его в лотерею в царском семействе. Великий Брюллов охотно согласился. Портрет написан. В. А. Жуковский с помощью графа М. Ю. Виельгорского устроили лотерею в 2500 рублей ассигнациями, и этою ценою была куплена свобода Тараса Шевченко в 1838 году, апреля 22.

С того же дня начал он посещать классы

Академии художеств и вскоре сделался одним из любимых учеников-товарищей великого Карла Брюллова.

В 1844 году удостоился он звания свободного художника. А в 1847 году был арестован вместе с Костомаровым, Кулишем и многими другими по доносу студента Киевского университета, некоего Петрова. Без суда и следствия разослали их в разные крепости. А 30 мая того же года из каземата Третьего отделения Т. Г. Шевченко был сослан в Орскую крепость и потом в Новопетровское укрепление с строжайшим запрещением писать и рисовать.

В 1858 году, 22 августа, по ходатайству графини Анастасии Ивановны Толстой освободили его из Новопетровского укрепления. И по ее же ходатайству всемилоостивейше повелено быть ему под надзором полиции в столице и заниматься своим художеством.

В 1859 году летом, после долгой и тяжелой разлуки, увидел он свою прекрасную родину, крепостных братьев, сестру и благополучно осенью возвратился в Академию художеств, где, благодаря правящим Академиею, с любо-

вью истинного художника занимается гравюрою акватинта и аквафорта.

После долгих двухлетних проволочек Главный цензурный комитет разрешил ему напечатать только те из своих сочинений, которые были печатаны до 1847 года, вычеркнувши из них десятки страниц (прогресс).

1860 года

в первой половине января

Алфавитный указатель произведений

- А** втобиография — 612
- «А ну-ка, вновь стихи писать!..» — 396
- А. О. Козачковскому («Бывало, в школе я когда-то...») — 384
- «А ты, пречистая, святая...» (Муза) — 554
- «А ты, чумазая торговка...» (Слава) — 555
- «Барвинок цвел и зеленел...» (Н. Я. Макарову) — 597
- «Блуждая по чужой земле...» (Варнак) — 399
- «Бывает, в неволе мечтать начинаю...» — 516
- «Бывает, иногда старик...» — 494
- «Бывало, в школе я когда-то...» (А. О. Козачковскому) — 384
- «Бывало, думаю, гуляю...» — 493
- «Было время, добывали...» (Иржавец) — 374
- «Было время — на Украине...» (Иван Подкова) — 67
- «Бьют пороги...» (К Основьяненко) — 65

- Варнак («Блуждая по чужой земле...») — 399
- «В былые дни, во время оно...» — 590
- «В воскресенье не гуляла...» — 233
- «В воскресенье утром рано...» (Наймичка) — 283
- «В воскресеньице да ранехонько...» — 455
- Ведьма. Поэма — 327
- «Великомученица-дева!..» (Н. Т.) — 608
- «Ветер буйный, ветер буйный...» — 28
- «Ветер веет, повеваает...» — 142
- «Ветер стонет, долу клонит...» (Марьяна-черница) — 143
- Вечной памяти Котляревского («Солнце греет, ветер веет...») — 30
- «Вишневый садик возле хаты...» (В каземате) — 348
- В каземате («Припомним, братия моя...») — 341
- «В лес-дуброву я ходила...» — 454
- «В неволе тяжко — хоть и воли...» (В каземате) — 350
- «В неволе я один скучаю...» — 462
- «В непробуждаемом Китае...» (Саул) — 599
- «Во граде Вильно достославном...» — 464

«Во дни фельдфебеля-царя...» (Юродивый) — 551

«В огороде, возле брода...» — 457

«Во Иудее, во дни оны...» — 562

«В Путивле-граде утром рано...» (Плач Ярославны) — 591

«Восплачь, пророче, сыне божий...» (Подражание Иезекиилю) — 584

«Вот если мне бы все же хлеба...» — 605

«Вот так и я теперь строчу...» — 396

«В светлый праздник на соломе...» — 492

«Все снится мне: вот под горою...» — 523

«В темной роще ветер воет...» (Тополь) — 58

Гайдамаки. Поэма — 75

Гамалия («Ой, все нет и нет ни волны, ни ветра...») — 188

Г. З. («Нет горше доли, чем в неволе...») — 420

Гимн черниц («Гром, ударь над божьим домом...») — 594

Гоголю («За думою дума летит, вылетает...») — 236

«Горы мои высокие...» (Сон) — 369

«Готово! Парус распустили...» — 499

«Гром, ударь над божьим домом...» (Гимн черниц) — 594

«Двенадцать приборов на круглом столе...» (Тризна) — 193

Девичьи ночи («Расплелася коса-краса...») — 216

«Девушка, мила, красива...» — 587

Доля («Ты не лукавила со мною...») — 553

Дочка ктитора («То было в давние года...») — 411

«Дремлет ветер до рассвета...» (Утопленная) — 153

Думка («На что черные мне брови...») — 64

Думка («Тяжко, тяжело жить на свете...») — 33

«Думы мои, думы мои...» — 34

«Думы мои, думы мои, самые родные!...» — 353

Еретик («Подожгли соседи злые...») — 238

«Если бы тебе досталось...» — 485

Завещание («Как умру, похороните...») — 322

«За горами горы, тучами повиты...» (Кавказ) — 297

«За думою дума летит, вылетает...» (Гоголю) — 236

«За оврагом овраг...» (В каземате) — 342

«Запели мы и разошлись...» — 504

«Заслонило черной тучей...» — 466

«За солнцем облачко плывет...» — 482

«Зацвела в долине...» — 489

«Зачаруй меня, волшебник...» — 236

«Зачем буду я жениться...» — 483

«Зачем, ей-богу, жить на свете?..» (Солдатов колодец) — 388

«Зачем ты ходишь на могилу?..» (В каземате) — 345

«За что меня, как росла я...» (Лиляя) — 322

«И богата я...» — 440

Иван Подкова («Было время — на Украине...») — 67

«И в самых радостных краях...» — 490

«И встретились, и обвенчались...» — 609

«И вырос я в краю чужом...» — 436

«Играли вместе, подросли...» — 595

«И день — идет и не идет...» (Три года) —

«И день идет, и ночь идет...» — 606

«Из-за рощи солнце всходит...» — 449

«Из похода не вернулся...» — 463

«Иль на то господня воля?..» (Платок) —

И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание («И темнеет, и светает...») — 302

«И молодость моя минула...» — 602

Иржавец («Было время, добывали...») — 374

Исайя («Радуйся, нива неполитая!..») — 558

«И снова мне не привезла...» — 461

«И сонные волны, и мутное небо...» — 436

«И станом гибким, и красую...» — 520

«И темнеет, и светает...» (И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание) — 302

«И тернистый и колючий...» — 488

«И широкую долину...» — 457

«Кабы мне монисто, родная...» — 458

Кавказ («За горами горы, тучами пови-

ты...») — 297

«Каждому свои напасти...» (Холодный Яр) — 308

«Как будто праведных детей...» (Пророк) — 430

«Как гвоздь в груди кровоточащей...» ([Марина]) — 422

«Как за подушным, правый боже...» — 418

«Какого дьявола я трачу...» — 522

«Как ты, лилеею такую ж...» (N. N.) — 560

«Как умру, похороните...» (Завещание) — 322

«Как чумаки, тащась в степях...» — 470

Катерина («Чернобровые, любитесь...») — 40

Княжна. Поэма — 355

«Когда б вы знали, барчуки...» — 514

«Когда бы встретились мы снова...» — 421

«Когда есть дом родной, а дома...» — 411

«Когда мы были казаками...» — 377

Косарь (В каземате) — 350

К Основьяненко («Бьют пороги...») — 65

«Край мой тихий, мать-Украина...» (Разрытая могила) — 206

«Куда ни глянешь — все постыло!..» — 604

«Куковала кукушечка...» — 444

«Кума моя и я...» — 609

Ликерии («Моя голубка! Друг мой милый!..») — 596

Лилея («За что меня, как росла я...») — 322

Л. («Поставлю хату — не палаты...») — 598

Маленькой Марьяне («Расти, расти, моя пташка...») — 318

[Марина] («Как гвоздь в груди кровотокащей...») — 422

Мария. Поэма — 564

Марко Вовчку («Недавно за рекой Уралом...») — 558

«Мать моя была богата...» — 441

«Мать не бросай!» — тебе сказали...» (В каземате) — 344

Марьяна-черница («Ветер стонет, долу клонит...») — 143

«Меж скалами, подобно вору...» — 431

«Мне б сапожки, я бы тоже...» — 440

«Мне золотую, дорогую...» — 497

«Мне кажется, — но сам не знаю...» — 513

«Мне, право, все равно, я буду...» (В каземате)

те) — 343

«Мой боже милый, как их мало...» (Подражание 11 псалму) — 557

Молитва («Царям, всесветным шинкарям...») — 588

«Моя голубка! Друг мой милый!..» (Ликерии) — 596

Муза («А ты, пречистая, святая...») — 554

«Муженька я дорогого...» — 442

«Мы вместе некогда росли...» — 498

«Мы все же осенью похожи...» — 500

«Мы чванные, пустые люди...» — 496

«Над днепровскою водою...» — 595

Наймичка («В воскресенье утром рано...») — 283

«На киевском на Подоле...» (Чернец) — 378

«На кургане возле рощи...» — 438

На память Штернбергу («Поедешь далеко...») — 74

«На рожь несжатую в ночи...» ([Сычи]) — 430

«На улице невесело...» — 447

«На улице снег и ветер...» — 443

«На что черные мне брови...» (Думка) — 64

- «Неволя, или горе злое...» — 521
- «Не греет солнце на чужбине...» — 369
- «Недавно за рекой Уралом...» (Марко Вовчку) — 558
- «Не дай ты никому того же...» — 404
- «Не для людей и не для славы...» — 438
- «Не домой бредя средь ночи...» — 468
- «Не женися на богатой...» — 238
- «Не завидуй богатому...» — 237
- «Не молилась мать за сына...» — 505
- «Ненасытным очам...» — 590
- Неофиты. Поэма — 535
- «Не самому ль мне написать...» — 494
- «Не спится мне, а ночь — как море...» — 351
- «Не стану я печалиться...» — 483
- «Не так недруги твои...» — 450
- «Нет, бога я не упрекаю...» — 598
- «Нет горше доли, чем в неволе...» (Г. 3.) — 420
- «Не хочу я обручаться...» — 459
- «Не явится муж блаженный...» (Псалмы Давида) — 310
- «Ни Архимед, ни Галилей...» — 597
- Н. Костомарову (В каземате) — 347

Н. Маркевичу («Хорошо тебе, орел мой...») — 73

Н. Н. («Как ты, лилеею такую ж...») — 560

Н. Н. («О думы мои! О слава злая!..») — 376

Н. Н. («Солнце заходит, горы чернеют...») — 367

Н. Н. («Тогда мне лет тринадцать было...») — 367

Н. Т. («Великомученица-дева!..») — 608

«Ну что, казалось бы, слова?..» — 417

Н. Я. Макарову («Барвинок цвел и зеленел...») — 597

«Огни горят, оркестр играет...» — 521

«Один другого вопрошаем...» — 381

«Однажды над Невой иду...» — 607

«О думы мои! О слава злая!..» (Н. Н.) — 376

«Ой, баю-баю, качаю сына...» — 451

«Ой, все нет и нет ни волны, ни ветра...» (Гамалия) — 188

«Ой, гляну да погляжу я...» — 404

«Ой, как вместе три широких...» (В каземате) — 346

«Ой, мама, мама, как я страдаю!..» — 561

«Ой, на горе яр-хмель цветет...» (Федору

Ивановичу Черненко) — 560

«Ой, наточу товарища...» — 443

«Ой, не пьется горилочка...» (Швачка) — 445

«Ой, не пьются мед и пиво...» — 446

«Ой, одпа я, одна...» (В каземате) — 342

«Ой, пошла я в овраг за водою...» — 450

«Ой, серые кричат гуси...» — 484

«Ой, строчечку да к строчечке...» — 382

«Ой ты, темная дуброва!..» — 587

«О люди, вам ли жить во мраке?..» — 604

«Она на барском поле жала...» (Сон) — 556

«Опять настало время злое!..» — 523

Осии («Погибнешь, сгинешь, Украина!..») — 585

«Отчего ты почернело...» — 451

Перебендя («Перебендя слепой, старый...») — 37

«Перебендя слепой, старый...» (Перебендя) — 37

Песня караульного у тюрьмы («Старый гордый воевода...») — 158

Петрусь. Поэма — 507

Платок («Иль на то господня воля?..») —

Плач Ярославны («В Путивле-граде утром рано...») — 591

«Повстречалась я...» — 441

«Погибнешь, сгинешь, Украина!..»

(Осии) — 585

Подземелье. *Мистерия* — 267

«Под Оглавом... Кому знаком...» [Сотник] — 470

«Подожгли соседи злые...» (Еретик) — 238

Подражание Иезекиилю («Восплачь, пророче, сыне божий...») — 584

Подражание 11 псалму («Мой боже милый, как их мало...») — 557

Подражание сербскому («Сваты въехали во двор...») — 588

Подражание Эдуарду Сове («Посажу я возле дома...») — 583

«Поедешь далеко...» (На память Штернбергу) — 74

Порченная («Широкий Днепр ревет и стонет...») — 23

«Посажу я возле дома...» (Подражание Эдуарду Сове) — 583

«Поставлю хату — не палаты...» (Л.) — 598

- «Припомним, братия моя...» (В каземате) — 341
- «Присяду я на крылечко...» — 444
- Пророк («Как будто праведных детей...») — 430
- «Протоптала тропочку...» — 456
- «Проходят дни, проходят ночи...» — 318
- Псалмы Давида («Не явится муж блаженный...») — 310
- П. С. («Я не досажую на злого...») — 419
- «Радуйся, нива неполитая!..» (Исайя) — 558
- Разрытая могила («Край мой тихий, мать-Украйна...») — 206
- «Рано встали, выступали...» (В каземате) — 349
- «Расплелася коса-краса...» (Девичьи ночи) — 216
- «Расти, расти, моя пташка...» (Маленькой Марьяне) — 318
- «Родила казачка сына...» (Сова) — 210
- «Родила меня родная...» (Русалка) — 323
- Русалка («Родила меня родная...») — 323
- «Сам удивляюсь. Кто ответит...» — 381

- Саул («В непробуждаемом Китае...») — 599
- «Сваты въехали во двор...» (Подражание сербскому) — 588
- «Свете ясный! Свете тихий!..» — 596
- Сестре («Я проходил по нищим селам...») — 561
- «Сестрица бога Аполлона!..» ([Цари]) — 404
- «Сидит кобзарь у дороги...» (Тарасова ночь) — 69
- Слава («А ты, чумазая торговка...») — 555
- Слепая. Поэма — 160
- Слепой. Поэма — 249
- Сова («Родила казачка сына...») — 210
- «Сойдемся ли мы с вами снова?..» (В каземате) — 351
- Солдатов колодец («Зачем, ей-богу, жить на свете?..») — 388
- Солдатов колодец. Поэма — 524
- «Солнце греет, ветер веет...» (Вечной памяти Котляревского) — 30
- «Солнце заходит, горы чернеют...» (N. N.) — 367
- Сон («Горы мои высокие!..») — 369
- Сон. Комедия — 218
- Сон («Она на барском поле жала...») — 556

[Сотник] («Под Оглавом... Кому зна-
ком...») — 470

«Спит отец мой в могиле...» — 463

«Сраженья были, распри — все быва-
ло...» — 607

«С рассвета и до вечера...» — 593

«Старый гордый воевода...» (Песня кара-
ульного у тюрьмы) — 158

«Стоит в селе Субботове...» — 282

«Считаю в ссылке дни и ночи...» (Вариант
1850 г.) — 501

«Считаю в ссылке дни и ночи...» (Вариант
1858 г.) — 503

[Сычи] («На рожь несжатую в ночи...») —
430

Тарасова ночь («Сидит кобзарь у доро-
ги...») — 69

«Течет вода в сине море...» — 32

«Течет вода от явора...» — 606

«Титаривна-Немиривна...» — 603

«То было в давние года...» (Дочка ктито-
ра) — 411

«Тогда мне лет тринадцать было...» (N.
N.) — 367

- «То не буйный ветер в поле...» — 456
- «То пасхальное воскресенье...» — 452
- Тополь («В темной роще ветер воет...») — 58
- «Топор был за дверью у господа бога...» — 397
- Три года («И день — идет и не идет...») — 319
- Тризна («Двенадцать приборов на круглом столе...») — 193
- «Туман плывет долинами...» — 452
- «Ты не лукавила со мною...» (Доля) — 553
- «Тяжко, тяжело жить на свете...» (Думка) — 33
- «Умре муж велий в власянице...» — 594
- Утопленная («Дремлет ветер до рассвета...») — 153
- Федору Ивановичу Черненко («Ой, на горе яр-хмель цветет...») — 560
- «Хата Катри-Катерины...» — 447
- Холодный Яр («Каждому свои напасти...») — 308

«Хорошо тебе, орел мой...» (Н. Маркевичу) — 73

«Хотя лежачего не бьют...» — 603

[Цари] («Сестрица бога Аполлона!..») — 404

«Царям, всесветным шинкарям...» (Молитва) — 588

Чернец («На киевском на Подоле...») — 378

«Чернобровые, любитесь...» (Катерина) — 40

«Чигрине, Чигрине...» — 207

«Что же мне так тяжело?..» — 235

«Что ж, не пора ли понемногу...» — 610

«Чума с лопатою ходила...» (Чума) — 460

Чума («Чума с лопатою ходила...») — 460

Швачка («Ой, не пьется горилочка...») — 445

«Широкий Днепр ревет и стонет...» (Порченная) — 23

Юродивый («Во дни фельдфебеляцаря...») — 551

«Я, глупый, размышлял порою...» — 562

«Я не досажую на злого...» (П. С.) — 419

«Я проходил по нищим селам...» (Сестре) —

561

«Я, чтоб не сглазить, не хвораю...» — 556

Иллюстрации Т. Шевченко

Т. Шевченко заслуженно считается одним из крупнейших мастеров украинской живописи и графики.

Художественный талант молодого крепостного крестьянина был замечен, и 22 апреля 1839 года с помощью друзей Т. Шевченко был выкуплен на свободу (подробнее об этом см. на стр. 614 настоящего издания). «С того же дня начал... посещать классы Академии художеств и вскоре сделался одним из любимых учеников-товарищей великого Карла Брюллова», — пишет Т. Шевченко в своей «Автобиографии».

Изобразительное наследие Т. Шевченко чрезвычайно разнообразно. Он работал кистью (маслом и акварелью), карандашом, пером в жанре портрета, пейзажа, сюжетных — бытовых и исторических — произведений.

Для иллюстрирования настоящего тома использованы работы Т. Шевченко, хранящиеся в Государственном музее Т, Г, Шевченко Академии наук УССР (Киев).

На фронтисписе: Автопортрет 1840—1841
гг.

На суперобложке: Воздвиженский монастырь под Полтавой.

Форт Кара-Бутак.

Слепая с дочкой

Слепой ("Невольник")

Дары в Чигирине 1649 года

Сельский двор

В Решетеливице

Ангруши

Хама в Памиках

Автопортрет

Байгьу

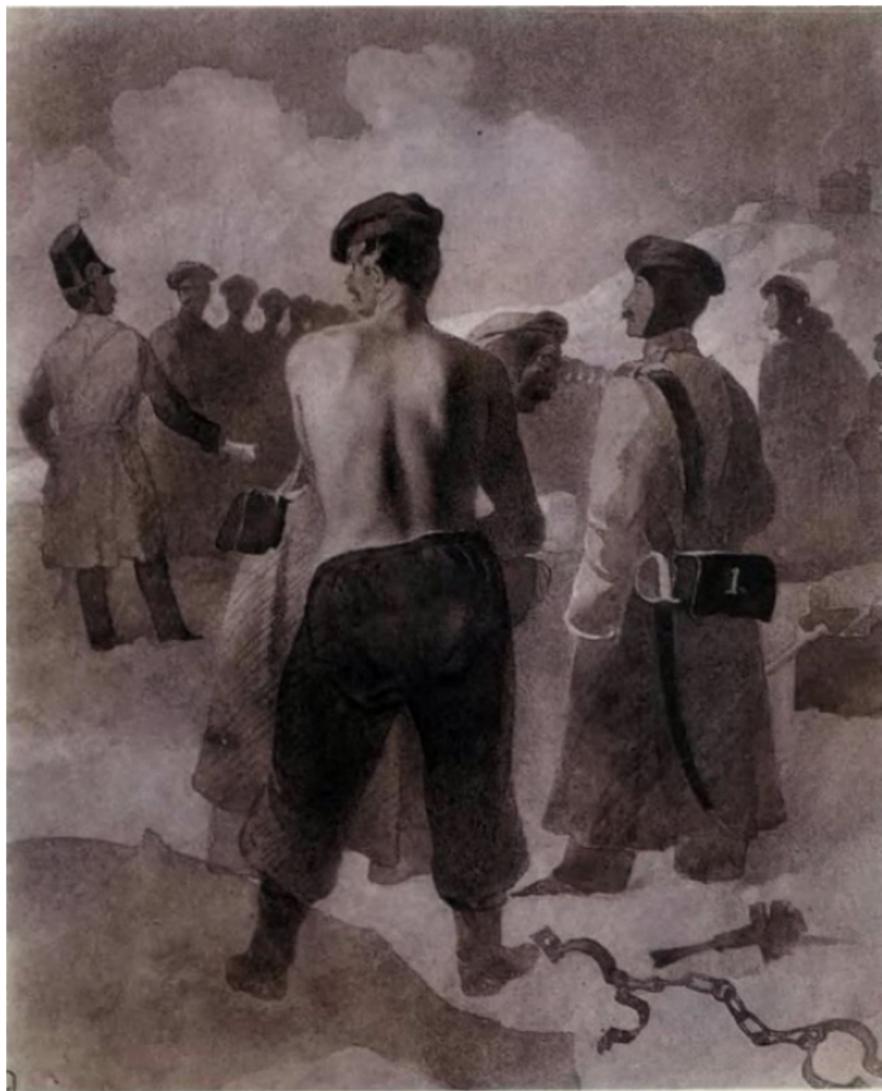
Сад Новопетровского укрепления

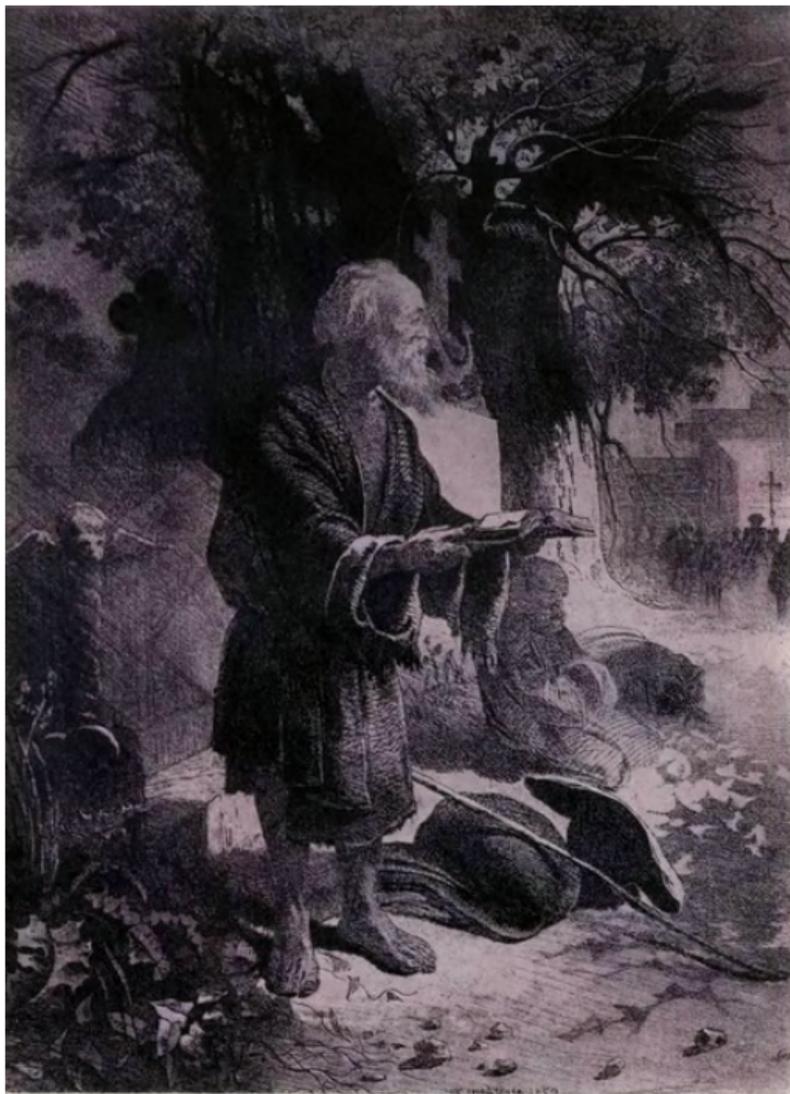
Новопетровское укрепление у моря

Наказание колодкой

Наказание шпицрутенами

Нищий на кладбище

Примечания

Литературная известность Тараса Шевченко началась тотчас после выхода его первого поэтического сборника «Кобзарь» (СПб. 1840), включившего в себя всего восемь стихотворений. Вслед за ним, также отдельным изданием, появились поэмы «Гайдамаки» (СПб. 1841) и «Гамалия» (СПб. 1842). «Кобзарь» вместе с «Гайдамаками» был перепечатан в 1844 году («Чигиринский Кобзарь»). Позднее, в 1846–1847 годах, поэт, по совету друзей, хотел издать второй выпуск «Кобзаря», однако осуществить своего замысла не смог из-за ареста и последовавшей затем ссылки.

Возвратившись из ссылки, Шевченко задумал издание сборника, куда намеревался включить, кроме уже известных произведений, многое из написанного им позднее. По цензурным причинам сборник этот вышел в 1860 году в значительно урезанном виде и под прежним заглавием «Кобзарь» (вместо предполагаемого «Поэзия, т. I»), которое на многие годы стало традиционным для собрания поэтического наследия поэта.

После смерти Шевченко, в течение почти пятидесяти лет, шла борьба прогрессивной общественности с царской администрацией и цензурой за опубликование его поэтического наследия. В 1907 году удалось издать почти полный «Кобзарь», но на книгу тотчас же был наложен арест и она была выпущена в свет со значительными купюрами.

Русские переводы стихотворений Шевченко стали публиковаться с середины 50-х годов XIX века, еще в то время, когда сам поэт томился в неволе. В 1860 году вышел сборник переводов под редакцией Н. В. Гербеля, выдержавший на протяжении сорока лет ряд изданий. Начиная с 80-х годов стали выходить многочисленные сборники переводов стихотворений и поэм Шевченко, принадлежавшие как отдельным переводчикам, так и целым коллективам. Но только Октябрьская революция раскрепостила наконец шевченковскую музу: кроме многочисленных переизданий поэтического наследия Шевченко, неоднократно выходили полные собрания его сочинений. Так, в 1951–1957 и 1961–1964 годах были изданы академические многотомные

издания всех произведений поэта (в том числе и художественного его наследства). Помимо изданий полного и избранного «Кобзаря», вышли полные собрания сочинений Т. Шевченко в пяти томах (Гослитиздат, 1955–1956; изд-во «Художественная литература», 1964–1965).

В основу настоящего издания положены поэтические тексты, входящие в тт. I и II Полного собрания сочинений, 1964–1965.

[^^^]

Порченная (стр. 23). — Баллада является единственным сохранившимся стихотворением Шевченко, написанным до его освобождения из крепостной неволи. Первые двенадцать строк баллады стали широко распространенной народной песней.

[^^^]

Не китайкой ему очи люди принакрыли... —
По старинному обычаю, умерших или убитых казаков при погребении покрывали китайкою — красной шелковой материей.

[^^^]

«*Ветер буйный, ветер буйный...*» (стр. 28). — В стихотворении используются мотивы украинских народных песен.

[^^^]

Вечной памяти Котляревского (стр. 30). — Иван Петрович Котляревский (1769–1838) — украинский поэт и драматург. В поэме «Энеида», в пьесах «Наталка Полтавка» и «Солдат-чародей» он первый в украинской литературе обратился к художественному изображению народной жизни, используя сокровища народного языка и народного творчества. Эти черты творческого облика Котляревского и побудили Шевченко откликнуться на его смерть этим стихотворением.

[^^^]

6

Где ватагу твой бродяга... — Здесь и дальше поэт имеет в виду поэму Котляревского «Энеида».

[^^^]

«Думы мои, думы мои...» (стр. 34). — В своих романтических мечтах о героическом прошлом Украины молодой Шевченко не выходил из рамок традиционного воспевания «былой славы» казачества. Позднее поэт избавился от этих иллюзий.

[^^^]

Перебендя (стр. 37). — В стихотворении упоминается ряд украинских народных песен из обычного репертуара странствующих бандуристов: «Ой, *не шуми, луже*» («Не шуми, дуброва»).

[^^^]

О Чалом — историческая песня о Савве Чалом, одном из предводителей крестьянских восстаний на Украине XVIII века, убитом товарищами за измену.

[^^^]

Горлица, Шинкарка — танцевальные песни.

[^^^]

Веснянка — весенняя обрядовая песня.

[^^^]

У гаю («В роще») — бытовая песня.

[^^^]

О Лазаре — лирницкая песня на тему евангельской притчи о бедном Лазаре, которого не пожалел Лазарь богатый.

[^^^]

Как Сечь разоряли... — историческая песня о разрушении Запорожской Сечи по приказу Екатерины II (1775 г.).

[^^^]

Катерина (стр. 40). — Посвящено *Василию Андреевичу Жуковскому* (1783–1852) (об этом см. на стр. 614 настоящего издания) (см. "*Автобиография*" — верстальщик)..

[^^^]

...Катре голову покрыли... — то есть повязали ее платком как замужнюю женщину, в осуждение ее «позора».

[^^^]

...Запоет о Грице. — Имеется в виду народная песня «Ой, не ходи, Грицю, ти на вечерниц».

[^^^]

Может, лег он за Дунаем в могилу сырую? —
то есть погиб в русско-турецкой войне
(1828–1829 гг.).

[^^^]

Ой, далекая дорога! Мне она известна. — Весною 1831 года Шевченко был отправлен, вместе с другими дворовыми, вслед за своим помещиком Энгельгардтом по этапу в Петербург.

[^^^]

Чумаки — украинские крестьяне, возившие зерно на продажу в порты Черного и Балтийского морей и привозившие оттуда на Украину разные товары. С чумаками связан богатый песенный и сказочный фольклор, неоднократно использовавшийся Шевченко. Далее упоминается одна из чумацких песен — *О пугаче* (то есть о сыче, филине).

[^^^]

Бровары — большое село неподалеку от Киева, по дороге на Москву.

[^^^]

Исуса кобзарь напевает. — Имеется в виду одна из кобзарских «псалм», песен духовного содержания.

[^^^]

Думка (стр. 64). — Первое стихотворение Шевченко, переведенное на русский язык. Перевод осуществил Н. В. Гербель в 1856 году.

[^^^]

К Основьяненко (стр. 65). — *Основьяненко* — псевдоним украинско-русского писателя Григория Федоровича Квитки (1778–1843). Его повести на украинском языке о о дожили начало украинской художественной прозе.

[^^^]

Не шуми, дуброва... — См. прим. к стих. «Перебендя». (см. коммент. 8 — верстальщик).

[^^^]

...Гриця запеваєт... — В данном случае, по-видимому, имеется в виду народная песня «Пішов Гриць, зажурився», сочинение которой современники приписывали Квитке.

[^^^]

Василий Иванович Штернберг (1818–1845) — живописец, близкий товарищ Шевченко по Академии художеств.

[^^^]

Иван Подкова (стр. 67). — *Иван Подкова* — один из казацких предводителей («ватажков») в походах против турок и турецкого вассала, молдавского господаря. Приписываемое ему Шевченко участие в походе запорожцев на Стамбул является анахронизмом.

[^^^]

Лиман — устье Днепра и Буга.

[^^^]

Синоп — турецкий порт на южном берегу Черного моря.

[^^^]

Царъград — Константинополь, Стамбул.

[^^^]

Тарасова ночь (стр. 69). — Поэма основана на летописном рассказе о казацком гетмане Тарасе Федоровиче, прозванном запорожцами Трясилом, который возглавил в 1630 году народное восстание против польской шляхты. 25 мая 1630 года польское войско было разгромлено казаками. Это поражение было названо народом «Тарасовою ночью».

[^^^]

Наливайко — Северин Наливайко, один из казацких предводителей в народной войне с польской шляхтой (конец XVI в.). Попав в плен, был зверски замучен.

[^^^]

Павлюга — Павел Бут, предводитель казацкого противошляхетского восстания 1637 года. Восстание закончилось неудачей, а сам Павел был казнен (1637 г.). Упоминание Павлюги бреди соратников Тараса Трясила является анахронизмом.

[^^^]

Трубайло — народное название реки Трубеж, одного из левых притоков Днепра.

[^^^]

Конецпольский Станислав (1591–1648) — польский полководец, возглавивший шляхетское войско в походе на Украину и потерпевший поражение во время Тарасовой ночи.

[^^^]

Альта — приток Трубежа.

[^^^]

Н. Маркевичу (стр. 73). — Николай Андреевич *Маркевич* (1804–1860) — поэт, историк, этнограф. С Шевченко познакомился в 1840 году, приехав в Петербург хлопотать о цензурном разрешении написанной им пятитомной «Истории Малороссии». Стихотворение написано в связи с именинами Маркевича, 9 мая 1840 года.

[^^^]

На память Штернбергу (стр. 74). — Стихотворение было написано на экземпляре «Кобзаря», подаренном Штернбергу перед его отъездом в Италию. См. также прим. к стих. «Иван Подкова» (см. коммент. 27 — верстальщик).

[^^^]

Гайдамаки (стр. 75). — В основу сюжета поэмы положены события большого крестьянского восстания на Правобережной Украине в 1768 году (так называемой «Колиивщины»), которое было вызвано национальным и религиозным гнетом со стороны польской шляхты.

В своей поэме Шевченко основывался не столько на документальных исторических источниках, сколько на народных преданиях, дававших иное, демократическое понимание событий.

[^^^]

«Гайдамаки» посвящены *Василию Ивановичу Григоровичу* (1786–1865), конференц-секретарю Академии художеств (об этом см. на стр. 614 настоящего издания) (см. "Автобиография" — верстальщик).

[^^^]

Скутари — предместье Стамбула, на малоазийском берегу Босфора.

[^^^]

Хортица — остров на Днепре; в XVI веке на нем была расположена Запорожская Сечь.

[^^^]

Тма, мна знаю; а оксию не знаю доныне... —
Имеется в виду слоговое обучение грамоте по старинным церковно-славянским букварям. Оксия — ударение в церковно-славянской азбуке.

[^^^]

Есть у меня батько славный... — Здесь и дальше поэт имеет в виду В. И. Григоровича.

[^^^]

Ян Собеский — король польский в 1674–1697 годах.

[^^^]

Стефан Баторий — король польский в
1576–1587 годах.

[^^^]

Короли сбегают... — Намек на польского короля Генриха Валуа (1573–1575), возвратившегося во Францию из-за своих разногласий со шляхтой.

[^^^]

Не разрешаю! — В польском сейме все решения должны были приниматься единогласно. Достаточно было хотя бы одному из участников сейма заявить о своем несогласии — и внесенное предложение считалось отвергнутым.

[^^^]

Понятовский Станислав Август — последний польский король (1764–1795).

[^^^]

На клич Пулавского и Паца... — Имеются в виду шляхтичи — руководители феодального восстания

[^^^]

Энциклопедический лексикон, том 5. Барская конфедерация и «Historja Królestwa Polskiego» g. s. Bandtke, tom 2. (прим. Т. Шевченко).

[^^^]

...гайдамаки ножи освятили. — Безоружное украинское крестьянство сражалось главным образом ножами, насаженными на колья (отсюда и название движения: Колиивщина). В знак правоты начатого дела ножи святились, то есть над ними отправлялся молебен.

[^^^]

Вильнана, или Ольшана, — местечко Киевской губернии, Звенигородского уезда; между Звенигородкою и Вильшаной, по старой дороге. Боровиков хутор и корчма, в которой Ярма Байстюк, а потом Галайда, был у еврея ба-траком (от старых людей). (*прим. Т. Шевченко*).

[^^^]

Ярема слушает молчком. — Образ Яремы Гайды (то есть Бездомного) вымышлен поэтом, однако в народных преданиях о Коливщине не раз упоминается о каком-то гайдамаке, бывшим батраком у шинкаря.

[^^^]

Литания — одна из служб в католической церкви.

[^^^]

«Еще Польша не згинела...» — начальные слова польского гимна.

[^^^]

Неуниатов ляхи называли схизматами.
(прим. Т. Шевченко).

[^^^]

Ктитор — церковный староста.

[^^^]

Про конфедератов так рассказывают очевидцы; и не удивительно — это ведь была все шляхта з honorem, без дисциплины; работать не хочется, а есть надо. (*прим. Т. Шевченко*).

[^^^]

Анахронизм: ктитора ляхи замучили зимою,
а не летом. (*прим. Т. Шевченко*).

[^^^]

Праздник в Чигирине. — Весь этот раздел поэмы целиком основан на народных преданиях, не всегда имевших историческую основу. В действительности гайдамаки начали поход из Мотронинского монастыря, неподалеку от Чигирина; здесь же произошло и «освящение ножей». Чигирин одно время был резиденцией украинских гетманов.

[^^^]

Праздник Маковея — точнее, Маккавеев (1 августа ст. ст.).

[^^^]

Тясмин — один из правых притоков Днепра.

[^^^]

Старый Головатый... — Имя придумано поэтом.

[^^^]

За гайдамаками ходил кобзарь; его называли слепым Валахом (дед рассказывал). (прим. Т. Шевченко).

[^^^]

Ой, валахи!.. — Валахами называли румын и молдаван, находившихся под турецким владычеством. Упоминание о Богдане Хмельницком объясняется тем, что ему удалось установить тесные связи запорожских казаков с Молдавией.

[^^^]

Черный шлях начинался у Днепра между устьями речек Сокировки и Носачовки и шел через Запорожские степи, через воеводства Киевское, Подольское и Волынское на Червонную Русь до Львова. Черным он назван потому, что татары ходили по нему в Польшу и своими табунами вытаптывали траву. (прим. Т. Шевченко).

[^^^]

Конашевич. — Имеется в виду Петр Конашевич-Сагайдачный, украинский гетман в 1614–1622 годах.

[^^^]

Павла Наливайка заживо сожгли в Варшаве, Ивана Остраницу и тридцать казацких старшин после страшной муки четвертовали и развезли их тела по всей Украине. Зиновий Богдан и сын его Тимофей были похоронены в Субботове около Чигирина; Чарнецкий, коронный гетман, не взяв Чигирина, со злости сжег их трупы (Георгий Конисский). *(прим. Т. Шевченко).*

[^^^]

Полковник Богун потопил ляхов в Ингуле, Зиновий Богдан вырезал сорок с чем-то тысяч ляхов над Росью в Корсуне. Тарас Трясило вырезал ляхов над Альтою, и ночь, в которую это случилось, называется Тарасовой, или кровавой (Бантыш-Каменский). *(прим. Т. Шевченко).*

[^^^]

Воды Желтые — приток около устья реки Тясмина; здесь 6 мая 1648 года Богданом Хмельницким было наголову разбито шляхетское войско.

[^^^]

Тарас — Трясило; см. прим. к стих. «Тарасова
НОЧЬ».

[^^^]

Над их могилами платки. — Имеется в виду старинный казацкий обычай перевязывать кресты на казацких могилах платками.

[^^^]

Так про Чигиринский праздник рассказывают старые люди. (*прим. Т. Шевченко*).

[^^^]

Тарасова и Варфоломеева ночи одна другой
стоят, к стыду римской тиары. (*прим. Т. Шев-
ченко*).

[^^^]

Третьи петухи — сигнал; рассказывают, что есаул Зализняка, не дожидаясь третьих петухов, поджег Медведевку — местечко между Чигирином и Звееигородкой. (прим. Т. Шевченко).

[^^^]

Пиши Галайдою. — Гайдамаки переняли старинный запорожский обычай давать людям, перешедшим к ним, прозвища.

[^^^]

До унии казаки с ляхами жили мирно, и если бы не иезуиты, то, быть может, и не резались бы; иезуит Поссевин, панский легат, первый начал унию на Украине. (*прим. Т. Шевченко*).

[^^^]

Кереливка, или Кирилловка, — село Звенигородского уезда. Червонец, который дал Зализняк пареньку, и до сих пор хранится у сына этого паренька, я сам его видел. (*прим. Т. Шевченко*).

[^^^]

Село Будища, недалеко от Кирилловки; в овраге озеро, и над озером небольшой лес, называемый Гупаливщиною за то, что там Зализняк сбивал ляхов с деревьев. Погреба, где было спрятано шляхетское добро, существуют и поныне, но уже разрушаются. (прим. Т. Шевченко).

[^^^]

Венков не святили... — По народному обычаю, на Маковея святили девичьи венки.

[^^^]

Лысянка — местечко Звенигородского уезда, над речкой Гнилым Тикичем; здесь встретились Гонта с Зализняком и разорили старинный замок, построенный едва ли не Богданом. (*прим. Т. Шевченко*).

[^^^]

Вот копейка — знак имею. — По народному преданию, русские копейки служили гайдамакам знаком, посредством которого они узнавали друг друга.

[^^^]

Лебедин — девичий монастырь между Чигирином и Звенигородкой. (прим. Т. Шевченко).

[^^^]

Майдановка — село, недалеко от Лысянки.
(прим. Т. Шевченко).

[^^^]

Исайя, ликуй! — церковное песнопение во время свадебного обряда.

[^^^]

Умань — уездный город Киевской губернии.
(прим. Т. Шевченко).

[^^^]

Проходят дни, проходит лето... — В действительности восстание продолжалось менее двух месяцев, — 9 июня ст. ст. гайдамаки взяли Умань, а 27 июля царскими войсками были схвачены Зализняк и Гонта.

[^^^]

Kawaleria Narodowa — так назывались польские драгуны; их тогда было в Умани 3000, и все были побиты гайдамаками. (*прим. Т. Шевченко*).

[^^^]

Католичка вас на свет родила. — Весь этот эпизод поэт изложил в соответствии с народными преданиями. В действительности у Гонты был только один сын.

[^^^]

В Умани Гонта убил детей своих за то, что их мать, католичка, помогла иезуитам обратить их в католичество. Младанович, товарищ сыновей Гонты, видел с колокольни, как они умерли и как школяров базилианской школы Гонта утопил в колодце. Он много написал о гайдаматчине, но напечатано ничего не было. (*прим. Т. Шевченко*).

[^^^]

Где Гонта когда-то с Максимом гулял. — Родные места Шевченко находились в самом центре бывшей Колиивщины.

[^^^]

Дед еще гуляет, а батько в гробу. — Дед поэта, Иван Андреевич Швец, родился в 50-х годах XVIII века и был живым свидетелем (а возможно, и участником) Колиивщины. Его рассказы явились основным источником поэмы. Отец Шевченко, Григорий Иванович, умер в 1825 году.

[^^^]

Вероломством взяли ляхи Гонту и страшно замучили. Привезли его в кандалах в польский, лагерь недалеко от Балты с отрезанным языком и правою рукой; Браницкий, польский генерал, велел так сделать, чтоб он чего-нибудь не сказал про него. Потом палачи раздели его, как мать родила, и посадили на раскаленное железо; потом сняли двенадцать полос кожи со спины. Гонта повел глазами и страшно глянул на Браницкого; тот махнул рукой — и розняли Гонту на четыре части, развезли тело и прибили на перекрестках дорог. Зализняк, услышавши, что так страшно поляки замучили Гонту, заплакал, захворал и умер; его гайдамаки схоронили в степи над Днестром и разошлись. (прим. Т. Шевченко).

[^^^]

Вор, разбойник или гайдамак — такими остались гайдамаки после Колиивщины, такими они слывут и до сих пор. (*прим. Т. Шевченко*).

[^^^]

Марьяна-черница (стр. 143). — Поэма осталась незаконченной.

[^^^]

Оксана К...ко — Оксана Коваленко, крепостная девушка, подруга детских лет поэта. О ее последующей судьбе «покрытки», обольщенной и покинутой девушки, не раз вспоминает Шевченко в стихотворениях: «Мы вместе некогда росли...», «Три года», «Не молилась мать за сына...», «Тогда мне лет тринадцать было...»

[^^^]

С кем пела Петруся.. — то есть народную песню «Люблю, мама, Петруся».

[^^^]

Ну, точь-в-точь — сынок Катруси... — то есть Катерины — героини одноименной поэмы Шевченко.

[^^^]

Гамалия (стр. 188). — Поэма воспроизводит картину одного из казацких набегов на Стамбул в XVII веке. Имя самого Гамалии не раз упоминается в казацких летописях, однако поэт не стремился придать герою поэмы исторически верные черты, а хотел дать обобщенный образ запорожского атамана.

[^^^]

Шлык — бархатный или шелковый цветной (чаще всего красный) верх высокой смушковой шапки, свешивавшийся набок.

[^^^]

Луг Великий — низменность по левому берегу Днепра, от Запорожья до устья.

[^^^]

...Гамалия дубом управляет. — Дубами назывались казацкие весельные лодки; их делали из выдолбленного или выжженного цельного ствола дерева, чаще всего дуба.

[^^^]

Монах — народное прозвище гетмана Конашевича-Сагайдачного. По народному преданию, конец жизни он провел в монастыре, в действительности Сагайдачный умер от ран, полученных в бою.

[^^^]

Галата — один из районов Стамбула.

[^^^]

О Богдан мой... — Отношение Шевченко к Богдану Хмельницкому было противоречивым и не всегда ровным.

[^^^]

Овладели чужеземцы моими степями... —
Русские цари, начиная с Екатерины II, охотно раздавали степные земли на Украине колонистам, выходцам из других стран.

[^^^]

«*Чигрине, Чигрине...*» (стр. 207). — Стихотворение подводит итоги впечатлений почти годичной поездки поэта на Украину (весна 1843 г. — февраль 1844 г.). О Чигирине см. выше, прим. к поэме «Гайдамаки».

[^^^]

Стали хлопцев заковывать в цепи... — Во времена Шевченко отданных в рекруты крестьян заковывали в цепи или набивали им на ноги колодки — во избежание побегов.

[^^^]

Сон (стр. 218). — Подзаголовок поэмы — «Комедия» — имел в виду не столько обозначить литературный жанр произведения, сколько, по аналогии с «Божественной Комедией» Данте, направить мысль читателя в сторону широкого истолкования отдельных картин и зарисовок.

[^^^]

То идут, гремя цепями, все живые люди... — Самодержавное правительство издавна широко использовало Сибирь как место политической ссылки. Ниже поэт дает обобщенный образ политического ссыльного.

[^^^]

С казенными пуговками... — в форменном мундире.

[^^^]

Сам и царица убогая — сатирические портреты Николая I и его жены, Александры Фёдоровны.

[^^^]

А за рекою крепость с колокольней... — Петропавловская крепость и Петропавловский собор в Петербурге.

[^^^]

...*конь летит...* — памятник Петру I на Сенатской площади в Петербурге, поставленный Екатериною II, с надписью, которую Шевченко цитирует дальше: «*Первому — вторая*».

[^^^]

Этот — первый, распинал он нашу Украину. —
Петр I щедро раздавал своим приближенным
земли на Украине, требуя взамен отправки
казаков и крестьян на строительные работы,
в частности — на строительство Петербурга;
поэтому немного ниже и в других стихотворе-
ниях Шевченко говорит, что Петр *засыпал*
трясины благородными костями и т. д.

[^^^]

А вторая доконала вдову-сиротину. — Екатерина II уничтожила Запорожскую Сечь (1775 г.) и закрепила крестьян на Украине (1783 г.).

[^^^]

Полки выступали с заступами на линию... — «Линией» в XVII–XVIII веках называлась южная укрепленная граница русского государства. По приказу Петра казацкие полки производили большие земляные работы: копали рвы и насыпали валы на «Линии».

[^^^]

Умер я голодной смертью, тобою замучен, в кандалах!... — Весь этот отрывок написан от имени гетмана Павла Леонтьевича Полуботка (1660–1724), который добивался у Петра I расширения гетманских прав, существенно ограниченных после измены Мазепы, и уничтожения образованной в Москве особой «Малороссийской коллегии». После смерти Полуботка, заточенного в Петропавловскую крепость, о нем создавалась легенда как о борце, погибшем за украинский народ.

[^^^]

«В воскресенье не гуляла...» (стр. 233). — В стихотворении использованы мотивы чумацких песен («Смерть чумака в дороге», «Смерть чумака и милая кукушка» и др.).

[^^^]

С Дона — один из обычных маршрутов чумацких «валок» (обозов).

[^^^]

«Зачаруй меня, волшебник...» (стр. 236). — Стихотворение обращено к знаменитому актеру Михаилу Семеновичу Щепкину (1788–1863), одному из близких друзей поэта. Посвящение и обращение к Щепкину подсказано, вероятно, его гастролями в Петербурге с половины сентября по ноябрь 1844 г.

[^^^]

Гоголю (стр. 236). — Шевченко и Гоголь не были знакомы лично. В стихотворении Шевченко есть намеки на творчество Гоголя («Тарас Бульба»), что является свидетельством глубокого преклонения перед великим русским писателем «как пред человеком, одаренным самым глубоким умом и самую нежною любовью к людям».

[^^^]

Еретик (стр. 238). — Деятельность вождя чешского народа Яна Гуса (1369–1415) интересовала поэта как историческое свидетельство извечной борьбы со всякими поработителями и угнетателями.

[^^^]

Поэма посвящена Павлу Йосефу *Шафарику* (1795–1861), выдающемуся чешскому ученому и одному из идеологов национального возрождения чешского народа. С его деятельностью Шевченко познакомился, вероятно, по рассказам московского славяноведа О. М. Бодянского, который лично хорошо был знаком с Шафариком.

[^^^]

Семью славян разъединила... — Германские императоры, в своем «стремлении на Восток» с целью распространения границ своих владений, беспощадно закабалили и физически уничтожили ряд славянских племен.

[^^^]

Сосчитал ты до едина — сосчитал лишь трубы... — В 1837 году вышла в свет книга Шафарика «Славянские древности» (русский перевод О. М. Бодянского появился в 1837–1838 гг.). В этом труде упоминались также славянские племена, прекратившие свое историческое существование под натиском германской экспансии.

[^^^]

Констанцский — муж великий, правый... — то есть Гус. В 1414 году в г. Констанце (Южная Германия) был созван церковный собор, потребовавший от Гуса оправдания от обвинений в ереси. Хотя император гарантировал ему личную неприкосновенность, тем не менее по приезду в Констанцу он был заточен в темницу, осужден на смерть и сожжен (6 июля 1415 г.) как «нераскаявшийся еретик».

[^^^]

«Кругом неправда и неволя...» — Первые восемь строк поэмы очень рано сделались одной из революционных песен.

[^^^]

Он кровью, как в шинке, торгует... — Подразумевается широкая торговля папскими грамотами (индульгенциями), дававшими, за соответствующую плату, «отпущение грехов».

[^^^]

Распадутся три короны высокой тиары... — Папский головной убор — тиара — состоит из трех корон (венцов), расположенных одна над другой.

[^^^]

Вифлеемская каплица — небольшая церковь в Праге, в которой служил и проповедовал Гус.

[^^^]

Конклав — собрание высшего католического духовенства (кардиналов), обычно созываемое для выборов нового папы.

[^^^]

Зашептались антипапы... — Во время острых распрей внутри католической церкви (XIV–XV вв.) бывали случаи, когда князья церкви или императоры, недовольные деятельностью паны, добивались объявления его низложенным и избирали нового. Папы, не признанные позднейшей церковной историей, и называются антипапами.

[^^^]

Уж гогочут гуси... — то есть поднимаются сторонники Гуса.

[^^^]

И кесаря, и Вячеслава... — Имеются в виду германский император Сигизмунд (1361–1437) и чешский король Вацлав IV (1361–1419), брат Сигизмунда.

[^^^]

Тебя, господи... — начальные слова католической молитвы.

[^^^]

Старый Жижка... — Ян Жижка (1360–1424), военный руководитель народной войны, вспыхнувшей в Чехии после убийства Гуса и имевшей своим центром город Табор.

[^^^]

Братство — обиходное название школы, основанной в 1615 году при Богоявленском монастыре в Киеве религиозно-просветительской организацией («Братством») и поддерживавшейся казачеством и городскими ремесленниками. В XVII–XVIII веках киевская школа «Братства» вместе с Киевской же академией были основными источниками грамотности и просвещения на Украине.

[^^^]

Межигорский Спас — монастырь неподалеку от Киева; он считался «запорожским», так как казачество материально поддерживало его.

[^^^]

Почаев — местечко на Волыни, известное с давних пор своей «лаврой» (то есть большим мужским монастырем, который имел самостоятельную организацию и не был подчинен местному духовному начальству) и многими «святынями» в ней, привлекавшими богомольцев.

[^^^]

В воскресенье раным-рано... — Дума, которую поет кобзарь Степан, справедливо считается одним из блестящих, художественно совершенных подражаний народному песенному творчеству. Она давно вошла в репертуар народных кобзарей и сохраняется в нем вплоть до настоящего времени.

[^^^]

...за Тендер прогуляться... — то есть выйти в открытое море. Тендер — некогда остров в Черном море, у Днепровского лимана, ныне — узкая песчаная коса.

[^^^]

Янычары — то есть «новые войска» (*турецк.*), регулярная турецкая пехота, пополнявшаяся насильно обращенными в магометанство детьми христиан.

[^^^]

Новой Сечью стали. — Часть запорожцев после разрушения Запорожской Сечи переместилась на Дунай и образовала так называемую Задунайскую Сечь; в 1828 году казаки, во главе со своим кошевым атаманом О. Гладким, возвратились в Россию.

[^^^]

Как царица по Киеву с Нечосом гуляла... —
Здесь и дальше имеется в виду поездка Екатерины II по Днепру на Украину и в Крым (1787 г.). Нечосом запорожцы называли Г. А. Потемкина (1739–1791).

[^^^]

Кирилл — К. Г. Разумовский (1728–1803), последний гетман Украины (1750–1764 гг.).

[^^^]

Головатый. — Войсковой писарь А. В. Головатый (умер в 1797 г.) после уничтожения Запорожской Сечи добился образования особого Черноморского казачьего войска (1787 г.) и вывода его на Кубань (1792 г.).

[^^^]

И тихонько напевают... — Далее перечисляются названия нескольких украинских исторических песен.

[^^^]

Про славу Максима. — О Максиме Железняке и Гонте см. выше, прим. к «Гайдамакам». (Железняк = Зализняк — верстальщик).

[^^^]

Подземелье (стр. 267). — Поэма Шевченко живо перекликается с рядом других его произведений, а также с некоторыми произведениями русской литературы (А. В. Тимофеева, В. К. Кюхельбекера), которые могли подсказать и самое обозначение поэмы как «мистерии». Как указывал академик А. И. Белецкий, «стимулами к созданию поэмы послужили грустные впечатления, оставшиеся у поэта после поездок на Украину, его участие в собраниях Кирилло-Мефодиевского общества и другие биографические факты 40-х годов. Воспоминания об исторических событиях прошлого в значительной мере связаны с изложением и освещением их в «Истории Русов». «Символический образ «подземелья», — продолжал А. И. Белецкий, — расшифрован потом в эпилоге поэмы^[27]. Сокровища «подземелья»... — это бессмертная сила народа... которая вселяет в поэта трезвую веру, что «вновь восстанет Украина, свет правды засветит», победит и царизм, и его прислужников, не нуждаясь ни в каком «мессии», что револю-

ция является исторической закономерностью».

[^^^]

Субботово — село близ Чигирина, некогда принадлежавшее Богдану Хмельницкому; здесь он был похоронен. В середине 40-х годов XIX века в Субботове велись археологические раскопки, в которых летом 1845 года принял участие Шевченко.

[^^^]

...с *Юрусем-гетманичем*... — то есть с младшим сыном Богдана Хмельницкого — Юрием, гетманом Украины в 1659–1663 и в 1677–1681 годах.

[^^^]

Филиппов пост — начинался 14 ноября и продолжался до рождества (25 декабря).

[^^^]

С полными прошла пред ними... — По народной примете, если девушка или женщина перейдет дорогу с полными ведрами, то это принесет счастье.

[^^^]

...как ехал в Москву из Полтавы. — Подразумевается Петр I, возвращавшийся в Москву после победы над шведами под Полтавой 27 июня 1709 года.

[^^^]

*Как Батурин славный рать царева подпалила,
Чечеля убила...* — Сторонник Мазепы, казацкий полковник Чечель, оказал в Батурине упорное сопротивление русским войскам; в результате бессмысленного боя погибло много мирных жителей и сам город — резиденция Мазепы — был сожжен.

[^^^]

...когда царица в Канев проезжала. — См. выше, прим. к поэме «Слепой» (см. коммент. 147 — верстальщик).

[^^^]

Над Славутой — над Днепром.

[^^^]

Чута — лес неподалеку от Запорожской Сечи на о-ве Хортица.

[^^^]

Радзивиллы, Потоцкие — знатные польские магнаты, отстаивавшие восстановление шляхетского государства.

[^^^]

Три указа накаркала на одну дорогу... — Имеется в виду железная дорога между Петербургом и Москвой, строительство которой было начато в 1843 году и велось с небывалой, жестокой эксплуатацией рабочих (в большинстве — крепостных). (Ср. дальше:...шесть тысяч в одной версте душ передушила...).

[^^^]

С фон Корфом! — Барон Ю. Ф. Корф — крупный подрядчик на строительстве Николаевской железной дороги. Его имя получило печальную известность в связи с большими волнениями рабочих в декабре 1843 года.

[^^^]

Пролили вы реки крови... — Имеется в виду польское восстание 1830–1831 годов.

[^^^]

Карамзина... прочитали... — «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина.

[^^^]

Шведский *проходимец...* —
(1682–1718), король шведский.

Карл XII

[^^^]

Сулу в Ромнах запрудила только старшинами... — В Ромнах в 1708–1709 годах располагалась главная квартира Карла XII и Мазепы.

[^^^]

Финляндию засеяла... и дальше — казацкие войска и украинские крестьяне принимали участие в строительстве крепостей и других военных сооружений в Финляндии, в строительстве Петербурга, в укреплении «Линии», которая проходила по реке Орели (левый приток Днепра).

[^^^]

И гетмана Полуботка в тюрме задушила. —
См. выше, прим. к поэме «Сон» (см. коммент.
120 — верстальщик).

[^^^]

А в Иржавце мать божья ночью зарыдала
. — Легенду о «чудесной» иконе, оплакивавшей народные бедствия, Шевченко использовал позднее в поэме «Иржавец».

[^^^]

С Мучителем покутила, с Петрухою попила...
— Мучитель — вероятно, Иван Грозный; Петруха — Петр I.

[^^^]

В «Пчеле» описали. — Имеется в виду газета «Северная пчела».

[^^^]

Ярчук — собака с волчьими зубами.

[^^^]

...и Желтые Воды, и местечко Берестечко. — Имеются в виду битва в урочище Желтые Воды (6 мая 1648 г.), где казацкое войско разбило войска Стефана Потоцкого, и сражение под Берестечком (на Волыни) в июне 1651 года, где произошла кровавая битва между казацкими войсками Богдана Хмельницкого и шляхетской армией.

[^^^]

«*Стоит в селе Субботове...*» (стр. 282). — Стихотворение близко связано с поэмой «Подземелье».

[^^^]

Байстрюки Екатерины. — Имеются в виду потомки тех приближенных Екатерины II, которым она щедро раздавала богатые земли в украинских степях («Новороссии»).

[^^^]

Зиновий, с Алексеем дружный! — Зиновий — второе имя Богдана Хмельницкого. Алексей-Алексей Михайлович, царь московский в 1645–1676 годах.

[^^^]

Наймичка (стр. 283). — «Наймичка» примыкает к циклу поэм Шевченко о горькой доле украинской крестьянки. В ссылке (приблизительно в 1853–1854 г.) он написал на этот же сюжет одноименную повесть.

[^^^]

Городище — название нескольких местечек и крупных сел на Украине в бывших Киевской и Полтавской губерниях.

[^^^]

С хлебом святым, обмененным. — По украинскому народному обычаю, девушка, соглашаясь на брак, передавала сватам для жениха вышитое полотенце и обменивала хлеб, принесенный ими, на выпеченный ею.

[^^^]

Кавказ (стр. 297). — Поэма посвящена Якову Петровичу де Бальмену (1813–1845), офицеру, увлекавшемуся рисованием и литературой. Шевченко познакомился и сдружился с ним на Украине в 1843 году. В 1845 году де Бальмен был убит на Кавказе.

[^^^]

...царь свиней когда-то пас... — Имеется в виду библейская история царя Давида, который отобрал у своего военачальника Урии жену, Вирсавию, а самого Урию послал на войну, где тот и был убит. Позднее Шевченко воспользовался этим сказанием для разоблачения самого существа царской власти, связанных с нею произвола, жестокости и насилия («Цари», отчасти «Саул»).

[^^^]

Коллар Ян (1793–1852), *Павел Йосеф Шафарик* (см. выше, прим. к поэме «Еретик»), *Вацлав Ганка* (1791–1861) — деятели чешского и словацкого национально-освободительного движения, идеологи культурного и политического сближения славянских народов.

[^^^]

Брут. — Имя Марка Юния Брута, убившего Юлия Цезаря, сделалось нарицательным для определения страстных и принципиальных сторонников республиканского строя.

[^^^]

Коклес — Публий Горацій Коклес (VI в. до н. э.), по преданию, один оборонял Сублициев мост в Риме от нападения этрусков, угрожавших Римской республике.

[^^^]

Трапезунд — турецкий порт на южном берегу
Чёрного моря.

[^^^]

А на Сечи мудрый немец вырастил картошку... — Двойной намек: во-первых, на начавшееся со времен Екатерины II заселение украинских степей выходцами из стран Западной Европы и Балканского полуострова, во-вторых, на то, что немцы-колонисты принесли с собою культуру картофеля, до тех пор на Украине неизвестную.

[^^^]

Холодный Яр (стр. 308). — Стихотворение написано в связи с выходом клеветнической по отношению к украинскому народу книги А. А. Скальковского «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII ст. (1738–1768)», Одесса, 1845.

Холодный Яр — лес неподалеку от Чигиринна и Мотронинского монастыря (монастыря Мотроны); в нем собирались крестьяне — участники восстания 1768 года.

[^^^]

Не зовите преподобным лютого Нерона, — В черновом варианте поэт раскрыл этот образ, написав: «Не зовите преподобным Миколу-Нерона», то есть Николая I. Нерон (37–68) — римский император, известный своей жестокостью и самодурством.

[^^^]

Псалмы Давида (стр. 310). — Обращаясь к произведениям библейской поэзии — псалмам, Шевченко использовал образы и фразеологию Священного писания в публицистических целях. Особенно убедительно в этом отношении упоминание в последнем из псалмов (149) о «царях насытых». Не исключено, что Шевченко предполагал использовать эти свои произведения для революционной пропаганды среди крестьянства.

[^^^]

Иаков — в Библии родоначальник израильского народа.

[^^^]

Аарон — в Библии еврейский первосвященник.

[^^^]

Сион — холм в Иерусалиме, на котором, по преданию, был расположен главный храм иудеев. Позднее — синоним Иерусалима.

[^^^]

Маленькой Марьяне (стр. 318). — Стихотворение обращено, по-видимому, к кому-то из знакомых поэта в с. Вьюнице, где он проживал в декабре 1845 года.

[^^^]

Три года (стр. 319). — Название этого стихотворения поэт распространил на весь цикл стихотворений, написанных в 1843–1845 годах и составивших объемистую тетрадь, отобранную у него при аресте; настоящее стихотворение, заключая цикл, вместе с тем подытоживало настроения, владевшие поэтом в эти переломные для него годы.

[^^^]

«Благодеяние, что бедным с манифестом снится». — Ироническое упоминание о царских «манифестах», объявлявших, в связи с памятливыми событиями в царской семье, ничтожные «милости» для народа, вроде сложения безнадежных недоимок и т. п.

[^^^]

Лилея (стр. 322). — Три поэмы — «Лилея», «Русалка», «Осина» («Ведьма») — должны были составить второй выпуск «Кобзаря». Издание сборника, по предположениям поэта и его друзей, дало бы Шевченко материальную возможность уехать за границу.

[^^^]

Цвет мой королевский... — душистый горошек.

[^^^]

Ведьма (стр. 327). — Поэма первоначально называлась «Осина». Ее сюжет отчасти перекликался с сюжетом ранней поэмы Шевченко «Катерина». Однако, в отличие от «Катерины», Шевченко настойчиво подчеркивал в «Осине» основную причину всех бедствий героини — распущенность и своеволие помещиков, безнаказанно попиравших человеческое достоинство крепостных. В марте 1858 года Шевченко переработал поэму, назвав ее «Ведьмой».

[^^^]

В канун осеннего Николы... — то есть около 6 декабря ст. ст.

[^^^]

Была недавно, да прошла. Старейший умер старшина. — По-видимому, имеются в виду русско-турецкая война 1828–1829 годов и смерть фельдмаршала И. И. Дибича (1831 г.), главнокомандующего русскими войсками в этой войне.

[^^^]

«Припомним, братия моя...» (стр. 341). — Это стихотворение было использовано поэтом в качестве своего рода предисловия к циклу, написанному в период с 17 апреля по 30 мая 1847 года, в тюремном помещении III Отделения. При окончательной обработке, в 1858 году, цикл получил название «В каземате» и посвящение — «Моим соузникам».

[^^^]

А его забудьте, други... — Возможно, поэт имеет в виду студента А. М. Петрова, провокатора, выдавшего участников Кирилло-Мефодиевского общества.

[^^^]

И меня в неволе лютой порой вспоминайте. — Шевченко распространял на товарищей по тюрьме собственную тяжелую судьбу. В действительности большинство участников Общества, после непродолжительного заключения, были отправлены в разные губернские города в Европейской России и определены на казенную службу.

[^^^]

I. «Ой, одна я, одна...» (стр. 342). — Этим стихотворением, собственно, и начинается «казематный» цикл — тринадцать стихотворений, написанных на полях какой-то книги, выданной поэту для чтения (по-видимому, это была Библия). Отправляясь в ссылку, Шевченко оторвал исписанные полоски бумаги и пронес их с собою в сапоге.

[^^^]

II. «За оврагом овраг...» (стр. 342). — Используя распространенный в украинской романтической поэзии образ старого казака (гетмана или бандуриста), вставшего из могилы и сравнивающего идеализированное героическое прошлое Украины с ее настоящим, Шевченко своеобразно переосмысливает его. Казака-изменника не принимает земля, так как он в свое время по приказу гетмана гнал, «как стадо», украинских крестьян в неволю к крымскому хану. В данном случае, по-видимому, имеется в виду гетман Петр Дорошенко, который действительно по договору с ханом выдал ему в рабство тысячи украинских казаков и мирных крестьян. Возможно, что образ предателя возник в творческом воображении Шевченко в связи с провокацией А. Петрова (см. выше).

[^^^]

III. «Мне, право, все равно, я буду...» (стр. 343) — Стихотворение отражает отдельные моменты допросов поэта в III Отделении. Основным обвинительным материалом против Шевченко послужили его поэтические произведения и их успех в самых широких массах. Независимо от наиболее тяжелой «вины» поэта — поэмы «Сон», жандармские следователи пришли к выводу, что стихи Шевченко «вдвойне вредны и опасны», так как, дескать, с ними «в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастье возвратить эти времена и о возможности Украине существовать в виде отдельного государства». Эти измышления, очевидно, фигурировали и на допросах. Ответом на эти «наращения» и является настоящее стихотворение.

[^^^]

V. «Зачем ты ходишь на могилу?...» (стр. 345). — В украинском песенном фольклоре образ калины на могиле близкого человека неизменно связывается со слезами и печалью близких.

[^^^]

VII. *Н. Костомарову* (стр. 347). — Николай Иванович *Костомаров* (1817–1885) — историк, поэт, драматург, беллетрист; организатор Кирилло-Мефодиевского общества. В середине 40-х годов познакомился с Шевченко в Киеве. В основе стихотворения лежит действительный случай: поэт из окна своей камеры увидел во дворе III Отделения мать Костомарова (по рождению крепостную крестьянку), добившуюся свидания с сыном.

[^^^]

VIII. «Вишневый садик возле хаты...» (стр. 348). — Одно из любимых стихотворений Шевченко. Он охотно и часто вписывал его в альбомы, дарил автографы знакомым, иногда давая им заглавия: «Вечер», «Весенний вечер», «Майский вечер».

[^^^]

XII. «Сойдемся ли мы с вами снова?...» (стр. 351). — В отличие от других стихотворений цикла, недатированных, данное стихотворение снабжено датой: «30 мая 1847 г.». Это — день объявления участникам Кирилло-Мефодиевского общества приговора по их «делу» после утверждения Николаем. В этот же день Шевченко был отправлен в ссылку с фельдъегерем. Стихотворение обращено к «соузникам» поэта.

[^^^]

И меньше белой не дарила — то есть меньше двадцатипятирублевой ассигнации.

[^^^]

«Думы мои, думы мои...» (стр. 353). — Этим стихотворением начинается первая из записных книжек Шевченко, куда он вписывал в ссылке свои произведения до мая 1850 года.

[^^^]

Княжна (стр. 355). — В 1854 году Шевченко воспользовался сюжетом «Княжны» для одной из первых своих повестей — «Княгиня».

[^^^]

Как Ченчи, за кинжал возьмись... — Беатриче Ченчи, дочь римского дворянина XVI века, по преданию, заколола кинжалом отца, пытавшегося ее обесчестить.

[^^^]

Н. Н. («Тогда мне лет тринадцать было...») (стр. 367). — Автобиографический подтекст этого и предыдущего стихотворения давал основания предполагать, будто инициалы *Н. Н.* скрывают посвящение подруге детских лет поэта, Оксане Коваленко (см. прим. к поэме «Марьяна-черница») (см. коммент. 98 — *верстальщик*).

[^^^]

Сон (стр. 369). — Стихотворение вызвано воспоминаниями поэта о поездках по Украине в 1845 году, по поручению Киевской археографической комиссии.

[^^^]

Выблый курган, — Как пояснял сам Шевченко в своих археологических записях, «между местечками Березанью и Яготином, в 15 верстах от Переяслава, огромное древнее земляное укрепление, план которого никак понять нельзя по различным направлениям валов. Предание говорит, что какая-то княжна переяславская Домна защищалась здесь от неприятелей (неизвестно, от каких) и была ими побеждена, и укрепление разрушено, почему и названо Выбле, то есть выбылое, оставленное».

[^^^]

Трахтемиров — местечко неподалеку от Переяслава, на противоположном, гористом берегу Днепра.

[^^^]

Монастырище — село поблизости от Трахтемирова, основанное, по преданию, на месте бывшего монастыря.

[^^^]

И гетманщина вся кругом. — В XVII–XVIII веках гетманщиной назывались украинские земли на левом берегу Днепра, входившие в состав Московского государства и сохранявшие до второй половины XVIII века некоторые особенности казацкой администрации.

[^^^]

Собор Мазепы в лучах сияет... — Вознесенский собор в Переяславе, построенный Мазепой в 1701 году.

[^^^]

Курган Богданов... — Как объяснял Шевченко в своих археологических записях, «по Золотоношской дороге в семи верстах от города [Переяслава] высокий курган, называемый Богданова могила».

[^^^]

К холмам Трех Братьев склонились ивы... —
«По киевской дороге в пяти верстах от Переяслава над самой дорогой три высокие кургана, называемые Три-братни могилы» (из археологических записей Шевченко).

[^^^]

Иржавец (стр. 374). — В основе поэмы лежат, с одной стороны, народные легенды о «чудо-творной» иконе, хранившейся в селе Иржавец, с другой — исторические предания о кошевом атамане К. Гордиенко, которому обманом удалось увлечь за собою, после Полтавской битвы, часть запорожцев в пределы Крыма.

[^^^]

Убегали с Мазепою... — После Полтавской битвы остатки шведской армии, вместе с немногочисленными казацкими отрядами, поддавшимся на уговоры Мазепы, бежали за Днестр, в турецкие владения.

[^^^]

Фастовский полковник — Семен Палий (около 1660–1710), один из популярных казацких военачальников. По наговорам Мазепы, был сослан в Сибирь и возвращен оттуда в начале 1709 года; см. о нем ниже, в прим. к стих. «Чернец» (см. коммент. 236 — верстальщик).

[^^^]

Прилуцкий полковник поганый — Игнатий Га-
лаган, который сначала перешел вслед за Ма-
зепой к шведам, затем выпросил себе у Петра
прощение и принял участие в разрушении
Запорожской Сечи.

[^^^]

Как в Глухове зазвонили, как пушки палили...
— Имеется в виду избрание, вместо Мазепы, нового гетмана Ивана Скоропадского. Начиная с 1708 года Глухов в течение некоторого времени был гетманской резиденцией.

[^^^]

Как людей погнали строить город на трясине
— то есть Петербург.

[^^^]

Н. Н. («О думы мои! О слава злая!..») (стр. 376). — Лицо, к которому обращено стихотворение, не установлено.

[^^^]

И грека доброго... — очевидно, философа Древней Греции Сократа.

[^^^]

«Когда мы были казаками...» (стр. 377). — Традиция связывает это стихотворение с именем близкого друга Шевченко по ссылке, польского революционера Бронислава Залеского (1820–1880). Но Залеский был сослан в Оренбург в начале 1848 года и познакомился с Шевченко лишь осенью 1849 года. По-видимому, ему было посвящено ранее написанное стихотворение, к которому были дописаны обращение: «*Поляк, и друг и брат мой!*»; а также заключительные строки.

[^^^]

Еще до унии — то есть до 1596 года, когда под давлением Ватикана было объявлено в западных землях Украины и Белоруссии «объединение» православной и католической церквей. Уния усилила закабаление народных масс польскими панами и католическим духовенством.

[^^^]

Чернец (стр. 378). — В основе поэмы лежат народные предания о Семене Палии и о престарелом запорожце, уходящем в монастырь «спасаться». Отождествление запорожца с полковником Семеном Палием сделано также на основании преданий; исторический Палий монахом не был и лишь похоронен в Межигорском монастыре, под Киевом.

[^^^]

Подол — Приднепровская часть Киева. В XVII–XVIII веках на Подоле помещалась «бурса», то есть Братская школа и Киевская академия (см. прим. к поэме «Слепой») (см. коммент. 140 — верстальщик).

[^^^]

Межигорский Спас — см. прим. к поэме «Слепой» (см. коммент. 141 — верстальщик).

[^^^]

Пугу! Пугу! — запорожское приветствие.

[^^^]

Вышгород — село на полдороге между Киевом и Межигорьсм.

[^^^]

И старый гетман, как сова... — Мазепа; далее пересказываются основные факты биографии Папия.

[^^^]

Платок (стр. 382). — Стихотворение является вариацией на темы украинских народных песен — о разлуке казака со своей возлюбленной и о его гибели в походе.

[^^^]

Пречистую поджидают... — то есть церковного праздника успения богородицы (15 августа ст. ст.), когда, по окончании длительного успенского поста и летних полевых работ, на селе игрались свадьбы.

[^^^]

Славных компанейцев... — Компанейские, или охочекомонные, полки в казацком конном войске — наемная легкая конница.

[^^^]

Рушницу — длинное крепостное ружье.

[^^^]

Характерник с Сечи... — Характерниками, то есть колдунами, назывались старые запорожцы.

[^^^]

А. О. Козачковскому (стр. 384). — Андрей Осипович *Козачковский* (1812–1889), переяславский врач, близкий приятель Шевченко.

[^^^]

Перепишу Сковороду... — песни («псалмы»), сочиненные известным странствующим украинским поэтом и философом Григорием Саввичем Сковородою (1722–1794). Некоторые из этих песен пользовались широкой известностью в народе.

[^^^]

«Три царие со дары» — колядка, рассказывавшая о поклонении волхвов младенцу Иисусу.

[^^^]

Талами выйду вдоль Урала... — Талы — песчаные барханы поросшие кустарником. Орская крепость, где было написано стихотворение, расположена на берегу реки Урал.

[^^^]

У Николая очутилась... — Намек на арест Шевченко и ссылку по приговору Николая I.

[^^^]

Солдатов колодець (стр. 388). — Поэма посвящена Якову Герасимовичу *Кухаренко* (1798–1862), наказному атаману (то есть назначенному царем) Черноморского казачьего войска, украинскому писателю.

[^^^]

От царицы пришел указ... — События рассказа о Максиме относятся к временам царствования Екатерины II; ср. ниже упоминание о том, как *«карался господом поляк»* — намек на разделы Польши (1772, 1793, 1795 гг.), как *«Пугач явился на Урале»* — прямое указание на восстание Е. Пугачева и т. д.

[^^^]

...после большой зимы... — «Большой зимой» была прозвана в народе жестокая и продолжительная зима 1787 года (снег лежал в полях до июня месяца).

[^^^]

Вдовиченко в пикинерах... — Пикинерами назывались пехотные или конные полки, вооруженные пиками; после уничтожения Сечи в пикинеры набирались украинские казаки.

[^^^]

«Топор был за дверью у господ бога...» (стр. 397). — В поэме впечатления поэта от похода к берегам Аральского моря сочетаются с какою-то казахской легендой, возможно услышанной во время того же похода. Записи этой легенды до сих пор в печати неизвестны.

[^^^]

Варнак (стр. 399). — Поэма о «варнаке», то есть беглом каторжнике, написана в значительной степени на основании народных воспоминаний о «славном рыцаре» (по характеристике самого Шевченко), борце проще помещиков и царских чиновников Устиме Кармалюке (1787–1835).

[^^^]

Елек — приток реки Урал, между Оренбургом и Уральском.

[^^^]

Воды немало из Иквы [в море) утекло. —
Иква — река на Волыни.

[^^^]

«Ой, гляну да погляжу я...» (стр. 404). — О настроениях, продиктовавших это и следующее стихотворения, убедительно рассказывают письма Шевченко этого времени. Попытки отдельных лиц поддерживать переписку с поэтом неизменно заканчивались строгим внушением III Отделения, после чего переписка прекращалась. Это вызывало неоднократные сетования Шевченко.

[^^^]

[Цари] («Сестрица бога Аполлона...») (стр. 404). — Стихотворение состоит из четырех эпизодов, обрамленных прологом — запевкой (обращение к Музе — «девятой сестре Аполлона») и заключением («Пусть палачи царей карают!»). Сюжеты эпизодов I–III заимствованы из Библии, эпизод IV — из древнерусской летописи.

[^^^]

«Когда есть дом родной, а дома...» (стр. 411). — В июне 1848 года Шевченко был прикомандирован в качестве художника к экспедиции А. И. Бутакова, проводившей изучение Аральского моря. В продолжение полутора лет (до ноября 1849 г.) поэт фактически был оторван от мира: отъезд из О рекой крепости оборвал наладившиеся было потаенные связи ссыльного и поднадзорного солдата с внешним миром.

[^^^]

Пришли в Дарью... — то есть в устье реки Сыр-Дарьи, где, на острове Кос-Арал, была подготовлена база экспедиции.

[^^^]

С Ватаги письма принесли... — из рыбачьего поселка неподалеку от лагеря экспедиции.

[^^^]

А мы с коллегою легли... — Коллега — геолог экспедиции, ссыльный поляк Томаш (Фома) Вернер.

[^^^]

Дочка ктитора (стр. 411). — В основе поэмы лежат несколько фольклорных мотивов. *Ктитор* — церковный староста.

[^^^]

Когда борцы везде ходили... — Имеется в виду старинный народный обычай на Украине: парубки ходили в соседние села меряться силой, бороться.

[^^^]

П. С. («Я не досажую на злого...») (стр. 419). —
Заглавие стихотворения расшифровывается
обычно как инициалы полтавского помещи-
ка Петра Скоропадского, потомка «дурня с бу-
лавою» (то есть гетмана И. И. Скоропадского).

[^^^]

Г. З. («Нет горше доли, чем в неволе...») (стр. 420). — Г. З. — инициалы Анны (Ганны) Ивановны Закревской, жены пирятинского помещика П. А. Закревского. По свидетельству современников, Шевченко несколько лет был влюблен в Г. Закревскую.

[^^^]

Мать, родная, старая, седая! — Имеется в виду украинская помещица Татьяна Густавовна Вольховская, радушно принимавшая поэта. У Вольховской Шевченко познакомился с Г. Закревской.

[^^^]

«Когда бы встретились мы снова...» (стр. 421). — Можно предполагать, что и это стихотворение навеяно воспоминаниями о Г. За-кревской.

[^^^]

[Марина] («Как гвоздь в груди кровоточащей...») (стр. 422). — Заглавие поэмы утверждено традицией многих изданий.

[^^^]

Как Кирик пьяный... — Точного объяснения этому сравнению до сих пор не найдено. Ив. Франко высказал предположение, что это, «вероятно, был какой-то всем известный пьяница Кирик в каком-то селе, где побывал Шевченко».

[^^^]

[Сычи] («На рожь несжатую в ночи...») (стр. 430). — Стихотворение является единственным опытом Шевченко в жанре политической басни. Возможно, что поводом для ее создания послужили с запозданием дошедшие до поэта известия о крестьянском восстании в Галиции 1846 года.

[^^^]

Мутный Днестр... вынеси на волю! — Через Днестр, в Бессарабию и в причерноморские степи, бежали крепостные крестьяне с Правобережной Украины. На новых местах они могли прикрепляться к помещикам по собственному желанию, выговаривая при этом себе некоторые льготы.

[^^^]

Над никудышным этим морем. — Имеется в виду Аральское море.

[^^^]

Недавно как-то довелось заехать мне на Украину... — Шевченко посетил родное село в сентябре 1843 года, после почти пятнадцатилетнего отсутствия.

[^^^]

Счастье, мама, что ты так рано спать легла
... — Мать поэта, Катерина Шевченко, умерла
20 августа 1823 года, на тридцать втором году
жизни.

[^^^]

«И богата я...» (стр. 440). — В этом стихотворении, так же как и в двух следующих за ним, используются мотивы народной песни.

[^^^]

В «хрещика» играют. — Хрещик — девическая игра; другие ее названия — горелки, горюдуба и др.

[^^^]

Швачка (стр. 445). — Никита *Швачка* — один из гайдамацких предводителей. Народные предания и песни прославляли его как героя и защитника крепостных крестьян. В июле 1768 года его отряд был разгромлен, сам *Швачка* схвачен и сослан в Сибирь; однако и позже повстанцы в разных местах Украины часто принимали его имя. Вслед за народными преданиями, Шевченко допустил в своем стихотворении несколько фактических ошибок. Так, вместо Бышева, местечка под Киевом, он упомянул Быхов, город в Белоруссии, куда гайдамаки не доходили. Он назвал Левченко, одного из гайдамацких «ватажков», действовавшего независимо от *Швачки*, между тем как, очевидно, имел в виду одного из товарищей *Швачки*, Бондаренко. Характерно, что те же ошибки содержатся в двух гайдамацких песнях о Бондаренко, которые Шевченко вписал в свой альбом 1843 года во время странствий по Украине.

Полковника фастовского... — Семена Паляя;
см. выше, прим. к поэме «Чернец».

[^^^]

У Перепяти. — Имеется в виду огромная скифская могила в Васильевском уезде Киевской губернии (Перепетиха).

[^^^]

«Ой, не пьются мед и пиво...» (стр. 446). — В стихотворении используются мотивы любимых поэтом чумацких песен, в частности, песен о смерти чумака в пути.

[^^^]

Козлов — искаженное казаками татарское название города Гезлеф, на месте нынешней Евпатории.

[^^^]

«То пасхальное воскресенье...» (стр. 452). — Стихотворение посвящено казацкой «раде» — сходу для избрания нового гетмана. Материалом поэту послужил некогда прочитанный исторический рассказ о выборе гетманом Павла Бута (Павлюка) вместо Василия Томиленко. Эти малоизвестные имена поэт заменил более популярными в народной памяти именами Лободы (Григория, а не Ивана, как у Шевченко) и Наливайко (которого звали Северином, а не Павлом). Исторически неточно изображена также самая процедура выборов гетмана: в действительности участие в раде принимала не вся масса казаков, а только одни «почтенные запорожцы», то есть преимущественно казацкая старшина.

[^^^]

«В воскресеньце да ранехонько...» (стр. 455). — Стихотворение является свободной вариацией на темы народных песен.

[^^^]

...копали... притыками яму... — то есть деревянными колышками, прикреплявшими ярмо волов к дышлу.

[^^^]

«Протоптала тропочку...» (стр. 456). — В стихотворении используется тема народной песни («Ой, ходила дивчина бережком...»). Характерно желание поэта видеть свою песню положенной на музыку в ряду «малороссийских народных песен».

[^^^]

Чума (стр. 460). — Стихотворение написано под впечатлением страшной холерной эпидемии 1848 года.

[^^^]

«Во граде Вильно достославном...» (стр. 464). — Будучи крепостным помещика Энгельгардта, Шевченко в 1829–1830 годах прожил несколько месяцев в Вильно. Высказывалось предположение, что он мог быть свидетелем эпизода, положенного в основу сюжета поэмы и припомнившегося ему позднее, в ссылке, однако этому противоречит то, что события поэмы относятся к 1832 году, когда Шевченко в Вильно уже не было. Возможно, поэт использовал рассказ, услышанный от кого-нибудь из поляков, своих товарищей по ссылке.

[^^^]

Но трудно мне в поэму втиснуть это слово... — университет. Виленский университет был закрыт правительством 1 мая 1832 года за причастность многих студентов и преподавателей к польскому восстанию 1830–1831 годов. В здании университета, на основе медицинского его факультета, была открыта Медико-хирургическая академия (об этом поэт упоминает ниже: «Тогда в просторный и суровый он превращен был лазарет»).

[^^^]

Пред Острой брамой — башня в Вильно с воротами и часовней, где находилось якобы «чудотворное» изображение богородицы, перед которым прохожие были обязаны обнажать головы.

[^^^]

Закрет — пригород Вильно.

[^^^]

«Заслонило черной тучей...» (стр. 466), — В стихотворении отражены события на Украине 70-х годов XVII века, когда Петр Дорошенко, избранный гетманом (1665 г.), заключил предательский в отношении украинского народа договор с турецким султаном; подвластное гетману население Украины фактически оказалось беззащитным против турецко-татарских набегов. Московское правительство было вынуждено отправить на Украину войско под командованием боярина Григория Ромодановского (1674 г.). В 1676 году Дорошенко был вынужден капитулировать перед объединенными войсками Ромодановского («Ромодана») и избранного гетманом Самойловича (Шевченко называет его «гетманом-поповичем», так как он происходил из поповской семьи).

[^^^]

Ляхи со своим Чарнецким, с поганым Степаном... — Имеется в виду польский военачальник Стефан Чарпецкий (1599–1665). За несколько лет перед рассказанными в стихотворении событиями, в 1664 году, Чарнецкий разорил могилу Хмельницкого в Субботове и сжег его останки; об этом Шевченко упоминает дальше.

[^^^]

Шляхом Ромоданом. — Так называлась большая дорога, соединяющая центр Украины (Полтавщину) с Московским государством; по преданию, дорога была проложена Ромодановским.

[^^^]

Дорошенко угасает... — В действительности Дорошенко был назначен воеводой в Вятку, позднее поселился в пожалованном ему подмосковном имении, где и умер в 1698 году.

[^^^]

Святой Ростовский... — Дмитрий (Туптало), митрополит ростовский, впоследствии объявленный православной церковью «святым».

[^^^]

«*Не домой бредя средь ночи...*» (стр. 468). — Стихотворение обращено к одному из ближайших друзей поэта периода ссылки, Федору Матвеевичу Лазаревскому (1820–1890).

[^^^]

[Сотник] («Под Оглавом...») (стр. 470). — В автографе заглавие отсутствует.

[^^^]

Оглав — село неподалеку от Киева.

[^^^]

Борисполь — село (теперь — город) в 30 км. от Киева, на левом берегу Днепра.

[^^^]

*А сына... он отослал учиться, в Киев... — то
есть в Киевскую Академию.*

[^^^]

Да еще и богословом. — Богословским назывался старший курс академии.

[^^^]

Уже к Дстойно отзвонили... — Молитвою «Дстойно есть» заканчивалось утреннее богослужение.

[^^^]

«Мы вместе некогда росли...» (стр. 498). — См. прим. к поэме «Марьяна-черница» (см. коммент. 98 — верстальщик).

[^^^]

«Готово! Парус распустил и...» (стр. 499). — Стихотворение отражает события и настроения последних дней Аральской экспедиции. Для Шевченко полуторогодичное пребывание на Аральском море было связано с тягостными воспоминаниями о многих моральных и физических страданиях и лишениях. Перенесенные болезни (цинга, ревматизм) подкосили железное здоровье поэта и явились основной причиной его преждевременной смерти.

[^^^]

Баркас с байдарой заскользили... — Так Шевченко называл суда, находившиеся в распоряжении экспедиции: шхуны «Константин» и «Николай». Кроме того, экспедиции было придано еще судно «Михаил», принадлежавшее местным рыбопромышленникам.

[^^^]

Прощай же, Кос-Арал убогий! — Экспедиция покинула Кос-Арал 10 октября 1849 года.

[^^^]

Сам себя хвали, что люди и тебя нашли... —
Поэт имеет в виду значительные научные
успехи экспедиции Бутакова.

[^^^]

«Запели мы и разошлись...» (стр. 504). — Возможно, что стихотворение отражает настроения дружеских вечеров в Оренбурге, где поэт жил вне казармы, на частной квартире, ходил в гражданском платье, свободно навещал знакомых.

[^^^]

«Мне кажется я, — но сам не знаю...» (стр. 513). — Стихотворение навеяно чтением произведений М. Ю. Лермонтова («Дума», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Пророк»). Вторую часть стихотворения следует рассматривать как послание к Ф. М. Лазаревскому.

[^^^]

То вы б элегий не писали... — Возможно, что Шевченко здесь оговорился, и, вместо «элегий», следует читать «идиллий». Подобное предположение подсказывают строки стихотворения, упоминающие именно об идиллическом изображении крепостного украинского села и крепостнических отношений в художественной литературе 30-50-х годов.

[^^^]

Покуда Третий Сигизмунд в союзе с лютыми ксендзами нас не поссорили... — польский король Сигизмунд III в 1587–1632 годах, жестокий фанатик, настойчиво стремившийся подчинить украинское крестьянство католическому духовенству и польской шляхте.

[^^^]

«Какого дьявола я трачу...» (стр. 522). — После возвращения из Аральской экспедиции в Оренбург Шевченко надеялся, что в награду за его самоотверженную работу как художника экспедиции последует отмена тяготевшего над ним запрещения писать и рисовать. В Петербург было отправлено специальное ходатайство от имени старшего оренбургского начальства. Однако Дубельт уведомил командира Оренбургского корпуса, что III Отделение считает невозможным просить царя о смягчении участи Шевченко.

[^^^]

«*Все снится мне: вот под горою...*» (стр. 523). — Этим стихотворением заканчивается (точнее сказать, обрывается) поэтическое творчество Шевченко в ссылке. На поэта был подан донос — с обвинением в нарушении им своего положения ссыльного солдата. Предупрежденный о доносе, поэт сжег большую часть бумаг, писем, рисунков, которые могли бы скомпрометировать его и его друзей. Одновременно он передал на сохранение друзьям тетрадки со своими стихами и на семь лет прекратил поэтическую деятельность.

[^^^]

«Опять настало время злое!..» (стр. 523). — Опубликовавший это стихотворение (по черновому наброску, впоследствии утраченному) М. П. Драгоманов отметил, что «трудно определить время, когда оно было написано», и предположительно отнес его к 1853–1855 годам, видя в нем отражение событий, связанных с Крымской войной. С большим правом, однако, можно увидеть в стихотворении отклики на революционные события 1848 года и на европейскую контрреволюцию 1849 года. Набросок не получил окончательного оформления из-за ареста поэта и последовавшего его перевода в Новопетровское укрепление.

[^^^]

Солдатов колодец (стр. 524). — Поэма была первым произведением Шевченко на украинском языке, написанным вскоре по получении известия о предстоящем его освобождении из «тюрьмы не замкнутой».

[^^^]

Неофиты (стр. 535). — В поэме о «Неофитах», «первых христианах» и их жестоких гонителях, римских цезарях, Шевченко использовал события древней истории для зашифрованного рассказа о расправе николаевского самодержавия с «первыми поборниками свободы», декабристами и другими представителями политического свободомыслия.

[^^^]

Тот назарей — Иисус Христос, родители которого, согласно Евангелию, были родом из Назарета, города в Галилее. В следующих строках пересказываются, по Евангелию, События жизни Иисуса Христа.

[^^^]

Деций-царь или Нерон — злой государь? —
Имеются в виду римские императоры Деций
и Нерон, жестокие преследователи христиан-
ства.

[^^^]

Гименей — греческий бог, покровитель брака.

[^^^]

Гинекей — женская половина дома в Древней Греции и Риме.

[^^^]

Пенаты — в религии Древнего Рима — бо-
ги-хранители домашнего очага.

[^^^]

Капитолий — центр религиозного культа в Древнем Риме.

[^^^]

Фарисеи — секта в Иудее, считавшая себя наиболее авторитетной и строгой хранительницей религиозных традиций.

[^^^]

Над самым Аппиевым трактом... — Аппиева дорога — одна из главнейших дорог, ведущих в Рим.

[^^^]

Приап — в греко-римской мифологии бог плодородия и сладострастия.

[^^^]

И в термах оргия. — В термах — общественных зданиях Древнего Рима — теплые бани сочетались с помещениями для гимнастических занятий, а также для бесед, пиршеств и т. п.

[^^^]

Киприда — один из эпитетов Афродиты-Венеры, связанный с посвященным ей на о-ве Кипр святилищем.

[^^^]

Сиракузы — город на о-ве Сицилия, один из наиболее оживленных центров греко-римской торговли.

[^^^]

Медуза — в греческой мифологии чудовище с телом женщины, со змеями вместо волос, способное взглядом обращать в камень все живое.

[^^^]

Преторианцы — гвардия римских императоров.

[^^^]

Ликторы — почетная стража консулов и императоров в Древнем Риме.

[^^^]

Колизей — громадный цирк, выстроенный в Риме в первые века н. э.; вмещал до восьмидесяти тысяч зрителей.

[^^^]

Аллилуйя — «Хвалите господа» (*древнееврейск.*) — молитвенный возглас, перешедший из еврейского также в христианское богослужение.

[^^^]

Юродивый (стр. 551). — Отрывок является началом незаконченного замысла большой «эпопеи», который поэт записал в своем «Дневнике». Судя по сохранившемуся отрывку, эпопея должна была включить в себя художественно обобщенную историю политических протестов против самодержавия, начиная с декабристов. Незаконченность отрывка можно объяснить желанием поэта расширить круг своих наблюдений и сведений в этой области.

[^^^]

Во дни фельдфебеля-царя... — Николая I; он же дальше именуется «бывый фельдфебель наш Сарданапал» — по имени мифического ассирийского царя, который, когда мидяне напали на его страну, сжег себя вместе со своими приближенными, невольницами и всеми сокровищами, вместо того чтобы вступить с напавшими в открытую борьбу. Сравнение подсказано слухами о самоубийстве Николая I в результате военных неудач Крымской войны. Фельдфебелем Николая неоднократно называл Герцен.

[^^^]

Капрал Гаврилович Безрукий... — киевский генерал-губернатор Дмитрий Гаврилович Бибииков (1792–1870); в Бородинском сражении он потерял руку. «Капральство» Бибиикова подчеркивал также Герцен.

[^^^]

Унтер пьяный Долгорукий... — харьковский генерал-губернатор Н. А. Долгоруков, запомнившийся современникам своим обжорством, пьянством и растратой громадных казенных сумм, которая раскрылась после его смерти.

[^^^]

*...с ефрейтором своим, отменно шустрым и
лихим... — правителем канцелярии Бибикова
Н. Э. Писаревым.*

[^^^]

«Благосклонны пребывали...» — обычная формула царской подписи на так называемых «рескриптах», то есть официальных письмах царя.

[^^^]

С вором, может быть, в Версале... — Имеется в виду Наполеон III, который возглавил государственный переворот 2 декабря 1857 года и объявил себя «императором французов»

[^^^]

...с *Николаем, в Крыму...* — то есть во время Крымской войны 1853–1855 годов.

[^^^]

Марко Вовчок — литературный псевдоним Марии Александровны Маркович (1834–1907), русско-украинской писательницы-демократки. Дата посвящения — 24 января 1859 г., — очевидно, определяет дату личного знакомства поэта с М. А. Маркович. Ее произведения он читал раньше и высоко оценил их.

[^^^]

Исаия — библейский пророк; приписываемые ему пророчества составили одну из книг Ветхого завета. Обращаясь к материалу Библии, Шевченко рассчитывал в переложении библейского пророчества высказать собственные положительные взгляды на будущность человечества, освобожденного от уз угнетения и рабства.

[^^^]

N. N. («Как ты, лилеею такую ж...») (стр. 560). — По свидетельству современников, стихотворение обращено к некоей Крупицкой, которую поэт увидел на студенческом вечере в Медико-хирургической академии.

[^^^]

Федор Иванович Черненко — инженер, близкий знакомый Шевченко еще с 40-х годов. После возвращения из ссылки поэт неоднократно посещал у него еженедельные собрания так называемой петербургской «громады» (украинского землячества). Дата стихотворения обозначает день посещения поэтом Черненко после возвращения из поездки на Украину.

[^^^]

Сестре (стр. 561). — Стихотворение обращено к сестре поэта, Ирине Григорьевне Бойко. После многих лет разлуки поэт увиделся с нею во время своей поездки на Украину, летом 1859 года.

[^^^]

«Я, глупый, размышлял порою...» (стр. 562). — Стихотворение написано во время кратковременного ареста поэта в Черкассах по доносу о его «богохульстве» и революционной пропаганде среди крестьян. Арест закончился относительно благополучно: местные власти поспешили отправить Шевченко в Петербург.

[^^^]

«Во Иудее, во дни оны...» (стр. 562). — Стихотворение связано с замыслом поэмы «Мария» (см. ниже) и, по-видимому, является одним из подготовительных к ней этюдов. Поэма была задумана как политическая сатира на Александра II и его окружение. Отойдя позднее от этого замысла, поэт сохранил первоначальный набросок как самостоятельный фрагмент.

[^^^]

Мария (стр. 564). — Написанная на евангельский сюжет, поэма Шевченко лишает рассказ о рождении Иисуса Христа религиозно-мистического колорита и дополняет галерею образов девушек-«покрыток», начатую поэмой «Катерина». Реалистическое раскрытие евангельского повествования в продолжение многих лет вызывало и продолжает вызывать неистовую ненависть реакционно-поповских кругов.

[^^^]

Антоний *Сова* — псевдоним польского поэта Эдварда Шелиговского (1816–1864). За участие в тайном польском обществе, за свои литературные выступления он был в 1851 году сослан в Петрозаводск, а оттуда в Оренбург и Уфу. В Оренбурге, через общих друзей, заочно познакомился с Шевченко и даже хотел издать перевод его произведений на польский язык. В 1857 году был возвращен из ссылки и поселился в Петербурге; здесь состоялось его личное знакомство с Шевченко.

Образцом для «Подражания» послужило стихотворение польского поэта Яна Чечота (1797–1847), товарища Мицкевича, проведенного более десяти лет в оренбургской ссылке.

[^^^]

Иезекииль — в Библии один из знатных иудейских мужей, которых вавилонский царь Навуходоносор увел с собою в плен. В своих пророчествах Иезекииль предрекал грядущие беды израильскому народу как кару за деяния неправедных царей и вельмож. В шевченковском подражании особенно подчеркивался мотив справедливости возмездия (революции).

[^^^]

Осия — легендарный библейский пророк; приписываемые ему пророчества о наказаниях израильтян за беззакония составили особую книгу Библии.

[^^^]

«*Ой ты, темная дуброва!..*» (стр. 587). — Стихотворение является переделкой еще одного стихотворения Яна Чечота из того же сборника, что и стихотворение «Подражание Эдуарду Сове». Чечот, в свою очередь, переложил западно-украинскую народную песню.

[^^^]

Подражание сербскому (стр. 588). — Стихотворение подсказано знакомством Шевченко (при посредстве поэта Н. Ф. Щербины) с рядом песен из сборника сербских народных песен Вука Караджича.

[^^^]

Молитва (стр. 588). — Три «молитвы», написанные на протяжении недели, являются, собственно, вариациями на одну тему — о бесспорном праве трудового народа на все земные блага, несправедливо присвоенные сильными мира. Последнее стихотворение является свободным переложением стихотворения В. С. Курочкина «Для великих земли...».

[^^^]

Нума Помпилий — легендарный римский царь; с его именем связывалось установление «справедливых» законов, упорядочение религиозных обрядов и т. д. Под Нумою Помпилием Шевченко подразумевал Александра II.

[^^^]

Плач Ярославны (стр. 591). — Переведенные Шевченко отрывки из «Слова о полку Игореве», частично оставшиеся в черновых набросках, свидетельствуют о давнем (еще с 1854 г.) творческом замысле поэта.

[^^^]

«С рассвета и до вечера...» (стр. 593). — Стихотворение является переводом еще одного отрывка из «Слова о полку Игореве».

[^^^]

«Умре муж велий в власянице...» (стр. 594). — Стихотворение написано в связи со смертью митрополита петербургского Григория, о мракобесии которого сохранилось множество рассказов.

[^^^]

Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813–1879) — издатель реакционного журнала «Домашняя беседа».

[^^^]

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — публицист, философ и поэт, воинствующий славянофил и православный мистик.

[^^^]

«Русская беседа» — славянофильский журнал, выходящий в Москве в 1856–1860 годах.

[^^^]

Гимн черниц (стр. 594). — Стихотворение, возможно, связано с предыдущим и подсказано какими-то не раскрытыми до сих пор впечатлениями поэта от похорон митрополита Григория. Возможно, однако, и более широкое толкование сатирической направленности стихотворения — как протеста против церковной ханжеской морали вообще.

[^^^]

С багряницы драть онучи... — Перифраз восходящего к народной песне эпиграфа к главе «Гайдамаков» — «Гонта в Умани»:

*Хвалилися гайдамаки,
На Умань ідучи:
«Будем драти, пане-брате,
З китайки онучі».*

[^^^]

Ликерии (стр. 596). — *Гликерия* (Ликера) Полусмакова (1840–1917) — крепостная девушка, служанка знакомых Шевченко, Макаровых. К ней летом 1860 года посватался поэт, вызвав сильное возмущение многих своих знакомых и «доброжелателей», которые приложили много усилий, чтобы расстроить сватовство и уже назначенную было свадьбу. Свадьба в конце концов действительно не состоялась, — по не вполне до сих пор ясным причинам.

[^^^]

Макаров Николай Яковлевич (1828–1892) — украинский помещик. В 50-60-х годах был близок к литературным кругам.

[^^^]

Л. («Поставлю хату — не палаты...») (стр. 598). — Стихотворение написано под свежим впечатлением от разрыва с невестой, инициал имени которой выставлен в заголовке.

[^^^]

Саул (стр. 599). — Довольно близко пересказывая фактическую основу библейского сказания о первом израильском царе Сауле, Шевченко явно имел в виду Николая I.

[^^^]

Титаривна — дочь ктитора, церковного старосты.

[^^^]

«Хотя лежащего не бьют...» (стр. 603). — 20 октября 1860 года умерла «вдовствующая императрица» Александра Федоровна, вдова Николая I. Карикатурно-сатирическое ее изображение в поэме «Сон» послужило одним из основных поводов для жестокой расправы с поэтом (см. прим. к поэме «Сон»). После смерти Николая, по настоянию императрицы, Шевченко был исключен новым царем из списков подлежащих амнистии «политических преступников». Шевченко хорошо знал репутацию Александры Федоровны как «палача в юбке»: об этом довольно широко говорилось в демократическом лагере русской общественности.

[^^^]

«О люди, вам ли жить во мраке?...» (стр. 604). — Стихотворение написано в связи с похоронами императрицы Александры Федоровны (см. выше, прим. к стих. «Хотя лежачего не бьют...»). Она считалась покровительницей приютов и воспитательных домов, — отсюда ироническое упоминание о «матери» «ненакормленных и голых сироток».

[^^^]

То фонари горят возле апостольского храма...
— то есть у ворот Петропавловской крепости,
неподалеку от собора.

[^^^]

«Сраженья были, распри — все бывало...» (стр. 607). — Галаганы, и Кисели, и Кочубеи-Ногаи. — Шевченко перечисляет фамилии украинских помещиков, земельных магнатов, огромные богатства которых были созданы жестоким угнетением крестьян на протяжении многих десятилетий. А их потомки, в конце 50 — начале 60-х годов, выступали как активные деятели крестьянской «реформы», охраняя при этом интересы своего класса. Род Кочубеев генеалогия выводила из Золотой орды; поэтому Шевченко называет их «Ногаями», то есть потомками ногайских татар.

[^^^]

Н. Т. («Великомученица-дева!..») (стр. 608). — Стихотворение обращено к Н. В. Тарновской, сестре богатого черниговского помещика и буржуазного общественного деятеля В. В. Тарновского. Поэт с Н. В. Тарновской «покумились» — крестили ребенка у дьяка. Шевченко всегда потом ее называл «дорогой кумасей».

[^^^]

Заглянем... в пирамиду... — в Петропавловский собор, где были погребены российские императоры, начиная с Петра I.

[^^^]

Рванул Бортнянского — Имеется в виду один из духовных концертов композитора Дмитрия Степановича Бортнянского (1751–1825).

И. Айзеншток

[^^^]

Примечания

Не разрешаю!^{49} (*польск.*).

[^^^]

Слышишь ты (*евр.*).

[^^^]

3

«Мы живем, мы живем, Польша не погибла»
(польск.).

[^^^]

4

Скиталец, бездомный (укр.).

[^^^]

5

Написана на русском языке.

[^^^]

6

Поэма написана на русском языке.

[^^^]

Помещик (укр.).

[^^^]

Шла впереди (укр.).

[^^^]

Платком (укр.).

[^^^]

По течению (*укр.*).

[^^^]

Поэма написана на русском языке.

[^^^]

Как цветок, процветший на их болоте. (Прим.
Т. Шевченко.).

[^^^]

13

Тебя, господи^{138} [хвалим] (*лат.*).

[^^^]

Казака Яременко гумно на том месте, где стояли Богдановы палаты. *(Прим. Т. Шевченко.)*

[^^^]

Звонковой называлась криница недалеко от [Межигорского] монастыря. (*Прим. Т. Шевченко.*)

[^^^]

Аральское море. (Прим. Т. Шевченко.)

[^^^]

Небольшая река. (Прим. Т. Шевченко.)

[^^^]

Одно дерево. (Прим. Т. Шевченко.)

[^^^]

В оригинале пропущено.

[^^^]

Неоконченная строка в подлиннике.

[^^^]

Оренбургской губернии. (Прим. Т. Шевченко.)

[^^^]

В оригинале строка не окончена.

[^^^]

Любск — замок над Вилией. (Прим. Т. Шевченко.)

[^^^]

Село около Москвы. (Прим. Т. Шевченко.)

[^^^]

Далее в рукописи вычеркнуты полторы строки.

[^^^]

Морок — скифский Плутон. (Прим. Т. Шевченко.)

[^^^]

«Эпилогом» «Подземелья» А. И. Белецкий считал стихотворение «Стоит в селе Субботове...».

[^^^]